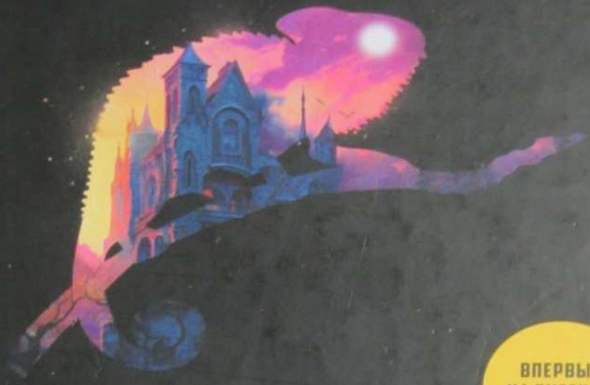
БЛИОТЕКА ЛАВКРАФТА



ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Джозеф Шеридан Ле Фаню

Тайна поместья Уиверн

СЕМЕЙНЫЙ ГОТИЧЕСКИЙ РОМАН ОТ МЭТРА «СТРАШНОЙ ПРОЗЫ»

Тайна поместья Уиверн
Джозеф Шеридан Ле Фаню

Аннотация
Ле Фаню Джозеф Шеридан. Тайна поместья Уиверн
ПРИЗРАКИ ШЕРИДАНА ЛЕ ФАНЮ
Глава I. ЭЛИС МЭЙБЕЛЛ
Глава II. ДОЛИНА КАРВЕЛЛ
Глава III. УСАДЬБА
Глава IV. СТАРЫЙ СКВАЙР И ЭЛИС МЭЙБЕЛЛ
Глава V. ТЕРРАСНЫЙ САД
Глава VI. ПОСЛЕДНИЙ СТАКАНЧИК НА НОЧЬ
Глава VII. СТАРШИЙ СЫН СКВАЙРА
Глава VIII. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РАЗГОВОР С ОТЦОМ
Глава IX,. В КОТОРОЙ СКВАЙР РОНЯЕТ СВОЮ ТРОСТЬ С ЗОЛОТЫМ НАБАЛДАШНИКОМ
Глава X. В ЛУННОМ СВЕТЕ НА ВЫГОНЕ КРЕССЛИ
Глава XI. МЕЧТЫ О РАЕ
Глава XII. ЗНАМЕНИЕ
Глава XIII. ПРОГУЛКА ПО САДУ
Глава XIV. ПИСЬМО
Глава XV. ПРИЕЗД ГАРРИ
Глава XVI. ДУРНЫЕ ПРЕДЧУВСТВИЯ

Глава XVII. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ
Глава XVIII. ПРОГУЛКА БРАТЬЕВ
Глава XIX. ВОЗВРАЩЕНИЕ
Глава XX. ГАРРИ СНОВА ПОЯВЛЯЕТСЯ В УСАДЬБЕ
Глава XXI. БРАТЬЯ НА ГРАНИ ССОРЫ
Глава XXII. У РУЧЬЯ
Глава XXIII. ГОСТЬЯ
Глава XXIV. ПИСЬМО
Глава XXV. ЛИЛЛИ ДОГГЕР ОТПРАВЛЯЮТ СПАТЬ
Глава XXVI. ЧАЕПИТИЕ В ПОТЕМКАХ
Глава XXVII. В КОМНАТЕ
Глава XXVIII. ЗВОН КОЛОКОЛЬЧИКА
Глава XXIX. ПОРУЧЕНИЕ ПИТЕРУ
Глава XXX. СТАРЫЙ СОЛДАТ СТАНОВИТСЯ ДОБРОДУШНЕЕ И ПУГАЕТ МИССИС ТАНЛИ
Глава XXXI. НОВОСТИ С ВЫГОНА КРЕССЛИ
Глава XXXII. НЕОЖИДАННОЕ ПОЯВЛЕНИЕ
Глава XXXIII. ЧАРЛЬЗ ФЭРФИЛД НАБРАСЫВАЕТ ПЛАН
Глава XXXIV. СПЯЩИЕ В СТАРОМ ДОМЕ
Глава XXXV. БЛУЖДАНИЯ В ТЕМНОТЕ
Глава XXXVI. СКВОЗЬ СТЕНУ
Глава XXXVII. ЛИЛЛИ ДОГГЕР ДАЮТ ЗАДАНИЕ
Глава XXXVIII. БЕЗРАССУДНАЯ БЕРТА
Глава XXXIX. НЕПРИЯТНОЕ ИЗВЕСТИЕ
Глава XL. РАЗГОВОР

Глава XLI. СВЕТ — СУМЕРКИ — ТЬМА
Глава XLII. В ХАТЕРТОНЕ
Глава XLIII. ВСТРЕЧА
Глава XLIV. ДОКТОР ИЗ УАЙКФОРДА
Глава XLV. РЕЧЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ
Глава XLVI. ГАРРИ ВЫПИВАЕТ СТАКАН, ГАРРИ ПРОЛИВАЕТ СТАКАН
Глава XLVII. ПОХОРОНЫ В УИВЕРНЕ
Глава XLVIII. ВИЗИТ В СУМЕРКАХ
Глава XLIX. НАСЛЕДНИК
Глава L. РАЗГОВОР С БЕРТОЙ ВЕЛЬДЕКАУСТ
Глава LI. СТАРШИНА АРЧДЕЙЛ
Глава LII. СКВАЙР ЗОВЕТ К СЕБЕ
Глава LIII. ГАРРИ ФЭРФИЛД ВОЛНУЕТСЯ
Глава LIV. ПОЕЗДКА В ТВАЙФОРД
Глава LV. КАК ПОЖИВАЕТ РЕБЕНОК?
Глава LVI. СТАРЫЙ СКВАЙР ПОКИДАЕТ УИВЕРН
Глава LVII. МАРДЖОРИ ТРЕВЕЛЬЯН
Глава LVIII. ЗАЧАРОВАННЫЙ САД
Глава LIX. СТАРЫЙ ДРУГ
Глава LX. ТОМ ОРАНЖ
Глава LXI. ПОЯВЛЕНИЕ СТАРШИНЫ АРЧДЕЙЛА
Глава LXII. ПУТЬ НА ФЕРМУ НОУЛТОН
Глава LXIII. ПРОЩАНИЕ
Глава LXIV. НОЧНОЙ ПОХОД
Эпилог

Аннотация

Впервые на русском языке — классический роман известного ирландского мастера готической прозы Джозефа Шеридана Ле Фаню «Тайна поместья Уиверн». Это история упадка и возрождения мелкодворянской семьи, которой необходимо преодолеть взаимное непонимание и вынужденную бедность, а также разобраться с довлеющим прошлым. Борьба героев за собственное счастье и коварные интриги завистников, полная тягот повседневная жизнь и вмешательство в нее почти что сверхъестественных сил, искренность и двуличность — вот антитезы, сталкивающиеся на страницах произведений выдающегося литератора, высоко ценимого М. Р. Джеймсом, Э.Ф. Бенсоном и самим Г.Ф. Лавкрафтом.

Ле Фаню Джозеф Шеридан
Тайна поместья Уиверн

Joseph Sheridan Le Fanu
The Wyvern Mystery

ПРИЗРАКИ ШЕРИДАНА ЛЕ ФАНЮ

Джозеф Томас Шеридан Ле Фаню (1814–1873), также публиковавшийся под псевдонимами Шарль де Крессерон и преподобный Френсис Перселл, родился в Ирландии, в Дублине, где, кажется, сама атмосфера располагает писать мрачные готические романы. Он вырос в литературной семье и был вторым из трех детей. Его бабушка Алисия Шеридан Ле Фаню была драматургом, двоюродный дед Ричард Бринсли Шеридан — поэтом, драматургом и политическим деятелем; его самым знаменитым произведением считается пьеса «Школа злословия». Отец Джозефа служил капелланом в Ирландской королевской военной школе, а затем ректором в учебном заведении на юге Ирландии. У детей был наставник, но, по словам Ле Фаню, он мало чему их научил, поэтому маленький Джозеф проводил много времени в отцовской библиотеке, самостоятельно познавая мир по книгам и сочиняя первые стихи. Впоследствии во многих произведениях Ле Фаню будет прослеживаться образ парка Феникс, деревни и приходской церкви, где он провел свое детство.

В 30-х годах XIX века Ле Фаню обучается на юридическом факультете Тринити-колледжа в Дублине и даже получает пост аудитора колледжа, но карьере адвоката он предпочитает журналистику и писательство. Его первая «страшная» история, «Призрак и костоправ», была опубликована в 1838 году в журнале Дублинского университета.

Между 1838 и 1840 годами Ле Фаню написал и опубликовал двенадцать рассказов, которые выдал за сочинения католического священника XVIII века по имени отец Перселл. Их действие происходит в основном в Ирландии. Это классические готические истории, в которых присутствуют мрачные замки, сверхъестественные явления, могилы, безумия и самоубийства.

Многие из рассказов, которые он сочинил в ту пору, легли в основу его будущих романов. Действительно, на протяжении всей своей карьеры Ле Фаню постоянно пересматривал, дополнял, украшал и переиздавал свои ранние тексты, чтобы использовать их в своих последующих работах. В 1839 году писатель купил три дублинских периодических издания и объединил их в *Evening Mail,* консервативную газету, в котором появились многие из его ранних произведений. В этот период он опубликовал два исторических

романа: «Петух и якорь» (1845) и «Судьбы полковника Торлога О'Брайена» (1847), а также свой первый сборник рассказов «Истории о тайнах и привидениях» (1851). Эти ранние работы остались практически незамеченными как критиками, так и читающей публикой.

В 1843 году Ле Фаню женится на Сюзанне Беннетт, дочери известного дублинского адвоката, и в этом браке рождаются четверо детей: Элеонора (1845), Эмма (1846), Томас (1847) и Джордж (1854).

К сожалению, семейная жизнь Ле Фаню не ладится: Сюзанна страдает неврозами и испытывает кризис веры; она становится прихожанкой ближайшей церкви и обсуждает религиозные вопросы с младшим братом Джозефа, Уильямом, так как сам Джозеф перестает посещать церковь. Причины его отказа от Бога нам неизвестны, и сложно предположить, что больше повлияло на его решение — религиозное воспитание, привитое отцом-капелланом, или нездоровье жены. Сюзанна сильно переживает смерть нескольких близких родственников, в том числе и отца, что негативно сказывается на ее психике и вызывает семейные конфликты.

В апреле 1858 года Сюзанна умирает после очередного нервного срыва. Ходили слухи, согласно

которым она видела призрак своего недавно умершего отца, который сказал ей, что в семейном склепе на горе Джером ее ждет брат Эйс. Обстоятельства ее смерти так и остались невыясненными. Она была похоронена в семейном склепе Беннетов вместе с отцом и братьями. По некоторым отрывкам из дневников Ле Фаню можно судить, что он обвинял себя в смерти жены, страдал депрессией и долгое время не занимался литературой. Но вскоре его настигло очередное несчастье: в 1861 году умирает его мать.

Страдания заставили его отдалиться от своих товарищей, которые называли его Невидимым Принцем. Муки, глубокое чувство вины и невыносимой утраты отразились в работах Ле Фаню. Работая лишь при свете двух свечей, он писал по ночам и создавал себе репутацию крупного автора «сверхъестественных историй». За несколько лет Ле Фаню написал четыре наиболее известных романа: «Дом у погоста» (1863), «Рука Уайлдера» (1864), «Дядя Сайлас» (1864) и «Гай Деверелл» (1865). Кроме того, в 1859 году он стал редактором журнала Дублинского университета, а в 1861 году — его владельцем: на страницах этого издания он и публикует некоторые свои романы.

В конце жизни он редко выходил в город, став

почти затворником. Как говорили, толи вследствие активной работы, то ли в результате стресса от потери жены и матери, Ле Фаню страдал повторяющимся кошмаром: ему грезилось, как на него обрушивается его разрушающийся дом. После смерти писателя его врач якобы сказал: «Я этого боялся… дом рухнул». Однако согласно записке, которую дочь писателя Эмма отправила его кузену, он ушел мирно, с красивой улыбкой на лице, не сумев оправиться от бронхита, 7 февраля 1873 года.

При жизни он был умеренно известным писателем, но после смерти его произведения практически не издавались до 1923 года, когда ученый и автор рассказов о привидениях М.Р. Джеймс написал вступительную статью к сборнику рассказов Ле Фаню «Призрак мадам Кроул и другие загадочные истории».

Писателя до сих пор помнят на родине: в его родном районе Дублина, Баллифермоте, есть парк, названный в честь писателя — Парк Ле Фаню. Дорога Ле Фаню, расположенная в этом районе, также отдает дань уважения автору.

Ле Фаню считается одним из первых авторов, представляющих «литературу ужасов», хотя сам он говорил своему издателю Джорджу Бент-

ли, что в своих произведениях он борется «за равновесие между естественным и сверхъестественным, за объяснение сверхъестественных явлений на основании естественных теорий», что пишет о «людях, которым предоставлен выбор в том, какое решение им хочется принять…» Иными словами, Джозефа Шеридана Ле Фаню скорее можно назвать представителем жанра готического романа, для которого характерны романтизм, эстетизированный ужас, таинственные приключения, семейные проклятья, привидения, элементы сверхъестественного, загадочные болезни, неупокоенные души и странные предначертания. Готическая литература — одно из начал современных жанров: хоррора, мистики, детектива, фэнтези и фантастики; именно здесь впервые появляются традиционные образы и клише, такие как вампиры.

Критики хвалили и хвалят рассказы и романы Ле Фаню за интересные и подробные описания условий жизни героев, мощные образы пробуждения дурных предчувствий и страха, а также за убедительное использование элементов «сверхъестественного». Его произведения также вызывают восхищение проницательными характеристиками персонажей и умелым

использованием повествовательной техники. Замечено, что тонкое исследование Ле Фаню внутренней жизни своих героев отличает его произведения от книг более ранних готических писателей.

Одним из самых известных произведений Джозефа Ле Фаню является «Кармилла» (1872). Лора, главная героиня повести, живет в роскошном замке в Австрии с отцом, отставным военным. Их уединенную жизнь прерывает внезапное появление молодой девушки Кармиллы, после которого Лору поражает внезапная болезнь.

«Кармилла» вдохновила Брэма Стокера на написание знаменитого «Дракулы», в сюжетах произведений можно найти немало параллелей, да и описание некоторых персонажей во многом совпадает. «Кармилла» была адаптирована для кино и телевидения множество раз.

Также крупнейший мастер «рассказов о привидениях» М.Р. Джеймс (1862–1936) и великий «магический реалист» Хулио Кортасар (1914–1984) высоко оценивали творчество Ле Фаню.

Сейчас вы держите в руках первый перевод на русский язык романа Джозефа Ле Фаню «Тайна поместья Уиверн» (1869). Хотя в Великобритании произведение считается классическим, в России

о нем слышали немногие.

Сирота Элис воспитывается в состоятельной семье землевладельца Фэрфилда. Повзрослев, она становится объектом страсти своего престарелого опекуна, но бежит из дома с его старшим сыном Чарльзом, за которого выходит замуж. Они находят приют в старом поместье матери Чарльза в сельской Англии, но то, что похоже на счастливый конец, на деле является лишь завязкой пугающего и напряженного триллера. Название поместья отсылает к древнему мифу, в котором двулапый дракон-виверн оказывается поистине грозным существом. Мрачные намеки на сверхъестественное пронизывают это классическое произведение, действие которого разворачивается преимущественно в мрачном особняке: здесь молодой жене угрожают не только семейные тайны прошлого, но и зловещие махинации настоящего.

Данный роман едва ли можно назвать мистическим или «страшным» в современном понимании, но некоторые его события могут быть интерпретированы и как вторжение потустороннего мира, и как проявления психических недугов — тут решать только читателю. Одно мы можем сказать точно: вся жизнь автора нашла

отражение в «поместье Уиверн». Читатель найдет здесь суровый бытовой реализм, проблемы отцов и детей, вопросы веры, доверия и прощения. Автор подводит нас к выводу, что нет ничего страшнее реальной жизни.

Но не стоит заранее разочаровываться, совсем без жути автор нас не оставит. Старый ветхий дом, прошлое которого полно тайн, и секреты мужа, от которого едва спасается Элис, почти сводят ее с ума. В наличии все признаки готического романа.

В 2000 году «Тайна поместья Уиверн» была экранизирована кинокомпанией *BBC*. В главных ролях задействованы известные актеры: Наоми Уоттс, Иэн Глени, Джек Девенпорт и Дерек Джекоби. Судя по реакции зрителей, мрачная атмосфера фильма соответствует мрачности первоисточника: «картинка» получилась качественной — без изысков, но и без изъянов. Сценаристом выступил Дэвид Пири, ранее адаптировавший для телевидения «Женщину в белом» (1997) Уилки Коллинза, с которым так часто сравнивали Ле Фаню.

Как переводчик могу сказать, что над книгами Шеридана Ле Фаню всегда интересно работать. Его истории развиваются неспешно, атмосфера

нагнетается постепенно, и когда кажется, что случится непоправимое, оказывается, что… Впрочем, всегда по-разному. Или: герои только-только нашли свое счастье, как вдруг… Но и тут с Ле Фаню не угадаешь. Его произведения страшны реализмом и художественной правдой, и элемент «сверхъестественного» лишь подчеркивает это.

Предлагаю вам перейти к чтению и составить собственное впечатление об этой удивительной книге.

Екатерина Абросимова,
переводчик романа «Тайна поместья Уиверн»

Глава I
ЭЛИС МЭЙБЕЛЛ

В небольшой столовой Оултона юная красавица в накидке, отороченной мехом, мисс Элис Мэйбелл, которую ждало путешествие длиною в сорок миль в Уиверн, встала, чтобы обнять и поцеловать свою тетушку на прощание.

— Не спеши, дорогая, у тебя есть еще по крайней мере десять минут, — сказала пожилая леди.

— Если я не приеду домой до заката, тетушка, мистер Фэрфилд разозлится, — ответила Элис, положив руки на плечи леди Уиндейл и взглянув на нее с нежностью.

— Который мистер Фэрфилд, позволь спросить, старый или молодой?

— Старый… мистер Фэрфилд, просто сквайр, как мы зовем его в Уиверне. Он и правда разозлится, а я немного его боюсь и ни за что не хочу сердить — он всегда был так добр ко мне.

Ответив, она покраснела, что очень ей шло, но леди Уиндейл, словно не заметив этого, продолжила:

— Даже не знаю, почему я сказала «молодой», —

молодой мистер Фэрфилд, наверное, тебе в отцы годится. Но я хочу знать, как ты находишь лорда Тремейна? — встрепенулась она. — Я уже говорила, что ты ему очень понравилась. Я верю в первое впечатление. Он был очарован тобой, когда увидел в церкви Уиверна. Конечно, ему следовало бы придумать что-то получше, но это неважно: что было, то было, и сейчас, я думаю, он влюблен, сильно… и кто знает? Он очарователен, и есть все шансы, чтобы… не знаю, какое слово подобрать… но в Тремейне так красиво, и он не должен ни одной гинеи…

— Милая тетушка, — сказала девушка, целуя ее в щеку, — коварная старая леди, вы всегда подбираете для меня подходящие партии. Если бы вы остались в Индии, уверена, вы бы выдали меня за местного принца.

— Вздор! Конечно, я могла бы, но ты бы никогда не вышла замуж за магометанина с моего согласия. Не бери в голову, ты прекрасно устроишься. Браки свершаются на Небесах, и я верю, что тут не нужно что-то специально затевать и планировать. Твоей дорогой мамочке, когда мы обе были девочками, я сказала, что никогда не соглашусь выйти за солдата или жить вне Англии, — я вышла за солдата и прожила двенадцать лет в

Индии. А она, бедняжка, снова и снова повторяла, что ей все равно, кем будет ее супруг, но только не священником и не тем, кто круглый год живет за городом, — нет, мол, такой силы, что заставила бы ее согласиться на это, и все же она согласилась и на то и на другое: и вышла за священника, да еще и бедного, и жила и умерла в деревне. Так что строить планы — занятие бессмысленное.

— Вы совершенно правы, тетушка.

Элис посмотрела через ее плечо на небо за окном и тяжело вздохнула, но, чтобы не расстраивать пожилую леди, быстро взяла себя в руки.

— Жаль, что ты не можешь остаться, — сказала тетушка.

— Мне тоже… Я хотела о многом поговорить с вами, рассказать вам все мои длинные истории, но в присутствии гостей я не могла, а теперь нет времени.

— Какие длинные истории, моя дорогая?

— Глупые, должна признаться, — ответила Элис.

— Глупые? Так что же ты хотела рассказать? — Тетушка заглянула ей в глаза.

— Да так… Но… — Она осеклась, не закончив.

— Но?

— Мне ужасно хотелось поговорить с вами,

тетя, — Элис снова покраснела. — Но… но я не могу все рассказать за то время, что у нас осталось. — Она взглянула на часы, подарок старого сквайра. — Я не знаю, как объяснить… У меня в голове все перепуталось, и я не знаю, с чего начать.

— Тогда давай я начну за тебя. Итак… В Уиверне недавно были гости?

— Нет-нет, никого не было.

— Ни одного нового лица в твоем окружении?

— Ни одного.

— Может быть, новые соседи? — настаивала старая леди.

— Нет, тетушка, дело не в этом…

— Позволь спросить, а где эти два уже не юных джентльмена, сыновья мистера Фэрфилда?

Элис рассмеялась и покачала головой:

— Путешествуют. Капитан Фэрфилд в Лондоне.

— А его очаровательный младший брат, где он?

— Уехал по какому-то делу. Наверное, или на скачках, или бог знает где еще.

— Может быть, дела сердечные? — прищурилась леди Уиндейл, вглядываясь в племянницу. — И кто объект? У нас действительно мало времени, но ты хотя бы можешь обозначить, о

чем хотела поговорить.

— О сотне вещей и… ни о чем. Просто никому, кроме вас, я не могу довериться. Если позволите, я напишу вам или снова приеду на денек или два… можно?

— Конечно, нельзя, — засмеялась леди Уиндейл. — Правда, я не уверена, что в твой следующий приезд ты застанешь меня в одиночестве, и все же я обещаю, что у нас будет в избытке времени, чтобы поговорить — только ты и я. А получить от тебя письмо я была бы очень рада — в письме ты можешь рассказать все, что захочешь. Не сомневайся, я умею хранить тайны.

— Знаю-знаю, дорогая тетушка.

Они остановились у входной двери.

— А ты уверена, что не хочешь, чтобы мой слуга поехал с тобой? Он мог бы сесть рядом с кучером.

— Зачем столько беспокойств? Моя верная Дульчибелла уже сидит в карете. Она позаботится обо мне.

Леди Уиндейл внимательно посмотрела на нее.

— Ты сказала, что вполне счастлива в Уиверне, — произнесла она.

— Разве? Я не могла такого сказать, потому что… потому что я несчастна, — прошептала Элис,

целуя пожилую родственницу. В ее больших глазах стояли слезы. Прежде чем леди Уиндейл успела что-то сказать, она села в карету, и кучер встряхнул поводьями, трогая лошадей.

«В чем же дело, бедняжка? — задумалась леди Уиндейл, тревожно провожая взглядом удаляющуюся карету. — Кто-то подстрелил ее любимого голубя, или собака загрызла морскую свинку, или старик Фэрфилд не разрешает ей засиживаться до двенадцати ночи, читая роман? Наверное, какая-нибудь детская глупость, и ничего более».

Но это не успокоило старую леди, образ грустного лица племянницы продолжал преследовать ее.

Глава II
ДОЛИНА КАРВЕЛЛ

Примерно через полтора часа карета сделала остановку в «Пегой лошади». Поменяв лошадей на постоялом дворе, они продолжили путь. Мисс Элис Мэйбелл, которая все это время была печальна и задумчива, опустила окно и посмотрела на покрытую лужами Эльверстоунскую пустошь. Местность была дикая и гнетущая, однако Элис с воодушевлением воскликнула:

— Какой здесь свежий воздух и как прекрасны эти холмы вдали!

— Ну-ну, воздух и правда прекрасен, моя дорогая. Вот такой я и хочу видеть мою девочку: довольную и счастливую, а не хандрящую, словно больная птичка. Будьте такой всегда, моя дорогая.

— Ты такая добрая, — Элис нежно положила ладонь на руку няни. — Моя добрая, верная Дульчибелла, ты всегда со мной, куда бы я ни отправилась.

— Дульчибелле это только в радость, — заулыбалась всеми своими морщинками толстая

старушка. «Малышку Элис» она любила больше, чем многие матери любят собственных детей.

Элис снова посмотрела в окно, но теперь на ее лице отразилась тревога; она высунула голову в окно, будто высматривая некий знакомый объект.

— Ты помнишь старые деревья в конце пустоши и разрушенную ветряную мельницу на пригорке? — неожиданно спросила она.

— Ну… — протянула Дульчибелла, которая не отличалась наблюдательностью. — Наверное, мисс Элис, кажется, помню.

— А вот я отлично помню… То есть я помню, что были деревья и мельница, но где же они? Когда мы в последний раз здесь проезжали, было темно… — пробормотала она скорее себе, чем Дульчибелле, на подсказку которой и не надеялась. — Может, спросить у кучера?

Элис постучала в переднее окошко и подала кучеру знак остановиться, когда он оглянулся через плечо.

— Немного впереди будет деревня, не так ли? — обратилась к нему девушка.

— Да, верно, мисс. Деревня Шалдон, примерно в двух милях впереди, — ответил кучер.

— А не доезжая ее, за высокими деревьями

слева была ветряная мельница… — Элис побледнела.

— Мы зовем ее мельницей Грайс, но она давно не работает.

— Ну, это неважно. И прямо у этой мельницы была дорога, уходящая влево?

— Эта дорога ведет к церкви Карвелла.

Элис замялась.

— Нам нужно проехать по этой дороге около трех миль…

— Нам это не по пути, мисс. Три мили вперед, три назад — целых шесть миль получается, и я не уверен насчет лошадей.

— Послушайте, я заплачу. — Она понизила голос. — Там есть дом… усадьба Карвелл… вы знаете?

— Да, мисс., но там никто не живет.

— Там… там живет одна старушка, которую я хочу увидеть. Мне очень нужно туда попасть, и вы должны это устроить… Я не сильно вас задержу. А за то, что вы никому ничего не расскажете, я дам вам два фунта.

— Хорошо, — ответил кучер, подумав. — Хорошо, мисс. Заодно напоим лошадей в усадьбе, и вы же не против подождать, пока они поедят овса, я так полагаю?

— Нет, конечно же, нет, все что посчитаете нужным. Но нам еще предстоит долгий путь, и мы не будем задерживаться понапрасну? — Она с беспокойством посмотрела на него.

Кучер кивнул, дернул поводья, и лошади тотчас тронулись.

Юная леди выдохнула и откинулась на сиденье.

— И куда же мы едем, мисс? — спросила Дульчибелла, которая молча слушала разговор своей подопечной с кучером. Она боялась старого сквайра, как и все остальные в Уиверне: не дай бог им задержаться.

— Тут совсем недалеко, мы быстро управимся. И, Дульчибелла, если ты и правда меня любишь, ты не скажешь ни единого слова никому в Уиверне или где-то еще, обещаешь?

— Вы отлично знаете меня, мисс Элис, — старушка обиженно поджала губы. — Я никому не скажу, но мне не хотелось бы думать, что это какой-то секрет. Я боюсь секретов.

— Ерунда, никакой это не секрет… А если и секрет, то он скоро откроется. Только будь мне верна.

— Верна вам! Кому же еще мне быть верной, если не вам, дорогая? Ни слова об этом не слетит

с губ старой Дульчибеллы, с кем бы она ни говорила. Мы уже близко?

— Очень близко, я полагаю. Только бы увидеть эту женщину и кое-что у нее узнать… Пустяк, но я не хочу, чтобы об этом болтали, и знаю, что ты уж точно не станешь.

— Ни за что на свете никому не расскажу! Да я и не знаю ничего.

Через несколько минут они проехали по маленькому мостику, перекинутому через ручей, и карета свернула на проселок в тени мрачных вязов, над кронами которых высилась мельница без крыши. Дорога была пустынной, впрочем, и до этого им встречалось не так уж много экипажей. Вскоре склоны холмов по обеим сторонам стали выше, придвинулись ближе. Показались отвесные скалы, и вот уже они ехали по темной лощине, поросшей лесом. Тишину прерывал только клокот ручья, который вился где-то в терновнике, невидимый в зарослях. Дорога стала подниматься вверх, и вдруг в густой тени появилась пролетка, ехавшая навстречу. Два экипажа тут не могли безопасно разминуться, но, по счастью, кучер пролетки успел притормозить и прижаться к склону. На заднем сиденье полулежала, вытянув ноги, высокая женщина;

лица ее не было видно. Кучер повернулся к ней, очевидно, чтобы получить указания.

Мисс Мэйбелл, пока они ехали по мрачному проселку, становилась все более тревожной. Бледная и молчаливая, она смотрела в окно, высунув голову. При виде пролетки внезапный страх обуял ее — возможно, от смутного предчувствия какой-то большой беды.

Глава III
УСАДЬБА

Возбужденные нервы детей населяют тьму детской комнаты призраками. Тьма тревожных предчувствий вызывает подобную фантасмагорию. Сердце Элис Мэйбелл замерло, когда она посмотрела на остановившийся экипаж. На нее нахлынуло ощущение огромной важности происходящего и такой же огромной беспомощности перед неведомым. Это было сродни высматриванию черного флага на мачте в стародавние дни пиратства, когда неизвестное судно в открытом море несло тревогу.

Тревога Элис усилилась, когда она увидела, что кучер пролетки слез со своего места, взял лошадь под уздцы и поставил пролетку так, чтобы преградить им путь. Очевидно, он сделал это по указанию своей пассажирки.

Когда их карета остановилась, Элис вперилась взглядом в высокую женщину, полулежащую на сиденье. Она не видела ее лица, ибо его скрывала густая вуаль. Женщина подняла руку и подставила к уху, прислушиваясь, хотя пока еще никто

ничего не сказал. Рука без перчатки была худая и неухоженная, в глаза бросались выступающие вены.

Кучеры кивнули друг другу, что, по-видимому, указывало на их старое знакомство.

— Дашь проехать? — сказал кучер мисс Мэйбелл.

— А ты куда едешь? — спросил второй, сопроводив вопрос движением большого пальца за плечо, в сторону пассажирки; при этом он высунул язык и одновременно подмигнул.

— В Карвелл, — ответил кучер.

— Они едут в Карвелл, мадам, — бросил второй кучер через плечо.

— Зачем? — спросила женщина резким полушепотом. — Зачем? — повторил ее кучер, обращаясь к кучеру мисс Мэйбелл.

— Поменяем там лошадей и поедем дальше.

— Куда? — задала вопрос леди.

— Куда? — повторил ее кучер.

— В Даутон, — выдумал кучер мисс Мэйбелл.

Второй кучер продублировал его ответ.

— Так вы не в усадьбу? — спросила женщина тем же полушепотом, и теперь в ее голосе слышался иностранный акцент.

— Какую усадьбу? — спросил кучер мисс Мэй-

белл.

— Усадьбу Карвелл.

— Пет.

Элис вздрогнула, когда услышала про усадьбу, но ее успокоила уверенность ее кучера, который продолжил:

— Давай уже отъезжай.

Высокая женщина кивнула, и ее кучер отвел лошадь в сторону. Он подмигнул своему знакомцу, и экипажи разъехались.

Странная леди даже головы не повернула, чтобы рассмотреть людей, которых столь своевольно задержала. К огромному облегчению Элис пролетка быстро скрылась из виду.

Через несколько минут лощина расширилась, открыв впереди овальной формы пастбище в два или три акра. Среди редких деревьев петлял ручеек; коровы мирно жевали траву; лес, в чьей тени они ехали уже более двух миль, отступил.

В сторону от дороги отходила еще одна, с довольно крутым подъемом — она вела к усадьбе. Кучеру пришлось слезть и вести лошадей под уздцы. Элис слышала, как он выражал сомнения относительно того, под силу ли им тянуть тяжелую карету вверх по холму. Можно было бы выйти и пойти пешком, но Элис не сделала этого.

Она нервничала и, как испуганный ребенок, который натягивает одеяло на голову, когда ему страшно, забилась в угол кареты. Одна только мысль, что кто-то еще повстречается им на пути и уже не отступит так же легко, как та женщина, повергала ее в дрожь.

Вскоре они остановились на ровной площадке, утопающей в густой тени исполинских деревьев, чьи кроны смыкались, закрывая небо. До Элис долетело хриплое карканье, а в остальном это место было самой тишиной.

Кучер постучал в дверцу кареты и сказал, что они приехали в усадьбу.

— Не выходи, Дульчибелла, я скоро приду, — распорядилась юная леди. Она была бледной, будто собиралась на казнь.

— Хорошо, мисс Элис, но вам бы надо перекусить… Вы голодны, я вижу по вашему взгляду. Возьмите хотя бы кусок хлеба с маслом… — засуетилась толстуха.

— Да-да, Дульчи, — кивнула девушка, не услышавшая ни слова, настолько она была погружена в себя.

Спрыгнув на землю, Элис с любопытством осмотрелась. Перед ней были массивные железные ворота на двух каменных столбах. Оконце в

воротах было открыто, и через него просматривался мощеный двор, заросший травой. Справа от ворот возвышался трехэтажный дом с меланхоличным фронтоном и высокими каминными трубами. Также были видны хозяйственные строения неясного назначения в густой накидке плюща.

Усадьба Карвелл… Элис много слышала о ней, но представляла совсем по-другому. К окнам поднималась Крапива, пучки травы пробивались из щелей каменных ступеней, крошащаяся кладка была охвачена мхом; серая крыша дома унылым пятном просматривалась сквозь густую листву деревьев.

Девушка неуверенно постояла у ворот, потом, поборов замешательство, подняла камень и постучала, поймав себя на мысли, что этот булыжник, вероятно, и положен здесь с этой целью — стучать.

Спустя минут пять в оконце появилась худая старуха, чья внешность отнюдь не указывала на приятный характер.

— Ну и что привело вас сюда? — без предисловий спросила она.

— Я бы хотела… увидеться с другом, — робко ответила Элис. — А… а вы миссис Таили… я по-

лагаю?

— Она и есть, — кивнула женщина.

— Мне сказали показать вам это… и что тогда вы впустите меня.

Элис достала из шагреневого чехла овальный портрет размером чуть больше пенни и протянула женщине. Та взяла его, повернула к свету и стала внимательно рассматривать.

— Ай-ай, мои старые глаза видят уже не так, как прежде… Но это… это старая хозяйка… Да… хорошо, мисс. — Она взглянула на Элис с любопытством, и ее тон смягчился, когда она отдала портрет. — Сейчас открою, подождите.

Лязг засовов заставил Элис вздрогнуть.

— Соизволите зайти, мисс? Но сразу говорю, что могу отвести вас только на кухню. В гостиной яблоки, в большой комнате солома, а остальные заперты. Так вы что, хозяина ищете?

Юная леди густо покраснела — вопрос был задан не самым деликатным образом.

— Одна уже приезжала до вас, — продолжила старуха в своем духе. — Спрашивала, есть ли тут кто, и прямо-таки очень интересовалась хозяином. Ну, я ответила ей, что его давно здесь не было и не будет.

— А… ваш хозяин?.. — Они уже прошли вдом,

и Элис с любопытством крутила головой по сторонам.

— Нет, его здесь нет, но есть письмо… Как вас зовут? — вдруг спросила старуха, окинув Элис подозрительным взглядом.

— Мисс Мэйбелл, — промямлила девушка.

— А, ну тогда все сходится. Простите, мисс, но мне сказали быть внимательной и осторожной, понимаете? Пойдемте на кухню.

Кухня была унылой, с двумя узкими окнами, через которые едва проникал свет. Тут же на Элис со злобным лаем бросилась дворняжка с выпирающими ребрами, но от крепкого пинка старухи собачонка перекатилась на спину и забилась в угол. Кот, сидящий перед очагом, поспешно прыгнул под стол, чтобы избежать взбучки.

Обстановка была скудной. Кроме стола — дубовый табурет, простой сосновый стул и еще один, с выцветшей круглой спинкой. Стул этот явно забрали из лучшей компании, но бедолаге не повезло — весь в трещинах, расшатанный на стыках, он казался еще потрепаннее и грязнее, чем был. На полках выстроился видавший виды фаянс. Что-то тушилось в высокой кастрюле, накрытой расколотой тарелкой. Старуха подошла к кастрюле, сняла тарелку и помешала содержи-

мое. Потом вынула письмо из кармана и отдала девушке.

Подойдя к окну, Элис развернула его. Письмо было коротким, и, читая его, Элис сначала разозлилась — глаза ее грозно засверкали, на щеках выступил румянец, но потом она побледнела, и к глазам подступили слезы. Отвернувшись от старухи и все еще держа письмо так, будто читает его, девушка молча плакала.

Старуха, даже если и заметила ее состояние, никак не отреагировала — она что-то бормотала себе под нос, без особой надобности переставляя фаянсовую посуду на полках, подходила к кастрюле, пыхтевшей на огне, и изредка пинала собаку, сыпя неженскими проклятиями, когда та начинала рычать, огрызаясь.

Справившись со слезами, юная леди с тяжелым сердцем пошла к выходу. В порыве альтруизма, столь сильного у тех, кто с меланхоличной надеждой желает купить секундное сочувствие, она, перед тем как попрощаться, вложила несколько монет в худую руку старухи, которая неожиданно сделала реверанс и неискренне буркнула: «Спасибо, мисс», пока ее глаза алчно пересчитывали серебро, лежащее на грязной ладони.

Даром ничего не получишь… В целом человек

— продажное создание.

Когда Элис подошла к экипажу, кучер напомнил ей про обещанные фунты. Девушка расплатилась с ним и заняла свое место рядом с Дульчибеллой, которая все это время предавалась воспоминаниям, граничащим с дремотой.

Они без приключений миновали мельницу Грайс и направились в Уиверн.

Солнце у западного горизонта бросало красноватый свет на окрестности, когда карета въехала на короткую и широкую подъездную дорогу, ведущую к парадному входу дома из приятного светло-серого камня.

Глава IV
СТАРЫЙ СКВАЙР И ЭЛИС МЭЙБЕЛЛ

Построенное в позднем стиле Тюдоров, поместье Уиверн было полно очарования. Расположенное недалеко от главной дороги, в окружении величественных деревьев, оно было изюминкой лесистого ландшафта. Да и то сказать — ведь здесь, для несведущих, одна из самых красивых областей Англии. Невысокие холмы, живописные каменистые лощины и просторные пустоши, где у веселых ручейков пасется скот.

Сквайр Генри Фэрфилд давно уже пережил свои летние и осенние дни. Он никогда не был таким уж красавцем, но, как свидетельствовали портреты на стенах, в семействе Фэрфилдов иногда появлялись привлекательные мужчины. Он не был ни добрым, ни веселым, а мрачным и угрюмым или, если выразиться поэтично, — суровым, как северная зима, с некоторых пор отражавшая его возраст. Сквайр Генри Фэрфилд был слишком горд, чтобы жаловаться, и даже в лучшие времена никогда не просил о сочувствии. Но было

очевидно, что он с горечью попрощался с прежними удовольствиями. Когда он, стоя вечером на крыльце, смотрел на старое кладбище, лежащее в низине слева, его одолевали невеселые мысли. Он не мог примириться со смертью. Порядок вещей возмущал его, и он вымещал обиду на окружающих.

Хотя его волосы были белы, а плечи сгорблены, что-то в его росте и телосложении говорило о былой удали и живости.

Генри давно уже был вдовцом — целых тридцать лет! У него было два сына, а дочерей Бог не дал. Сыновьям, Чарльзу и Гарри, он не очень-то доверял. Оба были уже не молоды. Старшему — сорок три, младшему — всего на год или на два меньше. Чарльз вел кочевую жизнь и многое испробовал в жизни. Он был игроком и любил дорогие развлечения. Однако все это осталось в прошлом, и многие думали, что, возможно, теперь его главным желанием, несмотря на расточительную юность, стало выплатить прежние долги.

Гарри, его младший брат, торговал лошадьми, и потому, как все считали, у него водились кое-какие деньжата; он был королем компании, предпочитал пить крепкий эль, ухаживал за офи-

цианткой в трактире «Джордж» в близлежащем от поместья городке Уиверн и обожал поболтать с заводчиками собак, жокеями, борцами и прочими заезжими знаменитостями.

Сыновья не считались с отцом и еще меньше любили его. Но на самом-то деле они боялись сухопарого старика больше, чем позволяла им гордость. Слишком уж сильными оказались страхи детства, что не удивительно. Некоторые детские кошмары преследуют нас всю жизнь, и тиран, портивший юные годы, порой сохраняет странную власть над нашим воображением еще долго после того, как его власть, причинявшая боль, сначала ослабевает, а потом заканчивается.

Однако было одно обстоятельство… Когда высокий мрачный старик ходил по комнатам, когда передвигался по террасе, стуча тростью с золотым набалдашником, когда поворачивался на восток к кресту церкви, когда, погруженный в свои одинокие мысли, рассматривал печальным взором знакомый пейзаж, который скоро будет цвести и увядать без него, когда долгими вечерами дремал в огромном кресле у камина, огонь в котором разжигали теперь и в летний зной, — повсюду его высматривала пара больших и нежных глаз.

Люди заметили это, обсуждали, смеялись, качали головой и строили разные гипотезы, не всегда умные.

Элис Мэйбелл, а это она наблюдала за стариком, росла под крышей поместья, начиная с сиротского детства. Старый сквайр оказался добр к хорошенькой девочке, которую судьба подкинула к его дверям. Она была дочерью его дальнего родственника, который до своей внезапной смерти занимал должность приходского священника Уиверна. Молодая мать девочки была погребена в уединенном углу деревенского кладбища, и никто и предположить не мог, что два года спустя ее супруга похоронят рядом с ней.

Меланхоличный нежный викарий! О нем стоит сказать несколько слов. Добрые судьи, я полагаю, сочли бы его проповеди восхитительными. Плохо одетый, полуголодный, болезненно бережливый, он всегда с сердечным терпением навещал бедняков… Но при всех сложностях жизни они с женой были счастливы настоящей любовью, которая, как известно, вечна. Он был для нее идеалом викария, а помимо этого — самым умным, самым милым, самым лучшим из мужчин. Она же для него… Как тут объяснить? Она для него всегда была прекрасной первой любовью, ни на день

старше. Каждое лето еще больше золотило ее роскошные волосы, еще ярче расцветал румянец на ее округлых щечках, и с годами она становилась все краше и краше. Викарий смотрел на нее и чувствовал, как его сердце разрывается от тщетного желания выразить любовь, но и без слов сильное чувство освещало его лицо, наполняло огнем добрые глаза.

Пришло время, и она рассказала милому Уилли секрет… Переполненные восторгом, они сжимали друг друга в объятиях в крошечной гостиной и плакали от радости, хотя и чувствовали страх. Теперь они любили друг друга еще отчаяннее, чем раньше.

По вечерам викарий читал ей вслух, а ее красивые пальчики были заняты работой, преисполненной чудесного ожидания. Маленький гость был на подходе; это крохотное создание с бессмертной душой непременно станет таким же умным и красивым, как Уилли, думала будущая мать.

— Ох, Уилли, дорогой, надеюсь, я доживу, чтобы увидеть, как наш ребенок подрастет? Ах, Уилли, это же будет так печально — не дожить.

Викарий, улыбаясь сквозь слезы, обнимал ее, утешал и рисовал картины великой грядущей

радости.

К должному времени маленькие чепчики, рубашечки, платьица — весь крошечный гардероб был готов, и вот пришел день, когда долгожданное чудо появилось на свет. Вот же оно — но глаза молодой матери были закрыты, а нежные руки, которые сшили все эти одежки и жаждали обнять дитя, лежали неподвижно.

Бог дал — Бог взял, да будет благословенно имя Его. Все верно, да будет благословенно имя Божье за ту любовь, которая попирает смерть, которая озаряет память меланхоличным светом, и свет этот будет освещать далекое будущее, потому что дрожащий лучик есть ниточка, ведущая нас на небеса. Благословен Бог за дары и потери, благословен за тоскливые воспоминания и боль надежды.

Малышка — сокровище — была здесь. Казалось бы, как тут не воскликнуть: бедное покинутое дитя! Но *с* этим крохотным компаньоном, за которым нужно ухаживать и приглядывать, горе молодого викария превратилось в чудесную любовь, и в этой любви было утешение, был живой источник обращения к той, кого забрал Бог.

Но вскоре появилась новая проблема. Сквайр Фэрфилд, жадный до денег, подал иск, связан-

ный с арендой дома викария. Викарий не знал законов, и, несомненно, он бы подчинился воле сквайра, однако в этой битве епископ взял командование на себя.

Дело затянулось. Оно длилось почти два года, и тут вдруг преподобный Уильям Мэйбелл подхватил простуду, которой никто поначалу не придал значения. Напрасно. Собрат-священник из Уиллоуфорда по доброте душевной взял на себя его обязанности в воскресенье, а на следующий день, в понедельник, викарий умер.

Доктор из Уиверна сказал, что ему не хватило жизненных сил: викарий жил слишком скудно, и он ослаб, как дитя.

Но было еще кое-что. Когда по воскресеньям сладкий звон уивернского колокола дрожал в воздухе, потерявший любимую вдовец смотрел на деревья старого кладбища, и тоска охватывала его сердце. Вот почему его дух смирился со смертью, когда пришел час.

Генри Фэрфилд знал, конечно же, что викарии не обязаны платить аренду, знал и о том, что ему противостоит епископ, но, человек желчный и жестокий, он избрал тихого викария, чтобы выместить на нем свою злобу на жизнь. Когда начиналась проповедь, сквайр с мрачным ви-

дом выходил из церкви. Он всегда смотрел на викария тяжелым взглядом, он ни разу не сказал ему ни слова в поддержку после смерти жены — повернулся к нему спиной; доходило до смешного — он выгнал корову викария с пастбища и запретил пользоваться тропинкой через поля поместья, которая делала путь в церковь короче. То есть любыми способами он заставлял викария почувствовать свое неудовольствие.

Викарий сносил все это очень спокойно, не ропща, но теперь все было кончено, страница перевернута, ни одну линию не стереть, ни одну не добавить. Теперь викарий был мертв.

— Он мертв и погребен — получил то, что заслужил, — сказал, узнав об этом, сквайр. — Неблагодарный негодяй. Ты пойдешь и скажешь им, что они должны освободить дом двадцать четвертого, а если нет — выставишь вон, — обратился он к своему слуге Томасу Руку.

— Но там маленький ребенок викария, кто о нем позаботится, сэр? — спросил Томас после недолгих колебаний.

— Ты или епископ, будь он проклят.

— Я бедный человек, а епископ… он не захочет…

— Тогда работный дом, — отрезал сквайр. — Ту-

да попадает всякое отродье.

Он одарил слугу взглядом, который мог бы сбить с йог, развернулся и ушел. А через неделю сам отправился в дом викария вместе с Томасом. Дульчибелла Крейн пошла показывать Томасу нижнюю часть дома, а сквайр поднялся по лестнице и, наклонив голову, вошел в комнату.

Стук собственных сапог помешал ему услышать тихий плач ребенка раньше, но теперь он хорошо его слышал. Сквайр остановился. Признаться, он и забыл об этом жалком создании и уже повернулся, чтобы уйти, но передумал. Подошел, склонился над колыбелью, и плач прекратился. Большие глаза на очень красивом, ангельском личике, все еще мокрые от слез, смотрели на него с искренним удивлением. Рядом не было няни, и одиночество испугало малышку, поэтому она обрадовалась появлению мрачного сквайра и теперь вглядывалась в него с невинным доверием.

Кто бы мог подумать… В пеленках лежало крохотное олицетворение человеческой слабости, а над ним высилась статуя с хмурым взглядом. Ожесточившееся сердце, маниакальная гордость, готовая взорваться яростью при намеке на порицание, — и невинный свет младенчества. Можно ли представить состязание более безнадежное?!

Но добрый Создатель, который, несомненно, любил бедного викария, заставил их глаза встретиться.

Плач ребенка стих, крупные слезинки застыли на изумленных глазах, маленькое личико было бледным, но отнюдь не испуганным. Этот взгляд длился лишь несколько секунд, но таинственная работа любви была сделана. «Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть»[1].

Сквайр Фэрфилд обошел комнату, потом бегло осмотрел другие помещения наверху, молча спустился вниз и, когда уже был у входной двери, остановился и взглянул на Дульчибеллу Крейн, которая в страхе застыла перед ним в реверансе.

— Ребенку будет лучше со мной, в Уиверне, я пошлю за ним и вами в полдень, пока… пока мы что-нибудь не решим, — сказал он.

Вот так маленькая Элис Мэйбелл и ее няня Дульчибелла Крейн прибыли в поместье Уиверн.

Они оставались там вот уже двадцать лет.

---

[1] Примечания: 1

Ин. 1:3. — Здесь и далее — примеч. переводчика.

Глава V
ТЕРРАСНЫЙ САД

Элис Мэйбелл выросла очень красивой. Красота ее была строгой и немного печальной. С первого же взгляда поражала стройность фигуры, и каждое ее движение было преисполнено грациозности. Чистое овальное лицо; огромные темно-серые глаза, которые можно было бы описать словами Чосера: «глаза прозрачны, как стекло»; очень длинные ресницы; губы ярко-красные; ровные маленькие зубки; а когда она улыбалась, на ее щеках появлялись милые крошечные ямочки.

Прекрасное создание вело в Уиверне одинокую жизнь. Между нею и молодыми сквайрами, Чарльзом и Гарри, лежала пропасть в двадцать лет, и в основном она была предоставлена самой себе.

Иногда она ездила в деревню с Генри Фэрфилдом, и каждое воскресенье сидела на церковной скамье Уиверна, но за исключением подобных случаев горожане почти не видели ее.

«Не похожа ни на отца, ни на мать. И наш ви-

карий, и бедная миссис Мэйбелл были гордыми людьми, а она-то посмелее будет».

Так сказала миссис Форд из трактира «Джордж» в Уиверне, но то, что почтенная женщина назвала гордостью, на самом деле было робостью.

О мисс Мэйбелл в городе ходили очень странные слухи. Говорили, что прекрасная юная леди влюблена в старика Фэрфилда… или, по крайней мере, в его поместье Уиверн.

Когда жизнь течет как ленивая река и ровным счетом ничего не происходит, обывателям только дай поговорить. Деревенский доктор стоял спиной к камину в гостиной, и газета в его левой руке опустилась до колена, когда он обратился к своей жене, романтичной миссис Дайпер, сидящей за чайным столиком:

— Если она любит этого старика, как ходят слухи, то, помяни мое слово, скоро ее ждет сумасшедший дом.

— Что ты имеешь в виду, дорогой? — оживилась его жена, особа тучная и давно уже оставившая молодость позади.

— Я имею в виду, что это вовсе не любовь, а зарождающаяся мания. Затворничество в поместье любую девушку сделало бы странной, и бедняжка Элис сходит с ума — вот что я имею в виду.

— Милостивый государь, — возразила миссис Дайпер, которая была особой начитанной, — иногда романтические отношения принимают очень причудливые формы: Ванесса была влюблена в Дина Свифта[2], и очень молодые люди страстно любили Нинон де Ланкло[3].

— Самая большая чушь, которую я когда-либо слышала! — воскликнула миссис Баттл, ее гостья, насмешливо. — Кто в этом случае говорит о любви или романтических отношениях? Молодая леди считает, что было бы неплохо стать хозяйкой Уиверна. Пройдет не так уж много времени, и она получит свою часть наследства. Все, что от нее требуется, — заставить этого несчастного старика думать, что она влюблена в него, а ей это удастся, я ничуть не сомневаюсь. Все распутницы хитры — добиваясь своего, они обожают прикидываться тихонями.

---

[2] Примечания: 2

Эстер Ваномри, которой Джонатан Свифт дал имя Ванесса, боготворила его и ревновала к его возлюбленной Эстер Джонсон, Стелле. Подробнее об их сложных отношениях можно узнать в книге Свифта «Дневник для Стеллы».

[3] Примечания: 3

Нинон де Ланкло (1615/1623-1705) — французская писательница, хозяйка литературного салона, покровительница искусств и куртизанка. Прославилась своей красотой, необычайным остроумием, а также тем, что сохраняла свою необыкновенную привлекательность практически до самой смерти.

Да-да, жители Уиверна не переставали обсуждать, по любви или по мотивам более рациональным красавица Элис Мэйбелл страстно желала выйти замуж за своего мрачного благодетеля, который годился ей в дедушки. Идея сама по себе странная, но почему нежные серые глаза девушки всегда украдкой следят за сквайром? И, в конце концов, так уж невероятно безумие амбиций? А женская хитрость? О ней-то уж точно нельзя забывать.

А что же сыновья?

На конном дворе Гарри Фэрфилд вставил ногу в стремя, и Юджин Рук, родственник Томаса Рука, державший стременной ремень за другой конец, ухмыльнулся:

— Как бы оно от вас не ускользнуло…

— Что? — Гарри недовольно посмотрел на слугу, ибо что-то хитрое было в его голосе.

— Ну, я имею в виду поместье…

Молодой сквайр, как его все еще называли в сорок с лишним, легко запрыгнул в седло.

— Что ты мелешь? Почему оно должно ускользнуть?

— А если старику взбредет в голову жениться?

— Жениться? — Гарри рассмеялся. — Да даже если так, мне все равно, но какого дьявола ты

упомянул об этом? Поместье никуда не денется. На пергаменте с печатью черным по белому написано, что достанется мне, а что брату. Хмм… И кто за него пойдет, по-твоему?

— Вы последний, кто не слышал об этом, раз спрашиваете. Любой ребенок в городе скажет — мисс Злис Мэйбелл.

— О! Так говорят? Я и правда не слышал…

Молодой сквайр взглянул в серые глаза Юджина, потом задумчиво перевел взгляд на свой ботинок, и, ударив шпорой в бок лошади, ускакал, не сказав ни слова.

— А ему это не понравилось, — самому себе сказал Юджин, наблюдая, как Гарри скачет вниз по дороге. — Не больше, чем мне. Но она всегда наблюдает за сквайром, и тот посматривает на нее. Девка-то способная… А он… Хотя его считают старым, он из тех старых крыс, которые не упустят сыра.

Тут Юджин почувствовал толчок в плечо концом трости, обернулся и увидел Генри Фэрфилда. Лицо его было угрожающим.

— Обернись, черт возьми! Что ты говорил моему сыну?

— Ничего, насколько я помню, — соврал Юджин.

— Ну же, что? — голос звучал сурово.

— Я сказал, что с Черныша лучше снять ногавку[4], вот и все, кажется.

— Ты лжешь: я видел, как ты оглянулся через плечо, когда говорил, а когда он говорил, он заметил меня и быстро отвернулся. Я поймал вас, парочка лживых негодяев, вы говорили обо мне. Ну же, что ты сказал и что сказал он?

— Ни слова о вас.

— Выкладывай давай, или твоя голова запоет сейчас, как церковный колокол.

Сквайр затряс тростью, сопроводив это действо взглядом, который Юджин, как и все слуги в имении, слишком хорошо знал.

— Ни слова о вас от начала и до конца, — стоял он на своем. Человек этот с легкостью клялся и божился, ибо жестокие хозяева делают лжецов из своих слуг, а подобострастия слугам не занимать.

— Я тебе не верю, — сказал наконец сквайр, сбавив тон. — Ты лжец, Юджин, подлый лжец, однажды ты задохнешься от лжи… И ты… ты глупец!

Он стоял, уткнув конец трости в землю, глядя

---

[4] Примечания: 4

Ногавка — специальная защита для ног лошади от ударов.

сверху вниз на низкорослого Юджина Рука с мрачным выражением лица, на котором все же читалось сомнение.

После нескольких секунд молчания он спросил:

— Где мисс Элис?

— Гуляет, сэр.

— Где, я спрашиваю?

— Она пошла к террасному саду, — ответил Юджин.

К террасному саду направился и сквайр нетвердым шагом; за ним следовал огромный мастифф. В тени высоких деревьев, одна сторона которых была освещена желтым светом заката, а другая из-за теней казалась светло-серой, приятно пели маленькие птички. Сад был красивым, но печальным из-за запущенного состояния. Стены, окружающие его, тут и там окутывала пышная мантия плюща; внутри росли тисы и чудесные мирты; лавры не обрезали пятьдесят лет, и из кустов они превратились в унылого вида деревья. И повсюду росла высокая трава.

Сквайр вошел в сад, поднявшись по пяти стертым ступеням между двумя каменными урнами, и вскоре увидел Элис. Девушка сидела в тени огромного дерева на грубой лавке; напротив

лавки была другая, между ними едва угадывалась тропинка, которая когда-то была гравийной дорожкой.

Ступая по толстому ковру из травы и сорняков, он медленно направился к ней. На коленях у девушки лежала книга, но она не читала ее — казалось, она погрузилась в воспоминания.

— Ну, девочка, что привело тебя сюда? Ты будешь чихать и кашлять — выбрала слишком влажный и темный уголок, — сказал сквайр, усаживаясь на скамью напротив.

Элис вздрогнула от звука его голоса, а когда посмотрела ему в лицо, он увидел, что она плачет.

Сквайр ничего не сказал, но какое-то время неловко рыхлил сорняки и траву у ног концом трости, тихо насвистывая что-то себе под нос.

Наконец он добрым тоном произнес:

— Ты больше не ребенок, ты выросла и расцвела. Ты красивая молодая женщина, Элис. Никто с тобой не сравнится, ты первая из всех девиц, что бывают в церкви Уиверна… Ты первая, и ты это знаешь. Разве нет? Ну же, скажи, девочка, разве ты не знаешь, что никто не сравнится с тобой?

— Спасибо, сэр. Очень мило с вашей стороны так говорить — вы всегда очень добры, — сказала Элис, глядя ему в лицо. В ее полных слез глазах

сквозило любопытство — что же произойдет дальше?

— Тебе ведь нравится Уиверн, девочка? Дом, конечно, старый, но он такой уютный, верно? Настоящий английский дом — никаких тонких кирпичных стен, никаких псевдогреческих колонн или дрянного гипса, как в просторном доме лорда Райброука. Его дом все считают красивым, но они так не думают — просто так говорят, лгут, чтобы польстить пэру, будь они прокляты. Молодежь ездит в Лондон и научается там быть подхалимами; такого не было, когда я был мальчиком. Я тебе вот что скажу — старый добрый джентльмен, который держит дом и гончих в глуши, стоит больше, чем полдюжины изысканных лондонских денди. А ты, Элис, красивее и намного лучше, чем эти расфуфыренные леди, которые слишком деликатны, чтобы есть сочную говядину или баранину или назвать капусту капустой. Как мне говорили, они закатывают глаза с перепуганным видом, если кто-то скажет им надеть деревянные башмаки и выйти, как моя матушка, чтобы проверить домашнюю птицу. Но ты что-то говорила… я забыл?

— Нет, сэр… я не помню… Я что-то говорила? Я… я не припоминаю, — Элис нечего было добавить

к словам сквайра.

— Ты так любишь Уиверн, деточка… — продолжил он с какой-то грубой нежностью. — Ну, ты права, поместье было для тебя неплохим домом, и тебе будет жалко оставить его. Да… ты права, больше такого места нет нигде. Ты любишь Уиверн, и ты не должна покидать его, Элис.

Девушка пристально посмотрела на него: она была напугана и взволнованна. Побледнела даже, но сквайр не заметил этого и продолжил:

— Если ты не самая большая дурочка в графстве… Ты будешь скучать по Уиверну, по окрестным лесам, по этим холмам и лощинам и, может быть, немного по мне, старику… Не такому старому, как говорят, и не всегда старый конь борозду портит, — сказав это, он расправил плечи. — Мне наплевать на сыновей — как и им на меня, — вот в чем дело. Они никогда не были для меня утешением. Они будут чертовски рады, когда меня вынесут вперед ногами.

— Ох, сэр, вы не можете думать…

— Придержи свой маленький глупый язычок: я мудрее тебя. Если бы не ты, дитя, я бы не видел смысла жизни. Ты-то не хочешь, чтобы я подох, как хотят эти два щенка. Придержи язык, девочка. Я вижу, что напугал тебя, но я пока не собираюсь

умирать. Не печалься и дай мне руку. — Он взял ее руку и крепко сжал в своих сухих ладонях. — Ты плакала, глупышка. Кто сказал, что я разваливаюсь? Чертова ложь! Этих сплетников следует послать куда подальше. Мне еще двенадцать лет жизни отпущено. Может быть, четырнадцать, если я проживу столько же, сколько мой отец. Он не спешил, и я не буду спешить. Не глупи, говорю тебе, здесь никто не собирается умирать, я это точно знаю. В твоих венах течет нежная кровь, ты добрая девушка, и я позабочусь о тебе… Помни, позабочусь, и я еще поговорю с тобой.

Закончив свою бессвязную тираду, он пожал ей руку на прощание, встал, и, снова сгорбившись, пошел к выходу из сада.

Генри Фэрфилд нечасто был таким говорливым, и все сказанное им казалось Элис Мэйбелл загадкой. Вряд ли он думает о женитьбе, но, возможно, он хочет оставить ей дом и средства к существованию?

Глава VI
ПОСЛЕДНИЙ СТАКАНЧИК НА НОЧЬ

Тем вечером Генри говорил мало. В старомодно обставленной гостиной Элис играла его любимые мелодии на пианино, которое он по привычке называл клавесином. Сквайр сидел в большом кресле у огня, то засыпая, то слушая музыку. Возможно, он размышлял о сказанном накануне в саду.

Было примерно десять, когда Генри встал и подошел к воспитаннице. В каком возрасте глупость нас покидает и мы наконец прекращаем строить воздушные замки?

— Моя жена была мегерой, — сказал он. — Представь, всегда говорила, что я женюсь еще до того, как ее тело остынет в могиле. А я ей на это отвечал: «Мне и одной жены хватило через край». Но вы с ней совсем не похожи, мой цветочек. Не больше, чем мел похож на сыр, — настоящей дьяволицей была… Сыграй-ка мне еще раз «Страстную седмицу», девочка.

Элис в третий раз сыграла эту милую, но до-

вольно пошлую мелодию, а когда закончила, сквайр дрожащим голосом, не попадая в ноты, напел рефрен.

— Слышала бы ты, как Том Снедли пел ее за чашей пунша. Мои сыновья — парочка тупых псов, — неожиданно переключился он. — Мы в свое время были куда благовоспитаннее, и я бы не расстроился, если б их нашли на дне канала в Лондоне. Сыграй «Линкольнширского браконьера», чудесница… Мои сыновья, эти вечно ноющие негодяи, никогда меня не любили. Куда только катится мир… — И снова его мысли сделали вираж: — Не хочу признавать себя стариком, но как посмотришь на соседей… Я ведь помню, какими они были двадцать лет назад. Неужели и я так изменился?

В этот момент в гостиную вошел Томас Рук; как и его хозяин, он знавал лучшие дни, но все же был помоложе. В серебряном кувшине на маленьком подносе слуга принес горячий пунш. Том вопросительно посмотрел на сквайра. Тот указал на столик перед камином и, вытащив массивные золотые часы, торжественно объявил, что пришло время для «последнего стаканчика на ночь».

Всю свою жизнь служивший Фэрфилдам, Том был искусен в приготовлении напитка, который

столь нравился хозяину, но все равно сомневался в себе. Сквайр довольно кивнул, осушив первый стакан, и Том с облегчением выдохнул: кажется, угодил.

Сквайр медленно выпил второй стакан, затем третий. Наконец, посмаковав остатки пунша во рту, он поставил пустой стакан на каминную полку и пристально посмотрел на девушку, чьи тонкие пальчики все еще бегали по клавишам, извлекая звуки, услаждавшие его слух. На этот раз Элис играла что-то грустное.

— Отчего ты повесила нос, девочка моя? — От выпитого морщинистые щеки сквайра пылали. — Уж я-то давно знаю, что вы, девушки, когда вам нравится парень, а ответу нет, хандрите, как больные птички. А потом, когда все налаживается, — порхаете, поете, перышки распускаете и… Ну, что ты думаешь обо мне, красавица моя?

Элис вздрогнула. В отблесках пламени старик похож на фигуру из волшебного фонаря. Игривый тон напугал ее. Неужели мистер Фэрфилд, как это случается с пожилыми мужчинами, внезапно сошел с ума? Неужели эти блестящие глаза — признак подступившего безумия?

— Ну же, девочка, я тебе нравлюсь? Молчишь, глупышка… — Последовала пауза, во время

которой Элис хотелось провалиться под землю. — Стыд и все такое, я же вижу, — продолжил сквайр. — Но ты должна ответить, что да, тебе, конечно же, нравится Генри Уиверн. С другим ты будешь чувствовать себя хуже, намного хуже… и твой возможный муж будет не так добр к тебе, как я… Да ты и сама знаешь это… — Он перевел дух и с напором проговорил: — Что до меня, ты мне очень нравишься, птенчик, птенчик… Ты будешь моей маленькой королевой. Я подарю тебе все, что ты хочешь: прекрасный атлас, батист и ленты, я подарю тебе украшения — слышишь? Ожерелья, серьги, булавки с камнями — все это будет твое. Никакой другой претендент на твое сердце никогда не одарит тебя такими сокровищами… Подумай, дорогая… и ты станешь хозяйкой Уиверна. Ты будешь лучшей хозяйкой из всех, что тут были. Тебе не нужно будет ничего делать — сиди весь день у окна или разъезжай в карете куда захочешь, распоряжайся служанками по своему усмотрению… Я отпишу тебе каждый акр, каждый камень на этой земле… ибо ты такая сладкая девочка… Я сделаю из тебя женщину, и я с удовольствием сломаю шею этим негодяям, моим сыновьям, — они не заслужили ни шиллинга! Ну, дай мне руку, милая моя, и

сделка будет заключена.

Сквайр сделал несколько шагов вперед, вытянув костлявую руку, и Элис, в ужасе смотревшая на него широко распахнутыми глазами, тихо воскликнула, отступая:

— О, сэр! О, мистер Фэрфилд!

— «О да, мистер Фэрфилд»! — усмехнулся он, передразнивая девушку и приближаясь к ней. — Не робей и не бойся меня, малышка Элис, ты мне слишком нравишься, чтобы навредить хоть кончику твоего пальчика. Но я не монстр. Подумай, усни с этой мыслью и завтра утром дай мне ответ.

Он осторожно положил свои исхудавшие руки, которыми когда-то отрывал борцов от земли и сбивал с ног боксеров, на ее хрупкие плечи.

— А сейчас ты нежно поцелуешь меня и пожелаешь спокойной ночи. Спокойной ночи, радость моя, мы поговорим утром. И ты, разумеется, ничего не скажешь парням, будь они прокляты, пока дело не будет улажено… Моя ясноглазая, ах, какие у тебя манящие вишневые губки…

Сквайр бесцеремонно поцеловал девушку, исколов щетиной ее пылающие щечки. Она вырвалась и, встревоженная, направилась к двери.

— Разве ты не пожелаешь мне спокойной

ночи? — Отбросив стул, попавшийся на пути, старик устремился за ней.

— Спокойной ночи, сэр, — крикнула Элис, убегая.

Она пробежала под аркой, которая вела в холл, затем вверх по лестнице к своей половине.

— Дульчибелла, ты здесь? — крикнула она.

Ей тут же полегчало, когда она увидела няню в пламени свечи.

— Ау… Вот ведь быстрая девчонка, за ней не угнаться, — долетал голос сквайра от подножия лестницы. — Знаю, знаю, это ваш обычный трюк, шельмы… Вы убегаете, чтобы мы мчались следом… Ну ладно уж, в другой раз. Спокойной ночи, дикая птичка.

— Спокойной ночи, сэр, спокойной ночи, сэр, — пролепетала Элис и захлопнула дверь.

Генри постоял какое-то время, положив руку на перила и глядя на темную лестницу. Вспомнив свои молодые дни, он довольно рассмеялся, решив, что завтра между ними все сладится. Он посмотрел на часы, вернулся к гостиную и позвонил в колокольчик, чтобы Томас принес еще один «последний стаканчик на ночь», то есть еще один полный кувшин пунша.

— Тупой ты пес, Том, — с этими словами он

встретил своего слугу. — А чего грустный такой? Давай-ка развеселись, или я взбодрю тебя кочергой. Ну что ты трясешь головой? Выпей кувшин этой штуки, и ты обнаружишь, что стал моложе лет на тридцать. — Он расхохотался. — Девки будут бросать на тебя застенчивые взгляды…

Бедный Томас не знал, что и думать об этой внезапной вспышке веселья. Он с опаской смотрел на хозяина. И с чего это он так разошелся? Может, и правда жениться собрался?

В таких сонных поместьях, как Уиверн, где события малочисленны, подобные предположения часто бывают близки к истине. И уж будьте уверены: то, о чем говорят в городе, никогда не бывает тайной для слуг, и слуги об этом охотно сплетничают.

Мужчины, которые привыкли безраздельно властвовать в своих владениях, часто бывают эксцентричны (эксцентричность — спутница уединения), и Генри Фэрфилд не был исключением. К тому же он был деспотом. Лестница, по которой взлетела Элис Мэйбелл вела в северное крыло дома, а покои сквайра были в противоположной стороне. Границей служила крепкая дверь. Когда Элис была еще ребенком, сквайр собственноручно запирал эту дверь каждый ве-

чер. У него было пренебрежительное мнение о женском поле и столь же пренебрежительное о мужском (себя он считал исключением). Он бы не потерпел в собственном доме никаких трагедий в стиле Ромео и Джульетты. Поворачивая ключ после «Спокойной ночи!» мисс Элис, когда та подросла, он проницательно качал головой и подмигивал самому себе, убирая ключ в глубокий карман халата. «Подальше положишь — поближе возьмешь», — примерно так размышлял этот жестокий и хитрый человек.

А Элис? Что Элис? Традиция запирать дверь была давней — она уходила в прошлое, спускалась к ее самым ранним воспоминаниям, поэтому она с ней смирилась и никогда ей не противилась. До поры до времени…

Но вот сегодня… Сегодня ключа при сквайре не было. Рано утром, выпив стакан пива у себя в комнате, он отдал его экономке миссис Дардин, которая и повернула его в замке, когда Элис поднялась к себе. Повернула с той стороны, где была комната девушки. Дверь была заперта, в этом сквайр, интересующийся афоризмами, со вздохом убедился, подергав ручку.

Но это большая ошибка — доверять ключи слугам.

Глава VII
СТАРШИЙ СЫН СКВАЙРА

Ее благодетель так неожиданно изменился, представ в образе настойчивого любовника, что Элис не на шутку испугалась. Если так и дальше пойдет, он склонит ее к «супружеским отношениям». Учитывая разницу в возрасте, это было бы не просто гротескным мезальянсом, если дело вообще дойдет до брака, а отвратительным посягательством, вот почему бедная девушка, сев на кровать, к ужасу Дульчибеллы, громко, по-детски разрыдалась.

Кудахтанье няни, которая поглаживала ее по плечу, было словно журчание ручья или жужжание пчел в лесу в жаркий день. Ухо едва ли улавливало слова, но сам звук успокаивал.

На следующее утро в Уиверне поднялся небольшой переполох, ибо приехал второй сын сквайра, Чарльз, или, как его чаще называли, Капитан Фэрфилд.

«Престарелый молодой джентльмен» — это было определение, данное ему леди Уиндейл, — в поместье появлялся нечасто. Деревенские раз-

влечения ему не нравились, он изредка сидел с удочкой у речушки и был равнодушен к охоте. Он не знал, чем себя занять в такой глуши. Много гулял, много курил и… и ездил в городок, чтобы поговорить с людьми хоть о чем-нибудь.

У мисс Мэйбелл с утра разболелась голова, и Чарльза она увидела не раньше, чем это стало неизбежно, если можно так выразиться.

Капитан Фэрфилд, вернемся к нему, прибыл ровно в восемь с почтовой каретой, а в девять занял свое место за столом, накрытым к завтраку; в качестве приветствия он получил от отца мрачный кивок и безмолвное разрешение пожать кончики пальцев с большой неохотой протянутой руки. В маленькой любовной драме, которую решил разыграть уивернский Дон Жуан, появление сына был, совершенно некстати.

— Ну и что ты делал в Лондоне все это время? — покончив с ломтиком ветчины, проворчал сквайр и бросил суровый взгляда на Чарльза, который беззаботно хрустел тостом, читая газету графства.

— Прошу прощения, сэр, я не расслышал… Что вы сказали? — Капитан Фэрфилд оторвал взгляд от газеты.

— Я говорю, не думаю, что мой сын отправился

в Лондон, чтобы помолиться в соборе Святого Павла. Ты соришь деньгами в разных притонах, когда твои карманы полны, и возвращаешься нищим, чтобы пожить за мой счет. Но как только твои дела утрясаются, ты снова пускаешься во все тяжкие. Какую ренту ты получаешь в год с усадьбы Карвелл? До сих пор жалею, что поддался на уговоры твоей глупой мамаши-мегеры и передал тебе эту усадьбу в управление.

— Кажется, около трехсот фунтов в год, сэр, — вежливо ответил Чарльз.

— Триста восемьдесят, — уточнил старик, усмехнувшись. — Я не настолько стар, чтобы не помнить этого. Триста восемьдесят фунтов! И ты разбрасываешься ими в лондонских кабаках, тратишь на певичек и танцовщиц, проигрываешь в кости и возвращаешься в Уиверн без шиллинга в кармане, чтобы ездить на моих лошадях и пить вино из моего погреба. Нечего сказать, добропорядочное поведение! За мной! — скомандовал он псу и в сопровождении мастиффа вышел из столовой.

Чарльз был удивлен вспышкой. Он смотрел вслед отцу, не зная, что и думать. При всей скверности характера отец всегда был довольно щедрым и уж тем более не отказывал сыновьям

в крыше над головой.

«А он, однако, много знает, — подумал Капитан Фэрфилд. — Ну что ж, если я здесь мешаю, могу взять свои чемоданы, зонтик, откланяться и уехать».

Мысль была мирной, но тем не менее, встав, Чарльз яростно пнул газету, упавшую ему на ногу. Подошел к окну, засунул руки в карманы и предался мрачным размышлениям. Потом взял удилище, попросил Питера, своего слугу, накопать ему червей и пошел к реке, где в монотонном удовольствии, с давних пор прославляемом английскими классиками, можно было скрасить скучные часы. Сонные речушки — благословенный источник, подаренный природой нам, смертным. Можно удить рыбу, можно одиноко бродить по берегу, будучи поглощенным воспоминаниями, раскаяниями и думами о невзгодах и радостях жизни.

Капитан Фэрфилд вовсе не был похож на человека, каким описал его отец; он не был гулякой и сибаритом, а был скорее человеком тревожным. Хотя он не отказывал себе в удовольствиях, ему свойственно было размышлять над разного рода заботами, как только он оставался один.

Настал час обеда, и не сказать, чтобы трапеза

проходила весело. Старый сквайр был не в духе; Чарльз — молчалив и задумчив: душа его все еще гуляла с призраками у берегов Стикса; а юную леди — она тоже вышла к обеду — занимали довольно неудобные мысли.

Наконец Генри заговорил с сыном, одарив его взглядом, который мог бы пустить корабль ко дну в Красном море.

— В мое время молодые люди были более энергичными, и им было что сказать. Я не хочу, чтобы ты болтал за едой, но ты мог был поговорить с ней, — он кивнул на Элис. — Это невежливо — молчать, в мое время такого не было. Не думаю, что ты спросил у нее «как вы поживаете, мисс?», с тех пор как приехал. Лондонские манеры, наверное.

— Ох, уверяю вас, сэр, я спросил. Я не мог допустить такого промаха. Элис подтвердит, что я не настолько неотесан, — сказал Чарльз, посмотрев на девушку.

— Не то чтобы это имело значение, спросил ты или нет, — ворчливо продолжил сквайр, — но ты должен помнить, что вы не брат с сестрой, поэтому ты должен называть ее мисс Мэйбелл, а не Элис.

Капитан изумленно посмотрел на отца. Тот

выглядел решительным, наливая себе в стакан бренди.

Глаза Элис были опущены в тарелку, кончиком пальца она перекатывала крошки на скатерти. Бедняжка не знала, что сказать и что будет дальше.

Разбавив бренди водой, сквайр метнул в сына еще один сердитый взгляд; на его щеках горел румянец, и он качал головой с какой-то пророческой мрачностью. Над столом вновь повисла тишина. Полагаю, каждый вернулся к своим мыслям.

— Кстати, Элис… то есть мисс Мэйбелл, — прервал молчание Чарльз. — В Лондоне я видел картинку, которая могла бы вас заинтересовать. Покрытая эмалью миниатюра Марии Антуанетты… Занятная вещица размером с ваши часики, вы даже не представляете, насколько яркая и прекрасная.

— Тогда какого черта ты не купил эту штуку и не подарил ей? Много пользы расписывать, как она прекрасна! — недовольно фыркнул сквайр. — Денег у тебя хватает. Черт возьми, в мое время молодой человек постыдился бы говорить о вещице, если бы она не лежала у него в кармане в качестве подарка. — Он что-то еще саркастиче-

ски пробормотал себе в стакан, но ни Элис, ни Капитан не расслышали продолжения.

Наконец все перешли в гостиную. Сквайр занял свое привычное место у камина. В должное время появился его «последний стаканчик на ночь». Мисс Элис снова и снова играла любимые мелодии старика. Капитан время от времени украдкой зевал в руку и в конце концов улизнул из комнаты.

— Ну, Элис, вот мы и остались одни, девочка моя. Этот невоспитанный негодяй ушел спать, а я уж думал, что он никогда не уйдет. Подойди ко мне, глупышка, я хочу поговорить с тобой. Подойди, говорю, чего ты боишься? — Он повысил голос. — Интересно будет посмотреть, рискнет ли этот оболтус быть невежливым с тобой, моей супругой, как только адвокаты составят бумаги с лучшими условиями, которые только предоставляли хозяйке Фэрфилда со времен моего двоюродного деда… Ты выглядишь такой испуганной, моя маленькая красивая глупышка, как будто я хочу тебя ограбить, а не сделать леди Уиверн и не отдать тебе все, что у меня есть. Именно так. — Он взял ее маленькую ладошку в свою костлявую и дрожащую руку. — Ты будешь роскошной, роскошнее всех. — Он посмотрел

на нее ликующим взглядом восхищения. — Я подарю тебе бриллианты — только подумай! — и закажу твой портрет у хорошего художника. Ни одна из прежних леди Уиверн не сравнится *с* тобой, а я, не сомневайся, буду лучшим мужем, чем целый сонм молодых людей Ты будешь делать все, что пожелаешь, и с домом, и с лошадьми, и со слугами, и со всем остальным, я ни в чем тебе не откажу… Но почему же ты, душенька, не спустилась утром? Ты прихворнула, дитя? Красавице Элис нездоровилось?

— У меня болела голова, сэр, — ответила девушка. — И… все еще болит… Если… если вы не возражаете, сэр, я пойду в свою комнату. Утром у меня была очень сильная головная боль, но она проходит. Рискну предположить, что завтра мне будет лучше. Вы очень добры, сэр, вы всегда были очень добры ко мне, сэр, я никогда не смогу вас отблагодарить… Никогда-никогда, сэр, это правда…

— Фу, глупость и чепуха! Дитя мое, подожди, когда все будет устроено, ты отблагодаришь меня, если захочешь. Я сделаю из тебя королеву, даже больше, чем королеву… — Словно желая подтвердить свои намерения, он поцеловал ее в щеки и — легко — в губы, что только усилило

растерянность Элис; ее кожа горела от прикосновений его щетинистого подбородка. — Ты будешь моей маленькой богиней, моя красавица, да… моей дамой бубен, хитрая ты лиса…

Посреди разгоравшихся бурных ласк она сумела вырваться из лап влюбленного огра, выскочила из гостиной и взбежала по лестнице в свою комнату, под защиту верной Дульчибеллы.

Прошел час, мисс Мэйбелл встала, обняла няню за шею и поцеловала ее.

— Ты не возьмешь свечу, дорогая, чтобы посмотреть, заперта ли дверь в нижней комнате? — попросила она.

Дульчибелла так и сделала; половицы заскрипели под ее весом, а юная леди, высушив слезы, взглянула на часы, поставила свечку на стол рядом с окном, отдернула занавеску и прижала носик к стеклу.

Окно было расположено на торце дома. Элис увидела залитый лунным светом пейзаж. На склоне холма поодиночке, двойками или тройками дремали величественные деревья, чуть дальше начинался густой лес.

Элис тихо открыла окно и вдохнула свежий ночной воздух; слышен был шелест ручья, крикнула ночная птица. Девушка пригляделась и

увидела, как из-за ствола одного из деревьев вышел мужчина в коротком плаще и широкополой фетровой шляпе. Заметив ее, он махнул рукой и, оглядываясь по сторонам, осторожно приблизился к дому.

Тем временем вернулась служанка, сказав, что дверь внизу открыта, а дверь в коридоре надежно заперта.

— Ты оставайся здесь, Дульчибелла… Нет, я не возьму свечу.

Прерывисто вздохнув, Элис вышла из комнаты и тихо спустилась по черной лестнице в обшитую деревянными панелями комнатку на первом этаже.

Снаружи у окна стоял мужчина, с которым она только что обменялась знаками.

Глава VIII
НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РАЗГОВОР С ОТЦОМ

Элис быстро подошла к окну, бесшумно подняла его, и через секунду они были в объятиях друг друга.

Слышалось:

— Дорогая…

— Дорогой…

И потом:

— Ох, Ри! Ты все еще любишь меня?

— Обожаю! Я боготворю тебя, моя маленькая фиалка, растущая в тени… моя единственная, моя ненаглядная.

— Я была так несчастна… О, Ри… Это душераздирающее разочарование… Этот ужасный миг… Ты никогда не поймешь и половины того, что я почувствовала, когда постучала в ворота, ожидая увидеть моего любимого, но… Я готова была сброситься со скалы, когда мне сказали, что тебя нет. Но в конце концов ты здесь, со мной… И я больше не потеряю тебя… Никогда, никогда!

— Ты и не теряла меня, дорогая, я всегда буду

с тобой, но… Ты, должно быть, слышала, что многие мужчины испытывают затруднения с деньгами, и я оказался в том же плачевном положении… Случилось то, о чем я тебе говорил, но могло быть и хуже, намного хуже… Я думаю, скоро все уладится, и мы с тобой ни на миг не расстанемся, моя богиня.

— Правда? Как же это замечательно! — воскликнула Элис. — Мы будем так счастливы с тобой… Надеюсь, мой Ри никогда никого не полюбит кроме меня.

— Никогда, дорогая, никогда, — от чистого сердца пообещал ее избранник. Да разве мог он сказать что-то другое?

Элис вздохнула.

— Я уже смирилась с тем, что тебя не было в Карвелле. Значит, тебе так было нужно.

— Моя разумная, моя мудрая маленькая девочка, — восхищался он. — Ты все понимаешь. Я вижу, что ты не хочешь беспокоить своего бедного Ри. Молю Бога, чтобы стать наконец самому себе хозяином, вот тогда ты убедишься, как сильно я люблю тебя.

— Но я так уверена в этом.

— Прекрасно, дорогая. Если нам суждено быть счастливыми, ты не должна сомневаться во мне.

Что бы ни случилось, что бы ни наговаривали злые языки, ты должна знать, что я тебя обожаю. И каким, по-твоему, мотивом, кроме одного-единственного, я могу руководствоваться, когда говорю тебе это?

— Никаким, мой ненаглядный Ри. Но… надеюсь, ты простишь свою бедную глупую птичку за то, что она так сильно нервничает и… О, Ри, я полагаю, все изменится, когда пройдут эти несколько часов. Нас обвенчают… и мы будем счастливы — ты и я. Мы будем вместе до конца наших дней.

— Я думаю об этом целыми днями… Но ты все поняла, что я сказал тебе?

— Все… Да… О том, что делать завтра утром?.. Вполне.

— Ранняя поездка — это не слишком?

— О, вовсе нет.

— Старая Дульчибелла будет сопровождать тебя, а я догоню тебя на выгоне Кресслы чуть позже, как только улажу все дела.

— О… — Элис задрожала от волнения.

— Но, дорогая, ты не должна волноваться, тебя все должны видеть спокойной. Нужно пережить эти часы, и больше мы не будем ни о чем беспокоиться. Я не хочу тревожить мою бедную

маленькую птичку больше, чем это необходимо, но, когда ты захочешь выглянуть из окна, не поднимай вуаль. Подожди… Кто здесь? — насторожился он. — Нет, никого, мне показалось. А сейчас мне лучше тебя оставить… Да, дорогая… — Он сжал ее руки. — За нами могут подсматривать, и мне лучше уйти.

После прощания со слезами и молитвами короткая встреча была закончена; обоих грела мысль, что теперь они встретятся в сорока милях отсюда на следующий день, и день этот многое обещал. Окно было закрыто, мисс Мэйбелл вернулась в свою комнату и с трепещущим сердцем легла в кровать, чтобы подумать и поплакать… и дождаться рассвета, который изменит все в ее жизни.

Настал час завтрака; хозяин поместья, помешивая кофе, позвал миссис Дардин, экономку, и сказал:

— Малышке Элис, я слышал, нездоровится. Найди Дульчибеллу и узнай, нужен ли девочке врач. Спроси, хочет ли она чего-нибудь вкусного на завтрак — может, пирога с гусем или чего другого? И пошли в город за доктором, если в этом будет нужда. — Кивком он отпустил женщину.

— Я был бы счастлив поехать в город, если

нужно, сэр, — Чарльз Фэрфилд, также сидевший за столом, похоже, хотел проявить себя с лучшей стороны и загладить вчерашнее недоразумение. — Мне чрезвычайно жаль, что бедная Эллис… то есть мисс Мэйбелл так больна.

— Подозреваю, что ты не так уж и опечален, и в Уиверне достаточно людей, которых можно послать в город, не тревожа тебя, — буркнул сквайр. — К тому же я сам собираюсь поехать в Уиверн на службу.

Капитан, с трудом сдерживаясь, промолчал.

Вообще-то сквайр никогда не пропускал воскресные службы. В этом отношении он был пунктуален, как его предок, сэр Томас Фэрфилд: тот каждое воскресенье и по праздничным дням наведывался в Уиверн, чтобы замолить грехи, которых, возможно, и не было, теперь-то никто не скажет. Когда он заболел, молился в постели, а перед самой кончиной попросил облачить его в выцветшие одеяния красно-сине-золотого цвета эпохи Якова I и стал молиться с удвоенной силой. Он так и умер — застывший взгляд был устремлен в потолок, руки навечно сложены в молитвенном жесте. По правде сказать, в своем костюме сэр Томас Фэрфилд был похож на раскрашенный камень, но Богу не все ли равно, в каком

виде встречать своих детей? Генри не был таким же набожным; подозреваю, он думал о своем во время службы, но по крайней мере он чинно просматривал все абзацы, что читались с кафедры, сидел прямо в самые патетические моменты, а когда требовалось, вставал на колени, позабыв об артрозе. Без сомнения, он был примером для прихожан, собиравшихся в церкви.

Чарльз Фэрфилд тоже решил отсидеть службу. Не помню, говорил ли я вам, что он был красивым мужчиной, и годы добавили шарма его красоте. Проницательные голубые глаза не утратили ясности, волосы оставались густыми, а легкая проседь обычно притягивала взгляды дам, гадающих, какие приключения ему пришлось пережить: горячая кровь Фэрфилдов время от времени опасно показывала себя.

В церкви он занял угол подальше от отца. Уверен, как и отец, он думал о своем во время литургии, и мысли его, если судить по лицу, были беспокойными. Чарльз торопился поскорее уехать из Уиверна, и причиной тому был не только холодный прием отца.

Орган гремел, молодые голоса пели в унисон, восхваляя Всевышнего. Казалось, сам воздух был пронизан любовью, но отец и сын далеки были от

этой любви. Викарий читал текст из Священного Писания: бренность наших дней, которые нужно прожить в чистоте, вечная жизнь за порогом жизни земной, доступная тем, кто отдает себя без остатка, — но эти двое не прислушивались, ледяная пропасть лежала между ними. Старый Фэрфилд в звуках органа слышал призыв к жертвоприношению, и этот призыв претил ему. Злые духи, всегда присутствующие в церкви, развлекали мозг молодого Фэрфилда картинками обид и оскорблений, распаляя его мстительное сердце.

Мысли обоих прервало звучное благословение викария; они вздрогнули, осенили себя крестом и вновь задумались.

Но всему свое время — тлеющая ссора разразится огнем в поместье. А пока давайте немного отвлечемся.

По всем меркам род Фэрфилдов отвечал представлениям о том, какими должны быть истинные английские джентльмены. Прежде всего — чистота породы. Обычно шатены — иногда светлее, иногда темнее, как правило, с голубыми или серыми глазами, отнюдь не кроткими, а скорее проницательными (в отношении Чарльза я уже отметил это). Мужчины славились силой — во всем графстве не было им равных на бор-

цовском ринге и в других состязаниях. Характер имел как пороки, так и достойные черты. Упрямые, эгоистичные, иногда жестокие — но в то же время щедрые и храбрые.

Денег им хватало — поместье приносило около шести тысяч фунтов в год, что уж тут добавить.

Чарльз Фэрфилд собирался поговорить с отцом и решил сделать это по пути домой из церкви. Но — передумал. Тучи, предвещающие бурю, заволокли небо. Листья деревьев, в гуще которых маленькие птички пели свои веселые серенады утром, тревожно шелестели. Зловещая картина, в которой можно было бы увидеть предостережение, но Чарльз остался глух.

После духоты церкви голова его остыла, и он в одиночку отправился домой, кивая знакомым, которых встречал по пути.

— Лучше уж обсудить все дома, в поместье, — проговорил он сам себе, мрачно глядя на маргаритки у обочины.

Глава IX,
В КОТОРОЙ СКВАЙР РОНЯЕТ СВОЮ ТРОСТЬ С ЗОЛОТЫМ НАБАЛДАШНИКОМ

Закатное солнце окрасило все тревожным светом. Приглушенное карканье ворон над верхушками могучих деревьев вносило свою минорную ноту в атмосферу. Чарльз Фэрфилд шагал взад-вперед по широкой террасе, уставленной цветочными горшками; терраса эта с резными перилами тянулась вдоль задней стены старого дома. Лошадь была оседлана, чемодан и прочие мелочи собраны и отправлены несколько часов назад.

«Нужно ли попрощаться с отцом?» — размышлял Чарльз; на разговор с ним он так и не решился.

Самое первое, что ему пришло в голову, — спуститься по ступеням террасы, сесть на лошадь и передать о своем отъезде через слугу. Но тягостные чары детства нелегко разрушить. На пятом десятке Капитан Фэрфилд никак не мог избавиться от страхов, которые преследовали его чуть ли

не с младенчества. Могу понять его — дети чутки к добродетелям родителей, но такие пороки, как высокомерие, жестокость и черствость, запоминаются лучше.

Пойти на ссору с деспотом-отцом означало полный разрыв.

Или нет?

Генри Фэрфилд был настолько непредсказуем в гневе, что никто не мог предугадать, чем же все закончится. Кто знает, к каким мерам придется прибегнуть, столкнувшись с ним, да и что хорошего в открытой враждебности? Утешительной казалась одна мысль: еще несколько лет, и унижениям навсегда придет конец.

Внезапное появление старого сквайра на террасе избавило Чарльза от принятия окончательного решения.

Генри шел размеренной поступью, голову держал высоко, на щеках его играл румянец, а на губах застыла саркастическая улыбка. В руке он крепко сжимал письмо. Если он и видел сына, то обратил на него не больше внимания, чем на розовый куст в каменном горшке. Во всем этом Чарльз усмотрел признаки бури.

Он последовал за отцом, который направился к лестнице. Мелькнула мысль — совершенно спра-

ведливая, отметим, — что будет лучше, если отец узнает о его отъезде из первых уст, чем от слуги.

Перед самой лестницей сквайр остановился и сел на скамейку. Обеими руками он оперся о трость, конец которой злобно воткнул в пол. Тряся головой и бормоча, старик со злостью смотрел на смятое письмо в его руках.

Чарльз подошел к нему и коснулся своей шляпы, согласно почтительному правилу, известному каждому.

— Могу я обратиться, сэр? — спросил он.

Отец поднял на него глаза и злобно кивнул.

— Вчера, сэр, — начал Чарльз, — вы изволили выразить мнение, что с моим доходом я должен сам поддерживать себя и больше не беспокоить вас. Было глупо с моей стороны не подумать об этом самому — очень глупо, — и я больше не буду докучать вам. Я уже отправил свои вещи и сейчас уеду, сэр… Но, конечно, я не мог уехать, не попрощавшись с вами, и… — Он хотел добавить: «Спасибо за вашу доброту», но опомнился. Спасибо, как же! Нет, он не мог заставить себя сказать это. — И я уезжаю. До свидания, сэр.

— А, отворачиваешься от Уиверна, как и все остальные! Ну что ж, мир большой, ты можешь выбрать любую дорогу. Я никого не прошу тор-

чать тут, приглядывая за мной. Нет, нет и нет! Пусть никого не будет рядом со мной, когда я умру. Пусть слуги закроют мне глаза. Проваливай!

Чарльз смутился.

— Я думал, сэр… На самом деле я был убежден, что вы все решили, как и я, сэр…

— Ты прав, я все решил. И меня ни мало не волнует, кто и куда уезжает. Ничуть не волнует! Лучше пустой дом, чем плохой жилец. — Старик встал. — Все — вон! Убирайтесь к черту, чтоб духу вашего здесь не было! Вот еще такая же, как ты… прочти.

Он наставил на сына письмо, как пистолет, Чарльз взял его и прочел:

«Сэр, я не смею надеяться, что вы когда-нибудь подумаете обо мне с той добротой, на которую обстоятельства вынудили меня столь неблагодарно ответить. Я обязана вам всем. Я начала ощущать вашу доброту в детстве, и с тех пор по отношению ко мне она не ослабевала. О, сэр, я умоляю, не лишайте меня последнего доказательства вашей щедрости — вашего прощения. Я покидаю Уиверн, и, прежде чем это письмо окажется в вашей руке, я найду новый дом. Скоро, я верю, я смогу сообщить вам, моему благодетелю, где он нахо-

дится. А пока пусть Бог так вознаградит вас за вашу доброту ко мне, как сама я никогда не смогу. Я покидаю место, где прошла вся моя жизнь — прошла среди непрерывной и незаслуженной доброты, — с болью, которая становится сильней от мысли о моей полной неспособности в данный момент отплатить за ваши заботы. Молю, сэр, простите меня; молю, восстановите обо мне доброе мнение, избавьте меня от ужасающего горя вашего отвращения ко мне и в милосердии попытайтесь простить вашу несчастную, но всегда благодарную

Элис Мэйбелл».

Закончив читать, Чарльз Фэрфилд поднял взгляд на отца.

— Вот видишь, девица под стать тебе! Я растил ее как собственного ребенка, был к ней лучше и добрее, чем к вам, а она, едва полностью развившись, так бессовестно отплатила мне! Черт тебя побери, ты язык проглотил? Что ты думаешь о ней?

— По письму непросто сказать, — растерянно произнес Чарльз. — Там не указаны причины ее поступка.

— Ты не Фэрфилд, нет, нет! Если бы ты им был, ты бы решил, что твой дом оскорблен. Но ты… ты

хладнокровный мерзавец, а не Фэрфилд.

— Не думаю, что какие-то мои слова, сэр, помогут делу…

— Весьма вероятно, но я тебе скажу, что думаю о ней, — прогремел старик.

Он начал выражаться так истерично и оскорбительно, что сын его, покрывшись румянцем, сказал:

— Я ухожу, сэр, ибо таких речей не потерплю.

— Ты не уйдешь, пока я не отпущу тебя! — закричал сквайр, преграждая ему путь. — Хотелось бы знать, почему ты отказываешься слушать… и… и…

— Потому что она моя жена, сэр, — ответил Чарльз Фэрфилд, побелев от ярости. — Мы тайно обручились несколько недель назад.

— Что?.. Что?.. — после долгой изумленной паузы прошипел старик. — Тогда ты еще худший негодяй, чем я думал… Вот, получи…

Дрожа от ярости, он взмахнул тяжелой тростью в воздухе. Но прежде чем она опустилась, Чарльз Фэрфилд перехватил его руку.

— Нет, сэр, — сказал он с мрачной угрозой, когда отец дернул трость на себя.

Хватка сквайра была еще цепкой, и Чарльзу потребовались все силы, чтобы выхватить трость

из его пальцев. Она полетела за перила террасы, и сквайр, потеряв равновесие, упал. По бледной морщинистой щеке от виска потекла кровь, и Чарльз замер.

Однако его отец быстро поднялся и с угрюмым видом стоял, держась за перила. Нетрудно было представить его чувства. Прежде всего — ярость от услышанного, но если бы только это… Сын, которого он презрительно считал слабаком, так легко справился с ним — с ним, Геркулесом, который когда-то был первым в борьбе в радиусе двадцати пяти миль. Это и стало последней каплей в чаше его унижения.

Генри Фэрфилд выпрямился и гордо вскинул голову. Глаза у него были дикими, на тонких поджатых губах, открывающих зубы, которые милостиво оставило ему время, играла злобная улыбка. Кровь перепачкала не только его лицо, но и седые волосы.

Чарльз боялся, что сейчас расплачется. Для него было бы облегчением броситься перед отцом на колени и молить о прощении. Но гордость Фэрфилдов разбила это намерение. Единственное, на что его хватило, — произнести с взволнованным и обеспокоенным видом:

— Мне ужасно жаль, но это не моя вина, сэр,

и вы это знаете. Ни один Фэрфилд не смог бы снести удары, и я только перехватил трость. Черт возьми, да если б меня матушка решила наказать, я бы не смог действовать аккуратнее. В том, что вы упали, нет моей вины, и мне ужасно жаль. Вы же не вините меня? Скажите, что нет. Вы видите меня в последний раз в жизни… и… и нет нужды расставаться при таких ужасных обстоятельствах… Пожмем друг другу руки, сэр?

— Мой сын пролил мою кровь, — сказал старик. — Да проклянет тебя за это Бог. И если ты когда-нибудь появишься в Уиверне после этого, пока я еще дышу, то я пристрелю тебя как браконьера.

Генри Фэрфилд развернулся и мрачно побрел в дом.

Глава X
В ЛУННОМ СВЕТЕ НА ВЫГОНЕ КРЕССЛИ

Генри Фэрфилд ходил из комнаты в комнату, подолгу задерживаясь у каждого окна. Спустя час после сцены на террасе он все еще дрожал и скрежетал зубами. Тяжкий груз давил ему на сердце.

Настал вечер, в гостиной зажгли свечи, и сквайр, позвонив в колокольчик, попросил, чтобы к нему зашла миссис Дардин.

Опрятная женщина в аккуратном чепчике появилась в дверях и сделала книксен. Конечно, она отлично знала, что собирается сказать сквайр, и с тревогой ожидала, каким тоном он это сделает.

— Ну, — грозно сказал сквайр, — мисс Элис ушла. Я послал за вами, чтобы сообщить вам об этом по той причине, что вы здесь экономка.

— Она скоро вернется, сэр? — спросила миссис Дардин после паузы, изобразив полное неведение.

— Нет, она не вернется... нет, — ответил сквайр.

— Не вернется в Уиверн, сэр?

— Пока я дышу, она никогда не осквернит мой дом своим присутствием.

— Мне жаль, что она вас так расстроила, сэр, — вздохнула женщина и сделала еще один книксен.

— Расстроила! Да кто сказал, что она меня расстроила? Мне абсолютно безразлична эта… Ха-ха! Забавно.

— И… что прикажете сделать с ее кроватью и мебелью, сэр? Оставить все в ее комнате?

— В окно… Выбросите в окно вслед за ней. Пусть слуги увезут мебель в работный дом, где бы она и была, если б я не оказался самым большим дурнем в приходе.

— Я скажу спустить мебель вниз и унести, сэр, — сказала миссис Дардин сдержанно. — Как и из комнаты миссис Крейн. Дульчибелла ведь тоже ушла?

— Ха-ха! И хорошо, что ушла, старая ведьма! Я бы приказал окунуть ее в пруд, если б она осталась здесь. И никогда при мне не называйте этих имен, ни одного, ни второго, если сами не хотите уйти. — Он топнул ногой. — Да если б я захотел, я мог бы получить ордер на то, чтобы она вернула одежду, которая на ней, но черт с ней. Черт с ней, — повторил он. — Мне еще и лучше,

пусть эту девку берет кто хочет, дарю ему такую радость!

Тем вечером сквайр был крайне рад видеть своего слугу Томаса Рука. Попросив второй кувшин пунша, он сказал:

— Ты так давно служишь мне… Прежде люди были лучше. Мир чертовски изменчив, Том. В наше время все было по-другому… Ну да ладно, я расквитаюсь с ними сполна.

Он уснул в кресле, а через час проснулся; в голове все еще звучала музыка маленькой Элли из сна.

— Сыграй еще, дитя, сыграй еще разок, — сказал Генри и прислушался… к тишине. Осмотрел пустую гостиную, и к нему вернулась боль, смешанная с гневом. Он заходил по комнате, сжав кулаки в карманах. Обругал Элис дьяволицей, дикой кошкой, гадюкой… Гордый старик плакал. Слезы стекали с морщинистых век на впалые щеки.

— Мне все равно, — упрямо твердил он. — Я ненавижу ее… Не знаю, почему я был таким дураком. Я рад, что она ушла, и я молю Бога, чтобы подлец, с которым она сбежала, разбил ей сердце, а потом сломал свою чертову шею на утесах Карвелла. — Нетрудно было догадаться, куда

отправится парочка.

Сквайр взял свечу и по старой привычке пошел закрыть дверь, которая вела в половину мисс Мэйбелл.

— Ах, что же я… — сказал он с горечью, опомнившись. — Запираю дверь конюшни, когда лошадка украдена. Мне плевать, даже если этот чертов дом сегодня сдует ветром, я даже хочу этого. Она… она была добрым созданием, пока этот чертов бездельник не украл ее. Что она в нем нашла? Никчемный, и к тому же не молод. Это заговор, она всегда была доброй крошкой… Но как она позволила втянуть себя?.. Черт ее дери, все они лицемерки. Я выясню, кто им помогал, все узнаю. Наверняка без Питера Шервуда не обошлось, — вспомнил он слугу своего сына, — больше некому. Я всех их вышвырну — немедленно! — из Уиверна. Пусть лучше в моем доме кишат крысы, чем снуют эти двуногие хищники. Пусть убираются в Карвелл и голодают там. Надеюсь, что в своей справедливости Бог не допустит, чтобы мой старший сын когда-нибудь вновь появился в Уиверне. Я бы мог застрелиться, наверное, но нет. Но она… В любом случае она могла бы подождать, пока я помру, я ведь был к ней так добр… Глупец, глупец…

Со свечой в руке он медленно побрел на свою половину.

В это время почти в сорока милях от Уиверна молодая леди, чей отъезд возбудил столь бурное волнение в поместье, и ее верная няня Дульчибелла Крейн быстро ехали в карете по меланхоличной, но приятной местности, освещенной ярким лунным светом. Элис не отрывала взгляда от широкой холмистой равнины с островками серебристых берез, одиноких дубов и зарослей боярышника. Овечьи пастбища Кресслы, где почва была чуть лучше торфа, не особо ценилась фермерами, зато виды здесь были отменные. А уж когда светила луна… Даже черствая душа откликнулась бы на такую красоту. Казалось, все здесь было пронизано тайной, печальной и торжественной одновременно.

С тревожным видом и тяжелым вздохом Элис наконец откинулась на сиденье.

— Ты не спишь, Дульчибелла? — спросила она чуть ворчливо.

— Нет, мисс, нет, моя дорогая.

— И что, тебя ничего не тревожит?

— Меня? Нет, дорогая, ничего, слава богу.

— Ни твои собственные, ни мои проблемы тебе не досаждают, это очевидно, — сказала Элис с

упреком.

— А разве вы чем-то обеспокоены, душа моя? Надеюсь, все идет хорошо, — сказала старушка с простодушным видом.

— Ты же знаешь, он сказал, что присоединится к нам, когда мы пересечем выгон Крессли. Так вот же он, выгон, но я его не вижу.

Девушка снова высунула голову в окно. Никого не увидев, она села на место, грустно вздохнув.

— Стоит ли так волноваться, мисс Элис? — всплеснула руками Дульчибелла. — Всему есть объяснение. Если он не здесь, то где-то еще. Кто знает, что задержало бедного джентльмена. Нельзя беспокоиться из-за каждой мелочи.

— Дульчибелла, ты сводишь меня с ума! Что-то точно случилось. Ты ведь знаешь, что он должен денег… Может, его арестовали? Если да, то что будет с нами?

Ох, Дульчибелла, скажи, что ты действительно об этом думаешь.

— Нет, нет, нет, моя дорогая. Не волнуйтесь ни о чем, посмотрите в окно еще раз, может быть, он уже на подходе?

Дульчибелла была полна надежд и не испытывала тревог относительно мастера Чарльза, как она называла Чарльза Фэрфилда.

Старушка не была прорицательницей, но Элис, выглянув по ее совету в окно, действительно увидела вдалеке фигуру всадника.

Она застучала в окно, привлекая внимание кучера и слуги рядом с ним, и карета остановилась.

— Посмотрите-ка, кто пытается нас догнать! — воскликнула она пылко.

Всадник все еще был слишком далеко, чтобы узнать его, но он быстро приближался. Разбойники, когда-то бывшие настоящим кошмаром здешних мест, давно уже перевелись, поэтому ни кучер, ни слуга не испугались. Стук подков звенел в тихом ночном воздухе. Всадник миновал деревья, которые они только что оставили позади, и теперь можно было узнать его голос.

— Элис, — кричал он.

Еще через несколько секунд возлюбленный юной леди остановил свою охотничью лошадь у кареты. Улыбка осветила его мрачное лицо, когда он заглянул внутрь.

— Ну, дорогая, я догнал тебя на выгоне Кressли, как и говорил. Моя женушка рада снова увидеть своего Ри?

Он спешился и взял ее за руку.

— О, Ри, дорогой, я так рада! Пусть Питер поедет

дальше на твоей лошади, ты сядешь со мной. Дульчибелла, а ты возьмешь накидку и сядешь рядом с кучером, — обратилась она к няне. — Ну же, дорогой, рассказывай, я хочу услышать все.

После короткой суматохи, связанной с пересаживанием, Чарльз Фэрфилд сел рядом со своей красивой молодой женой, и, когда они поехали дальше по залитому луной пейзажу, он сжал ее руку и нежно поцеловал.

Глава XI
МЕЧТЫ О РАЕ

— О, дорогой, я едва могу поверить в это, — прошептала Элис, улыбаясь и смотря на него своими большими глазами. — Мне кажется раем, что я могу говорить все что угодно без оглядки и больше не скрываться, что я не расстанусь со своим Ри… никогда, дорогой, пока мы живы.

— Милая моя женушка, — сказал он нежно, — кажется, ты и правда меня немного любишь.

— А Ри любит свою бедную маленькую птичку, не так ли?

— Обожает, преклоняется… боготворит.

— И мы будем так счастливы!

— Надеюсь, дорогая.

— Надеешься? — повторила она немного жалобно; в голосе ее почувствовался холодок.

— Я уверен в этом, дорогая, абсолютно уверен, — смеясь, ответил Чарльз. — Ты у меня такая нежная, что мне нужно следить за словами. Но я думаю… боюсь, ты не совсем понимаешь, что за место Карвелл.

— О, дорогой, ты забываешь, что я уже побывала

там. Это самое живописное место, какое я только видела. Я бы и сама его выбрала, и я согласна на что угодно, ты знаешь, лишь бы быть с тобой!

Его ответом был поцелуй.

— Дорогая, я никогда не заслужу и половины твоей любви.

— Все, чего я желаю, это жить с моим ненаглядным Ри.

— Да, дорогая, мы отлично там устроимся, я уверен… Только я боюсь за тебя. Могу описать тебе, как все будет происходить… Я возьму удочку и принесу тебе корзину форели или подстрелю зайца или кролика, и мы будем жить как в сказке: питаться рыбой из ручьев или дичью, но самое главное — в полном уединении, сами по себе. Я буду читать тебе по вечерам, или мы будем играть в шахматы, или вести разговоры, пока ты занимаешься рукоделием; я расскажу тебе истории из моих путешествий, и ты будешь петь мне, так ведь?

— Какой восторг — петь, чтобы доставить радость тебе, — сказала Элис в восхищении от картин жизни, открывавшихся перед ней. — О, расскажи еще.

— Ну… да… и ты будешь разводить прекрасные цветы.

— О, цветы… я их люблю… Дорогие не стану сажать, ибо денег у нас немного… Но ты увидишь, как я буду бережлива… Посажу однолетники, они ничего не стоят и при этом такие красивые. Тебе они нравятся, Ри?

— Ничто не сравнится по красоте с тобой, дорогая.

— А что высматривает мой Ри?

Чарльз уже несколько раз высовывал голову в окно кареты.

— О, ничего важного. Я только хотел убедиться, что мой слуга сладил с лошадью. А наш кучер… Подозреваю, он не дает Дульчибелле спать разговорами о том, как все устроилось. А ты знаешь, все получилось не так уж и плохо… То есть я хотел сказать, лучше, чем могло быть. — Он тихо засмеялся и украдкой взглянул на часы, потом сказал: — Ты говорила… ох… о цветах… однолетниках… да.

Они продолжили разговор. Но почему то Элис показалось, что пыл и веселье ее возлюбленного утихли, что мыслями он витает где-то далеко и все больше его поглощает беспокойство.

— Не думаю, что ты слышишь меня, Ри. Что-то пошло не так? — наконец не выдержала она. — О! Скажи мне, Чарли, ты что-то от меня утаил? Ты

боишься напугать меня?

— Нет-нет, что ты, уверяю тебя, дорогая. Какую ерунду ты говоришь, моя глупая птичка. Ничего я от тебя не утаил, но… Но я поссорился со стариком. Тебе не нужно было писать то письмо, или, по крайней мере, было бы лучше, если б ты рассказала мне о нем.

— Но, дорогой, я не могла просто так покинуть Уиверн, где ко мне были так добры. Я должна была сказать слова благодарности твоему отцу, вымолить его прощение. Ты не злишься на меня, дорогой?

— Злюсь? Моя глупенькая женушка, ты плохо знаешь своего Ри — он слишком любит своего птенчика, чтобы злиться на что-то. Но… отец получил письмо в неудачное время, и, как ты можешь предположить, оно не улучшило его настроения.

— Боюсь, мистер Генри был очень зол, да? Но он, хотя и вспыльчивый, очень великодушный. Я уверена, он простит нас очень скоро, и все уладится. Ты так не думаешь?

— Нет, дорогая, я так не думаю. Сбавь ход на холме! — крикнул он из окна кучеру. — Пусть лошади идут шагом, осталось всего две мили.

Бормоча что-то себе под нос, Чарльз снова

откинулся на сиденье; потом взял в свои руки ладошки Элис, посмотрел ей в глаза и улыбнулся.

— За прислугой глаз да глаз нужен, правда? А о моем старике… Ох, ты ошибаешься на его счет. Он не из тех, кто прощает, и с его стороны мы теперь увидим только зло. Знаешь, он говорил о тебе так, будто у него есть право бранить тебя. Я не мог этого позволить, поэтому сказал ему, что ты моя жена и что никто не смеет говорить о тебе плохо.

— Мой храбрый Ри! Ох, какое горе, что я стала причиной ссоры! Но теперь я люблю тебя в тысячу раз больше, дорогой. Теперь мы друг для друга все.

— Что ж, — воскликнул Чарльз с внезапной живостью. — Таков уж он есть, старый Генри Фэрфилд. Все хорошо, Питер? — спросил он, снова высунувшись из окна.

— Да, сэр, — ответил слуга, который, после того как проскакал вперед, снова вернулся к карете.

— Милая моя, Питер говорит, что в доме все готово к нашему приезду, — радостно воскликнул Чарльз. — И знаешь, дорогая, — продолжил он весело, — не думай, что меня хоть как-то заботит, доволен старик или зол. Он никогда меня не любил, и он не может причинить нам никакого

вреда. Рано или поздно Уиверн станет моим. — Чарльз улыбнулся со страстью человека, чье настроение внезапно улучшилось.

Элис сильнее прижалась к нему с инстинктом птички, которой не терпится построить свое гнездо. Если есть на земле рай, то именно сейчас он открывался перед нею. И в этом раю они будут вдвоем, неразлучны. Всеми фибрами своей души, пока они поднимались по крутой извилистой дороге к усадьбе Карвелл, она чувствовала, что каждая миля приближает ее к этому раю.

Было что-то парадоксальное в том, что столь юное создание без памяти влюбилось в мужчину вдвое старше. Однако я слышал о подобных случаях и даже прочитал у какого-то старого французского писателя — простите, позабыл его имя — правило, изложенное с торжественной дерзостью: нет более всеобъемлющей и отчаянной любви, чем любовь девушки к мужчине за сорок. Пока герой не достиг периода осенней зрелости, юная красотка будет любить его лишь наполовину. В оригинале эта вдохновляющая истина изложена гораздо более красивым языком. Я извлек ее суть для удобства тех, кого она может заинтересовать.

С другой стороны, я не могу не сказать, что у

Чарльза Фэрфилда было много вспомогательных средств, чтобы добиться успеха. Прежде всего, выглядел он на четыре-пять лет моложе своего настоящего возраста. Он был приятен внешне: темный шатен с белыми ровными зубами и ясными голубыми глазами, которые при взгляде на Элис страстно горели. И да, он был единственным человеком в Уиверне, с кем она могла поговорить. Чарльз повидал мир, бывал за границей, видел картины хороших художников и по крайней мере знал имена некоторых модных авторов.

В варварской изоляции Уиверна, где молодые и старые говорят только о новом плуге, о волах и прочем столь же приземленном, причем говорок у них далек от лондонского, для юной леди со вкусом к книгам и интересом к искусству Чарльз Фэрфилд был желанным компаньоном.

Карета приближалась к усадьбе Карвелл. С детским восторгом Элис наблюдала в окно за изменением пейзажа. Узкая дорога вилась вверх все круче и круче, лес подступал все ближе и ближе. Деревья отбрасывали мрачную тень. Но ее ничто не пугало, ибо уши и сердце были наполнены музыкой слов любимого.

Наконец сквозь деревья в рассеянном лунном свете показались очертания строений. В тени

огромного ясеня перед ними предстала приземистая каменная сторожка с пологой крышей, частично скрытая плющом. В оконцах не было света. Питер спешился и распахнул железные ворота, которые со скрипом качнулись, открывая вид на заросший травой квадратный двор. Над стеной, окружавшей его, торчали верхушки деревьев, щедро посеребренные луной.

Ночью это место показалось Элис незнакомым, будто она никогда и не бывала здесь прежде.

Глава XII
ЗНАМЕНИЕ

Если бы в окнах горели огни, если бы чувствовалось хоть какое-то дыхание жизни, осмелюсь сказать, что усадьба эта, расположенная в столь отдаленном месте, могла бы показаться довольно уютной. Но ведь ничего такого не было. Холодный лунный свет равнодушно серебрил верхушки труб, а тишина, повисшая над двором, заставляла сжиматься сердце. Однако глаза Элис Мэйбелл узрели во всем этом приятную картину. Простим ей и восхитимся. Это вовсе не было глупым обманом зрения — энтузиазм настоящей любви всегда преображает реальность.

— Добро пожаловать, моя дорогая. Это бедное пристанище, несомненно, заиграет новыми красками с твоим появлением здесь, — сказал Чарльз в порыве нежности. — Понимаю, ты достойна лучшего, но скоро, очень скоро ты привыкнешь к этому месту. Как и я, — не удержался он от вздоха. — Вот тебе моя рука — добро пожаловать в усадьбу Карвелл!

Опираясь на его руку, Элис выпрыгнула из ка-

реты, и они пошли к дому.

— Не понимаю твоего беспокойства, Ри. Я уверена, что мне здесь понравится. Здесь так тихо и спокойно, — сказала она. — Я полюблю Карвелл и, возможно, сроднюсь с ним, если ты всегда будешь рядом со мной. Завтра при свете дня ты мне все покажешь, да?

— Конечно, покажу. Но давай сначала войдем, — рассмеявшись, он постучал в дверь молоточком.

Прошли добрые пять минут, пока в окнах первого этажа заплясал отблеск свечи. Дверь открылась, и на пороге появилась старуха. Она улыбалась им, если это, конечно, можно было назвать улыбкой: темные глаза пожилой женщины оставались безжизненными. Желтоватое пламя сальной свечи делало глубокие морщины на ее лице еще глубже; казалось, лицо было вырезано из камня.

За ней, тоже со свечой в руках, стояла маленькая девочка лет двенадцати. Дети всегда прелестны, но будем правдивы — кроме темных глаз и белых зубов в лице ее не было ни одной ласкающей взгляд черты. Девочку звали Лилли Доггер, и ее позвали помочь старухе накануне приезда Фэрфилда. Она тяжелым взглядом смот-

рела на молодую леди, которая, улыбаясь, вошла в холл.

— Добро пожаловать, миледи, приветствую вас в Карвелле, — скрипуче произнесла старуха. — Добро пожаловать, сэр, приветствую вас в Карвелле.

— Большое спасибо. Уверена, мне здесь понравится, — ответила Элис. — Это такое красивое место… и тихое, я люблю тишину.

— Не знаю насчет красоты, но тихое — это да. Тут нечасто появляются люди, которые могли бы вас побеспокоить, мисс… мадам, то есть миледи, — старуха запуталась в обращениях.

— Мы все постараемся сделать жизнь моей юной жены приятной и удобной в Карвелле! — сказал Чарльз и похлопал старуху по плечу.

— Ну, у меня немного возможностей сделать так, чтобы она приятно проводила время, мастер Чарльз, — усмехнулась та. — Но, полагаю, каждый из нас приложит усилия.

— Вот именно, — кивнул Чарльз и взял Элис за руку. — Идем, дорогая… Здесь, однако, прохладно…

— Огонь горел весь день в комнате с панелями, там тепло. И я вскипятила чайник, если миледи желает чашечку чаю.

— Спасибо, — сказал Чарльз. — А спальня? Она протоплена?

— Да, сэр. Там тоже огонь горел весь день и все проветрено.

— Ну, дорогая, сначала взглянем на комнату с панелями? — спросил Чарльз.

Они пересекли холл и поднялись по лестнице. Наверху оказался еще один холл, поменьше, за которым была уютная комната, действительно обшитая панелями, — что-то вроде гостиной. В камине плясал веселый огонь, а старомодная мебель, хотя и выцвела немного, говорила о хорошем вкусе того, кто в свое время ее приобрел.

Элис, которая и так была готова удивляться всему, вскрикнула от восторга — такого искреннего, что ее супруг не мог не рассмеяться.

— Как я рад, что тебе понравилось. Но, учитывая все обстоятельства, боюсь, это единственная достойная комната в Карвелле…

— Что за пессимизм, Чарли! — воскликнула Элис. — Эта комната очаровательна, и я более чем довольна. А что до других… В наших силах все изменить!

— Добрая крошка, — улыбнулся он. — Похоже, ты настроена мириться с чем угодно. Но в ближайшее время лучше точно не станет. И все же

ты права, в наших силах все изменить. Главное, что мы любим друг друга, а когда любви нет, то и роскошь не в радость. Смотри-ка, чайник еще горячий, — сказал он, дотронувшись до чайника на каминной полке. — Завтра у нас будет время осмотреться. Может быть, я сделаю чай, пока ты переодеваешься наверху?

— Да, конечно. Меня проводят? — Элис взглянула на старуху, которая с приклеенной к губам улыбкой стояла в двери.

— О, прости, дорогая, я должен был представить тебе эту милейшую женщину. Милдред Таили, *genius loci*[5]. Милдред, покажите хозяйке спальню.

Элис горела любопытством, ведь этот старый дом теперь должен был стать и ее домом. Отныне и навсегда.

— А что в этой комнате? — спросила она старуху, посмотрев на закрытую дверь в глубине коридора.

— Когда-то здесь была буфетная, миледи. Еще в те времена, когда моя матушка была в вашем возрасте. А вот когда я была молодой, эта комната всегда была заперта.

---

[5] Примечания: 5

Genius loci (лат.) — в римской религии — дух-покровитель места.

— О, скажите… — спохватилась Элис. — А где моя служанка? Где Дульчибелла?

— Она уже наверху, и ваши вещи там. Работник сразу перенес багаж.

Оглядываясь, Элис шла за миссис Таили. Будь молодая особа не столь восторженной, дом, скорее всего, напугал бы ее. Толстые стены, обшитые панелями, ниши окон, двойные двери, дубовые полы, скрипящие под ногами… В пламени свечи казалось, что из-за угла вот-вот появится приведение. Но Элис ничего этого не замечала. Но тут…

Коридор, по которому они шли, был разделен аркой. Элис Фэрфилд, как я теперь могу ее называть, остановилась и осмотрелась. Не могу сказать, что повлияло на нее: накопившиеся впечатления, тишина и темнота, а может, присутствие старухи столь отталкивающего вида (девчонка куда-то подевалась), но впервые после приезда сюда сердце ее ушло в пятки. Она вздрогнула и не смогла сдержать крика.

Милдред Таили посмотрела на нее, потом покрутила свечой.

— Вас что-то напугало, миледи? — почти что с издевкой спросила она. — Наверное, это летучая мышь. Прошлой ночью одна залетела сюда, но сейчас ее вроде нет.

— Я… вы не видели это? — Элис повернулась к ней в испуге и смущении.

— Я ничего не видела, мадам, — старуха опять путалась в обращениях.

— Очень странно… Я видела… Клянусь, что видела.

И почувствовала, как воздух колышется у моего лица…

— То есть что-то было здесь, мисс?

— Да, здесь, прямо перед нами. Я… Неужели вы не заметили?

— Нет, мисс… Я не знаю. А что я должна была заметить?

— Ну, как будто что-то опустилось прямо перед нами. — Она указала на арку, перед которой они стояли.

— Да что вы, вам просто показалось.

— Может быть… Но я явственно почувствовала…

Огромный тяжелый занавес… Он опустился, как только я хотела пройти. Даже поднял небольшое облачко пыли у наших ног…

— Черный занавес? — спросила старуха, пристально посмотрев на нее.

— Да… Значит, вы все-таки видели?

— Ничего я не видела, а в темноте все кажется

черным. Тут ничего нет, никакого занавеса. Глядите, я спокойно прохожу, — она шагнула вперед, неприятно хохотнув.

— Да я и без вас знаю, что тут ничего нет, но я видела, как он опустился… То есть почувствовала… — Элис вздохнула.

— Мне жаль, что вы что-то такое видели, — пожала плечами Милдред Таили. — Тем, кто молится, не нужно ничего такого бояться. Я здесь никогда не видела ничего подобного, а я в Карвелле живу уже больше шестидесяти лет.

— Пойдемте дальше, прошу вас. Я хочу посмотреть спальню, — сказала Элис.

— Как пожелаете, миледи.

Глава XIII
ПРОГУЛКА ПО САДУ

Странно, что Элис не заметила этого раньше, но в конце коридора, кстати, довольно короткого, из приоткрытой двери пробивался свет, указывая на комнату, которая была приготовлена к их с Чарльзом прибытию. Сердце все еще колотилось от испуга, но вид Дульчибеллы, энергично распаковывающей сундуки, успокоил девушку.

— Комната хорошо проветрена, мадам, — сказала Милдред Таили, неуклюже сделав книксен.

— Спасибо. Тут очень уютно, и такой яркий огонь, — Элис улыбнулась ей как можно искреннее.

— В доме есть еще комната с гобеленами и комната в коже, но они не такие сухие, как эта. Деревянные панели хорошо держат тепло.

— Дуб, кажется? — спросила Элис.

— Да, мадам. Есть еще розовая комната, но она в очень плохом состоянии. А вот столовая скоро будет готова к использованию. Кровать и все, что здесь собрано, — это лучшее из мебели, как мне кажется. Все дверцы в шкафах закрываются,

замки в порядке. Это и правда самая удобная комната, мадам. И при ней есть гардеробная, видите? — показала она на маленькую дверь, но умолчала о том, что в стене под обоями между панелями спрятана еще одна дверь — в кладовку, забитую всяким хламом, — Может быть, добавить поленьев в огонь?

— О нет, не нужно, все хорошо, спасибо.

Элис подошла к камину и протянула руки к огню; после недавнего происшествия ее все еще пробирала дрожь. Милдред Таили обвела взглядом комнату, еще раз сделала корявый книксен и ушла.

— Дульчибелла, ты будешь пить чай? — спросила Элис ласково.

— После того как разберу ваши вещи, милая, пренепременно.

— А для тебя подготовили комнату?

— Да, внизу. Лилли Доггер показала мне ее. Не сказать, чтобы там было уютно, но я ее быстро приведу в порядок.

— Ты попьешь чай одна или со служанкой? С миссис Таили?

— Ах, моя дорогая, лучше уж одна.

— Она тебе не понравилась, Дульчибелла?

— Как я могу сказать, понравилась она мне

или нет, если я с ней и десятком слов не перекинулась? Возможно, она достойная женщина, я не знаю.

— В ее лице есть что-то не очень приятное, ты не находишь? — спросила Элис.

— Вы так проницательны, дитя мое, вы читаете мои мысли… — вздохнула Дульчибелла. — Но люди обычно привыкают к лицам, которые вначале кажутся не очень приятными. Думаю, эта вешалка отлично подойдет для вашего жакета, — сказала она, забирая жакет из рук своей подопечной. — Боюсь, вы немного устали, я угадала?

— Не то чтобы устала… Просто мне так жаль мистера Фэрфилда… Я поступила жестоко по отношению к нему. Я много об этом думала в дороге. Мне грустно, Дульчибелла, хотя в моей жизни произошли такие приятные изменения… — Почувствовав, что к глазам подступают слезы, Элис взяла себя в руки. — Ри ждет меня внизу. Пойдем со мной до лестницы, ты подержишь свечу, пока я спускаюсь.

Услышав голос Чарльза, распевающего от избытка чувств старинную песенку: «Дженни, ставь чайник… Барни, громче бей в колокола…», Элис рассмеялась, дурное настроение сразу исчезло.

Он встретил ее на пороге, поцеловал, обнял за талию и провел к креслу.

— Ты отсутствовала совсем недолго, любимая моя, но я уже начал скучать по тебе. Поддерживал настрой песенкой, которую помню с детства. Все это кажется мне сном… Не могу поверить, что ты здесь. Но если это сон, то горе тому глупцу, который разбудит меня! — Он снова поцеловал ее. — Сегодня самый счастливый день в моей жизни. А сейчас мы выпьем первую чашечку чая в нашем общем доме. — Чарльз стал разливать чай по чашкам, все еще напевая.

Знаете ли, я понимаю его. Восхитительная независимость… Восторг от близости любимой… Прекрасный сон, в котором нет смерти, но главное — нет кредиторов. Могу пожелать им — пейте свою «первую чашечку чая», размешивая сахар серебряной ложечкой. Серебро к удаче, как говорят, а то, что фарфор хрупок, — об этом лучше не думать. Бывает, что и фарфор долговечнее серебра.

На следующее утро над усадьбой Карвелл ярко светило солнце. В его лучах хорошо была видна каждая трещинка в камнях старого особняка. Завитки плюща были истинным украшением, и то, что ночью могло показаться страшным,

теперь казалось приятным. Галки, кружившие над печными трубами, отбрасывали тени на крытые гонтом крыши. Щебет маленьких птичек наполнял воздух, а мрачное карканье, если и слышалось, то откуда-то с другой стороны оврага, который тянулся вниз к долине.

Юность всегда наслаждается переменой мест, упивается новыми видами и ждет приключений; Элис не была исключением. Чарльз Фэрфилд сопровождал свою торопливую супругу, которой не терпелось все увидеть. Ее хорошенькая головка полнилась планами, когда она с интересом осматривала свою маленькую империю.

— Этот сад — только не прими его за лес, где спит заколдованная принцесса! — гораздо лучше, чем сад Уиверна, — показывал ей свои владения Чарльз. — Здесь растут груши, сливы, вишни и яблони. Ей-богу, я и забыл, какие они огромные! А малина, крыжовник и смородина — ты когда-нибудь видела такие заросли? Когда я был мальчиком, я думал, что эти деревья растут здесь со дня сотворения мира. Они плодоносили странными кривыми фруктами, и их было немного… — пустился он в воспоминания.

— Тут очень красиво, дорогой. Цветы, растущие в тени, вьюнки, оплетающие стволы деревьев…

Красиво и таинственно… — прервала его Элис. — Однако надо заняться прополкой. Это не будет стоить нам ни цента, но ты увидишь, как тут станет чудесно. И я еще посажу цветы, с твоего позволения.

— Разве цветы вырастут без солнца? Готов поспорить, не вырастут, но если тебя не переубедить, то попробуй. На самом деле солнце появляется там, куда ты идешь, и я не удивлюсь, если природа смягчится и твои ручки сделают чудеса.

— Ага, смеешься надо мной!

— Нет, дорогая, не смеюсь — ты заставляешь меня поверить во что угодно. А теперь, когда мы осмотрели наш запущенный рай, в дикой красоте которого ты, мое доброе маленькое создание, увидела возможности для совершенствования, предлагаю осмотреть наше имущество: чашки, блюдца, тарелки, ножи, вилки, ложки и все прочее.

— Ох, да, идем, Ри. Мне так интересно!

Они вошли в дом и позвали Милдред. Как оказалось, старуха составила список того, что у них есть. Читая его, они то и дело разражались неудержимым смехом.

— Я и не подозревал вчера за чаем, что мы пьем

из последних чашек, — сказал Чарльз. — А наш столовый сервиз ограничен семью тарелками, две из которых треснуты!

Неизвестно, что их смешило больше: собственная бедность или, возможно, особенности правописания миссис Таили. Старуха стояла в дверях гостиной, пока они читали. В дневном свете она выглядела еще более морщинистой. Смех хозяев ее раздражал, это было видно по тому, как она время от времени закатывала глаза со злобным видом.

— Я никогда не дружила с пером — я знаю, — наконец не выдержала она.

— О боже! — спохватилась Элис. — Мне жаль, уверяю вас, миссис Таили… Чарли, пожалуйста, скажи ей, что мы смеемся только над тем, как мало вещей у нас осталось.

— Осталось! Не знаю, что вы имеете в виду под «осталось», мадам, но покажите мне другую женщину, которая бы сохранила хотя б половину фаянса и фарфора в приличном состоянии, как я. Сама я никогда не была растяпой, бьющей посуду.

— Но мы и не думаем, что вы ее разбили, правда, Чарли? — Элис повернулась к мужу.

— Не пори чушь, Милдред, — примирительным

тоном сказал Фэрфилд служанке.

— Вы хотите сказать, что я дура, мастер Чарльз? Так я и не притворяюсь ученой. Может, я и дура, но знаю, что бурный смех часто заканчивается бурными слезами. Господь да убережет вас от этого.

— Попридержи язык, зануда! — воскликнул Чарльз.

Миссис Таили подняла подбородок и посмотрела искоса, но не ответила — ей было обидно.

— Почему, черт побери, Милдред, ты не можешь хоть раз посмотреть весело? Наверное, ты не умеешь смеяться и даже улыбаться разучилась?

— Смеяться я не люблю, сэр, и есть люди, которым следовало бы смеяться поменьше. Особенно если они помнят о том, что случилось вчера вечером, и вняли предупреждению, — старуха покосилась на Элис. — Если я больше не нужна молодой леди, то я лучше вернусь на кухню, пока курица не сгорела. Лилли выкапывает картошку для ужина, ей недосуг приглядывать.

Она сделала книксен и с позволения хозяев ушла.

Глава XIV
ПИСЬМО

Элис побледнела, ее муж казался недовольным. Каждый по-своему понял слова Милдред Таили.

— Не обращай внимания на старуху, дорогая, не позволяй ей давить на тебя. К несчастью, в ее характере есть отвратительные недостатки, и исправить их невозможно.

— Я не поняла, что она имеет в виду под «предупреждением»… — растерянно произнесла Элис.

— Как и я, дорогая. Возможно, какой-нибудь саван, или гроб, вылетающий из огня, или часы смерти, тикающие в только ей известном месте, — засмеялся он, но Элис это нисколько не рассмешило.

— Правда, дорогой, что миссис Таили могла иметь в виду? — с тревогой повторила она.

— Не бери в голову. Милдред — глупая старуха! И невероятно злобная. Думаю, она разозлилась, потому что мы смеялись. Вообразила, что мы над ней потешаемся, и захотела тебя напугать. Я прогоню ее, если узнаю, что она фокусничает!

— О, бедная женщина, ни в коем случае! — за-

ступилась за служанку Элис. — Мы найдем с ней общий язык, вот увидишь. Если она решила, что мы над ней смеялись, я скажу ей, что мы ничего такого и не думали.

— Забудь о ней, она этого не достойна. Давай лучше составим список вещей, которые нам нужны. — Чарльз вздохнул. — Но, боюсь, мы не можем себе позволить слишком много, ибо ты вышла замуж за человека, который во всем, кроме любви, беден как церковная мышь.

Он поцеловал ее и погладил по нежной щечке.

— Ничего страшного, дорогой! Все, что нам надо, — небольшой обеденный сервиз и посуда для завтрака. Представляю, как будет весело заняться покупками! А далеко отсюда до Нонтона?

— Нет, не так далеко, но я не уверен, что мы найдем нужное нам в Нонтоне. Нам могут доставить все, что мы закажем, из Лондона.

— Но в Нонтоне я видела такой чудесный маленький магазинчик, — возбужденно сказала Элис.

— Так ты была там?

— Да, — кивнула она. — И для меня будет истинным удовольствием выбрать что-то для дома вместе с тобой.

— Как и для меня, — сказал Чарльз, улыбнув-

шись. — Но ты уверена, что там мы найдем то, что нам надо?

— Не знаю… Я проезжала по улице и обратила внимание на большой красно-синий кувшин над дверью вместо вывески. Мне кажется, мы обязательно подберем там что-то.

— Да, возможно… В конце концов, какая разница, где покупать.

Элис заметила некоторое замешательство в глазах Чарльза, но не придала этому значения. Особа юная и неискушенная, она обожала своего мужа и не замечала того, за что другие тут же ухватятся. Покраснев, она робко спросила:

— Ри, а почему бы нам прямо завтра не выбрать тарелки, чашки и блюдца? Это было бы такое приятное времяпрепровождение!

По лицу Чарльза пробежала тень.

— Дорогая, тебе придется привыкнуть, что впереди тебя ждут дни, которые вряд ли можно назвать приятным времяпрепровождением. Ты отлично знала, когда выходила за меня замуж, что я задолжал денег. Это создает определенные проблемы, и ты должна отнестись с пониманием к тому, что любой пустяк может еще больше все осложнить. Ну вот, у тебя в глазах стоят слезы… Ты думаешь: «Как я могла так ошибиться?»

— Нет, Ри, не в этом дело, — ответила Элис с улыбкой, которая далась ей нелегко. — Мне жаль, что я огорчила тебя.

— Огорчила? Да что ты, ничуть, дорогая. Просто мне неприятно думать, что я вынужден отказывать тебе в чем-то, а тем более в удовлетворении пустячных желаний… Если я и огорчен, то это никак не связано с тобой, и ты не должна строить пустые подозрения. Я люблю тебя, но мое стесненное положение… тут есть от чего огорчиться. Конечно, мы не одни такие, полно людей, у которых накопились долги, а еще больше тех, кому хуже, намного хуже… Ну-ну, дорогая, не плачь. — Он стер слезинку с ее щеки. — Неужели ты думаешь, что я буду вымещать на тебе свои огорчения? Да я скорее вышибу себе мозги, чем сделаю тебя несчастной хоть на час. Ну же, поцелуй меня! — Когда Элис охотно подарила ему поцелуй, он потянул ее за руку: — Пойдем-ка снова пройдемся: ты еще не видела конюшню, псарню, варочный цех и прочие живописные руины.

Облачко между ними развеялось, и снова засияло теплое солнце.

Помещения, которые они осматривали, за исключением, может быть, конюшни, находились

в состоянии упадка, полностью оправдывая то определение, которым Чарльз в шутку наградил их. Однако Элис не теряла оптимизма.

— Ты можешь смеяться, сколько хочешь, — сказала она, — но я думаю, что усадьбу можно не только привести в порядок, но и сделать по-настоящему красивой, даже лучше Уиверна.

— Не сомневаюсь, — рассмеялся Чарльз. — Это легко сделать, если есть две-три тысячи фунтов, которые можно пустить в дело. Когда они появятся — а я не теряю надежду, — ты сможешь все устроить по своему вкусу, я дам тебе карт-бланш. У тебя отменный вкус, дорогая, и лучшей хозяйки для Карвелла не придумать.

В этот момент послышался цокот копыт по брусчатке, и, повернув голову, Чарльз увидел, как во двор въезжает его слуга Питер Шервуд.

Тот спешился и коснулся шляпы:

— Письмо, сэр.

— А!

Чарльз, отпустив руку жены, быстро подошел к нему. Слуга протянул ему письмо. Элис стояла одна посреди двора, пока ее супруг пробегал глазами строчки. Закончив, он сделал в ее сторону несколько шагов, но, поглощенный своими мыслями, остановился и прочитал письмо еще раз.

— О, дорогая, прошу прощения, — наконец спохватился он. — Так о чем мы говорили? А, да, про наш дом. Ты бы и с Уиверном могла сделать что угодно, если бы я унаследовал его. А я и унаследую по праву старшинства. Но если Карвелл тебе нравится больше…

— Нет, я не думаю, что хотела бы прожить здесь всю свою жизнь, — перебила она его и замолчала, вспомнив о странном происшествии прошлым вечером.

В темном уголке ее разума зашевелился расплывчатый образ, так напугавший ее.

— Чарли, я хотела спросить тебя… Нельзя ли поменять комнату, в которой мы с тобой будем жить? Ту, куда отнесли мои вещи…

— Но, дорогая, — сказал он, пристально глядя на нее, — это определенно самая удобная комната в доме. Хотя если тебе больше понравилась другая комната… Ты уже присмотрела что-то?

— О нет, нет… Просто я такая трусиха и глупышка: мне показалось, что я что-то увидела, когда вчера вечером шла туда… Миссис Таили была рядом со мной…

— В присутствии миссис Таили любой бы собственной тени испугался, — засмеялся Чарльз. — Но кто это был: грабитель или всего

лишь призрак?

— Не то и не другое… Сама не знаю, что это было. Я не хотела говорить об этом вчера и думала, что к утру все пройдет, но я не могу избавиться от неприятного ощущения… Давай я тебе расскажу…

— Дорогая, ты можешь выбрать любую комнату, какая тебе понравится, только помни, что они все примерно одинаковые. А расскажешь потом, потому что сначала я должен сообщить тебе новость. К нам на ужин приедет Гарри, он будет здесь к шести. И… смотри, каким путем попадают ко мне письма.

Он показал ей конверт, который только что вскрыл. На нем было написано следующее:

Мистер Питер Шервуд
Почта
Нонтон
До востребования

— Вот доказательство предосторожности, которую я вынужден применять. В мире никогда не переведутся грехи, бедность, адвокаты… и любопытные парни, готовые пустить ядовитые стрелы закона в таких, как я. Вот почему я предпочел бы заказать нужные нам вещи в Лондоне, а не светиться в Нонтоне… — Увидев, что Элис по-

бледнела, он поспешно произнес: — Не пугайся, женушка, на каждого мужчину найдется один-два настойчивых кредитора, а я и вполовину не в такой опасности, как с полсотни моих знакомых. Но мой отец разозлен, ты и сама знаешь, и когда о нашей с ним ссоре станет известно другим, это не сделает моих кредиторов терпеливее. Поэтому я должен затаиться здесь, пока гончие собаки не успокоятся… А тебе, моя маленькая хозяйка, нужно подготовить ужин, чтобы накормить моего голодного брата, который приедет через пару часов. Предупреждаю, аппетит у Гарри волчий, потому что у этого парня нет никаких проблем.

Глава XV
ПРИЕЗД ГАРРИ

Пробило шесть часов, семь, и только в половине восьмого, когда они уже почти перестали ждать, в усадьбу приехал Гарри Фэрфилд.

— Как поживает миссис Фэрфилд? — громко произнес он, целуя прекрасную щечку Элис. — Расклад ясен, как говорят в игорном доме. Кажется, я поцеловал тебя? Но пусть мой брат не злится, я случайно, Чарли. Совсем как тот парень, который положил бумажник фермера Глисона себе в карман на прошлой ярмарке в Тратбери. — Гарри бурно рассмеялся своей шутке. — Ну ладно, ладно. Я рад видеть, что крыша здесь все еще на месте после свирепых бурь. Как тебе Карвелл, Элис? Дом преотвратный, но вы так влюблены друг в друга, что поселились бы и в коровнике, только бы быть рядом друг с другом. «Ее компанию люблю я больше мяса», — как поется в одной незатейливой песенке. Ха-ха-ха! Вот, кстати… Могут ли в этом доме предложить голодному мужчине кусок говядины или баранины и кружку эля?

Гарри Фэрфилд был остряком в неуклюжем де-

ревенском стиле, или, иначе говоря, пошловатым шутом. Но человек внимательный заметил бы в его шуточках опасную проницательность.

Пока накрывали на стол, Гарри подробно расспросил Чарльза и Элис — в той же манере не всегда добродушного подшучивания — о том, как они устроились, а когда выяснил, что во всем доме только две комнаты находятся в надлежащем состоянии, его веселье не знало границ.

— Клянусь, вы переплюнули сапожника из песни, который жил в хлеву, служившем ему кухней, гостиной и залом. Но в этой песне не упоминается жена сапожника — она, вероятно, сбежала от такого муженька. Так что ты, Элис, должно быть, обладаешь дьявольским терпением, да? — Последовал новый взрыв хохота.

— Так что там в Уиверне? — перебил его остроумие брат. — Ты видел старика?

— Нет, до сегодняшнего утра, — ответил Гарри, украдкой поглядывая на Элис. Но юная леди не замечала его взглядов, так как печально смотрела в пустоту, думая, очевидно, о старом сквайре и коря себя.

— Ты с ним завтракал?

— Боже милостивый, да, сэр.

— И?

— И? Ничего особенного… Дай-ка подумать, какая длина у его трости… Его трость и рука… Вместе это, скажем, пять футов шесть дюймов[6]. Советую тебе, брат, не подходить на пять футов шесть дюймов к старику, по крайней мере, пока он немного не остынет.

— Даже пытаться не буду, — ответил Чарльз. — Он может остыть, как ты сказал, или может лелеять свой гнев, мне все равно. Отец и правда был очень зол, когда я уезжал, но мы теперь далеко от него, и он до нас не дотянется.

— Надеюсь, — сказал Гарри, усмехнувшись. — Но когда я советую тебе держаться от него подальше, помни, что этот совет против моих интересов. Да-да, дружище. Чем сильнее вы со стариком таскаете друг друга за волосы, тем лучше для меня. Прости за откровенность.

— Как бы отец ни хотел, он не будет жить вечно, Гарри. Мы оба с тобой наследники, а у Фэрфилдов так заведено, что поместье наследует старший сын, причем тот, у которого есть свои дети. Но ты прав, этот порядок может быть изменен. Думаю, сейчас отец был бы рад видеть меня нищим. А я… Не то чтобы я хочу его видеть — особых чувств я

---

[6] Примечания: 6
5.6 фута = 1.7 метра.

к нему не испытываю…

Новый взрыв хохота.

— Ты когда-нибудь слышал о медведе, у которого болит голова? Ну, так это про нашего отца в его теперешнем состоянии, и я тебя предупреждаю: отец постарается сделать все, чтобы тебе ничего не досталось.

— И пусть. Если ты получишь поместье, Гарри, я буду только рад.

— Ну что же, спасибо. Сделаю вид, что поверил. У тебя есть бренди? Я ненавижу кларет, — сменил тему Гарри. — Только если это тебя не разорит, конечно.

— Да, бренди есть. Но всего две бутылки.

— Я подам, — сказала Элис, оживившись. Ей хотелось проявить себя в роли хозяйки дома, пока еще новой для нее. — Кажется… здесь? — Она открыла один из шкафчиков.

— Позволь-ка мне, дорогая, — сказал Чарльз и подошел к другому шкафу.

— О, я такая глупая! — покраснела Элис. — И такая бесполезная…

— А он чудесный парень, да? — сказал Гарри, подмигивая старшему брату. — Тебе повезло с мужем. Но подожди — еще немного, и золото с него сотрется, как с имбирного пряника… Наверняка

старая Дульчибелла — как, кстати, она? — покупала тебе «имбирного мужа» на ярмарке в Уиверне. В реальности все то же самое: позолота стирается, потом ты откусываешь голову и ешь дальше в свое удовольствие! А бренди-то неплохой… — Залпом выпив содержимое стакана, он посмотрел на Чарльза. — Где брал?

— Рад, что тебе нравится, — улыбнулся тот. — И знаешь, очень мило с твоей стороны приехать к нам так скоро. Хотелось бы видеть тебя чаще!

— Здесь еще кто-нибудь есть? — Гарри посмотрел через плечо, чтобы убедиться в отсутствии служанки. — Я бы не хотел, чтобы кто-то в Уиверне пронюхал о моем визите к вам, потому что… извини, это оттолкнет от меня старика. Ты, Элис, тоже молчи.

— Можешь не волноваться, Гарри, — покачал головой Чарльз. — Да и кому я скажу. Ты же знаешь, я изгой. А старика я, наверное, больше никогда не увижу.

— Не зарекайся, — Гарри снова наполнил стакан. — От вас я поеду в Барнсли, потом в Даулинг, потом, скорее всего, на юг, а когда вернусь в Уиверн, нагорожу ему грандиозной лжи, если он будет задавать вопросы.

— Не бойся, мы никому не скажем, — повторил

Чарльз.

— Ха, не бойся! Если ты про отца, я его не боюсь и никогда не боялся.

— Но тогда зачем же ты предупреждаешь?

— Скажу откровенно, брат. В отличие от тебя, я, можно сказать, нищий. У меня нет дома, пусть и заброшенного, милостиво переданного тебе отцом по настоянию нашей матушки, и нет ни куска земли, на который я мог бы рассчитывать, понимаешь? Отец пустит меня по миру, если сочтет предателем. Ему ничего не стоит захлопнуть двери Уиверна перед моим носом. Он лишит меня того скудного содержания, которое дает сейчас, продаст моих лошадей, и я… я буду вынужден обратиться к адвокатам, чтобы отстоять свои права. — Он вздохнул. — Или мне придется жить за твой счет, Чарли.

— Тебе здесь всегда рады, Гарри, — мягко сказал Чарльз.

— Всегда, — повторила Элис; не то чтобы она питала нежные чувства к Гарри, но он был братом ее мужа, и к нему нужно было проявить должное уважение.

Гарри продолжил, даже не поблагодарив их:

— В итоге вы здесь неплохо устроитесь, вот увидите, а что делать мне, если отец проклянет?

Объезжать лошадей или, черт возьми, наняться на поденную работу? На самом деле я сильно рискую, общаясь с вами… Нет, я готов рисковать, но все же лучше соблюсти осторожность.

— Боже, Гарри, ты же не думаешь, что я такой дурак и буду трепаться на каждом углу? — воскликнул Чарльз.

— Ничего такого я не думаю. А приехал я, чтобы подставить вам плечо, поддержать отщепенцев.

Чарльз взял одну руку благодетеля, Элис — другую, и они начали сообща изливать ему свои признательности. Гарри печально улыбнулся и опустил глаза в пол, щеки его раскраснелись.

— Я всегда говорю друзьям: «Оставьте благодарности при себе и лучше окажите мне услугу, когда это будет в ваших силах», — сказал он. — Соловья баснями не накормишь, и… Ну, в общем, больше ни слова.

Глава XVI
ДУРНЫЕ ПРЕДЧУВСТВИЯ

Под воздействием бренди Гарри никак не мог угомониться.

— Я бы спел, но сиплю со вчерашнего дня. Или мог бы попросить Элис сыграть, чтобы поднять настроение, но у вас здесь нет пианино. А скучный Чарльз не спел и ноты за всю жизнь… — Стоя у огня, он громко зевнул и тут же прокомментировал: — Понимаю, не слишком вежливо с моей стороны, но мы же родственники. — В любом случае мне уже пора покинуть вас.

— Я бы мог предложить тебе остаться, Гарри, но ты же знаешь, у нас не было времени подготовить гостевую комнату, — сказал Чарльз.

— Может быть, чаю? — робко спросила Элис.

— Я ненавижу чай, дитя, но все равно спасибо, — улыбнулся Гарри. — Я бы сейчас охотно выпил кружку сыворотки, она отлично оттягивает.

— А та серая лошадь, ты ее еще не продал? — поспешно спросил Чарльз, увидев, как глаза Элис округлились.

— Ох, прямо не знаю, что с ней делать… Я бы продал ее за пятьдесят, но старик Клинкер не согласен. Мы с ним поссорились из-за этого.

— Мне бы здорово пригодились пятьдесят фунтов, была бы возможность получить их, — вздохнул Чарльз.

— Не знаю ни одного человека, кому не пригодилась бы такая сумма, — рассмеялся Гарри. — Сдается мне, ты был бы рад получить и половину этой суммы.

— Черт, верно… Я в затруднительном положении. Гарри, и если… — Чарльз прервал себя на полуслове.

— Если повезет, я ее все таки продам за пятьдесят. Да, она прихрамывает на правую ногу, и человек с глазами не может этого не заметить, однако не все такие глазастые.

— У тебя получится, Гарри, я знаю, — сказал Чарльз, который ничего не понимал в лошадях, и ему трудно было поддерживать разговор.

Элис вздрогнула. Она правильно услышала? Ей показалось, что тон мужа стал раздражительным. Уж не винит ли он ее в том, что это она усугубила его проблемы с деньгами?

Чарльз перехватил ее взгляд: он был таким печальным, что его сердце сжалось.

— Зато моя женушка лучшая в мире, — поспешно сказал он. — Если бы я смог достать эти несчастные пятьдесят фунтов, она бы нашла им применение и превратила в сотню. — Он нежно положил руку ей на плечо и посмотрел в прекрасные глаза.

— Элис хорошая хозяйка, не сомневаюсь, — сказал Гарри, который до этого рассматривал свою шпору. — Хотя в Уиверне она вряд ли научилась бережливости.

— В ней это заложено, — возразил Чарльз.

— Нет-нет, я не могу принять твои похвалы, дорогой. Но я буду стараться. Я научусь всему… Уверена, секрет в том, чтобы стремиться делать все хорошо…

— Да, конечно, — прервал ее Гарри. — Делать все хорошо и делать вид, что тебе нравится. Срезать корку с черствого сыра, убивать мух, варить картофельные очистки, горбатиться за шиллинг… И улыбаться, улыбаться. Ну, мне пора. Спокойной ночи, Элис. Ты позволишь Чарли проводить меня немного?

А потом он в целости и сохранности вернется к тебе. Идем, Чарли, — позвал он брата. — Благослови тебя Бог, девочка, и я непременно загляну, когда у меня будут для вас какие-нибудь ново-

сти. — Прощаясь, он пожал Элис руку, похлопал ее по плечу и пощекотал под подбородком. — Не трать нервы, помни, все будет хорошо. Пара любимых глаз напротив, стаканчик бренди — и со всем можно примириться. Честно скажу, я не думал, что у вас так уютно, и я бы лучше остался здесь, чем скакать в Барнсли. Но меня ждут дела… Ты готов, Чарли? Я уже должен быть в пути, а малышка Элис ждет не дождется, когда я наконец исчезну.

Элис было интересно, что заставило весельчака Гарри, к грубым шуткам которого она никак не могла привыкнуть, проделать столько долгий путь ради коротенького визита. Ее новоиспеченный деверь не рассказал ничего существенного, разве что бренди выпил. Дела… Он сказал «дела»… Гарри хороший наездник, тридцать пять миль для него, в сущности, пустяк. Но стоило ли гнать лошадь?

А может быть, мистер Фэрфилд угрожал им чем-то, и Гарри просто не захотел ее посвящать? Она вспомнила строчку из какой-то умной книги: «Благожелательная скрытность и заботливость зачастую намного мучительнее, чем откровенная неприятная честность».

Элис знала, что Чарли видел в своем брате

союзника. Они всегда были заодно. Гарри сегодня шутил в своей манере, но что кроется за его шутками? А Чарли… Держит ли он в уме что-то, о чем не знает она? Элис < трудом подавила в себе желание догнать бра-тьсв и умолить рассказать ей все. Что за опасность нависла над ее мужем?

Вздохнув, она открыла ставни и посмотрела на залитый луной пейзаж. За стенами, увитыми плющом, молчаливыми стражами застыли деревья. Вдалеке угадывалась долина Марлоу. Над дальней стороной лощины поднимался лес. Фантазия не могла придумать картины более печальной и… пугающей.

Элис не была уверена, увидит ли из окна дорогу, по которой едут братья, — география дома была ей еще незнакома. Но она все равно стояла и всматривалась, к тому же этот вид так гармонировал с ее меланхолией. До чего же быстро в наше сердце проникает разочарование, до чего же быстро гусеницы пожирают прекрасные цветы! Мы разбиваем палатку или бросаем якорь там, где можем… Мы ждем и надеемся, но бывает, что путешествуем… в никуда.

— Наверное, это просто моя глупость: все хорошо, и им нечего скрывать от меня. У меня никого нет, и муж не оставит меня одну. Нет, Ри так не

поступит, — прошептала Элис. — Он скоро вернется, он не уедет с Гарри далеко.

Она спустилась вниз, подошла к входной двери, открыла ее и прислушалась. Со стороны конного двора доносились чьи-то шаги. Как оказалось, это был Питер. Слуга сказал, что мастер Гарри и мастер Чарльз пошли вдоль лощины в сторону выгона Крессли. Свою лошадь мастер Чарльз не взял.

Не сомневаясь, что муж вернется через несколько минут, Элис все больше тревожилась о том, что ей принесут эти минуты, и сама удивлялась своей тревоге. Она вернулась в комнату и стала ждать там.

Чарльза не было дольше, чем она ожидала. Чайные чашки стояли на столе забытыми. Хотя огонь в камине добродушно мерцал, она почувствовала себя еще более одинокой и, возможно, покинутой.

Чтобы справиться с чувствами, Элис решила нанести визит Дульчибелле Крейн.

Глава XVII
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Поднявшись по лестнице, Элис позвала служанку. Думаю, ей не хотелось в одиночестве идти по коридору, где водятся привидения. Она услышала голос Дульчибеллы в ответ и вскоре увидела свою старую няню. Однако Дульчибелла была не одна — за ее спиной маячила Милдред Таили.

— О, миссис Таили! Я так рада тому, что вы заглянули к моей Дульчибелле. Прошу, не уходите. Может быть, вы расскажете немного про этот старый дом? Вы здесь так давно живете и так хорошо его знаете… Вам наверняка есть что рассказать.

Старуха, как обычно, сделала книксен.

— К вашим услугам, мадам, — проскрипела она без особой охоты.

— То есть если это вас не затруднит, — быстро добавила Элис, которая побаивалась этой особы.

— Как пожелаете, мадам. — Еще один книксен, и столь же неуклюжий.

— Спасибо, спасибо! Дульчибелла, надеюсь, огонь в камине горит? С ним намного веселее.

Они втроем вошли в комнату.

— Миссис Таили, я не оторвала вас от чего-то важного? Может быть, вы собирались выпить чаю? — спросила Элис.

— Нет, мадам, ничем особым я не была занята. А чай я пила час назад, — ответила старуха.

— Присаживайтесь, пожалуйста.

— *Я* постою, если вы не против, мадам.

— О, как хотите… Я думала, что сидеть вам будет удобнее. Мне так хочется услышать что-нибудь об этом доме. Вы ведь помните, что случилось, когда я шла с вами наверх… Ну, когда я так сильно испугалась…

— Я ничего не видела, мисс… эм, мадам. Я только слышала, как вы что-то сказали, — буркнула Милдред Таили.

— Да-да, я знаю. Но сегодня вы обмолвились о предупреждении… И вид у вас был, будто вы знаете что-то такое…

Старуха, сложив руки, сделала очередной книксен. Всем своим видом она показывала: «Если вы хотите о чем-то спросить, спрашивайте, а я, так и быть, отвечу».

— Вы не припомните, может, в этом коридоре и раньше происходило нечто странное?

— Да, мадам, что-то такое было, — ответила старуха осторожно.

— И что же? — подобралась Элис.

— Сомневаюсь, мадам, что хозяин будет доволен, если узнает, что я рассказываю вам такие вещи…

— Он только посмеется, как и я, уверяю вас. Я вовсе не трусиха, а уж перед мужем тем более не выставлю себя пугливой дурочкой. Ну же, рассказывайте!

— Хорошо, мадам, только, пожалуйста, не забудьте, что это вы приказали мне рассказать, если мастер Чарльз вдруг осерчает на меня. И, мадам, многие думают, что это просто бабушкины сказки, бредни, и я не должна распространять их…

— Всю вину я возьму на себя, — прервала ее Элис.

— Вину? В этом нет никакой вины, насколько я понимаю, а если б и была, то с какой стати вам брать *ее* на себя? Я рассказываю, я и отвечаю за свои слова.

Но мы договорились — вы попросили, мадам, и я подчинилась.

— Конечно, конечно, миссис Таили… А теперь, будьте добры, рассказывайте!

— Но сначала, мадам, напомните мне, что видели.

— Я не знаю… Как будто передо мной упал

тяжелый черный занавес, когда я собиралась пройти дальше, и на несколько секунд закрыл проход, — ответила Элис.

— Ладно, согласна, был занавес. Только соткан он не на земном станке, мадам. У того, кто его прядет, сердца совсем нет, а рукой с веретеном дьявол водит. — Старуха кисло улыбнулась. — Как раз про это я рассказывала миссис Крейн, перед тем как вы пришли, мадам.

— Да, — подтвердила Дульчибелла. — И несомненно, этот случай очень странный…

— Мне показалось, что после того, как занавес упал, по полу прокатилось облако пыли… — продолжила Элис.

— Да, так и должно быть, так всегда было, — кивнула миссис Таили с той же уродливой кривой улыбкой, — но во всем коридоре нет ни пылинки, ибо мы с Лилли Доггер все вымыли и протерли. Пыль, так и есть, но это не пыль, а прах, рассыпаемый смертью. Туман в лощине Карвелл пустяк по сравнению с этим. Пыль, о которой вы сказали, мог бы стрясти призрак со своих развевающихся одежд, но, я так думаю, это обманное ощущение, мадам.

Что за чушь? Элис вздрогнула и повернулась к Дуль-чибелле — та смотрела на нее круглыми от

ужаса глазами;

— Все ясно, Дульчибелла, если мужество покинет меня, от тебя поддержки не дождешься, — сухо произнесла Элис и тут же добавила: — Не думайте, миссис Таили, что мне понадобится помощь Дульчибеллы. Я нисколько не испугалась, поэтому, пожалуйста, продолжайте.

— Как хотите, мадам. Я была крошкой, когда услышала эту историю. Как рассказывала моя прабабка, усадьба Карвелл перешла во владение Фэрфилдов лет двести или триста назад. И имя первого хозяина запомнила — сэр Гарри Фэрфилд. Его еще называли Гарри Сапог, потому что этого человека никогда не видели без сапог со шпорами. Он не вылезал из седла, ибо время было неспокойное. В этих местах всякое разное случалось, но Фэрфилды всегда были смелыми и отчаянными, опасность им по душе.

— Кажется, я видела его портрет в Уиверне… В холле, в дальнем конце от двери, у окна. Он там в длинном парике и большом стальном нагруднике, поверх которого ажурное жабо…

— Возможно, мисс… то есть мадам. Я не знаю, как он выглядит на портрете… Но Гарри Сапог, судя по всему, был человеком спесивым и уж точно заказал бы свой портрет. Он и портрет своей же-

ны заказал, вот его я видела девочкой. А женой его была леди Карвелл. То есть на самом деле хозяйкой здесь была она, а потом усадьба перешла по наследству ее мужу. Карвеллы-то все перевелись, ветвь засохла. Прабабка говорила, леди Карвелл была красивой, она ее застала. Бедняжка — вот как она про нее говорила. Фэрфилды всегда были необузданными. Не буду утверждать, что среди них не было хороших людей, но если к кому-то они и были добры, то только не к своим женам. Они были ужасными мужьями… это точно.

Элис не прервала ее — только вздохнула.

— Той самой леди Карвелл было тут очень тоскливо.

Ну, это вообще тоскливое место, знаете ли, ужасно тоскливое, всегда так было… Для стариков это не имеет значения, но молодая кровь, она ж другая. Молодежи всегда хочется посмотреть мир, поговорить, узнать о переменах, повеселиться. Но тут — ничего такого. Леди Карвелл гуляла по саду, срезала розы, сажала цветы — и все это в одиночестве. Она плакала у окна, пока Гарри Сапог отсутствовал. Его считали красавцем, этого Гарри, и наверняка у него были интрижки, а его несчастная жена вела жизнь затворницы…

Элис кивнула в знак внимания, и старуха про-

должила:

— Знаете, мисс… то есть мадам, слухи быстро распространяются. Понять не могу, на что надеялся этот Гарри. Ведь рано или поздно все выходит на свет. Бедняжка любила его больше жизни, больше своей души, я так думаю, и вот что получила в ответ… Он был настоящим негодяем.

— Вы про его неверность? — спросила Элис.

— Господи! Естественно, — с циничной усмешкой ответила миссис Таили. — И она постоянно думала об этом. А ведь перед ней открывалась лучшая партия… За юной леди Карвелл ухаживал лорд… лорд… Черт, забыла его имя. Он бы глаза выколол себе ради нее. Но не сложилось, потому что она любила Гарри Фэрфилда, этого мужлана в сапогах, и не хотела слышать ни о ком другом. Бедная одинокая птичка, попавшая в западню… Ей не с кем было поговорить, да и само это место… Дом окружала живая изгородь из тиса и густой темный лес.

— Да, — кивнула Элис, — эта изгородь очень высокая, она и сейчас сохранилась: я видела ее за садом. Это она? А лес, наверное, стал еще гуще.

— Да, так и есть. Но вы дальше слушайте. Она любила гулять вдоль пруда, и там ее однажды нашли утопшей. Некоторые говорят, что это был

несчастный случай, потому что берег там крутой и скользкий, а погода была дождливой, когда это случилось. Но другие говорят, она покончила с собой, во всяком случае, моя прабабка про это слышала. А как еще поступить юному созданию с разбитым сердцем, одинокому, которому не с кем словом перемолвиться?

— Кажется, вы сказали, что здесь был ее портрет? — спросила Элис.

— Да, был, мадам. В Уиверн его не отвезли.

— И где же он?

— Давным-давно его уже нет. Он висел в оружейной. Стена там была сырой, и портрет сгнил, таким черным стал, что на нем ничего не рассмотреть. Когда я была девочкой лет тринадцати-четырнадцати, я часто подолгу стояла и разглядывала его. Но потом уже и разглядывать было нечего. Все это давно было, и, наверное, холст сожгли.

— Ах, какая жалость! — воскликнула Элис. — А вы можете его описать?

— Портрет был в рост, и можно было видеть носок туфли из-под платья. Кажется, туфелька белой была, сатиновой, с пряжкой, которая могла быть бриллиантовой. Помню, в руках у нее был букетик из роз и мелких синих цветов. А вот ли-

цо… лицо было темным, только рот было видно — красные губы, улыбка…

— А что было потом… ну, после того, как ее нашли? — спросила Элис.

— Ха! Да много чего. Приехал сэр Фэрфилд… Его тут не любили и держали язык за зубами, потому что Фэрфилды, они скорые на расправу, никто не хотел им перечить. Он приказал задрапировать лестницы черным и повесить занавес на арку до пола, потому что бедняжка лежала здесь, пока ее не погребли.

— Только не в этой комнате! — испугалась Элис.

— Нет, не в этой, в другом конце коридора. Сейчас эта комната заперта. Потребуется много штукатурки и обоев, чтобы там можно было жить. Гарри Сапог уж так страдал по своей мертвой жене… Хитрые они, эти Фэрфилды, и я думаю, он просто все хорошо рассчитал. Уж лучше заставить людей думать, что он любил жену, чем развязать злые языки. Он раздавал милостыню бедным и, говорят, оставил кучу денег и церкви Кресслы, и местному аббатству. Еще он устроил самые пышные похороны, какие только можно вообразить. Бедняжку похоронили на нашем кладбище, как и всех Карвеллов, но в новом

склепе, где она была первой и последней, ибо сэр Фэрфилд вскоре снова женился, а когда отдал Богу душу, а может, и дьяволу, был похоронен в Уиверне, вторую его жену тоже потом там похоронили. А леди Карвелл как при жизни была одинокой, так и после смерти одна осталась.

— Наверняка у вас есть какая-то история, объясняющая то, что я видела? — спросила Элис.

— Я же сказала, мисс… то есть мадам: арка, когда покойница лежала в одной из комнат, черным была завешена, я это от прабабки слышала. Еще говорят, что четыре леди Фэрфилд в разное время до вас, мадам, видели то же самое. А Гарри Сапог плохо кончил. Прабабка моя рассказывала, что на похоронах тот молодой лорд, который очень любил леди Карвелл, во всем обвинил сэра Гарри. Он потом сэра Гарри на дуэли убил, только дуэль не сразу состоялась. Говорю же, Гарри Сапог жениться успел.

— Чудеса Господни, — вздохнула Дульчибелла Крейн. — Разве не странно, что джентльмены, у которых все есть, главного не ценят — жизни своей. Щелчок пистолета, и всем приключениям конец. Убедняков-то по-другому, однако…

— Вы упомянули, миссис Таили, про леди, которые тоже видели занавес. А вы не могли бы об

этом рассказать? — перебила няню Элис.

— Ну, говорят, что сэр Гарри — Гарри Сапог, как его прозвали, — привел сюда вторую жену меньше чем через год после смерти первой, и она увидела то же самое, что и вы, и в том же самом месте. Через два месяца после этого сэр Гарри был в могиле, а она в сумасшедшем доме, где быстро скончалась.

— Миссис Таили, зачем же вы пугаете молодую леди? — снова вмешалась Дульчибелла.

— Она попросила, и я рассказала как есть. Уж лучше напугать, чем обмануть, — пожала плечами Милдред Таили.

— Так я и не говорю, что вы должны ее обманывать, — нахмурилась Дульчибелла. — Но ни к чему забивать ей голову этими ужасными россказнями. Вы напугали ее — видите, как она побледнела?

— Любая на ее месте побледнеет. На свою беду, еще трое это видели. Одна потом упала со скалы; вторая умерла, рожая первенца; третью, когда она захотела посмотреть на охоту, выбросило из седла у карьера на выгоне Кресел и, она потом так и не пришла в себя. Вы мне про россказни не говорите, я обманывать не буду.

— Прошу, Дульчибелла, не надо. Уверяю вас,

миссис Таили, я очень вам признательна за то, что вы рассказываете, — испугавшись злой горячности старухи.

Элис решила защитить ее.

— Признательны? — фыркнула Милдред Таяли. — За что? И не признательны вы, а напуганы, осмелюсь сказать. Но что было, то и правда было. Фэрфилдам нельзя привозить своих жен в Карвелл, и мастер Чарльз знает об этом, как и я. Его матушка тут не жила — она жила в Уиверне, где и скончалась. В общем, мисс… то есть мадам, вы получили предупреждение, и вам лучше уехать отсюда, не откладывая. Я вам все разъяснила, моя совесть чиста. Вы, конечно, вправе по-своему поступить, но если вы думаете, что я буду помогать вам, то вы ошибаетесь. Может быть, вы больше и не получите никаких предупреждений — от меня уж точно нет, а если получите, можете внять или отмахнуться, это как вам будет угодно. Милдред Таили все честно рассказала. Теперь вы все знаете и совет мой услышали, а если отмахнетесь, мол, глупости все это, то придется вам принять то, что неизбежно грядет.

— Ах, мисс Элис, не нужно бояться, — закудахтала Дульчибелла. — А вам должно быть стыдно, — в гневе повернулась она к служанке. —

Вы же видите, она побелела как мел.

— Нет, Дульчибелла, все хорошо, — сказала Элис, улыбаясь, хотя в глазах у нее стояли слезы.

— Больше не буду ее пугать, слово даю. А если то, что я рассказала, звучит ужасно, то это не моя вина. Наоборот, я хочу помочь молодой леди. Хочу снять груз с души, чтобы она только себя винила, если пропустит мимо ушей мои предупреждения. Разве я не понимаю, что давать советы своевольной девушке дело неблагодарное. Приношу свои извинения, что говорю так откровенно, но лучше сейчас сказать, а то потом поздно будет, — добавила она. — Могу я пойти вниз, мадам?

Я должна идти, потому что кто знает, что сейчас делает эта дрянная девчонка, я Лилли Доггер имею в виду.

— Спасибо вам большое, идите, конечно, — сказала Элис.

Милдред Таили, пристально посмотрев на нее, сделала свой книксен и ушла.

— Никогда не видела таких, как эта, — сказала Дульчибелла, как только служанка удалилась. — Вы не должны позволять ей так с вами разговаривать, дорогая. Вы для нее хозяйка, и пусть знает свое место. Думаю, вам лучше держать ее

на расстоянии. От таких, как она, ничего хорошего ждать не приходится. Чем больше вы с ней будете любезничать, тем более дерзкой будет она, и никакой благодарности за снисхождение от нее не дождешься. Вижу, что вы ей не понравились, мисс Элис, как и я.

Услышать такое замечание от старой няни было неприятно. Оно вызывало тревогу, потому что было похоже на правду.

— Ну, это ничего не значит, — тем не менее сказала Элис. — Не думаю, что миссис Таили может мне навредить. И не стала бы, если б могла. Кроме того, я не придаю значения таким историям.

— И правильно. Никто не придает значения сказкам в наши дни.

— Но мне бы хотелось, чтобы у нас с ней сложились хорошие отношения. Тут такой тесный мирок, что тяжело будет чувствовать чью-то неприязнь. Я не сделала ничего, чтобы досадить ей. И помыслить не могу, почему она может возненавидеть меня.

— Вот это как раз понятно, — усмехнулась Дульчибелла. — Она здесь так долго была единственной курицей в курятнике, и ей, я думаю, просто не хочется отрываться от насеста. Не знаю, зачем она рассказала вам все это. Наверняка

просто хотела расстроить вас. Но в этом унылом месте и без ее баек дрожь пробирает.

— Тсс… Дульчибелла, ты слышишь пук копыт? Может, Чарльз возвращается? — Элис торопливо подошла к окну.

— Разве сэр Чарльз уехал верхом? — спросила Дульчибелла.

— Мне показалось… — вздохнула Элис. — И ты мне напомнила, что он и правда не брал лошадь. Сказал, что немного пройдется с мистером Генри, проводит его и скоро вернется. Надеюсь, все хорошо.

Она села в большое кресло у огня и задумалась, прислушиваясь. Ей хотелось, чтобы голос Чарли по скорее зазвучал в старом доме.

Глава XVIII
ПРОГУЛКА БРАТЬЕВ

Вернемся немного назад. Когда братья вышли на мощеный двор, была уже ночь. Питер вывел оседланную лошадь, Гарри взял у него поводья и вместе с Чарльзом вышел из ворот на темную тропу, что шла по краю оврага. Над тропой нависали деревья, сквозь ветви которых едва сочился лунный свет. Было очень тихо, лишь цокот копыт и приглушенные шаги братьев нарушали тишину.

Попробую их описать. В лице Чарльза была тревога и, пожалуй, стыд, и я нисколько не сомневаюсь, что чувства его были искренними. А вот Гарри… Если вы видели цикл картин «Модный брак», созданный Уильямом Хогартом, то попробуйте вспомнить повесу, который по настоянию родителя, графа Сквандера, заключает брак по расчету. Веки опущены, брови подняты — притворное сочувствие, на которое Гарри был мастак. Планка наших моральных качеств по отношению к себе всегда высока, поэтому мы практикуем оптический обман. Привычка к обману настолько живуча в нас, что даже в темноте

мы машинально, подчас даже не подозревая об этом, искажаем черты лицемерием.

— Среди деревьев вести разговор не слишком удобно, тут так темно, и рядом с нами может оказаться кто угодно, — наконец сказал Чарльз. — Так ты утверждаешь, старик очень зол?

— Никогда не видел его таким взбешенным, — ответил Гарри. — Сам знаешь, какой он, когда выходит из себя, но в этот раз наш отец самого себя превзошел. Если он пронюхает, что я был здесь… Но ты же позаботишься обо мне?

— Спасибо, что навестил нас, я этого не забуду, правда. Я должен был подумать дважды, прежде чем втянуть бедняжку Элис в эту историю. Черт меня дери, но я не знаю, как мы будем жить дальше.

— Ну, это просто стесненное положение, оно не будет длиться вечно. Все наладится, брат.

— Стесненное положение, — усмехнулся Чарльз. — Ты ошибаешься, дорогой, оно может длиться десять лет или двадцать. Я поступил глупо и не знаю, что нам делать.

— Понимаю твое уныние. Мой совет — просто подожди. Еще ничего не случилось, к тому же жизнь в Карвелле не будет для вас слишком дорогой.

— Как ты думаешь, Гарри, может, мне присмотреться к ферме Джона Уолина? Наверняка там что-то можно сделать.

Гарри помотал головой.

— Нет? — взглянул на него Чарльз.

— Вряд ли ты с ним договоришься, — ответил Гарри. — Кроме того, если ты проявишь активность, пойдут разговоры, а тебе нужно сидеть как можно тише. Первые месяцы, во всяком случае.

Возникла пауза, они шли молча, пока лес не начал редеть. Стал виден обширный выгон Крессли с его дроком, папоротником и широкими холмами, посеребренными луной.

— Насчет денег… По-моему, Чарли, если ты не наделаешь еще долгов, все не так плохо. У тебя есть стабильные триста фунтов в год, даже больше, кажется. Вы с Элис можете обходиться малым — вам хватит и двухсот.

— Ты шутишь? Прожить на двести в год! — воскликнул Чарльз.

— Да, мой расточительный брат. Это ты прожорлив, а твоя малышка не съест и на шесть пенни в день, — засмеялся Гарри.

— Элис экономна, и она присмотрит за всем, я знаю, но есть и другие вещи, кроме завтрака и ужина, — нахмурившись, сказал Чарльз, ко-

торому не понравилось, что его жену называют «малышкой».

— Нужда заставит и мышей ловить, братец. У тебя еще сотня в год остается на, эмм… непредвиденные расходы. И ты должен расплатиться с кредиторами.

Чарльз вздрогнул.

— Вот именно. Мне нужно несколько сотен на все, и я не понимаю, как можно существовать на такие крохи.

— Ну что ж, тебе придется изловчиться, братец. Как бы там ни было, тебя заставят уплатить кредиторам по получении наследства, — сказал Гарри. — Если ты его получишь, конечно, — не удержался он от укола.

— Люди такие скряги…

— Всегда были такими и всегда будут, — рассмеялся Гарри.

— Сотня в год… Ты сам прекрасно знаешь, что это не поможет, — мрачно произнес Чарльз и быстро оглянулся через плечо, как будто их и правда мог кто-то подслушивать.

— Клянусь, Чарли, я ни черта не знаю, — ответил Гарри добродушно. — Но если ты говоришь «не поможет», то не поможет, охотно верю.

Они снова замолчали.

— Жаль, что я не такой сметливый, как ты, Гарри, — возобновил разговор Чарльз.

— Ты думаешь, я сметливый? Ха-ха! Сам я всегда считал себя недотепой за исключением того, что касалось лошадей. Правда-правда, клянусь.

— Перестань. Ты намного умнее меня и не так ленив. Скажи, что бы ты сделал в моей ситуации?

— Что бы я сделал? — переспросил Гарри, глядя на звезды. — Хм, этот вопрос и мудреца бы озадачил. Но могу сказать одно — я бы никогда не попал в такую ситуацию, ни за что на свете. Но ты не должен расстраиваться — насколько я понимаю, все не так ужасно, а я всегда могу приехать к тебе и сообщить новости.

— У тебя есть новости?

— Так, кое-что, — ответил Гарри. — Но ты прав, я здесь не просто так. Недавно я был в Лондоне. Заглянул и в Хокетон, как ты понимаешь. Нашел там то же, что обычно, и отбыл несолоно хлебавши.

— Ничего не узнал? — спросил Чарльз.

— Ничего.

— А что ты там сказал? — Чарльз напрягся.

— Только то, что мы согласовали, брат.

— И это прозвучало добродушно, примиритель-

но и… разумно, так ведь?

— Ты сомневаешься в моих способностях? — фыркнул Гарри.

— То есть ты считаешь, что все прошло хорошо?

— Не знаю, как ответить. Вероятно, да. В любом случае я должен рассказать историю по порядку… Я сделал вид, будто заскочил, чтобы просто отдать двести фунтов, и… Ты ведь помнишь, как там все выглядит.

— Да, — вздохнул Чарльз, — и мне их очень жаль.

— Ну, не думаю, что твое «жаль» имеет большое значение, но готов поверить, что тебе действительно жаль. Я огляделся и, клянусь, задался вопросом, как можно жить в таком месте, когда на земле столько прекрасных мест. Моя следующая мысль была такой — почему ты об этом не подумал, не проявил больше интереса? Мне показалось, что Старый Солдат, мы ведь так договорились ее называть, подозревает меня в обмане, и я испугался, что она вцепится мне в лицо. Поэтому я наизнанку вывернулся, чтобы польстить ей.

— Ох, Гарри, это безумие, настоящее безумие! — Чарльз остановился и схватил брата за руку. — И

она… Она тоже безумна.

Гарри рассмеялся.

— Да, безумие, черт возьми, согласен, — сказал он. — Но, на мой взгляд, это слово не совсем подходящее. Это не безумие, это намного хуже, но я бы не говорил так о Старом Солдате.

— Как — так? — спросил Чарльз.

— Ну, в плане безумия. Нет, она не безумна, но… жестока.

— Давай не будем давать определения, тут легко запутаться. Могу предположить, как кто-то другой поступил бы на моем месте, но я не могу заставить себя сделать это. Я часто об этом думаю, но не могу… не могу.

— Тогда это не имеет большого значения, — сказал Гарри и подтянул подпругу на несколько дырочек. — Не имеет большого значения, — повторил он и добавил многозначительно: — Как бы там ни было, я в этом не участвовал, запомни, братец.

— Что мне делать? Это же… ужасно, — Чарльз схватился за голову.

— То, что ты задумал, лучше предоставь мне.

Гарри вскочил на лошадь, наклонился и сказал:

— У меня есть сноровка в таких делах. И Старый

Солдат не подозревает, что у меня есть причины предать ее.

— Скорее, наоборот, — кивнул Чарльз.

— Вообще никаких причин. — Гарри огляделся и продолжил: — Слушай, она пойдет за мной, как кобыла за морковкой, в то время как с тобой она бы брыкалась, упиралась или еще чего похуже. Во Франции и Германии достаточно маленьких городков, чтобы затеряться… Не забивай себе этим голову, просто делай, как я скажу, и я все устрою.

— Ты прекрасный парень, Гарри! Клянусь, я чуть с ума не сошел. Я не могу ни с кем поговорить, я не знаю, что обо мне думают другие, но рядом с тобой, брат, я чувствую себя в безопасности, потому что, согласен, в этом деле ты понимаешь намного больше меня. Ты лучше понимаешь людей, у тебя есть хватка, а я, я всегда тушуюсь в самый ответственный момент. И… и когда же дела снова приведут тебя в город?

— Недели через три, братец.

— Я знаю, Гарри, ты меня не забудешь. Боюсь тебе писать, но если ты подумаешь о месте, где мы могли бы встретиться и поговорить, было бы отлично. Ты не представляешь, каким нервным, каким несчастным становится человек, когда он

не знает, что происходит.

— Да, конечно, подумаю. Я буду занят дней десять — нужно посетить старых знакомых, но я вернусь, и мы увидимся.

— Отлично, я знаю, что ты меня не оставишь, — сказал Чарльз, хлопнув брата по голенищу сапога.

— Не оставлю, не оставлю. Спокойной ночи, береги себя и передавай привет Элли.

— И… Гарри?

— Ну? — посмотрел на него Гарри, сдерживая беспокойную лошадь.

— Нет, ничего.

— Тогда спокойной ночи.

— А тебе — легкой дороги.

Молодой Фэрфилд с улыбкой коснулся шляпы и вскоре растворился в лунном свете.

— Уехал… спокойный… ничто его не тревожит… жизнь — праздник… мир — игрушка.

Чарльз проводил брата глазами.

— Надеюсь, что не оставишь, — пробормотал он. — Ты ведь всегда так занят лошадьми… Осмелюсь предположить, братишка, что на лошадях ты делаешь много денег. Жаль, что я ничего толком не знаю. А вот я должен вертеться, чтобы найти хоть пенни. Моя бедная маленькая Элис!

Надеюсь, я ничего не испортил! Конечно, я буду во всем экономить ради нее, но когда начинаешь рассуждать об этом, то понимаешь, что сделать почти ничего не можешь. Мой брат может отказаться от всех своих лошадей, кроме одной, конечно, и она его покормит. А если за душой нет ничего, ты рискуешь умереть с голоду. Я… я не буду пить вино: бренди или джин вполне подойдут на замену, а стоят они дешевле. И я брошу курить. Человек должен приносить жертвы. Докурю этот портсигар и больше не закажу: это просто привычка, и я поборю ее.

Он достал сигару и закурил.

— Я не потрачу на табак ни фунта, и чем скорее портсигар опустеет, тем лучше.

Чарльз поднялся на небольшую возвышенность, что нависала над тропой справа, и осмотрелся, посасывая сигару. Не думаю, что он много чего увидел, но вы бы приняли его за художника в поисках живописного пейзажа.

В его голове вертелась идея продать Карвелл, но он не был уверен, что у него есть на это право, а адвоката, которому задолжал, спрашивать не хотел. Не если бы, если бы… Они могли бы устроиться в одном из игрушечных городков Германии, где скучная человеческая природа встряхивается и

ведет яркую жизнь бабочки, где игрок и крупье молятся блистательной и переменчивой богине, где приятно играют оркестры и людей не хоронят живьем на пустошах или в лесах, как здесь… Маленькая Элис была бы в восторге. Честно ли было привозить ее сюда, чтобы заточить в плесневеющее уединение усадьбы Карвелл?

Чарльз спустился на тропинку, ведущую к особняку. Его сигара догорела, и он сказал, глядя на темный дом:

— Бедная, бедная Элис! Кажется, она и правда меня любит… И это уже кое-что.

Глава XIX
ВОЗВРАЩЕНИЕ

— О! Чарли, уже так поздно, — сказала Элис укоризненно, когда ее муж наконец-то вошел в комнату.

— Неужели, дорогая? — Он посмотрел на часы. — Боже! И правда. Моя дорогая девочка, я понятия не имел.

— Наверное, это глупо, но я так люблю тебя, Чарли, что становлюсь несчастной, когда тебя нет рядом.

— Прости, дорогая, так получилось… Похоже, Гарри хотел сказать больше, чем сказал. Но по крайней мере какое-то время кредиторы не будут давить на меня, и… мне ужасно хотелось узнать, сколько денег дадут за мою лошадь, которую он продает. Боюсь, совсем немного. Двадцать фунтов кажутся смешной суммой, но сейчас и они имеют огромное значение для нас. Одна надежда на то, что у меня такая умная, такая аккуратная и бережливая женушка. Не знаю, что бы я делал без тебя.

Он добавил этот маленький комплимент, ожи-

дая увидеть боль на ее прекрасном лице, но Элис мягко улыбнулась.

— Все эти проблемы, возможно, не продлятся долго, Чарли. Уверена, что-нибудь изменится к лучшему. А что до меня, ты увидишь, как я буду бережлива. Я усвою все, чему меня может научить Милдред Таили, и даже больше. Я постараюсь быть замечательной хозяйкой.

— Ты мое маленькое сокровище. Такая жена, как ты, для меня милее, чем жена с двумя тысячами дохода в год и безрассудными привычками светской дамы. Твоя мудрая маленькая головка и любящее сердце дороже целого состояния. Фэрфилдам не везло с женами, а мне повезло. Я уверен в тебе и знаю, что ты такая единственная. — Он поцеловал и обнял ее.

Со слезами на глазах Элис смотрела на мужа. Казалось, они оба были окутаны ангельским сиянием; оба горели желанием. Такие моменты возникают внезапно и внезапно исчезают, но память о них остается надолго, если не навсегда. Они освещают тьму старости и даже угасающие сердца заставляют биться быстрее.

— Мы будем здесь счастливы, малышка Элли, несмотря ни на что! Каюсь, я не следил за временем, когда провожал Гарри, и прошел дальше,

чем намеревался. А когда мы попрощались, я еще немного прогулялся. Прости, сам того не зная, я наполнил твою хорошенькую головку тревогами, заставил тебя страдать в одиночестве. Впредь обещаю быть хорошим мальчиком и не тревожить свою малышку.

— Это так похоже на тебя, Ри, и ты так добр ко мне, — улыбнулась Элис.

— Как бы я хотел доказать свою любовь к тебе, но время еще придет. Я не всегда буду беден.

— Не говори так! Пока мы бедны, я могу быть как-то полезна, — взволнованно произнесла Элис. — Мои попытки жалкие и ничтожные, но ничто не делает меня такой счастливой, как желание хотя бы частично соответствовать тем добрым словам, которые мой Ри говорит обо мне. Я уверена, дорогой, пусть у нас достаточно забот и тревог, мы весело проведем время и, возможно, будем вспоминать наши дни в Карвелле как самые счастливые в нашей жизни.

— Да, мы будем очень счастливы, — Чарльз не смог подавить вздоха.

— Ри расскажет мне, что его беспокоит?

Полные слез глаза смотрели на него с такой тревогой, что Чарльз отвел взгляд — Конечно, дорогая.

— Ох, Ри, если бы ты знал, как я счастлива, что ты доверяешь мне! — воскликнула Элис. Но что-то в ее восклицании как будто говорило: «Мне бы еще знать, что ты говоришь искренне».

— Расскажу, расскажу, конечно… Все, что может тебя заинтересовать. Но есть маленькие заботы, а есть большие, и ты понимаешь, что я не могу все припомнить.

— Конечно, дорогой. Я только имела в виду, что если что-то по-настоящему тебя тревожит, то ты не должен бояться рассказать мне. Я не такая трусишка, какой кажусь. Ты не должен считать меня глупой, Ри… Мне больно думать, что тебя обременяет какая-то тревога, что ты скрываешь от меня что-то… Так ты расскажешь?

— Я же сказал, что расскажу, — ответил он немного раздраженно. — Зачем вы, женщины, заставляете мужчин повторять одно и то же? Интересно, как вам не надоедает, потому что нам это надоедает ужасно. Ну вот, я вижу, что ты сейчас заплачешь.

— И не подумаю! — Элли натянуто улыбнулась.

— Вот и хорошо. Поцелуй меня, мое солнышко… Я тебя не рассердил? Скажи, что нет!

— Что ты! — Теперь улыбка Элли была искрен-

ней.

Чарльз снова взглянул на часы.

— Ночь скоро подойдет к концу. Ты, должно быть, устала, дорогая, а я — нет, я не читаю нотации, я никогда не читаю нотации, я это ненавижу… но иногда бываю отвратителен сам себе. Гнусный я пес, как я себя ненавижу в такие минуты.

Этот нервный диалог закончился счастливо — поцелуями и объятиями. На какое-то время Чарльз Фэрфилд забыл о своих тревогах, а Элис и думать не думала ни о чем.

В монастырском уединении усадьбы Карвелл дни тянулись медленно. На мой взгляд, двенадцать часов без событий пережить очень сложно. Но в Карвелле ровным счетом ничего не происходило. Такая монотонность усыпляет, а порой и не дает разглядеть странности, которые в других обстоятельствах привлекли бы внимание. Не знаю даже, хорошо это или плохо.

Деятельная женщина — а Элис именно такой и была — вполне может быть довольна монотонностью, которая задушила бы здорового мужчину в расцвете лет. Пока есть хозяйство, которое нужно вести, особенно хозяйство запущенное и требующее экономии во всем, женская энергия сродни

вечному двигателю и применяется с пользой. Однако мужчина при таком раскладе становится лишним. Его активность по определению лежит вне дома, и если ему негде ее выплеснуть, то он хандрит и чувствует себя бесполезным.

Чарльз хандрил. С удилищем или же с тростью он совершал одинокие прогулки по ветреному простору Кресли, физически ощущая, как дни, недели и месяцы тихо и незаметно отступают в прошлое.

При других обстоятельствах он бы поехал куда-нибудь, чтобы услышать новости или пообедать с друзьями. Но он не хотел, чтобы кто-то знал, что он в усадьбе, а если выяснится, что его там видели, пусть думают, что это разовый визит. Человек нещепетильный положился бы на импровизированную ложь, чтобы объяснить свое появление, и не отказал бы себе в периодическом погружении в гущу жизни, хотя это громко сказано по отношению к окрестным городкам. Но Чарльз Фэрфилд не умел врать, поэтому обрек себя на скуку.

В Эдеме у мужчины есть свое дело — ухаживать за садом, и, несомненно, у женщины есть свое, приличествующее ее полу. Ошибочно полагать, что если счастливая пара проводит все двадцать

четыре часа вместе, да еще без всякого разнообразия, то это является признаком любви или поможет ее долголетию.

О нет, я не говорю, что между ними пробежала трещинка. Чарльз Фэрфилд любил свою красавицу жену. Она делала его уединение более терпимым, чем можно себе представить. И все же это было унылое существование, а омраченное непроходящей тревогой — и вовсе болезненное.

Теперь его изводили сущие мелочи. Он размышлял о пустяках, и единственная по-настоящему серьезная проблема росла и росла в его размышлениях, пока не стала грандиозной и не заслонила собой все небо.

Я не могу сказать, что Чарльз стал брезгливым. Это было не в его характере, но его угнетенное настроение — всегда мрачное — тревожило Элис, которая пока что скрывала свои тревоги. Она пела ему песенки и рассказывала истории о жителях Уиверна, заключавшие в себе трагедию и комедию, которые всегда перемешиваются в сельской жизни, она играла с ним в нарды, иногда в *ecarte* — незатейливую карточную игру, изобретенную слугами, то есть старалась развеять его ужасное настроение с поистине ангельским терпением.

Гарри Фэрфилд наведывался к ним, но его визи-

ты были короткими и редкими, и, что хуже всего, Чарльз всегда казался еще более мрачным и обеспокоенным после его отъезда. Элис была уверена: что-то происходит, и отнюдь не благоприятное, но о том, что тревожит ее мужа, а значит, касается и ее, ни муж, ни деверь ей ревниво не сообщали.

Что уж там, она чувствовала злость — но чаще боль — и всегда обеспокоенность из-за самых разных предположений.

Бедная маленькая Элис! Посреди этих беспокойств и опасений новая тревога посетила ее. О нет, не тревога — надежда. Дрожащая, упоительная надежда, что все разрешится благополучно и уже любимая жизнь — новая жизнь — беспомощно придет в этот огромный мир и займет в нем свое место.

Дрожа и сомневаясь, она рассказала свою тайну Чарльзу — рассказала со слезами, умоляющим, почти извиняющимся тоном, который растопил ее мужа. Он сказал, что рад сокровищу, которое скоро у них появится, и долго с любовью обнимал ее. Их любовь расцвела новыми цветами, и в минуту слабости Чарльз почувствовал, как одиноко ему будет, если его обожаемой женушки не станет. С какой радостью он бы отдал свою жизнь за нее!

Настало время подготовки, которая так милосердно заполняет период ожидания.

Кто может быть более беспомощным, чем новорожденное дитя, пришедшее в этот огромный жестокий мир? И все же мы видим, как прекрасные инстинкты, исходящие от совершенной любви Господа, обеспечивают все необходимое для вновь прибывшего. Так давайте же наполним наши сердца благодатью, когда, завершая земное путешествие, мы, дети праха, которые пришли в мир лишь ненадолго, делаем следующий шаг. Мы отправляемся под опеку того же надежного Создателя, и нет сомнения в том, что Его любовь и нежность обеспечат такую же заботу при переходе в другую жизнь.

Глава XX
ГАРРИ СНОВА ПОЯВЛЯЕТСЯ В УСАДЬБЕ

Было около четырех пополудни; Чарльз курил сигару — несмотря на решимость покончить с этой пагубной и разорительной привычкой, его портсигар все же неизменно пополнялся, — когда Гарри Фэрфилд въехал во двор, оставив за собой клубы пыли. Он остановился у открытой двери конюшни.

— Рад тебя видеть, Гарри. Представь, я только что думал о тебе, и вот ты появился собственной персоной.

Улыбаясь, Чарльз подошел к брату; взгляд у него был вопросительный. Гарри спешился, пожал протянутую руку и тут же стал осматривать лошадь.

— На последней миле она сбавила ход. Что-то с правой ногой… Это не из-за чистки, она не хромает, но как-то осторожничает. — Он провел лошадь по кругу. — Ты не заметил?

— Нет, — сказал Чарльз, — я ничего не вижу, но я профан, ты же знаешь… Нет, ничего.

Гарри кивнул и отвел лошадь в конюшню.

— Я получил твою записку, — сказал он, когда вышел. — Как ты, как Элли?

— Хорошо, у нас все хорошо. Ты из Уиверна? — спросил Чарльз.

— Да.

— Старик как обычно, полагаю?

— Как обычно, и он, замечу, не становится моложе.

Чарльз кивнул и продолжил за брата:

— А еще он чертовски раздражительный. Бывает, он не терпит рядом с собой никого, даже верного Томаса Дрейка. Чрезвычайно, чрезвычайно злобен!

Гарри рассмеялся:

— Говорят, он любил Элли. Да-да, так и говорят, честное слово. Старая крыса не будет есть сыр, но только вынь кусочек изо рта, и она взбесится, сам знаешь.

— Кто так говорит? — спросил Чарльз, покраснев.

— Слуги… да… и люди в городе тоже. Я думаю, если это дойдет до старика, жди подбитых глаз и расквашенных носов, это точно.

— Ну, не преувеличивай, — усмехнулся Чарльз. — И, пожалуйста, будь другом, не расска-

зывай бедной Элис, какую чепуху несут про нее в городе, это только расстроит ее.

— Хорошо, не буду. Где Питер? — огляделся Гарри. — Не думаю, что это ее расстроит, скорее, наоборот: в Англии нет ни одной девушки, которая не была бы польщена, влюбись в нее Старина Парр[7]. Господи, да я не знаю ни одной девушки в радиусе двенадцати миль от Уиверна, которая бы не кокетничала с нашим стариком. Но где же Питер? Лошадь нужно покормить.

Они крикнули слугу, тот получил от мастера Гарри несколько указаний, и Чарльз повел брата в дом.

— Я всегда рад видеть тебя, Гарри, но не буду скрывать — каждый твой приезд раздувает во мне тревогу, — тихо сказал Чарльз, когда они шли по коридору к столовой, недавно приведенной в порядок.

— Кое-что я тебе расскажу, но ничего особенного, братец. Только сначала накорми меня, я голоден как волк. И кружечка пива не будет

---

[7] Примечания: 7

Томас Парр, или Старина Парр (1483 [?] — 1635) — английский крестьянин, который, как считается, прожил 152 года. Впервые женился в 80 лет, в 100 лет впервые стал отцом внебрачного ребенка. В 122 года женился во второй раз. Похоронен в Вестминстерском аббатстве. Согласно результатам его вскрытия, проведенного в XX веке, Парру, вероятно, было менее семидесяти лет.

лишней. Здешний воздух вызывает зверский аппетит, и ты, наверное, много ешь. Радуйся, что тебе за воздух не надо платить.

Гарри рассмеялся над своей шуткой и спросил, оглядываясь:

— А где же Элли?

— Она не могла далеко уйти. Вероятно, сейчас подойдет.

Но вместо Элис в комнату по звонку в колокольчик вошла Дульчибелла.

— А, Дульчибелла. Моя жена наверху? — спросил Чарльз.

— Кажется, она вышла в сад, сэр. Взяла садовые перчатки, лопатку и маленькое ведерко. Вы что-то хотели, сэр?

— Нет, ничего, спасибо. Милдред в кухне?

Он сам пошел в кухню и распорядился:

— Мастер Гарри голоден. Собери ему что-нибудь поесть, а пока принеси пива. И прошу тебя, сделай все побыстрее.

— Элис ушла прополоть свои цветы, а Милдред сейчас принесет тебе пива и покормит, — сказал Чарльз, вернувшись к брату. — А пока мы с тобой одни, давай поговорим.

— Ха-ха, братец, ты готов стрелять большой дубовой палкой, как говорят ирландцы, Конечно,

поговорим, но я бы предпочел поесть скачала. О, вот и пиво… Спасибо, цыпочка. Где ты откопал эту страшную девчушку? — спросил Гарри, когда Лилли Доггер удалилась. — Ставлю пятьдесят фунтов, что это Элли ее выбрала.

Отсмеявшись, он налил себе пива в стакан, выпил, потом выпил второй стакан, а третий стакан наполнил и поставил рядом с собой, чтобы он был под рукой во время разговора.

— Помнится, в кухне были медные кубки… Интересно, что с ними стало… Медная посуда — на всю жизнь: нет ничего лучше для пива или портера. У тебя есть портер?

— Нет, Гарри. Не томи, расскажи мне новости. Ничего приятного, понимаю, но в любом случае я бы предпочел узнать сразу, чем гадать на кофейной гуще.

— Э, братец, тебе надо было кого-то другого привлечь к этому делу, потому что ты начнешь меня ненавидеть, если я неизменно буду приносить плохие вести. Увы, порадовать тебя ничем не могу: зверь становится неуправляемым.

В комнату снова вошла Лилли с подносом.

— Ну наконец-то хоть что-то для голодного человека! — воскликнул Гарри. — Спасибо, малышка, да благословит тебя Господь за то, что

накормила голодного. Как мне отблагодарить тебя, дорогая? Может, увезти в… ха-ха-ха… туда, где нет парней. Но, боюсь, ты слишком проницательна, чтобы какой-нибудь парень тебя обманул, с твоими-то лукавыми глазками. Посмотри, как она покраснела, Чарли!

Перепуганная помощница поставил поднос на стол и быстро удалилась.

— Какие у нее дьявольски красивые глазки, а зубки, зубки… как у хорька. Я и половины не рассмотрел…

Жаль, что она не повыше, да еще эти квадратные плечи… Зато волосы… У нее прекрасные волосы, браг.

Гарри воткнул вилку в кусочек бекона, пока говорил, и теперь жадно жевал.

— Но что же произошло? Ты начал рассказывать о… — О Старом Солдате? — перебил его Гарри. — Ну, если тебя не коробит, что я буду говорить с набитым ртом… Послушай, дай поесть, а?

— Не томи, прошу тебя, — взмолился Чарльз.

— Боюсь, — сказал Гарри с набитым ртом, — она причинит нам немало беспокойства.

— Вот как… — нахмурился Чарльз.

— Будь я проклят, но я думаю, что кто-то толкает ее на злодеяние.

— Что ты имеешь в виду? Какое злодеяние?

— Я думаю, она волнуется о тебе. Она задавала много вопросов.

— Да… и?

— И я не удивлюсь, если кто-то рассказал ей — не я, не я, — замахал Гарри вилкой, — что-то вроде правды… Ха-ха-ха! Боже, я наговорил ей столько *лжи*, что сам запутался.

— Ты хочешь сказать, она ругала меня… или что? — обеспокоенно допытывался Чарльз.

— Тебе так важно знать, что говорит о тебе Старый Солдат? Отнюдь не поэтичные слова, можешь быть уверен. Но это не имеет значения, это только пустые слова. Она постоянно всем недовольна, и я не обращаю внимания на ее трескотню. Представь только, она хочет делать упражнения для правильной осанки и требует известного доктора… забыл его имя… ха-ха-ха! Говорит, что ты почти ничего ей не позволяешь, голодом моришь, и она этого не потерпит впредь. Грозит, что тебе придется раскошелиться, братец.

Гарри снова рассмеялся, словно это была смешная шутка.

— О нет, только не это! Она всегда получала больше, чем мы договаривались. Я был слишком

щедр… и был дураком.

Чарльз произнес это спокойно, но с горечью, и на несколько минут братья замолчали. Гарри смотрел в тарелку, стук ножа и вилки, хруст бекона под его крепкими зубами были единственными звуками в комнате.

— Если это все, то тут нет ничего нового. Я слышу это вот уже десять лет. Она неблагодарна, коварна и жестока. Сожалеть уже бессмысленно, но, клянусь, эту женщину я увидел в несчастливый для себя час…

Чарли лихорадочно постукивал по столу кончиками пальцев. А Гарри… Что же Гарри? Попытка стереть с лица сомнительное выражение или неуместную улыбку — это, прямо скажем, попытка жулика выглядеть добродушным простаком. Грех лицемерия не внесен в список общеизвестных грехов. Самые изворотливые лицемеры, которые обманывают нас каждый день и каждый час, прикрываются Богом и благими намерениями. Но тех, кто открыто признает себя мытарями и грешниками, чьи пути общеизвестно суетны, никогда не волновала религия.

Гарри Фэрфилд закончил обед, положил приборы на тарелку, откинулся на стуле и, приоткрыв рот, изобразил глубокое раздумье. Однако ни-

какие усилия не в силах скрыть даже самую маленькую искорку хитрости, и нет ничего более отталкивающего, чем маска радения о ближнем, когда хитрец занят исключительно собой.

Два брата сидели, внешне выражая сочувствие друг другу, но с очень разнящимися мыслями. Чарльз, человек совсем не подозрительный, восхищающийся энергией брата, не сомневающийся в его преданности, прощающий слабости, — и Гарри, о котором уже достаточно сказано.

Не знаю, насколько Чарльз заботил Гарри. Фэрфилды вовсе не были дружной семьей, и ее члены, преследуя свои цели, иногда сталкивались сильнее и жестче, чем подобает.

Глава XXI
БРАТЬЯ НА ГРАНИ ССОРЫ

Наконец Гарри, бросив взгляд в окно и устроившись на стуле поудобнее, сказал беззаботно, но тихо:

— Ты что-то рассказывал Элис, до того как вы приехали сюда?

— Элис? — Чарльз вздрогнул и сильно побледнел. — Но зачем?

— Конечно, тебе лучше знать, но я так думаю, что лучше было бы рассказать, — ответил Гарри, потянулся и зевнул.

— Нет, я так не думаю, — опустил взгляд Чарльз.

— Так она ничего об этом не слышала? Я просто спрашиваю, братец. Ты лучше меня знаешь, что нужно делать, но, боюсь, Старый Солдат подкинет тебе проблем. Она будет писать письма и, возможно, обратится к газетчикам, но ты газеты не выписываешь, поэтому тут сюрприза не будет.

— Элис ничего не знает об этом. Она никогда не слышала о ней, — сказал Чарльз.

— Вот бы она тоже не слышала об Элис, — вздох-

нул Гарри.

— Ты хочешь сказать, что… — начал Чарльз и осекся.

— Я думаю, у нее какая-то блажь в голове. Что-то она затевает, и ты убедишься, причем скоро, что я прав.

Чарльз встал и подошел к окну:

— Если ты знаешь больше, Гарри, прошу, скажи.

— Я не знаю, клянусь. Единственное, в чем я уверен, — она слышала больше, чем хотелось бы, а если так, то будет скандал.

— Я не получал от нее никаких известий несколько месяцев. Наверное, задумай она что-то, она бы написала, так ведь? Рискну предположить, что то, чему ты был свидетель, это просто одна из неуправляемых вспышек гнева, и ничего не значит.

— Надеюсь, — пожал плечами Гарри.

— Черт, я виню себя… Я не злодей и не хотел дурного, но я дурак. Однако совершенно очевидно, что бы она ни предприняла, это ничего не значит, ничего! — взорвался Чарльз. — Я не хочу пугать малышку Элис, не хочу огорчать ее. Подскажи, что нам делать. Может, уехать куда-нибудь? — Он понизил голос и взглянул на

дверь, внезапно вспомнив, что Элис может войти посреди разговора.

— Уехать? Тебе плохо здесь? Подожди немного. Но я удивлен, что ты не поговорил с Элис: она должна была узнать об этом до того, как ты женился на ней, или как ты это называешь.

— До того как я женился на ней? Женился! — повторил Чарльз строго. — Ты же не ставишь под сомнение мой брак, я надеюсь? — Он посмотрел на брата мрачным взглядом.

— Прости, ради бога. Ты же сам знаешь — что бы я ни сказал, я тут же забыл. И потом — это так, на всякий случай, — я не разбираюсь во всех этих судебных прениях и адвокатской возне. Никогда в этом не смыслил. А у леди из Хокстона есть семья? — неожиданно спросил Гарри.

— Ты разве не знаешь, что нет? — ответил Чарльз.

— Может, и знал, но забыл.

— Как по мне, Гарри, если ты правда думаешь, что мы с ней были женаты, то для тебя это слишком важный вопрос, чтобы так легко его забыть, — сказал Чарльз.

— Почему это важный? — спросил Гарри.

— Почему? Не прикидывайся овечкой. Ты ведь не забыл, что от этого зависит наследование Уи-

верна, — прищурился Чарльз.

— Уиверна! Ну, старик, эта мысль никогда не приходила мне в голову. Мы, Фэрфилды, в основном живем долго, женимся поздно, и у тебя в перспективе еще лет сорок, не меньше. А потом уже настанет черед следующего Фэрфилда. Если, конечно, гнев нашего отца не примет определенные формы.

— Рад слышать. Ты ведь знаешь, я написал тебе о том, что сделало маленькую Элис такой счастливой. Если родится мальчик, со временем он станет следующим хозяином Уиверна. И с чьей бы то ни было стороны нехорошо бросать на него сомнения. И я еще раз повторю, что утверждения этой чертовой женщины о законном браке — ложь.

— Ну, тебе лучше знать, — сказал Гарри. — Просто мне очень жаль Элис, если вдруг возникнет проблема.

Он посмотрел в окно на верхушки деревьев, ловившие солнечный свет, с выражением сочувствия.

— Ты говорил, и не раз, что не сомневаешься — в истории со Старым Солдатом ничего такого нет.

— Кто-то идет? — Гарри повернул голову к двери.

— Нет, никто не идет, — сказал Чарльз, прислушавшись. — Но ведь говорил же?

— Ну, если говорил, значит, говорил, но я этого не помню, — ответил Гарри. — И я уверен, что ты совершаешь ошибку.

— Ошибку… О чем ты?

— Брак или не брак, я об этом ничего не знаю достоверно, — твердо произнес Гарри.

— Ты знаешь то же, что знаю я, я все тебе рассказал.

— И что с того? Не очень-то понятно, является это браком или нет.

— Надеюсь, ты веришь фактам, которые тебе известны, — повысил голос Чарльз.

— Ты рассказал мне правду, не сомневаюсь, но я не верю ничему, кроме того, что знаю сам, — сказал Гарри, засовывая руки в карманы и глядя на брата без улыбки.

Казалось, Чарльз ужасно разозлился.

— Ты отлично знаешь, Гарри, ты пятьдесят раз говорил мне, что все это ерунда, интрижка, ты даже говорил, что она и сама так думает!

— Я этого никогда не говорил, черт возьми… — холодно ответил Гарри. Засунув руки в карманы, он наблюдал за братом.

Наступила пауза сродни той, как когда в поезде

находят мину и люди, затаив дыхание, ждут, взорвется ли она. За окном шелестела листва, счастливо жужжали мухи, словно эти секунды ничего не значили; слабая пчела, которая провела все утро, взбираясь на оконное стекло и снова соскальзывая, упорно продолжала свое упражнение, будто ничего важнее в радиусе мили не было.

Одна рука Гарри, стиснутая в кулак, переместилась из кармана на бедро, в глазах загорелась ярость Фэрфилдов. И тем не менее он явно был склонен к миру.

— Я не ценю резкие слова, брошенные сгоряча. Братьям нехорошо ссориться, оставим это. Кроме меня у тебя не осталось друзей, и я не понимаю, почему ты ищешь со мной ссоры. Твои амурные дела меня не касаются, ты это знаешь, и весь этот разговор стоит меньше полпенса.

Похоже, битва Фэрфилдов закончилась.

— Я был не прав, Гарри, — сказал Чарльз, — и я про шу у тебя прощения. — Он протянул руку брату, тот взял ее и отпустил после короткого и холодного рукопожатия.

— Ты не должен так разговаривать с человеком, который хлопочет по твоим делам, и ты знаешь, что я вспыльчив… как и все мы, со мной нельзя

так обращаться, — не удержался Гарри.

— Я был не прав, знаю, — повторил Чарльз, — и мне жаль… Больше мне нечего сказать. Но если проблема в ребенке, который скоро появится, то что мне делать? Не лучше ли мне лежать на кладбище Уиверна?

Гарри опустил взгляд на стертый ковер. Его руки снова лежали в карманах. Помолчав, он сказал:

— Если бы ты несколько месяцев назад рассказал мне относительно Элис Мэйбелл, я бы не стал скрывать своего мнения, а если ты хочешь знать его сейчас, то я могу сказать только одно: я думаю, что ты женат на другой женщине. Да, я люто ее ненавижу, что тебе хорошо известно, но она существует, и я как честный человек рассказал бы все Элли, чтобы она решала сама. Но ты сохранил все в тайне и здорово влип.

— Я ничуть не боюсь правды, — произнес Чарльз, сильно побледнев, — но я ни за что не хочу волновать Элис сейчас. И, Гарри, здесь не о чем говорить, и я не могу не думать, что твое мнение предвзято из-за поместья.

Он говорил с горечью или недовольством, можно выбрать, что хотите. Но Гарри, взяв себя в руки, казался совершенно спокойным.

— Честное слово, я не удивлен, — сказал он, рассмеявшись. — Хотя клянусь, у меня и мысли не было о наследстве. Думай, что хочешь, говорят же, каждый очень любит свою рубашку, но кожу еще больше, и я думаю, это и к нам относится. Послушай, брат, пусть между нами все будет честно и откровенно, и я сделаю для тебя все что смогу, ты в этом не сомневаешься?

— Нет, Гарри, нисколько. Ты не обманешь меня.

— Ну конечно же, не обману! Но хочу напомнить тебе, что этой бестии из Хокстона взбрело в голову… — Создать мне проблемы?

— Самое главное, что ей взбрело в голову, будто на горизонте появилась еще одна женщина, и если ты спросишь меня, я скажу, что она успокоилась ненадолго. Она утверждает, что она твоя жена, и она вцепится в любую девушку, которая так же говорит про себя. Она же как взбесившаяся лошадь, когда раздражена: пробьет стену и разорвется на куски, чтобы добраться до тебя. Жаль, что эта особа не утонула в море.

— Скажи, что она задумала? — спросил Чарльз тревожно.

— Ей-богу, я не знаю, но тебе не повредит держать фунтов пятьдесят в кармане, чтобы

немедленно засунуть ей за корсаж, если она начнет делать какие-то выкрутасы, которые покажутся серьезными. Если я что-то услышу, я дам тебе знать. Давай прощаться, брат. Я задержался у тебя дольше, чем планировал, и не увидел Элли. Передай ей мои поздравления и скажи, что я очень спешил, Моя лошадь, должно быть, уже подкрепилась овсом.

— Спасибо тебе, Гарри. Проформы ради я бы попросил тебя остаться, только мне нечего тебе предложить, И… и я убит горем… Но мы же расстаемся друзьями. как прежде?

— Конечно, — сказал Гарри беззаботно. — У тебя есть сигара или две? — Чарльз протянул ему портсигар. — Спасибо, можно и три, спасибо, твои сигары очень хороши. Мне предстоит энергичная поездка, но я думаю, она даст результат. У меня всегда полно забот. Иначе я бы уделил тебе больше времени. Но будь начеку, Чарли, и внимательно смотри по сторонам. Я тоже буду смотреть. Скажи Элли, чтобы она не переутомлялась, и все будет в порядке.

Они уже были на конном дворе. Гарри сел на лошадь, кивнул брату и, проехав по двору, исчез в воротах.

Чарльз был рад, что не увиделся с Элис. Она

бы точно почувствовала, что что-то не так. Его первой мыслью было пойти в сад, но по той же причине он передумал. Взял удочку и ушел ловить форель в ручье, что тек в лощине.

Глава XXII
У РУЧЬЯ

Чарльз Фэрфилд медленно шел к ручью. Он был взбудораженным и чувствовал себя несчастным. Чарльз был не из тех, кто инстинктивно действует в чрезвычайной ситуации. Он привык размышлять, обдумывать все детали. Какую игру ведет Гарри? Не выглядывает ли из ботинка этого весельчака кончик раздвоенного копыта? О, Гарри, о, брат! Неужели ты замышляешь предательство? Признаться, Чарльз побаивался его. Если меч брата упрется ему в грудь, то лучше уж сдаться. Гарри слишком уверен в себе, и он слишком часто общается со злой персоной, которую они называют Старым Солдатом. Учитывая это, Гарри может стать грозным врагом. Врагом, которому он, Чарльз, доверяет. Бессовестный человек при таких козырях может причинить страшное зло, немного приукрашивая и извращая действительность. Но был ли Гарри бессовестным человеком?

Всякий раз, когда он сегодня смотрел на брата, Гарри стоял перед ним с отчужденным взглядом,

мрачный и угрожающий.

Есть ли возможность убедиться в том, что персона из Хокстона, которую он, Чарльз, сейчас боялся более всего остального, не составляет заговора против него? А если это так, то какой посредник разжег ее злобные страсти, возбудил ее активность?

Гарри не мог быть таким чудовищем. Или мог?

Какие у нее планы? Она хочет начать судебный процесс? Он бы многое отдал за то, чтобы узнать это. Что угодно лучше ожидания и тех ужасов, которые наполняют тьмой наше воображение!

Никогда еще изнуренный мозг так не нуждался в рыбалке, и его заботы и волнения быстро утихли в этом умиротворяющем занятии.

Только одна вещь на секунду отвлекла внимание Чарльза. Стоя на плоском камне почти на середине ручья, он как раз забрасывал леску с насаженной на крючок мухой, надеясь подманить всплывающую форель, когда услышал шум на дороге, что проходила у основания старой мельницы, пронзая густой лес в лощине.

Подняв взгляд, он увидел карету, что в этих глухих местах само по себе было удивительным. Деревья не позволили ему рассмотреть ее как следует. Чарльз немного встревоженно наблюдал за

каретой, пока она не исчезла в лесу. Ему стало не по себе, ибо пунктом ее назначения была усадьба Карвелл, в этом не было сомнений.

Ну да ладно, только этот небольшой инцидент и нарушил целебную отвлеченность рыбалки.

Когда солнце начало приближаться к далеким холмам, Чарльз понял, что ему пора возвращаться. Он побрел через лес, и, когда вышел на узкую тропу, что вьется по лощине, страхи и сомнения, мучавшие его, вернулись.

Около усадьбы тропа делает короткий, но резкий подъем, и через небольшой просвет в деревьях с нее видна площадка на краю склона, откуда открывается романтический вид на лощину. Чарльз ненадолго остановился на ней и посмотрел на небо, уже сияющее печальным великолепием заката. Из тяжких раздумий этого дня он сделал вывод, столь же ясный, сколь и болезненный, но пытка утаивания еще хуже. Чарльз решил рассказать Элис все как есть. Преобладающим ингредиентом в его чаше безумия — он только сейчас это понял — была пытка тайной, которую он скрывал. Маленькая Элис должна все знать, это ее право. Дальнейшее молчание сделает ее еще более несчастной, потому что он не сможет скрывать свои страдания, и

она заметит их — заметит и будет вынуждена в одиночку угасать от неизвестного.

Дойдя до усадьбы, он вспомнил о карете, которую заметил на узкой дороге. Так вот же она!

Изящная карета так контрастировала со здешним запустением, что Чарльз остановился и с застенчивостью Робинзона Крузо стал осматривать ее. Но осмотр этот ничего ему не сказал. Он вошел в ворота встревоженный и сильно раздраженный. Это не могло быть вторжение врага. Карета была слишком нарядной для Старого Солдата. Но если их обнаружили соседи и это начало серии визитов, то что может быть более опасным? Визиты — это нарушение приватности с неизвестными скрытыми последствиями.

Определенно в этом замешана Элис. Женщины такие своевольные, глупые существа!

Глава XXIII
ГОСТЬЯ

Карета, которую видел Чарльз, принадлежала леди Уиндейл. Миссис Таили открыла ворота на стук ее кучера и, действуя по инструкции, сказала:

— Нет дома.

Но от доброй леди Уиндейл не так-то легко отделаться. Она поманила Милдред к карете, и та нехотя подошла.

— Я — леди Уиндейл, и я знаю, что племянница будет рада мне. Возьмите эту карточку и скажите миссис Фэрфилд, что я приехала навестить ее.

Милдред с сомнением оглядела пожилую женщину. Она и не подозревала, что у Элис может быть тетушка с титулом и каретой. В конце концов она решила, что лучше уж передать карточку, и Элис почти сразу выбежала встречать гостью.

— О, дорогая, дорогая! — Она бросилась тетушке на шею. — Я так рада вас видеть! Как здорово, что вы приехали. Но как вы меня нашли? — тараторила Элис, осыпая родственницу поцелуями.

— Со мной бесполезно скрытничать. Пусть и не

без труда, но я выяснила, где ты, хоть ты и намеревалась оставить меня в неведении. Признаться, я оскорблена, — голос доброй леди Уиндейл звучал чуть громче обычного.

— Но, тетушка, дорогая, разве вы не получили мое письмо, рассказывающее, что мы с Чарльзом поженились? — воскликнула Элис.

— Письмо-то я получила. Ты написала, что оставила Уиверн, но не потрудилась сообщить, куда направилась, и если бы не милость экономки в Уиверне, с которой я связалась, то я бы жила в пятнадцати милях от тебя, все время думая, что ты уехала во Францию.

— Но я говорила вам… — жарко защищалась Элис. — Говорила, про Карвелл…

— Бесстыдница, я живу в двух часах езды от тебя, а воображала, что ты на другом краю света. И все это время я ни разу не видела тебя. Не думаю, что это хорошо.

— О, дорогая тетушка, простите меня. А вы простите, когда все узнаете. Если б вы только знали, какой несчастной я себя ощущала, думая о вас. Какой неблагодарной и бессердечной я, должно быть, кажусь. Но все эти месяцы я желала только одного — увидеть ваше любимое лицо и поговорить с вами обо всем, с моим лучшим и самым

верным другом.

— Ну-ну, поцелуй меня, дитя. Я не злюсь, но сожалею о том, что так долго была лишена твоего общества, — благодушная пожилая леди потрепала племянницу по щечке.

— Но, дорогая тетушка, я просто обязана рассказать вам, как все было, а вы должны меня выслушать. Вы знаете, что я боготворю вас, и в этом уединенном месте, где меня иногда одолевают страхи, ваше упоительное общество было бы для меня бальзамом, но мой муж пояснил, что некоторое время я не должна никому говорить о нашем убежище. Никому-никому… Я просила за вас, но мой муж был непреклонен. Без ссоры я бы не смогла связаться с вами, но Чарли обещал, что мое молчание продлится совсем недолго.

— Бог мой! Прости, — обеспокоенно произнесла леди Уиндейл. — Должно быть, твой муж на самом дне и скрывается здесь. Бедняжка моя! Он в долгах?

— Боюсь, что да. Не могу передать, насколько я бываю несчастной, когдадумаюобэтом. Не то чтобы мой муж дает мне это почувствовать… За исключением вынужденных предосторожностей, мы очень хорошо устроились, вы даже не поверите насколько. — Молодая хозяйка хотела

как можно лучше представить их жертвенную жизнь в Карвелле.

Она показала тетушке дом.

— Ваша комната очень уютна, — сказала леди Уиндейл, осмотревшись. — Мне нравятся старомодные комнаты, и ты так красиво убрала все цветами. Какое украшение может с ними сравниться? Это целое искусство — подобрать букеты, и никто не сделает это лучше тебя. Если ты помнишь, я всегда просила тебя заняться цветами в Оултоне, а Тремейн стоял рядом с тобой, пытаясь, как он говорил, научиться этому искусству, хотя, подозреваю, он любовался не только цветами.

Элис рассмеялась: теперь лорд Тремейн казался бесконечно далекой фигурой из прошлого. Но разве дух женщины не нуждается в подпитке? Разве восхищение — это не воздух, которым она дышит? На мгновение Элис отвела нежные глаза в сторону и слегка покраснела.

Леди Уиндейл заметила это.

— Ладно-ладно, — сказала она. — Моему сватовству пришел конец, и я надеюсь, что ты будешь счастлива. Уверена, так и будет, мелкие денежные проблемы не могут длиться вечно, к тому же Генри Фэрфилд, ты это прекрасно знаешь, долго не проживет, и Уиверн перейдет к Чарльзу. Гово-

рят, у Фэрфилдов всегда было четыре-пять тысяч в год, и хотя за поместьем, как я опять же слышала, числится небольшой долг, такая бережливая хозяйка, как ты, со временем все уладит.

— Вы всегда подбадриваете меня, тетушка, — сказала Элис и с нежностью положила руки на плечи пожилой женщины. — Как восхитительно наконец-то увидеть вас. Но вы устали, верно? Я должна вас накормить.

— Спасибо, дорогая. Я выпью чаю — больше ничего. Перед отъездом сюда я отобедала.

Элис позвонила в колокольчик и попросила Милдред Таили сделать чай.

— А как поживает Дульчибелла? — спросила леди Уиндейл. — Она мне так нравится. Твоя няня такая верная. Надеюсь, она все еще с тобой?

— О да. Я не могу без нее… без моей дорогой Дульчибеллы!

Они помолчали. Затем леди Уиндейл коснулась руки племянницы.

— Я хотела спросить тебя, можешь ли ты приехать в Оултон на месяц? Мне сказали, твой муж — очень приятный человек, совсем не похож на своего брата-медведя. Как думаешь, Чарльз отпустит тебя? Мы будем сами по себе, и, если хочешь, никаких визитов…

— Это так похоже на вас, дорогая, я бы с радостью, но нет… Нет, это не обсуждается. Боюсь, мой муж очень сильно тревожится. Ссора со старым мистером Фэрфилдом все только усугубила, и Чарльз несчастен из-за этого. Его брат Гарри, насколько я знаю, пытается договориться с кредиторами, но неизвестно, получится ли, и Чарли сказал мне недавно, что мы должны быть готовы в самые короткие сроки уехать во Франции» или куда-то еще за границу. Боюсь, тетушка, он очень много задолжал — он так замкнут и так мечется из-за этого. И ведь я — главная причина его тревоги.

Он беспокоится за меня. Бедный Чарли! Иногда я думаю, что было бы лучше, если б он не полюбил меня.

— Никогда не слышала подобной чуши! Но, дорогая, то, о чем ты рассказала, это не просто проблема, а настоящий скандал, я имею в виду то, что старый мистер Фэрфилд, находясь одной ногой в могиле, палец о палец не ударит для своего сына. Даже странно, я слышала, что он щедр в плане денег, и его неготовность помочь Чарльзу по-настоящему чудовищна.

К тому же он должен понимать, что Уиверн должен отойти его старшему сыну.

— Боюсь, на это нельзя рассчитывать из-за ссоры, — вздохнула Элис, опустив глаза.

— Дорогая, я хочу, чтобы ты знала, если так сложится, что твой муж вынужден будет уехать один на время — всякое может быть, помни, что твой дом в Оултоне. Как бы я хотела, чтобы ты приехала ко мне вместе с Дульчибеллой! Мы бы могли восстановить детскую в моем скучном доме. Думаю, я прожила бы лет на десять дольше, если бы слышала смех и приятную возню в той же детской, где рос мой бедный дорогой Джордж. Мы бы дивно проводили время, ты и я, и я была бы няней для твоего ребенка.

— Моя дорогая, я думаю, вы ангел…

Обняв тетушку, Элис разрыдалась, и пожилая леди тоже заплакала от счастья.

— Элис, я напишу твоему мужу, хотя такие приглашения никогда не принимают всерьез. Но если ты приедешь, это будет самый добрый твой поступок, ибо я старею, незнакомцы меня больше не радуют, как когда-то, и мне нужен тесный семейный круг, чтобы дарить свою любовь и не превратиться в самовлюбленную старую кошку.

Подали чай, за разговором время летело незаметно. Элис вздрогнула, когда открылась дверь и в комнату вошел ее муж, одетый небрежно, так

как был на рыбалке. Он бросил на Элис взгляд, смысл которого она сразу поняла (подозреваю, что и ее гостья тоже), но даже в этой глуши Чарльз не одичал, а потому изобразил любезность.

— Мы так рады видеть вас, леди Уиндейл, — с легким поклоном произнес он. — Очень мило с вашей стороны проехать длинный путь, чтобы повидаться с Элис.

— Я и не надеялась увидеться с вами, — ответила старая леди, — ибо я должна ехать через несколько минут. И… я буду откровенна… не посчитайте меня грубой, но я все узнала и теперь понимаю, что не должна была приезжать, чтобы не привлекать внимания.

Чарльз рассмеялся, и Элис показалось — неверный свет не позволил ей разглядеть точно, — что он побледнел, когда сфокусировал на ней взгляд.

— Ничего страшного, — сказал Чарльз, не зная, что еще сказать.

— Вот именно — ничего страшного, — кивнула пожилая леди. — Почти каждый в то или иное время страдал от подобной неприятности. Вы знаете, что мы с Элис друзья, и друзья настолько близкие, что мне кажется, будто я знаю вас почти так же близко, хотя вы были мальчиком, когда я последний раз видела вас. Элис поделилась со

мной вашими тревогами, и я не могу не сказать, что ваша жена совершенно невиновна в моем визите. Я узнала о ее местонахождении от старой экономки в Уиверне и больше ни от кого не получила ни малейшего намека. Элис услышала от меня, что с близкими друзьями так не поступают. Когда вы узнаете меня лучше, мистер Фэрфилд, вы не станете учить Элис не доверять мне.

Затем леди Уиндейл сказала о том, что приглашает Элис в Оултон, после чего откланялась. Чарльз проводил ее до кареты и вежливо попрощался.

Этот визит, хотя и обеспокоил Чарльза, все же пошел ему на пользу. Он почувствовал, как его настроение улучшается, пульс ускоряется, а уверенность в будущем укрепляется.

«Еще будет время рассказать Элис обо всем», — подумал он. Но потом одернул себя: «Я должен выбрать правильное время и не откладывать надолго. Надеюсь, я не сделаю ее несчастной, когда все станет известно».

Чарльз тяжело вздохнул, вошел в дом и крикнул Милдред Таили:

— Ужин!

Глава XXIV
ПИСЬМО

Когда через несколько минут Чарльз Фэрфилд вошел в столовую, она выглядела довольно уютно. Солнце прорвало пелену облаков на западе, и тусклый красный свет ложился дрожащими листьями на темные панели обшивки.

В прощальном великолепии дня было слышно, как каркающие вороны возвращаются в лес, чтобы устроиться на ночлег, маленькие птички красиво посвистывали в чистом воздухе, а болтливые воробьи в плюще торопливо сплетничали, прежде чем спрятаться в укромных уголках и спрятать свои головки под коричневые крылья.

Чарльз смотрел в окно на раскрашенное закатом небо и думал: «Такой человек, как я, переживший дни безрассудств, научившийся ценить красивые вещи, любящий сигары, прогулки вдоль ручья, книги, всегда готовый пропустить стаканчик вина за дружеской беседой, у которого есть такое прелестное создание, как Элис, может быть чертовски счастлив в этом уединенном тихом уголке. Если бы только с души убрать груз…»

Он вздохнул, какая-то часть этого груза на время сдвинулась, и, когда красавица Элис вошла в открытую дверь, он нежно обнял ее.

— Сегодняшний вечер особенный, Элис. Почему-то я чувствую, что все у нас будет хорошо. Когда мелкие проблемы и неурядицы уладятся, я, наверное, буду самым счастливым из всех Фэрфилдов. И ты, моя дорогая, — свет этого счастья. Ты моя корона и моя жизнь, прекрасная Элис. Ты моя радость и слава. И ты даже наполовину не угадываешь, как я люблю тебя и как горжусь тобой.

— О, Чарли, Чарли, чудесно. О, мой Ри! Я очень, очень счастлива.

Она прильнула к нему, и он прижал ее к своему сердцу.

Это была настоящая любовь, потому что в праздной натуре Чарльза Фэрфилда гнездилось добро. Тот сложный период в развитии души между беззаботным состоянием детства и более поздним временем, когда опыт печалит и призывает с сожалением обращать наши взгляды назад, давно прошел для него. Пора, когда девушки «выходят в свет» и смотрят на мир, а мужчины, как говорится в старомодной фразе, «прожигают молодость», — это восхитительная пора самолюбия,

греха и глупости, когда только милость Божья сохраняет в нас живыми скрытые жемчужины добра, — прошла для него, не убив, как это иногда бывает, нежности и прочих слагаемых безупречного воспитания. В Чарльзе Фэрфилде не были до конца растоптаны живые привязанности, которые сейчас распускались в нем заново: неубитая простота и чистота, пусть не райская, не детская, но достойная джентльмена. Он был мужчиной, который не потерял себя, мужчиной, способным на счастье, способным на возрождение.

Я не знаю, что в точности вызвало в этот день кипение надежды. Возможно — стечение душевных подвижек, мелких и незаметных, но способных вызвать ту дрожь и то свечение, которое удивляет нас подобно яростным примерам вулканической химии.

Но добавлю немного яда. Печально наблюдать зарождающиеся возможности великого счастья, почти обеспеченного, но по причине непреклонного каприза обстоятельств, увы, недостижимого.

Не прошло и нескольких минут после ухода жены в спальню, тьма и холод, которые предвещали возвращение забот, охватили нашего героя, когда он сидел, переворачивая страницы книги.

Чарльз встал и начал недовольно ходить по комнате. Остановился у маленького книжного стеллажа между окнами и безотчетно поправил томики, потом поиграл с цветами, которые Элис поставила в высокую вазу, одну из реликвий Карвелла, и так далее, и так далее, и все лениво и отстраненно.

«Я снова среди врагов! Счастье для меня — мимолетная иллюзия, надежда — обман. Моя реальность — мрак бездны. Господи, помоги!»

Он возвел глаза к небу и простонал молитву, не сознавая даже, что это молитва.

«Я выдерну жало из этой постыдной тайны, — думал он. — Между мной и Элис больше не будет секретов. Завтра я ей все расскажу. Я найду возможность, черт побери».

Чтобы пригвоздить себя к обещанию, этот без конца сомневающийся мужчина повторил клятву и ударил рукой по столу.

На следующий день, когда Элис снова занималась цветами в саду, он вошел под тень деревьев со странным ощущением страха и печали в сердце. Как Элис посмотрит на него после признания? Как она воспримет это?

Бледный, как мужчина идущий за гробом своей возлюбленной, он двинулся в глубь сада, и его

сердце остановилось, когда он увидел маленькую Элис, увлеченно работающую крошечной лопаткой на солнечном участке, не подозревающую о том, какое признание ожидает ее.

Элис встала — как же она была красива! — оценивая свою работу. Выставив одну ножку, сложив руки в садовых перчатках, она тихо напевала песенку, которую Чарльз помнил с давних лет: Элис пела ее в Уиверне давным-давно, когда была еще крошкой, когда он и не думал, что она будет ему так дорога, — просто хорошенькая малышка, ничего более.

— О, Ри, дорогой!

Наконец она увидела его и побежала навстречу меж высоких деревьев и кустов малины, под ветками фруктовых деревьев, которые были покрыты мхом и лишайником.

— Как чудесно, Ри! Ты так редко сюда приходишь, и теперь, когда ты здесь, ты увидишь, как я славно потрудилась. Мы с тобой чудесно прогуляемся. Что-то случилось, милый? — Она остановилась и посмотрела ему в лицо.

Вот и возможность объясниться! Однако решимость внезапно испарилась, и, выдавив улыбку, Чарльз мгновенно ответил:

— Ничего, дорогая, совершенно ничего. Пойдем

посмотрим на твою работу. Ты так трудолюбива, и у тебя такой чудесный вкус.

Когда она, успокоенная, вела его по поросшей травой тропинке к своему цветнику, Чарльз почти ничего не замечал — глаза его отказывались видеть, слух пропал, и он думал: «Где я? Что это? Правда ли, что я настолько слаб, что отвернулся от цели, над которой думал непрестанно, для которой набрался мужества, и вот…»

— Что это? — сказал он вслух, подняв ее руку к глазам. — Кажется, перчаткам моей Элис нужна штопка. Ох! Вот мы и пришли. Теперь ты должна меня просветить: что это за частокол из палочек с подписанными флажками? Должно быть, твои однолетники, верно?

Так они говорили, Элис смеялась, весело щебетала, и ему не хватило сил — или мужества — рассказать свою ненавистную тайну.

И снова дело было отложено.

На следующий день Чарльз Фэрфилд привычно впал в уныние: временного облегчения больше не ощущалось.

Принять решение сложно. Но мука колебаний, по крайней мере, закончена. Ведь даже если кто-то собирается вышибить себе мозги, этот несчастный «кто-то» становится спокойным, а

иногда и веселым, когда конец известен. Поверим коронерам?

Как бы там ни было, Чарльз Фэрфилд понемногу начал отклоняться от своего решения. Потому что его мучил ужасный вопрос: как она воспримет признание? И еще хуже: как она поступит? Разве она не тот человек, который немедленно оставит мужа, находясь в столь двусмысленном положении, разве не будет настаивать, чтобы это ужасное требование, пусть неясное, должно быть рассмотрено при свете дня?

«Я отлично знаю, что Элис меня боготворит, бедняжка, но она не останется здесь и на час. Услышав признание, она сразу поедет к леди Уиндейл. Это разобьет ей сердце, но она сделает это».

Страх потерять Элис сдерживал Чарльза. Однако его подстегивала мысль, что рано или поздно, если Гарри не солгал, враг найдет его, и все будет еще хуже.

Снова и снова он проклинал собственную глупость, что не посоветовался со своим умным братом до женитьбы. Как ужасны были его справедливые слова. Как относительно легко было открыть все Элис, прежде чем ставить ее в такое положение. Чарльз не думал, что ему грозит реальная опасность. Он мог поклясться, что не

помышлял о злодействе. Он был нерешительным в трудном положении, вот и все. Но может ли он быть уверен, что мир не заклеймит его злодеем?

Прошел еще день, и он не знал, что принесет следующий.

Элис ушла в свою комнату. Было двенадцать часов ночи, когда, решившись на волнительную исповедь, Чарльз поднялся по старой дубовой лестнице со свечой в руке.

— Кто там? — раздался голос его жены из комнаты.

— Я, дорогая.

Она встретила его у двери в халате. Ее лицо было бледным и несчастным, глаза распухли от слез.

— О, Ри, дорогой, я так несчастна. Наверное, я сойду сума.

Элис порывисто обняла мужа трясущимися руками и судорожно зарыдала на его груди.

Чарльз Фэрфилд застыл от ужаса. Подумал: «Она все узнала».

Элис посмотрела ему в лицо, и это было лицо призрака.

— О, Ри, дорогой, ради бога, расскажи… Это что-то очень плохое, да?.. Только ли долг делает тебя таким несчастным? Меня изводит эта

неопределенность. Пожалей свою бедную ничтожную женушку и расскажи мне, в чем дело… Расскажи все!

Это, вы бы сказали, было больше, чем возможность, которую он ждал, но страдающий взгляд Элис поразил и испугал его — это был скорее безумный, отчаянный взгляд. Казалось, что-то прошептало: «Расскажешь — убьешь ее»; и он прижал ее крепче к себе, поцеловал и рассмеялся.

— Ничего, кроме денег… долга. Клянусь. Ты пугаешь меня, Элис, ты такая бледная. Я думал, ты скажешь мне что-то ужасное, но, слава богу, ты в порядке, и призрака я не вижу. Глупое, глупое создание. Боюсь, это место щекочет нам нервы. Но здесь мы в сохранности, и все хорошо, кроме ненавистных долгов. Ты бы не удивилась моей хандре, если б знала, что это за долг, но в будущем, надеюсь, все образумится, ибо в конце концов мы должны получить деньги, а сейчас, в общем-то, тоже ничего страшного. Меня не могут повесить за долг в несколько сотен. Но я зол на себя за то, что так расстраиваю мою крошку.

— Мой благородный Ри, ты всегда был так добр, и ты делаешь меня такой счастливой. Я не знала, что думать, но ты снова успокоил меня. Вероятно,

все мои домыслы от незнания. Я все время слежу за тобой, пытаюсь разгадать твои взгляды. Это так мерзко — следить за любимым, но Ри простит свою глупую жену, я знаю, что простит, потому что у него большое сердце.

Затем последовали утешительные речи Чарльза и новые восторги Элис. Как вы уже догадались, в конце Чарльз на какое-то время снова отказался от своих намерений.

Через несколько дней он услышал трагические новости. Питер поведал ему, что молодая жена мельника в Ракели, услышав, что ее муж утонул в ручье, забилась в припадках и умерла через три дня.

Вот так молодые жены воспринимают тревожные новости! Чарльз Фэрфилд выслушал и сделал выводы.

Спустя еще неделю в комнату, где молча завтракали Чарльз с женой, принесли письмо. Чарльз уже почти отчаялся получить его и начал утешать себя мыслью, что задержка является хорошим знаком, что молчание Гарри — признак достигнутого перемирия.

И вот письмо пришло.

Элис, перестав дышать от тревоги, смотрела, как муж открывает его. Она увидела, как он по-

бледнел, пробежав глазами строчки. Опустив письмо на скатерть, Чарльз сидел, прикусив губу.

Так как ее муж не перевернул лист, Элис поняла, что письмо короткое — помещается на одной странице.

— Ри, дорогой, — робко спросила она, — все хорошо? О, дорогой, что такое?

Он встал и молча подошел к окну. Прошло не меньше пяти минут, когда он спросил:

— Что ты сказала, дорогая?

Элис повторила вопрос.

— Нет, дорогая, ничего, но… возможно, мне придется уехать. Можешь прочитать, что пишет Гарри.

Она взяла письмо и прочла:

«Мой дорогой Чарли !

Старый Солдат берется за дело всерьез. Думаю, тебе лучше приехать в Лондон, но нам непременно нужно увидеться завтра в Хатертоне — скажем, в Коммерческом отеле в четыре часа пополудни.

Твой любящий брат Гарри Фэрфилд».

— Кто такой Старый Солдат? — спросила Элис испуганно.

— Один из тех людей, которые досаждают мне, — ответил Чарльз, смотря в окно.

— И как его настоящее имя?

— Стыдно сказать, но Гарри знает о моих делах в десять раз больше меня. Я выплачиваю проценты через него, а он наблюдает за действиями этих людей. Иногда мой брат кажется грубым, но он добрый внутри, и ты видишь его письмо… Где оно? А, спасибо. Я должен уехать через полчаса, чтобы успеть на карету в «Пегой лошади».

— Позволь мне помочь тебе собраться, дорогой, я знаю, где все твои вещи. — Элис выглядела так, будто сейчас упадет в обморок.

— Спасибо, милая моя, ты так добра и никогда не думаешь о себе — никогда-никогда!

Руки Чарльза лежали на ее плечах, он смотрел на нее странным печальным взглядом; наконец он сказал как человек, с трудом разбирающий написанное:

— Я жалею… я жалею о многом. Бог знает, как тяжело у меня на душе. Если бы ты заботилась о себе, Элис, как другие женщины, или если бы я не был дураком, но… Но это была такая авантюра, такая рискованная затея… А ты, бедняжка…

Элис приложила пальчик к его губам.

— Я бы не отказалась от моего любимого, умного, красивого, благородного Ри… Я бы пожертвовала тысячью жизней, если бы они у меня

были, ради тебя, Ри… О, если ты оставишь меня, я умру.

— Счастье мое, — сказал он, притягивая ее к себе с дрожащим напряжением. В его глазах стояли слезы.

— Если ты уезжаешь, почему бы тебе не в иль меня с собой, Чарли? О, если они заберут тебя, я пойду с тобой. Ты не пожалеешь, мой дорогой, что женился на бедной маленькой Элли.

— Это не стоит твоих тревог, дорогая. Ты получишь от меня известие через день или два, или же я вернусь за это время. Все разрешится, как и множество других проблем, — произнес он, нежно целуя ее.

Началась суматоха спешного сбора вещей; Питер впрягал лошадь в повозку. Чарльз Фэрфилд спустился вниз, Питер поставил его саквояж на место. А бедная Элис «с заплаканным личиком», как сказала потом Дульчибелла, стояла своими крошечными ножками на больших неровных плитах и не отрывала от Чарльза взгляда. Он положил в повозку пальто и подошел к ней, чтобы в последний раз обняться. Тихий поспешный шепот, слова любви, печальные улыбки, и вот уже повозка вместе с благословенным светом солнца исчезла в воротах. Элис выбежала на

дорогу и увидела, как повозка быстро катит в направлении долины Карвелл. Даже стука копыт и скрипа колес больше не было слышно. Не помня себя, Элис повернулась и обняла за шею Дульчибеллу, которая держала ее ребенком на руках в доме священника в Уиверне, а теперь была ей, «сосватанной и замужней», верной помощницей. Легкий осенний ветерок играл желтеющими листьями и сбросил несколько к их ногам. Добрые глаза няни наполнились слезами, она шептала утешительные слова и, как положено, говорила, что мастер Чарльз вернется через несколько дней и не нужно так горевать. Обнимая свою воспитанницу, она нежно гладила ее по плечу, как делала многие годы — а кажется, будто вчера, — чтобы развести печали. Но стоит ли разводить печали? Ведь они приобщают нас к сочувствию и мудрости, без которых трудно быть человеком.

Дни пролетели, и пришло драгоценное письмо от Чарли. В нем говорилось, куда писать ему в Лондон, и почти ничего кроме этого.

Поспешная приписка добавляла очень выразительно, что Элис не должна никому говорить этот адрес. Так что она заперла письмо в ящик старомодного туалетного столика, ключ от кото-

рого всегда носила с собой.

Минула неделя. Элис было скучно в усадьбе Карвелл. Но ежедневная рутина по крайней мере не несла в себе тревог.

Милдред Таили была, как всегда, мрачной и раздражительной. Но однажды ее накрыла тень страха.

Два или три раза в тот день, когда Дульчибелла с хозяйкой были в саду, она неслышно скользила мимо спальни супругов. Если бы Лилли Доггер спросили, где ее наставница, та бы не сказала, где ее искать.

Спускаясь и поднимаясь по темной лестнице, Милдред ходила на цыпочках с таким видом, словно убирала покойника наверху. И что вы думаете? Старая Дульчибелла внезапно зашла в комнату, выполняя поручение Элис, и увидела служанку, преступно подбирающую ключ из связки к замку ящика туалетного столика.

— Миссис Таили! — воскликнула Дульчибелла удивленно.

Две женщины стояли совершенно неподвижно, глядя друг на друга. Обе казались испуганными. Неуклюжая Милдред, сама того не осознавая, сделала книксен; тишина длилась еще несколько секунд.

— Что вы здесь делаете, миссис Таили? — наконец спросила Дульчибелла Крейн.

— Нет необходимости говорить вам — ответила Милдред неустрашимо. — Кто-то другой, может, и рассказал бы вашей молодой хозяйке. Но я не хочу разбивать ей сердце — зачем? В Карвелле случилось достаточно темных историй, но на подвязках никто не вешался. Я только хочу узнать, куда отправить письмо мастеру Чарльзу, вот и все.

— Я этого не знаю, — сказала Дульчибелла растерянно.

— Она получила от него письмо в прошлый четверг, и адрес там есть, это точно. Я хотела взять письмо из ящика, но он заперт. И если вы любите свою хозяйку, то поможете мне достать письмо, — сказала Милдред твердо.

— Боже, миссис Таили! Чтобы я вскрыла замок? Да я лучше умру. Вы же не это имели в виду?

— Я знала, что вы глупы. Я не должна была вам ничего говорить, — с презрением бросила Милдред.

— Боже! Я никогда в жизни так не боялась! — пролепетала Дульчибелла.

— Это еще ничего, подождите. Ладно, я умываю руки, — сказала миссис Таили, яростно взглянув

на Дульчибеллу и топнув ногой. — Вашей хозяйке я желаю только добра, и, если вы расскажете ей, что я была здесь, я все объясню, ибо я не буду лгать ни при каких обстоятельствах, но, думаю, она этого не выдержит.

— О, это ужасное, ужасное место! Я так никогда не боялась… — Дульчибелла сильно побледнела.

— Ваша хозяйка сейчас в саду, полагаю, — сказала Милдред. — Так я еще раз повторю. Если вы собираетесь рассказать ей, что я тут делала, то лучше уж я пойду и расскажу все сама. И даже если она переживет это, она вечно будет ходить с опущенной головой. Это все, что вы услышите от Милдред Таили.

— О боже, боже, боже! Как стучит мое сердце!

— Ну-ну, незачем так реагировать.

— Сказать по правде, я ничего не потеряла, когда мы приехали сюда. Все может быть и так, как вы говорите, но, если вы мне пообещаете, что больше никогда не придете сюда, пока нас нет, я ничего не скажу хозяйке.

— Идет. Сдержите свое слово, миссис Крейн, а я сдержу свое. Я больше не буду вмешиваться в чужие дела. — Милдред со звоном вытащила ключ из замочной скважины и мрачно засунула в карман.

— К вашим услугам, миссис Крейн.

— К вашим услугам, миссис Таили, — ответила Дульчибелла.

Разговор, который начался так грубо, закончился почти мирно.

Милдред была будто в лихорадке весь остаток дня и на следующий день. Ее характер, подумала Лилли Доггер, еще больше портится с приближением ночи. Откуда Лилли было знать, что в кармане старухи лежит короткое письмо, доставленное ей по почте. В письме было предупреждение о ночном визите. Кучер, который менял лошадей, должен появиться в «Пегой лошади» в половине двенадцатого, но мог приехать и к полуночи, и еще долгая поездка до усадьбы Карвелл.

— Я вымотана, я устала до смерти, я валюсь с ног из-за них, я работаю как конь. Для Милдред Таили было бы лучше лежать в земле придавленной надгробием. Только так я могу скрыться от всех!

Глава XXV
ЛИЛЛИ ДОГГЕР ОТПРАВЛЯЮТ СПАТЬ

Той ночью некрасивая широкоплечая девочка Лилли Доггер бодрствовала дольше обычного. Кастрюли и соусники, которые наряду с ножами и вилками нужно было почистить, задержали ее. Бараний жир в жестяной плошке на стене нещадно чадил, заставляя глаза слезиться.

— Ты поторопишься, девчонка? — прозвучал резкий голос Милдред, которая ставила чайник на огонь в кухне, в то время как кареглазая помощница натирала кастрюлю мелом.

— Да, миссис Таили? — вопросительно произнесла Лилли.

— Поживее, говорю. Уже минуло одиннадцать, ты уже час как должна спать, — рявкнула старуха.

— Да, миссис Таили, конечно, — ответила девочка и заработала щеткой с усиленной энергией.

Лилли хотела спать. Будь у нее хоть минута передышки, думаю, она бы задремала.

— Может, ты собралась всю ночь возиться? —

Миссис Таили подобралась так близко, что напугала девочку. — Ладно, хватит на сегодня. Оставь, утром закончишь.

— Мне потушить огонь, миссис Таили? — спросила Лилли после небольшой паузы.

— Нет, не надо. У тебя вообще есть глаза? Ты разве не видишь, что на огне стоит чайник? Откуда мне знать, может, хозяин вернется ночью домой и захочет горячего чаю?

Миссис Таили была раздраженной, и Лилли Доггер испуганно сделала книксен.

— Могла бы с утра проснуться пораньше, девчонка, чтобы не работать полночи. Ты белая, как репа. От лени все краски смыло с твоего плоского лица. Когда я была в твоем возрасте, если бы я не успевала, я бы получила ручкой метлы по спине, точно говорю. И моей пищей на следующий день в лучшем случае были бы хлеб с водой. Ты небось думаешь, что можешь делать, что хочешь, что все изменилось? Что каждая выскочка из низов — ровня господам. Но со мной это непройдет, девчонка. Посмотри-ка на часы, или ты хочешь, чтобы я потащила тебя за ухо в кровать? Уже десять минут двенадцатого, вот сколько ты провозилась! — Положив руку на дверцу шкафа, Милдред сказала, прежде чем

открыть ее: — Подойди и возьми хлеба, если хочешь, и нечего смотреть на меня, разинув рот, неумеха. Будто мне нечем заняться, кроме как прислуживать тебе. — Вопреки своим словам она достала с полки большой кусок хлеба и бросила на кухонный стол. — По-хорошему, не надо было давать тебе ни крошки. Но ты возьмешь этот хлеб с собой в кровать, юная леди, и быстро ляжешь спать. Все поняла? А если я обнаружу, что ты не спишь, когда я приду проверить, я просто вылью тебе на голову таз холодной воды. Чтобы через две минуты была под одеялом — вперед!

Лилли Доггер знала, что у миссис Таили тяжелая рука и что она редко грозится впустую, поэтому, неотрывно смотря на нее, взяла кусок хлеба, быстро сделала книксен и испуганно исчезла за дверью.

Вскоре старуха, держа свечу над головой, заглянула к ней, как и обещала.

Хитрая Лилли лежала, правдоподобно притворяясь спящей, хотя за такое короткое время заснуть было невозможно. Больше всего она боялась, что громкий стук сердца выдаст ее, однако миссис Таили вышла, ничего не сказав, к огромному облегчению девочки. Страх бдителен, и Лилли знала, как жесток характер ее настав-

ницы.

Через дверь она слышала непрерывное каркань голоса старухи — та бранилась в монологе с самой собой, расхаживая по кухне. Сон как рукой сняло. Девочка наблюдала за ярким пятном на побеленной стене у изножья кровати, которое свеча миссис Таили посылала в замочную скважину. Пятно это перелетало и скользило туда-сюда, вверх-вниз, словно белая бабочка в саду, указывая на передвижения старухи под стук грубых ботинок.

Через какое-то время дверь снова открылась, и старуха вошла, оставив свечу на столе кухни. Она прислушалась, и, будьте уверены, Лилли Доггер лежала неподвижно.

— Ты не спишь? — громким шепотом спросила миссис Таили.

Нет ответа.

— Ты не спишь, девчонка? — повторила она и подошла к кровати будто бы поправить одеяло, но на самом деле проверить. Молча постояла в течение минуты, а потом очень быстро ушла, закрыв за собой дверь.

Затем Лилли Доггер услышала, как наставница что-то делает на кухне, кажется, двигает стол.

Белая бабочка больше не сидела на темных

стенах комнаты Лилли Доггер — Милдред Таили со свечой выскользнула из кухни.

Девочке стало любопытно, она поднялась, заглянула в замочную скважину и обнаружила, что неуклюжий стол, служивший им для резки продуктов, действительно был придвинут к двери, так что выйти она не могла.

Также она увидела, что Милдред не погасила огонь в печи и чайник медленно кипел на решетке.

Лилли, конечно же, не поверила, что миссис Таили ожидает приезда хозяина, поскольку днем она сказала, что тот, скорее всего, приедет завтра вечером. Нет. Миссис Таили явно ожидала кого-то другого и охраняла свою тайну с ревнивой скрытностью.

Девочка вернулась в кровать. Прислушивалась — не вернулась ли старуха, и искала маленькое пятнышко света на побеленной стене. И за этими занятиями уснула.

Вскоре ее разбудило шумное возвращение миссис Таили. Она ворчала себе под нос, мешала угли в печке и со злобным неистовством отбрасывала каминные щипцы.

Лилли повернулась на другой бок и, несмотря на шум, вскоре снова уснула.

И снова проснулась — наверное, из-за шума в кухне. Маленький белый огонек плясал на стене у изножья ее кровати, миссис Таили быстро говорила шепотом. Потом наступила тишина, во время которой напольные голландские часы пробили один раз.

Теперь глаза Лилли были широко открыты, как и уши. Она не слышала, чтобы кто-то ответил старухе, но та через минуту снова заговорила — тихо-тихо. Передвигаясь по кухне, она ступала мягко, а когда ей нужно было что-то переставить, делала это аккуратно.

Девочке стало интересно. Она снова выскользнула из кровати и посмотрела в замочную скважину. Но она не увидела ни миссис Таили, ни ее собеседника, если он у нее был.

Старуха продолжала говорить, но это был не ворчливый монолог, а ровный голос того, кто ведет длинный рассказ. Голос иногда ослабевал из-за тихого звона чайной чашки или звяканья ложечки.

Если миссис Таили пила чай в одиночестве в такой час и разговаривала сама с собой, то такого раньше не было, и любопытная маленькая девочка подумала, что, должно быть, ее наставница сошла с ума. Однако это опасение рассеялось,

когда она услышала, как кто-то кашляет. Не миссис Таили, которая продолжала рассказывать историю. К тому же старуха сказала что-то насчет средства от кашля, которое хорошо помогает.

На это кто-то ответил — голос был странный и протяжный. Слов девочка не могла разобрать, но теперь уже было очевидно, что в кухне присутствует посторонний.

Лилли Доггер испугалась непонятно почему и напрягла слух, не в силах сложить предположение. Было понятно, что тот, кто наслаждается гостеприимством Милдред, — не хозяин, не хозяйка и не старая Дульчибелла Крейн.

Пока она слушала, удивлялась и раздумывала, сон снова сморил ее, и Лилли Доггер, едва добравшись до кровати, отправилась за приключениями в страну грез.

Глава XXVI
ЧАЕПИТИЕ В ПОТЕМКАХ

— Кажется, вы ужасно страдаете, мадам, — сказала Милдред Таили. — Зубная боль не прошла?

— Это не зубная поль — хуже, — ответила женщина томным голосом, подперла голову рукой и закрыла глаза, будто решила подремать в большом кресле.

— Хуже зубной боли? Да, это плохо. Может, у вас уши болят? — спросила миссис Таили с притворной озабоченностью; не думаю, что она огорчилась бы, если б ее гостья упала с обрыва и сломала себе шею на камнях ручья.

— Нет, эта поль ф лице, называется «тик», — не открывая глаз, женщина вяло растягивала слова.

— Тик? О господи! Я о таком никогда и не слышала, если только это не жучок, что цепляется на скот в поле… Наверное, нехорошая болезнь? — предположила миссис Таили.

— С топой такое тоже может случиться, — женщина говорила тихо и с явным иностранным акцентом. — Когда мы немного стареем, наши кости и нер-фы тоже не молодеют. У тебя реф-

матизм, у меня тик — поль в щеке и фо рту. Это намного хуже реф-матизма, как ты выяснишь, если с тобой такое произойдет. У тебя хороший чай… После путешествия чай так освежает. Я не могу жить без чашечки чая, хотя крепкий горячий чай не на пользу моему тику. Ха-ха-ха! Ох!.. — скривилась она. — Будь добра, передай мне мою сумочку.

Милдред осмотрелась и обнаружила небольшую суконную сумочку и зонтик.

— Зеленую сумку, мадам?

— Ты гофоришь про суконную?

— Да, мадам.

— Дай ее мне. Где моя трупка… моя трупка и моя ко-ропочка?

Женщина пошарила в сумке и извлекла трубку, очень похожую на пенковую, и небольшую квадратную коробочку.

— Табак! — воскликнула миссис Таили.

Ее гостья не прервала приготовлений.

— Тапак? Нет, это кое-что лучше — опиум. Ты бояться, что миссис Гарри Фэрфилд унюхать его? Нет, я не хотеть трефожить ее сон. Я здесь инкогнито и не намерена раскрывать себя. Йа, йа, йа!

Начался очередной приступ.

— Печально, мадам, — сказала Милдред через

какое-то время. — Уже лучше?

— Подстафь тапурет мне под ноги. Да-да, сюта. Теперь зажги спичка, поднеси к конец трупка, и мне станет легче.

Миссис Таили испытывала сильнейшее искушение пробормотать возражение, но, возможно, она боялась высокую женщину, которая, судя по всему, привыкла командовать, и поэтому подчинилась.

— Запах не такой уж и сильный, — сказала миссис Таили после небольшой паузы.

— И как давно Гарри женат? — спросила курильщица опиума, снова затянувшись.

— Я не могу этого знать, когда именно они поженились, но точно были женаты, когда мастер Чарльз поселил их в доме, — не моргнув глазом ответила Милдред.

— Таинстфенные люди, эти Вэрвилды, — сонно рассмеялась женщина. — А когда же приедет Гарри?

— Завтра или послезавтра, не знаю, но он никогда не задерживается в доме надолго, приходит и уходит скрытно, как человек, собирающийся совершить убийство.

— Ха-ха-ха, старый мистер Вэрвилд должен отхлестать его кнутом по широким плечам. А тфой

хозяин когда будет?

— Хозяин появляется очень редко. Ох, о-очень. Может быть, раз в сезон.

— А где он живет, ты знаешь? — спросила гостья.

— Ну не могу сказать, но уверена, что в Уиверне. Полагаю, что в основном в Уиверне… Но предположу, что он много путешествует. Ох, я не знаю точно.

— Я написала ему в Уиверн, чтобы встретиться здесь. Он в Уиверне?

— Ну правда, я не могу сказать. Я знаю не больше вас, мадам, где сейчас мастер Чарльз, — ответила Милдред с жаром; она была рада найти хоть одну несомненную правду в этом море лжи.

— Ты же дафно в этой семье? — протянула гостья вяло.

— С тех пор, как под стол пешком ходила, еще до того, как себя помню. Я родилась в домике привратника. Моя мать была здесь во времена старого сквайра, то есть отца нынешнего Генри Фэрфилда и деда двух молодых джентльменов, мастера Чарльза и мастера Гарри. Ну мой дед, то есть отец матери, отвечал за содержание дома и за порядок в лесу, без его разрешения не могли ни дерево срубить, ни корову продать. Его называли

Честный Том Перрекьюик, все уважали моего деда, и Карвелл никогда не приносил Фэрфилдам столько денег, как в его время. Ни после, ни до него, никогда… И никогда так уже не будет, это точно.

— И кто тебе нрафится больше: сквайр Чарльз или сквайр Гарри? — спросила любопытная гостья.

— Мне нравится Чарльз, — ответила миссис Таили уверенно.

— И почему же?

— Ну Гарри — шут. Понимаете, он бы продал часть своего большого пальца за шесть пенсов. Переговорит любого и заплатит за работу шуткой и смехом. Тут уж нечего сказать, очень приятный джентльмен для тех, кому нечего делать, кроме как обменивать свой труд на его прибауточки. Я никогда не брала у мастера Гарри и шиллинга с тех пор, как у него завелись деньжата.

— Но ведь мастер Чарльз тоже может быть скупым, если захочет? — предположила гостья.

— Нет-нет-нет, он не такой. Он очень щедрый, когда у него есть деньги, и во всех смыслах больше джентльмен, чем мастер Гарри, это точно, — ответила Милдред.

— Да, Гарри Вэрвилд — хитрый мужчина, я ве-

рю. Осмелюсь сказать, он мог бы немного помочь брату, раз скопил достаточно денег.

— Не думаю, что у него сундук с деньгами, хотя он, наверное, не тратит все, что получает.

— Полагаю, Гарри честно выплатит брату за аренду дома? — закинула удочку гостья.

— Мастер Гарри заплатит не больше, чем может, — уклончиво ответила Милдред.

— Дом удопный, — продолжила женщина. — То есть был удопным, когда я была здесь.

— Да, он теплый и большой, — согласилась миссис Таили. — Крыша и стены крепкие, и, если следить за ним, простоит еще сто лет. В дымоходах живут галки, которых нужно прогнать, а то от них грязи много, — вслух размышляла служанка.

— Хочешь сказать, что Гарри не платит ни пенни за усадьбу и держит жену здесь? — категорично спросила женщина.

— Про их дела я ничего не знаю, — раздраженно ответила миссис Таили. — И почему это должно меня волновать? Они между собой уладят, как и все остальные дела, а меня не спросят. Но осмелюсь сказать, мастер Гарри будет рад ничего не платить, если мастер Чарльз будет достаточно глуп, чтобы позволить это.

— Ну, он не станет этого делать, я позабочусь об

этом, — сказала женщина, сохраняя неподвижную позу, которая вкупе со специфичностью ее голоса делала ее облик неприятным. — У меня никогда не было и двух фунтов лишних. Я не сторонница благотворительности и не буду голодать ради мастера Гарри. — Она каркающе рассмеялась. — А его жена, вы говорите, голодная дочь курата!

— Пастор Мэйбелл, говорят, мясо ел только два-три раза в неделю, и я слышала, что он обманул сквайра Генри с рентой, но старый сквайр был добр — к дочери пастора, во всяком случае. Он взял ее в свой дом, а ока, когда стала взрослой, воспользовалась возможностью и вышла за мастера Гарри.

— Молодец, что поймала такого ушлого парня, молодец… Дай-ка еще огня — я сделаю пару затяжек, прежде чем пойду спать. Молодец… Как же ей удалось окрутить Гарри Вэр вилла?

— Ух! Ну она красивая девушка. Все Фэрфилды женились в основном на красотках. За некоторыми были земли, деньги и все такое, но красивое личико всегда прилагалось к состоянию.

Женщина криво улыбнулась, пока снова готовила трубку. Забыл вам сказать, она была почти слепой, и Милдред об этом знала.

— Так когда Гарри снова приедет? — спросила гостья.

— Откуда мне знать, он не докладывал. Вы хотите поговорить с ним, мадам? — спросила Милдред.

— Да, хочу, — ответила женщина. — А теперь, пожалуйста, подержи спичку.

Милдред поднесла огонь, и — пых, пых, пых — гостья затянулась несколько раз.

— Уж поверьте, я никогда не знаю время, это может случиться и через две недели, — чуть помягче произнесла служанка.

— А когда приедет мастер Чарльз?

— Если он получил ваше письмо, то скоро. Если нет, он может не появляться здесь и три месяца. Он такой.

— А какие новости о старике Генри в Уиверне?

— Ничего особенного, — ответила Милдред. — Только, что он здоров и крепок, а в остальном — ничего. Фэрфилды — долгожители, это все знают, думаю, он еще не скоро ляжет в дуб и шерсть.

Возможно, она правильно догадалась о предмете беспокойства мадам, потому что та, покивав, сказала:

— В моей стране есть послофица: «Божьи дети

умирают молодыми».

— А здесь говорят: «Дьявол своих не бросает», — парировала Милдред Ганди. — Но вот что я думаю: Судья всего сущего немного удлиняет жизни грешников, чтобы дать время подумать и раскаяться в проступках, пока еще можно.

— Ты развела огонь в моей комнате, Таили? — с недовольством в голосе спросила женщина, которая, наверное, не любила теологию.

— Да, мадам, все в порядке.

— Ты не против сбегать наверх и проверить? Я ненавижу холод.

Несомненно, в столь поздний час миссис Таили возмутила такая нагрузка на ее ревматизм, но хотя она была не из тех, кто сдерживает свое возмущение, тут она сделала исключение. Что не помешало ей бросить на незнакомку яростный взгляд.

— С удовольствием схожу, мадам, но я уверена, что все в порядке, — произнесла она, стараясь быть вежливой, и замолчала — возможно, надеялась, что гостья отменит свою просьбу и ей не придется идти наверх в противоположный конец дома.

Но услышала в ответ:

— Я подожду тебя здесь.

— Как пожелаете, мадам, — проскрипела Милдред.

Оглядев кухню, она взяла с собой свечу и оставила гостью при свете очага.

Высокая женщина почти полулежала в кресле и будто дремала, но через несколько секунд, когда шаги Милдред стихли, встала, приложив руку к уху, прислушалась, а затем, вытянув руки, бесшумно, как кошка, пошла по кухне. У двери Лилли Доггер она задела стол, остановилась и подвинула его. Дверь приоткрылась, и женщина замерла в проходе, прислушиваясь. Слабый отсвет очага осветил ее: казалось, что в ней было не больше жизни, чем в сером камне Утеса друидов на выгоне Крессли.

Лилли крепко спала, но в ту ночь ее сну суждено было снова прерваться. Она почувствовала руку на шее и, открыв глаза, сначала ничего не увидела — настолько темно было в комнате.

Вскрикнув от страха, она резко подскочила — неужто грабитель?

— Тише, дурочка, — произнесла женщина, закрыв рот девочки рукой. — Я подруга миссис Милдред Таили, и я приехала, чтобы пожить в доме. Что за леди спит наверху, в комнате, которая раньше принадлежала мастеру Гарри? Ты

должна отвечать честно, или я выкручу тебе ухо.

— Это хозяйка, мадам, — испуганно ответила девочка.

— Замужняя леди?

— Да, мадам.

— А кто ее муж?

На этом вопросе холодные пальцы сомкнулись на ухе Лилли Доггер, предостерегающе дернув его.

— Хозяин, мадам.

— Как зофут хозяина, грясный маленький лкунья?

Теперь она выкрутила ухо.

Лилли бы закричала, если б была меньше напугана, но она, вздернув плечи к ушам, только моргнула, и, запинаясь от спешки, ответила:

— Мистер Фэрфилд, конечно.

— Есть три мистера Вэрвилда: старый мистер Вэрвилд, мастер Чарльз Вэрвилд и мастер Гарри Вэрвилд — говори яснее.

Называя каждое имя, она выкручивала ухо девочки.

— О боже, мадам… Прошу, мадам… Я имела в виду мастера Чарльза Фэрфилда. Я не хотела вам врать, правда…

— Хо-хо… Да… Чарльз, Чарльз… Отлично. А те-

перь расскажи, как ты отличаешь мастера Гарри от мастера Чарльза?

— Ох, боже, мадам! Ох, господи! Ох, мадам, прошу! Прошу, не крутите больше, добрая мадам… Ухо почти оторвалось, — взмолилась девочка, когда пытка возобновилась.

— Говори правду. Как ты отличаешь мастера Чарльза от мастера Гарри?

— У мастера Чарльза глаза больше, мадам, а у мастера Гарри светлее волосы и красное лицо… Прошу, мадам… У мастера Чарльза лицо темнее, и говорит он спокойно, а мастер Гарри говорит очень громко и всегда приезжает верхом, и мастер Чарльз — старший сын, а маленький ребеночек, которого они ждут, будет сквайром Уиверна.

Женщина сильно дернула ее за ухо, возможно, даже не осознанно, потому что молчала целую минуту. Девочка сидела, втянув голову в плечи, глядя прямо туда, где, по ее предположению, могло находиться лицо вопрошательницы.

— Мужчина, который громко говорит, мастер Гарри, он часто здесь бывает? — наконец спросила та.

— Редко, мадам, слишком занят делами — скачками, как говорят.

— А мастер Чарльз, он часто здесь?

— Да, мадам, хозяин всегда здесь, но не сейчас: он уехал где-то неделю назад.

— Где-то неделю? Мастер Чарльз?

— Ох, да, мадам, да, это правда, сегодня неделя, как хозяин уехал.

Молчание.

— Хорошо. Если я выясню, что ты мне соврала, я возьму тебя за шею и приложу твое лицо к каминной решетке на кухне и буду держать, пока оно не прожарится, поняла? Даю тебе последний шанс: если ты сказала неправду, признайся, и я тебя прощу.

— Ничего, кроме правды, мадам, честно, честно.

— Старуха Таили побьет тебя, если узнает, что ты мне что-то сказала. Поэтому держи язык за зубами, и я не фыдам тебя.

Лилли Доггер увидела расплывчатый силуэт, когда женщина вышла в кухню, услышала, как дверь закрылась и как стол возвращается на место. С дико бьющимся сердцем она без сна неподвижно лежала в темноте.

Глава XXVII
В КОМНАТЕ

Рослая дама на ощупь нашла путь обратно к креслу и снова села. Кресло, в котором она сидела, было старомодным, из простого дерева, некрашеным и неуклюжим.

Когда Милдред Таили вернулась, перемена в облике гостьи поразила ее.

— Вам плохо, мадам? — спросила она, стоя со свечой в руке у кресла.

Женщина сидела прямо, вцепившись в подлокотники кресла. Ее лицо, смертельно бледное, было искажено спазмом, который напугал старую Милдред: ей даже показалось, что у гостьи, так как она не двигалась, припадок, а может, она умерла.

— Ради бога, мадам, — страстно воззвала служанка, — скажите что-нибудь!

Женщина вздрогнула, пожала плечами и вздохнула. Словно преодолела себя.

— Ох, Милдред Таили, я задумалась… задумалась… Ты что-то сказала?

Милдред смотрела на нее, гадая — слишком

много опия… или что?

— Вы выглядели плохо, мадам. Я подумала, что у вас припадок.

— Старая дура! Мне никогда не было лучше… Припадок! Только не у меня.

— Но я помню… Иногда у вас были припадки, давным-давно, и начинались они на пустом месте, — сказала Милдред угрюмо.

— Забудь об этих припадках, они уже оставили меня. Мне хорошо, говорю тебе, и никогда не было лучше. Ты старая, а поэтому слепая.

— Ну сейчас вы выглядите намного лучше, что есть, то есть, — примирительно сказала Милдред, которой не хотелось возиться с эпилептичкой или трупом. Ей и самой стало лучше, когда она увидела, что цвет вернулся на лицо гостьи.

— Таили, ты всегда была верной мне, надеюсь, я смогу вознаградить тебя, — женщина невидяще протянула руку к служанке.

— Я верна тем, кто дает мне хлеб, такова правда старой Милдред Таили. Если она ест чей-то хлеб, она будет отстаивать того, кто этот хлеб дает ей, и это единственная честь, я так думаю.

— Ну, я хлеб тебе не даю, но ты все равно была предана мне, и однажды, старушка, я вознагражу тебя — и за отличный чай, и за заботу обо мне. Я

расскажу мистеру Вэрвилду, когда он вернется, как ты была добра… Ну, расскажи, огонь и крофать — все устроено?

— Да, мадам.

— Сейчас я хорошо выгляжу?

— Да, мадам, свежо. Это был приступ.

— Да, возможно, хотя я не почувствовала его, а сейчас я могла бы танцевать по… по пятидесяти поводам. — Женщина рассмеялась. — Я и хочу спать, и не хочу, и я люблю тебя, верная Милдред Таили. Расскажешь мне еще про мастера Гарри и его жену, когда мы поднимемся наверх? Кто бы мог подумать, что этот свободолюбивый дикарь когда-нибудь будет крепко держаться за юбку? Кто бы мог представить, что этот умный молодой человек, который любит деньги и умеет делать их, выберет себе жену без флорина за душой? Это так удивительно! Ну же, давай посмеемся, ты и я.

— Мои веселые деньки прошли, мадам… и не то чтобы я когда-то много смеялась. Многое, что я считала смешным, когда молодой была, теперь кажется печальным, — сказала служанка и пальцами сняла нагар со свечи.

— Ну, дай мне руку, Милдред, умница, да.

Гостья встала во весь свой немаленький рост.

Милдред взяла свечу и обхватила запястье женщины. Та положила руку на плечо Милдред, и так они пошли по коридорам. Оставив лестницу справа, которая вела в спальню Элис, они поднялись в удобную теплую комнату, где в очаге мерцал огонь, согревая прохладный воздух. Что же касается обстановки, тут нечем было похвастаться.

— Поставь мое кресло рядом с огнем. Кровать на старом месте? — спросила женщина, останавливаясь. — Я не вижу.

— Да, мадам. Изменение только в том, что в комнате новые обои, — ответила Милдред.

— Новые обои, вот как? Ну я сяду, спасибо… То есть нет, я лягу в кровать.

— Вам помочь, мадам?

— Чуть позже, спасибо, но сначала я перекушу. Я проголодалась, или, как говорит твой хозяин, голодна. Что посоветуешь?

— Я бы посоветовала что-то съесть, — ответила Милдред.

— Но что?

— Еды у нас очень мало: свежие яйца, немного бекона, половина холодной курицы, поджаренной, кусок чеддера, масло и хлеб.

— Курица подойдет, и не забудь хлеб и соль,

Милдред, и стакан пива.

— Да, мадам.

Миссис Таили помешала угли, огляделась, взяла свечу — другой в комнате не было — и решительно вышла, закрыв дверь.

Женщина повернулась к двери и прислушалась к удаляющимся шагам. На эту особу неприятно было смотреть. Лицо с крупными чертами было усеяно оспинками, она снова была смертельно бледной от гнева, и неприятная улыбка подчеркивала белизну ее кожи.

— Терпение, терпение, — повторяла она. — Чертовы игры! Ничего, надо немного подождать.

Она посидела, поджав губы и нахмурив брови, потом ей пришла в голову вдохновляющая мысль, она порылась в сумочке, достала бутылку и несколько раз отхлебнула. Казалось, ей стало лучше. Это был не опиат, но и не прохладительный напиток — запах подсказывал, что это бренди.

Глава XXVIII
ЗВОН КОЛОКОЛЬЧИКА

«Это чудовище когда-нибудь угомонится? Наверное, она спит с открытыми глазами и навостренными ушами… Нигде от нее не спастись… тут и там, вверху и внизу, без движения и дыхания, как призрак или дьявол, — думала миссис Таили. — Слава богу, она слепа как крот, хоть это ее сдержит».

Милдред боялась высокую женщину. Она была холодной и жестокой, а если совсем коротко — злобной.

— Имя ей Сатана. Господи, прости, в каком аду он ее нашел? — бормотала Милдред себе под нос, когда с яростью страха возилась на кухне.

У женщины были припадки, и сильные, в давние времена, и видеть это было ужасно.

— Хлестала чистый коньяк и все еще жива. Другие, моложе и лучше, у которых и припадков-то никогда не было, которые держали свои тела в трезвости и воздержанности, уже давно мертвы и погребены, а это потрепанное существо с его болячками и грехами все еще живо и способно

пугать народ. Еще эти оспинки, и эти горящие глаза дикого зверя…

Миссис Таили точно не знала, приедет ли сегодня Чарльз Фэрфилд. Лондонская почтовая карета, которая проезжала мимо Дарвайнда, городка за выгоном Кressли, шла вслед за почтовым дилижансом, останавливавшимся в «Пегой лошади».

Интересно было бы, если б Чарльз Фэрфилд и мадам оказались единственными пассажирами в карете.

Усложнилось бы дело, если б голландка — вроде она голландка? — задержалась на кухне? Как бы она отреагировала на его появление? Эта мысль вызвала у Милдред приступ паники. Но она боялась поторопить уход страшной женщины в ее комнату, ибо разум голландки всегда роился взрывными подозрениями.

— Господь даровал нам господство над животными, сказал пастор Уиньярд на проповеди в прошлое воскресенье, но нам не позволено убивать или ранить, кроме как ради еды или защиты, и добрый старый пастор Баклз, который двоих стоил, говорил, как я помню, то же самое… Будьте милосердны к зверям, ибо сотворены они тем же Создателем, что и мы. Милосердный человек

будет милосерден к подобному ему зверю…

Миссис Таили резко осеклась и ударила деревянной ложкой по ребрам кота, который засунул голову в соусник. Раздался глухой звук, воришка, вскричав, отпрыгнул.

— Милосерден, конечно, за исключением тех случаев, когда против него замышляют вред. Но тех, кто зловреден, пагубен и опасен, мы вольны убить, а кто может быть опаснее дурного мужчины или женщины? Упаси боже поступить неправильно… Я старая уже, до могилы недалеко, а убийство есть убийство! Не убий… Я и не буду… Нет-нет. Только если ангел скажет сделать это… А так — нет, ни за какие блага. Но спрашивается, почему, если ты можешь с чистой совестью ударить змею камнем по голове или разрубить жабу лопатой, ты должен останавливать руку, позволяя воплощению дьявола продолжать свой опасный путь по миру, разрушать ложью, грабить хитростью и убивать себе подобных если не напрямую, то ядом или лжесвидетельством? Господи, помоги и прости, если это грех, но я не могу найти причины, почему она не должна быть немедленно убита, как крыса или змея.

Внезапно громко прозвенел колокольчик, миссис Таили подпрыгнула и перекрестилась. Было

несложно определить, откуда исходит вызов, потому что за исключением колокольчика у входной двери, низкого и звучного, в доме было всего два: один в столовой, поголосистее, а другой в спальне хозяев.

— Вот те на! Кто бы подумал, что она проснется в такой час, вылезет из кровати и дернет за шнурок. А может, не она? Раньше такого не было. Кто угодно испугается. Да поможет мне Бог.

Миссис Таили стояла прямо, как гренадер, спиной к огню, кочерга, которой она разгребала угли, все еще была зажата в ее руке.

— Ох, чую я, сегодня придет моя смерть. Все наперекосяк пошло. Молодая глупая девушка проснулась, да еще из кровати вылезла, хотя ей положено спать в это время. Другая тоже не спит, и комнаты их не так уж далеко друг от друга. В любую минуту может приехать мастер Чарльз, он будет барабанить и звонить в дверь. Тут любой сойдет с ума, ох, я вся дрожу и не знаю, чем это все закончится.

Миссис Таили неосознанно вскинула кочергу на плечо, словно ожидая нападения взломщиков, и подумала: если хозяин сейчас приедет, какая сила на земле сможет сохранить этот мир?

Снова зазвонил колокольчик.

— Не терпится ей!

Прислушиваясь, она остановилась в дверях кухни со свечой в руке, гадая, не испугалась ли Элис чего-то? Следующая ее мысль была такой: почему она не позвала толстуху Дульчибеллу Крейн, ведь та переехала недавно в соседнюю комнату?

Милдред поднялась по лестнице и услышала громкий голос Элис в коридоре:

— Миссис Таили! Это вы, миссис Таили?

— Я, мадам? Да, это я. Услышав ваш колокольчик, мне потребовалось немного времени, чтобы одеться. Случилось что-то необычное, мадам, или вам что-то нужно прямо сейчас от меня?

— Ох, миссис Таили, прошу прощения, мне очень жаль, и я бы не побеспокоила вас, но я услышала шум и подумала, что приехал мастер Чарльз.

— Нет, мадам, он не приехал. Вы мне сами сказали, мадам, что, если верить письму, это было бы маловероятно.

— Да, Милдред, я это говорила, но шанс… маленький шанс… и я подумала, что, возможно…

— Никаких «возможно», мадам, он не приехал.

— Дульчибелла сказала, что какое-то время назад ей показалось, будто кто-то приехал.

— Так и было, наверное, потому что для мастера Гарри пришло сообщение от фермера за мельницей Грайс. — Милдред врала с легкостью, которая почти удивляла ее саму. — Я вам больше не нужна, мадам? Вылезать из кровати в такой час — о, мои старые больные кости! — я не привыкла, уж прошу прощения за прямоту.

— Мне правда очень жаль… Не сердитесь на меня. Спокойной ночи, Милдред.

— К вашим услугам, мадам.

Элис стояла перед ней в пеньюаре, бледная и встревоженная: странно, что Милдред не пожалела ее. А впрочем, нет, может, и пожалела.

— Я наговорила столько *лжи*, что под ней рухнуть можно, — бормотала она себе под нос, направляясь в кухню. — А ведь я только в понедельник клялась и божилась не лгать. — Милдред присвистнула. — Ну взял ярмо, тащи его. Это ж только сегодня так получилось… Если б эта ведьма слепая снова оказалась у крыльца, я бы говорила правду и только правду, милостью Божией. Что за карусель для моей бедной головы! Как ужиться со всеми, кто в доме и кто еще может явиться? Этот чертов призрак наверху… Если я не принесу ей ужин, она будет шарить и кричать на весь дом, с ней и дьявол не справится… И эта

бедняжка от нее неподалеку… Ну же, шевелись, шевелись, поживее, — стала подгонять она саму себя.

Служанка направилась к дубовому шкафу, который служил кладовой. Гремели тарелки, ножи и вилки, из другого шкафа появилась посуда, и она чуть не забыла соль и хлеб! В конце концов поднос был собран; поставив на него подсвечник, Милдред злобно усмехнулась и покачала головой.

— Ах-ах, как мы больны и слабы! Здесь и тост, и яйца, и чай… Эта крошка в спальне — благослови ее Бог — так любит джем намазать на тосты. Разве я не надеюсь, что все благополучно разрешится? А эта карга припадочная… Пусть первый кусок встанет ей поперек горла… Не дает мне отдохнуть, шалава…

Миссис Таили поднималась по лестнице очень тихо, стараясь не греметь посудой на подносе, и в голове у нее крутилась яростная мысль: «Какая глупость, что я занимаюсь всем этим!»

Как бы она хотела бросить поднос на пол у лестницы и оставить испуганных жиличек на произвол судьбы.

Это, конечно, была всего лишь эмоция. Она осторожно постучала в дверь гостьи.

— Войди, дорогая, — сказала та.

Милдред с подносом в руках вошла в комнату и недовольно поискала глазами столик, на который его можно поставить.

— Вы найдете здесь все, что просили, мадам, — сказала она. — Мне перетащить столик к вам или вы сами подойдете?

— Ко мне, дорогая.

Милдред перенесла столик и оставила на нем поднос. Женщина выпрямилась и сказала:

— Старая Милдред, как ты добра, а теперь дай мне нож и вилку прямо в руки и поставь соль вот сюда. Хорошо. Как мило с твоей стороны так заботиться обо мне!

Какая разительная перемена с ней произошла, какой любезной она стала. Но Милдред, которая хорошо ее знала, не смягчилась. Она мрачно посмотрела на благодушную леди, гадая, что же та задумала.

— Если все в порядке, я пожелаю вам спокойной ночи и пойду спать, с вашего позволения, — сказала она.

— Побудь немного со мной. Ну же, добрая душа. Я не задержу тебя надолго, дорогуша.

— Ну, мадам, я должна спуститься, потушить огонь и наглухо закрыть дверь, а то прибегут

крысы. Потом я снова поднимусь, мадам, через несколько минут, если вы хотите.

Не дожидаясь позволения, Милдред Таили взяла свечу и оставила гостью за ужином при свете очага. Торопливо закрыла дверь, чтобы ее не задержали, и быстро спустилась вниз, но не на кухню.

Глава XXIX
ПОРУЧЕНИЕ ПИТЕРУ

Вместо того чтобы идти на кухню, миссис Таили спустилась вниз и повернула в узкий и темный коридор.

Тени на дубовых панелях играли в чехарду, когда старуха кралась вперед. Оглянувшись, она остановилась у закрытой двери и тихо постучала костяшками пальцев. На третий или четвертый удар недовольный голос Питера Шервуда спросил:

— Что такое?

— Тише! Тише! — шепнула служанка в щель приоткрытой двери. — Это я, Милдред, всего лишь я.

— Ну, женщина, ты вывела меня из себя. Я думал, это… Прям не знаю, что это… Я спал.

— Ничего страшного, если ты пободрствуешь часок, — буркнула служанка, входя в каморку без лишних церемоний.

Питер не стеснялся миссис Таили, миссис Таили не стеснялась Питера. Она поставила свечу на каменный пол. Питер сидел в рубашке на краю

кровати, положив руки на колени.

— Одевайся, Питер, и поживее. Хозяин может быть на выгоне Кресслы через полчаса или раньше, ты должен поехать и встретить его… Эй, ты проснулся?

— Пытаюсь. Продолжай.

— Скажи ему: женщина, которая живет в Хокстоне…

— Хокстон! И?

— …с которой у мастера Гарри были проблемы, приехала сюда злая как собака. Она в дальней спальне наверху. Ты все запомнил?

— Да, — сказал Питер и повторил услышанное.

— Ну, хозяин лучше знает, что ему делать: ехать сюда или нет. Но если он решит ехать, пусть входит через дверь кухни, запомни, и сам иди через нее. Там не будет задвижки, дверь будет открыта, а я буду сидеть у огня. Сам не хлопай дверью и не топай как медведь, помни, ее уши услышат сверчка через три стены.

Милдред взяла свечу и прислушалась у двери, потом снова повернулась к Питеру.

— Я еще раз повторю, Питер, поспеши. — Она затрясла его плечо. — И ступай тихо-тихо, запомни.

Питер, почесав голову, кивнул.

— Запомни: через кухню — не ошибись. Повтори-ка мне все.

Он повторил довольно бойко.

— Вот, зажги свою свечу от моей, и если ты подведешь хозяина, то я тебя мужчиной считать не буду.

Дав поручение, миссис Таили тихо вышла из закутка с наклонным потолком. Размышляя о неблагодарном мире и ужасных проблемах, которые свалились на ее голову и старые кости, она подошла к подножию лестницы и подумала, а не выйти ли ей самой на выгон Крессли, чтобы встретить хозяина и напугать его, объявив о том, что с нее хватит, она уходит на покой, как иногда делают выдающиеся чиновники, чтобы доказать свою значимость и утвердиться в прошлом и будущем.

Разговор с Питером не занял много времени. Милдред поднялась и постучала в дверь гостьи; войдя, она обнаружила, что та заканчивает трапезу.

Обида, я полагаю, усмиряет аппетит больше других эмоций. Но только не в этом случае. Высокая особа ничуть не горевала из-за неверности Чарльза, ибо принимала распутство за правило жизни. Но ее одолевала ревность, которая не

связана с любовью, но отражает сожаление о захваченной собственности. В этой ревности нет ничего, кроме оскорбленного превосходства и презрения к самому себе. В ней нет места возвышенности отчаяния или воодушевления печали, а только злоба, ярость и месть негодующего эгоизма.

Дама насыщалась ужином, как зверь, истекающий кровью после удара. Она и была зверем, обладая звериной способностью долго вынашивать месть; и за ее притворным равнодушием крылось поистине звериное коварство.

— Ох! Вот ты и вернулась, — воскликнула она с игривым упреком. — Жестокая Милдред! Ты оставила меня, бедняжку, одну, с призраками… Ну, садись… Ты сидишь? Расскажи мне все, все новости… Ты принесла бренди? — Ее рука задвигалась над подносом.

— Нет, мадам, у меня бренди нет, но тут пахнет спиртным, — сказала Милдред, которой нравилось говорить колкости.

— И должно пахнуть, — безмятежно произнесла гостья и подняла большую черную бутылку — та лежала у нее на коленях, завернутая, как младенец, в серую шаль. — Но бренди мне понадобится, когда я снова отправлюсь в путь…

Достань немного, будь умницей, а если нет бренди, можно рома или джина, они должны быть в доме. Ты отлично знаешь, что там, где Гарри Вэрвилд, должно быть и спиртное, уж я-то его знаю.

— Но мастера Гарри здесь нет, как вам известно, мадам, — ответила Милдред сухо.

— А я не буду тратить свой напиток, если точно знаю, что крепкое тут есть. Кто может мне запретить? — мрачно произнесла гостья.

— Фу, мадам, что за детские разговоры. В моем распоряжении нет ни капли. Мастер Гарри держит что-то под замком, но не я, и зачем мне врать вам по этому поводу?

— О да, ты никогда не врешь, старая Милдред, я забыла… Но эта молодая женщина, миссис Гарри Вэрвилд, клянусь чем угодно, она любит изредка сделать глоточек, да? И прячет путылку в шкафу или, если стыдится, между кроватью и матрасом, мошенница! Ты же должна знать, где она ее прячет? А если она любит это дело, то спит крепко, а ты иди и, пока она храпит, позаимствуй бутылку.

— Она не такая, она ничего не пьет, тем более в спальне. Она идеальная леди, — сказала миссис Таили, не в настроении льстить собеседнице.

— Ох-хо! Вот она, Милдред Таили во всей красе!

Милая старая кошечка, я так удивлена. Но я-то, я-то! Гладила ее по тощим ребрам, смеялась над ее глупыми играми, вместо того чтобы выбросить за шею в окно за то, что царапается и кусается… Но я так добра… Ты лжешь, Милдред?

— Я много врала за всю жизнь, мадам, но не больше, чем другие, у кого не хватает приличия признаться в этом.

— Ты читаешь Библию, Милдред? — спросила женщина, отправив себе кусочек курицы в рот.

— Да, мадам, по чуть-чуть. Никогда не поздно раскаяться, мадам.

— Раскаяние и приличие… Тебя приятно послушать, миссис Таили, — с набитым ртом произнесла женщина. — И ты давно не видела моего мужа?

— Он редко сюда заглядывает.

— И никогда не остается на неделю или месяц?

— На неделю или месяц! — повторила миссис Таили, взглянув на гостью, а потом презрительно рассмеялась: — Вы думаете о старых временах, мадам.

— Думаю, думаю. Я не думаю, что вообще о них когда-то думала, — гостья ответила на смех Милдред заливистым смехом. — Ты говоришь о старых временах, когда у него здесь была жена,

да? Старые времена! Насколько они стары? Ммм, восемнадцать лет назад… Ты едва узнала меня, когда я приехала сюда?

— Вы сильно изменились. Хотелось бы мне знать, кто бы не изменился за восемнадцать лет, я тоже изменилась с тех пор.

— Неудивительно, — сказала гостья спокойно. — Он когда-нибудь рассказывал тебе, как мы поссорились?

— Нет, — ответила Милдред.

— Он очень скрытен…

— Намного скрытнее мастера Гарри, — согласилась Милдред.

— Ну мы-то с тобой, Милдред, никогда не можем что-то утаивать. Хлеб-соль ешь, а правду режь. Знаешь, мне наплевать и на тебя, и него, и на архиепископа Кентерберийского, но ты — ты вся раскаяние и приличие. Как я выгляжу — уставшей?

— Уставшей, да. Вам нужно было еще час назад лечь спать, вы белая, как тарелка, мадам.

— Белые тарелки? Давным-давно у нас был белый сервиз.

— Да, сервиз тот же, мадам. Во времена моей матери он был на много предметов, а сейчас неполный: кажется, осталось не больше трех

тарелок и треснутая масленка. За эту масленку не дадут и трех полпенсов на аукционе, а все эта маленькая неумеха, моя помощница, которая ничего не может сделать правильно, это она смахнула масленку с полки.

— Так я сегодня плохо выгляжу? — спросила женщина.

— Было бы лучше, если б был небольшой румянец на щеках, мадам, — вздохнула Милдред.

— Теперь у меня никогда не бывает румянца — всегда бледная, бледная, бледная. Но от меня не пахнет?

— Ну, нет.

— Ха! Я знала, что нет, и я скорее предпочту быть немного бледной. Мне не нравятся ваши крупные краснолицые женщины. В прошлом мае было семь лет, как я потеряла зрение. Некоторые люди гонимы, одно проклятие за другим — какая несправедливость! У меня нет и половины того, что есть у других, кто наслаждается здоровьем, богатством, положением. — Она помахала рукой перед лицом. — Сейчас все немного с ног на голову, но скоро все изменится.

Глава XXX
СТАРЫЙ СОЛДАТ СТАНОВИТСЯ ДОБРОДУШНЕЕ И ПУГАЕТ МИССИС ТАНЛИ

Через минуту гостья продолжила:

— Я тебе вот что скажу, старушка Таили, бесполезно болтать, когда не можешь поправиться, а когда желаешь отомстить, болтать тоже бесполезно, но зрение мое пропало, если и вижу, то только тени, и доктора говорят — никакой операции, это небезопасно в моем случае, лечения никакого нет… Ну что же, да будет так. — Она помолчала. — А ведь когда-то мне нравились платья, я хорошо одевалась.

— Прекрасно одевались! — воскликнула Милдред, вспомнив, как восхищалась французскими и лондонскими нарядами, возможно, неуместными в глуши Карвелла.

Женщина улыбнулась, почти рассмеялась от удовлетворенного тщеславия.

— Да, я хорошо одевалась, лучше, чем молодые неряхи и уж тем более дамы в возрасте в вашем болоте. Как же я смеялась над ними! Я ходила в

церковь и на скачки, чтобы и себя показать, и на них посмотреть. Ну ничего, еще будут лучшие времена: сквайр в Уиверне не будет жить вечно, он же не Вечный Жид. Сколько ему? Уже почти сто, я думаю. А так как Чарльз, наследник, — мой муж, я заберу тебя туда, если хочешь, или, если тебе здесь нравится больше, подарю уютный домик с садом и клочок земли, дам скромное ежемесячное пособие. Ты мне была верна, Милдред, а я никогда не предаю друзей.

— Я старею, мадам, и глупею, и я никогда не была такой уж сильной, какой меня всегда считали. Но не буду отрицать, воля у меня всегда была сильнее, чем тело. Благослови вас Бог прожить несколько лет спокойно, так, как положено жить христианке, читать Библию, думать о себе… Не то чтобы я сделала что-то, чего мне надо стыдиться, нет, вовсе нет, я честная и воздержанная, слава Богу, семья и соседи могут подтвердить, что меня не в чем упрекнуть, но не буду отрицать, было бы неплохо, если б мои старые кости хоть немного отдохнули, — произнесла длинный монолог Милдред.

— Ха, милая, это верно, твои старые кости должны отдохнуть, — покивала женщина.

— Однажды они отдохнут на старом кладбище

Карвелла, но не раньше, я думаю, — вздохнула миссис Таили.

— Глупость, какая глупость! До последнего путешествия у тебя еще много лет в запасе, ты еще увидишь меня в роли миссис Вэрвилд из Уиверна, и для тебя это будут лучшие дни.

Старый Солдат, а вы уже, наверное, поняли, что это она и есть, или Голландка, как ее называли в этом уединенном уголке, вяло зевнула.

— Ну, мадам, если вы устали, то и я тоже, — сказала миссис Таили немного язвительно. — А что касается спокойствия в земном мире, то я выбросила эту чушь из головы много лет назад. Я видела мало добра и еще меньше искала его. Чего ж искать, если все равно не найдешь. А что касается крыши над головой, да клочка земли, о котором вы говорили, да еще и содержания за просто так — я не верю, что кому-то может так повезти.

— Послушай меня, Милдред, — голос женщины стал чуть громче. — Ты не веришь, потому что я не поклялась? Запомни раз и навсегда: тот день, когда я стану хозяйкой Уиверна, будет счастливым и для тебя. Да, я бываю резкой и суровой, но я никогда не забываю тех, кто помогает мне. Ты можешь оказать мне услугу завтра или послезав-

тра, и помни, если ты будешь рядом со мной, то и я буду рядом с тобой. Только попроси, и ты это получишь, — проси что угодно.

— Ну, мадам… Что за разговор? Боже, мадам, разве я не знаю мир, что это за место? Мне много чего обещали в свое время, но я все еще здесь — среди горшков и сковородок, по локоть в мыльной воде каждую субботу. Вот что выходит из обещаний, которыми осыпали Милдред Таили.

— Ха! Как ты когда-то говорила, это долгая дорога, у которой нет поворота. Выпьешь стаканчик? — Крепко сжимая бутылку бренди за горлышко, женщина водрузила ее на столик.

— Я не буду бренди, не буду ничего, спасибо, мадам.

— Что? Не будешь бренди? Ах, милочка, какая ерунда!

— Нет, мадам, спасибо, я никогда не пью ничего такого, разве что кружку пива после стирки или что-то подобное, но моя голова никогда не вынесет бренди.

— Раз — и все, ну же, — уговаривала Голландка.

— Нет, спасибо, мадам, ничего такого я пить не буду» с вашего позволения.

— Упрямая как осел! Что тебе стоит выпить

глоточек со старым другом после такого долгого отсутствия… Ну же, Милдред, давай, где стакан?

— Вот стакан, мадам, но ни капли для меня, я не буду пить.

— Не со мной, я полагаю? Но если ты хотела это сказать, то никогда не скажешь, и я тебе не верю, — произнесла женщина более раздраженно, чем требовал отказ миссис Таили. Возможно, той ночью у Голландки были особенно веские причины сделать Милдред добродушной и откровенной. А главное — послушной.

— Я не вру, — тихо, но твердо сказала Милдред.

— Вот как? — Женщина подняла брови над незрячими глазами и скривила губы в уродливой усмешке.

Миссис Таили с мрачной проницательностью посмотрела на эту маску, пытаясь вычислить ее значение. Ей было очень неуютно. Голландка пожала плечами, покачала головой и рассмеялась. Каким же отвратительным казалось ее лицо, когда она смеялась! Бедная Милдред не знала, что от нее ждать.

— Но если ты соврала… — протянула Голландка. — Давай так — ты пообещаешь мне больше не врать. Ну же, пожмем руки… Где твоя рука?

Она начала водить рукой по столу ладонью

вверх, ее пальцы ощупывали воздух, словно клешни краба.

— Дай… дай… дай мне руку, я говорю!

— Мне это не нравится, — ответила Милдред, и это было правдой.

— Лучше тебе быть дружелюбнее, старуха. Дай мне руку, говорю.

— Ладно, мадам, не хочу препятствовать вашему удовольствию, — Милдред нехотя положила мозолистые пальцы на ладонь Голландки, которая сжала их и не отпускала.

— Ты мне нравишься, Таили, мы иногда ругались, но никакой враждебности, я помню, и я исполню то, что обещала. Я никогда тебя не предам, ты в этом убедишься, если будешь мне другом… Ты же не дура, я надеюсь!

— Мне уже поздно ссориться, мне прилично за шестьдесят, больше, чем вы думаете, и все, чего я хочу, это тишины, мадам.

— О да, тишина, уют… Ты все это получишь, Милдред Таили, если не будешь ссориться с той, кто добр к тебе. Нет, не убирай руку, я тебя не вижу, а это так скучно — говорить только с голосом. Но если я не могу тебя видеть, то могу почувствовать, могу держать тебя, старушка… Держать крепко, пока не узнаю, в каких мы отношениях.

Все это время она поглаживала и мяла руку служанки, как пятьдесят лет назад это мог бы делать деревенский парень в муках важнейшего для него вопроса.

— Я не знаю, что вы хотите от меня услышать, мадам, кроме того, что кое-какие тарелки уцелели. Но сама Милдред почти разбита, у нее почти нет сил помочь кому-то или навредить, маленькому или большому.

— Да брось. Я хочу, чтобы ты была дружелюбной со мной, вот и все. Больше я ничего не прошу, и это не так уж и много, если подумать. Конечно, я имею в виду не только дружелюбный разговор. Разговор — это просто дань вежливости. Вежливость — это приятно, это как веер для дамы или ее комнатная собачка, но это ничто в нужде и против волка никак не поможет. Ну же, старая Милдред, верная, добрая Милдред, я могу быть в тебе уверена, абсолютно уверена?

— Вы можете быть уверены в моей честной службе, мадам.

— Честной службе! Да, конечно, ни о чем другом я и не думаю. Насколько я помню, тебе, Милдред, нравились красивые ленты на шляпке. У меня есть две почти новых. Я купила их в Лондоне. Лиловые атласные ленты, я знаю, тебе они по-

нравятся. И ты выпьешь сейчас бренди, чтобы порадовать меня.

— Спасибо за ленты, мадам, я не откажусь, но я не буду пить, мадам, спасибо.

— Напрасно, побалуй себя. Плесни-ка немного мне. — Она провела рукой по столу. — Это ведь стакан, да?

— Да, мадам. Сколько вам налить, мадам?

— Полстакана. Вот молодец, скупые полстакана, — Голландка сунула палец внутрь, чтобы измерить количество. — Еще, еще… Вспомни, сколько я сегодня проехала. Ты куришь, Милдред?

— Курю, мадам? О нет, мадам! Тут же не пахнет табаком? — всполошилась Милдред, которая всегда подозревала, что Питер втайне курит в своей комнатке под лестницей.

— Не пахнет, нет, но я иногда выкуриваю щепотку табака — доктор говорит, что мне нужно, — и пользую опиум, когда захочу. Ты можешь выкурить трубочку, если хочешь, и не нужно стесняться. Ну как?

— Да чтобы я… Нет, фрау, благодарю, — Милдред вспомнила, как раньше обращалась к голландке.

— Фрау! — повторила та и разразилась саркастичным пугающим смехом, который оповестил

Милдред о нарушении приличий. Но гостья не хотела ссориться. — Какое у тебя воскресное платье, в котором ты ходишь в церковь? — спросила она.

— Платье? Сейчас оно уже старое. У меня была ткань, если вы помните, когда вы были здесь прежде, но само платье еще долго не было готово. Вышло очень элегантное, как говорят. Шоколадного цвета, британский кашемир… Старая миссис Хатлипул, вдова пастора, сделала мне комплимент по поводу платья, и я храню его с бумагой и камфарой в сундуке у кровати. Оно выглядело как новенькое, когда я достала его, чтобы отдать мисс Мэддокс немного ушить. Так она распахнула глаза от удивления, когда узнала, насколько платье старое, ведь с тех пор, как его пошили, прошло уже семь лет.

— Ого! У меня такое чувство, что я помню это шоколадное платье. Ну, этого не может быть, ведь прошло уже двадцать лет, а не семь. Загляни-ка в мой сундук, вот ключ. Ты увидишь там две книги с корешками из зелено-золотистой кожи. Ты умеешь читать? Я хочу сделать тебе подарок.

— Я умею читать, мадам, но я едва нахожу время, чтобы почитать Библию.

— Библия — хорошая книга, но эти лучше, —

сказала Голландка, хихикнув. — Но я хочу подарить тебе не книгу. Посмотри… Зелено-золотые, их только две в сундуке. У одной на корешке написаны заглавные «ай» и «ви», но это не буквы, а цифры — это римская четверка, четвертый том. Знаешь, у меня так мало развлечений… Я слушаю сплетни о соседях. Никудышные люди, скажу тебе, — ненавидят друг друга, грызутся, как пауки в банке, мир бы не стал хуже, если б их повесили. И меня они ненавидят, потому что я леди, поэтому я не плачу, когда чей-то ребенок заболевает крупом, и мое сердце не разбивается, когда святой отец попадает в скандальную хронику Вестника». Нашла? Ну прямо у тебя под рукой должны быть.

— Вот эти, мадам? — достала книги Милдред.

— В сундуке всего две книги. На корешке одной стоят «ай» и «аи».

— «Ви», «оу», «эл», «ай», «ви», — произнесла по буквам Милдред и в ужасе прислушалась — ей показалось, что она слышит шаги Чарльза Фэрфилда.

— Да, это она, VOL. IV — том четыре. Эту книгу ты должна прочитать. Я взяла с собой эту и другую и заказала все остальные, в том числе на французском, в библиотеке Хокстона. Молли Джинкс, маленькую вечно голодную служанку,

я заставляла читать мне два часа в день. Ей это нравится. Твои-то глаза как?

— В очках я могу прочитать двенадцать или четырнадцать библейских стихов зараз, но не больше.

— Тогда давай надевай очки. Это «Журнал бомонда, придворный и светский вестник». Там много картинок. Полистай.

— Да, мадам, картинки красивые, но что мне на них смотреть?

— Найди красно-коричневое выходное платье из гроденапля на странице двадцать девять. Быстрее. Такое у меня было четыре года назад, оно в хорошем состоянии, но я немного располнела с тех пор, и оно мне не подходит. Прочти и поймешь, как я хочу тебя нарядить.

— «Выходное платье», — прочла Милдред.

— Продолжай.

Склонив голову и нахмурив брови, Голландка поглощенно слушала, как старая Милдред, запинаясь, читает. Зная текст наизусть, слепая модница помогала и исправляла каждое второе слово, декламируя в унисон.

— «Мантилья из гроденапля красно-коричневого цвета, облегающий фигуру корсаж с большой круглой пелериной спереди. Необычайно пыш-

ный рукав в верхней части руки, нижняя часть уже. В трех местах рукава перетянуты лентами, заканчиваются широкими манжетами. Пелерина и ленты рукавов атласные, три атласных руло на фартуке в передней части юбки. Шляпка-капор из рисовой соломы, срезана под подбородком с правой стороны, с золотистой лентой и узлом. Темя так же украшено золотистой лентой, веточка сирени лежит перпендикулярно. Полусапожки из черного гроденапля с носами из черной кожи».

Тут они обе перевели дыхание, и Милдред, замолчав, размышляла, насколько больше одежда ее матери была похожа на одежду из этой книги, и какие прекрасные наряды миссис Фэрфилд иногда присылали ей из Уиверна. На секунду на лице миссис Таили мелькнуло чувство женского тщеславия.

— Капора из рисовой соломы с золотистой лентой у меня, конечно, уже нет, как и ботинок из гроденапля, они давно сносились, но все равно звучит преотлично, и я просто не смогла остановить тебя, пока мы не дочитаем до конца. И взгляни еще раз на рисунки, они чудесные. Я напишу, чтобы платье прислали сюда с почтовой каретой. К воскресенью могут привезти. Тебе нравится?

— Боюсь, оно слишком хорошо для меня, — сказала Милдред, против воли мрачно улыбаясь. — Моя бедная матушка роскошно одевалась в свое время, и меня одевала красиво, когда я была крохой. Но с тех пор, как в Карвелл не приезжают леди, усадьба стала скучным местом, где люди выживают, а не думают о красивых нарядах. Тут редко соседи видят друг друга, разве что на воскресных службах. Но я вот что скажу — не то чтобы хозяевам на пользу, да и мне тоже, когда приходится одеваться бедно и неряшливо. Мне не уступают место в церкви те, чьи матери кланялись мне и приходили в усадьбу униженные, когда в Карвелле водились деньги, а я, хоть была молода, помогала им.

— Я пью за твое здоровье, Милдред, и так как ты не поддержишь меня, я выпью одна.

— Спасибо, мадам.

— Ха, да мне это как лекартство. Я устала до смерти, Милдред.

— Нас таких двое, мадам, уставших. Вас отвести в кровать?

— Через минуту. Дай-ка мне свою руку еще раз, милая, ну же, ну же, дай… Ага, вот она, держу. Думаю, ты стала дружелюбнее, да? Но то маленькое расположение, которое я выказала

тебе, это ничто по сравнению с тем, что будет, когда я перееду в Уиверн… ничто. — Она сильно сжала грубую руку Милдред. — И ты проявишь участие ко мне, Милдред, когда я того захочу, а я захочу, не сомневайся, и я никогда этого тебе не забуду. Я доверяю тебе, Милдред, ибо я отдаю себя в твою власть. — Она еще сильнее сжала руку служанки. Ее лицо изменилось, и показалось, что она выглядит ужасно испуганной. — Я не виню тебя, Милдред, но это не должно продолжаться… не должно.

Сама Милдред казалась смущенной и даже взволнованной странной речью Голландки. Она скривила рот на одну сторону, нахмурилась и изучающе посмотрела на гостью.

— Есть то, что нельзя исправить, и то, что можно, — сказала она после паузы; — Лучше не вмешиваться или… все пойдет прахом, ибо один Отец Небесный сущий над всем Бог.

— Сущий над всем Бог… — повторила Голландка. — Почему нет? — Она резко встала и вскрикнула: — Держи меня, быстрее!

— Припадок? Да поможет вам Иисус, — охнула миссис Таили, подхватывая ее.

Женщина ничего не ответила, но крепко схватила ее за запястье и плечо и теперь стояла,

дрожа и качаясь.

— Фу, лучше немного… — сказала она наконец. — Посади меня в кресло. — Она сделала несколько судорожных вздохов, попросила воды и нюхательной соли и, кажется, успокоилась. Но теперь ею овладела слабость, она тихо и односложно отвечала на испуганные вопросы миссис Таили.

— Теперь я должна поспать, — сказала Голландка сонно, прерываясь на глубокие вздохи. Она казалась такой больной, что Милдред больше, чем прежде, пожалела, что эта особа не осталась в Хокстоне.

— Помоги мне дойти до кровати… поддержи меня… раздень меня, — стонала Голландка, устраиваясь на подушках.

«И что мне теперь с ней делать?» — думала миссис Таили, которая сомневалась, что в таком состоянии гостью можно оставить одну.

Но Голландка успокоила ее.

— Наклонись ко мне, — прошептала она. — Ближе, ближе… Тебе не нужно оставаться со мной дольше… Только… одно… Гардеробная между ее комнатой и моей, я хорошо ее помню… Она закрыта? Не хочу, чтобы она обнаружила меня здесь.

— Да, мадам, закрыта, а двери заклеены обоями и здесь, и в ее комнате. Мы давно это сделали, все равно она никому не нужна.

Голландка вздохнула и прошептала:

— У меня очень болит голова, очень… — простонала она. — Не шуми, дорогая, не передвигай поднос и ничего тут не трогай… Оставь меня одну, и я просплю до одиннадцати утра. Выходи тихо и не шуми, ибо мой сон — это сон птички… сон птички. Меня будит упавшая булавка, шевеление мыши… ох… ох… ох… Это все.

Обрадованная, что ее отпускают на таких легких условиях, миссис Таили поставила корзинку с нюхательной солью и другими мелочами на столик у кровати и пожелала гостье доброй ночи.

Потом на цыпочках вышла из комнаты, закрыла дверь и подождала секунду, чтобы прочистить голову и осознать, что Голландка, которую все ненавидели и боялись, действительно поселилась в усадьбе Карвелл.

Глава XXXI
НОВОСТИ С ВЫГОНА КРЕССЛИ

В голове Милдред творился хаос, пока она стояла у двери. Эпилептичная Голландка, красно-коричневый гроденапль, Питер, посланный с заданием на выгон Кressли… Он уже вернулся? Чарльз Фэрфилд, возможно, в доме, его бедная молодая жена спит, а она сама, Милдред Таили, невольно попала в эпицентр интриг. Сейчас в ее руках множество ниточек, но сможет ли она управлять всеми?

Милдред прислушивалась, гадая, приехал ли мастер Чарльз, не проснулась ли молодая леди и, главное, почему она сделала такую глупость, вмешавшись в дела других людей? Какое ей дело, попадут ли они в Царство Божие? Да если б она сама поджаривалась, никто, ни один из них не сделал бы и шагу, чтобы снять ее с вертела… Да, точно, не сделал бы и шагу.

Миссис Таили беспокоилась о многом. И больше всего о значении воззваний Голландки. Откуда она знает о настоящем положении вещей?

Служанка тихо пошла вниз — ей не хотелось

разбудить Элис, потом заглянула в маленькую комнатку Питера под лестницей. Там было пусто. Милдред пошла в кухню — тоже никого.

Она по привычке походила из угла в угол, переставила кастрюли и глиняную посуду, осмотрела углы со свечой, сняла утюг, стоявший на подоконнике, приоткрыла ставни и выглянула на мощеный двор, поросший травой.

Никого.

Беспокойная старуха подошла к задней двери — щеколда была на месте, развернулась и пошла в гостиную. Тут пахло цветами, на маленьком столике с изогнутыми ножками была корзинка с рукоделием Элис, лежали муслиновые обрезки, нитки и ленты — свидетельство вечерней работы над каким-то предметом туалета: красивые пальчики и грустные глаза теперь постоянно были заняты.

Ну, мастера Чарльза здесь нет.

Милдред с ворчанием вышла и снова подошла к задней двери, тихо открыла ее, проковыляла по неровному мощеному двору к задним воротам, проскользнула в них и пошла по узкой дороге, что, петляя меж деревьев, нависала над краем ущелья.

Снова прислушалась, но напрасно. Был слышен

только шелест листьев от заигрываний легкого ночного ветерка, и над лощиной временами звучали устрашающие звуки, похожие на протяжное шипение, — к счастью, Милдред знала, что их издавала сова.

Служанка изредка что-то раздраженно бормотала. Что будет, если по несчастливой случайности или по ошибке Питера хозяин постучит в переднюю дверь? Конечно, его молодая жена тут же слетит вниз, чтобы встретить своего ненаглядного, он обнимет ее, а в это время из низкого окна Голландка может подслушать каждое слово и почти коснуться их голов, высунув руку.

Помимо ужасной сцены, это приведет к неприятным последствиям для самой Милдред.

«Эта женщина — сумасшедшая, она само зло. Уж сколько раз она могла размозжить мне голову в приступе гнева, если б я не была бдительна. Похожая на зарубку отметина от стеклянного графина, который она бросила мне в голову, до сих пор видна надверной раме у основания лестницы. Бестия! Благодарю Бога, что она ослепла, хотя бы этим выходкам пришел конец. Но она дьявольское отродье, и было бы желание, а возможность сотворить зло найдется. Пусть она слепа, а все равно от нее чего угодно можно

ожидать».

Милдред шла к выгону Кресел и, откуда ожидала появления Чарльза Фэрфилда.

Не удивительно, что она нервничала, — слишком много катастроф могло случиться. Если бы она могла перехватить хозяина, какой-то части неприятностей можно было бы избежать. Тугоухой она не была, напротив, ее слух был острым. Но прислушивалась она напрасно.

Опасаясь, как бы в доме не случилось чего в ее отсутствие, Милдред уже хотела пойти назад, когда ей показалось, что она слышит далекий цокот копыт по дороге. Старое сердце забилось сильнее, она нахмурилась, приложила к уху худую руку — каждая морщинистая костяшка пальцев, каждый ноготь с грязью под ним были отчетливо видны в лунном свете — и сказала вслух: «Тише», будто хотела успокоить шелестящие деревья.

Да, это цокот копыт. Милдред молилась Богу, чтобы слепая не услышала его. Было время, когда она наслаждалась скандалами между Голландкой и мастером Чарльзом, но годы учат нас ценить спокойствие, пророческие инстинкты растущей беспомощности обезоруживают нашу задиристость, и все, кроме совсем уж распутных душ, становятся мягче и добрее по мере прибли-

жения часа расставания с этим миром.

Цокот становился ближе и громче, и Милдред в тревоге делала то пять шагов, то двадцать, чтобы встретить ездока.

И вот появился Питер верхом на муле. Кажется, он принял Милдред за призрака, потому что резко остановился в двадцати ярдах от нее и сказал:

— Господи! Что это?

— Это я, Питер, миссис Таили. Он едет?

— Я не узнал тебя, женщина. Нет, я встретил его у камня.

— Так он не едет? — уточнила Милдред.

— Нет.

— Уф, слава богу… Ну и что ты сказал ему?

— Я передал ему сообщение. Сначала он расспросил о молодой леди, я рассказал, как она, а потом передал твое сообщение…

— И?

— Слово в слово. Он задумался, потом спросил, говорила ли хозяйка с ней — ну с этой, что из Хокстона, — я сказал, что не знаю. Он спросил, тихо ли дома, не идет ли разговор на повышенных тонах, не причиняет ли гостья проблем, и я сказал, что нет, насколько мне известно. Тогда он говорит: «Я думаю, Питер, что лучше позволить мастеру Гарри решить это дело, как он хочет,

поэтому я вернусь в Дарвайнд, а ты завтра скачи на лошади в Уиверн, мой брат должен быть там. И скажи Милдред, что я благодарю ее за заботу о нас и что она получит от меня известие через несколько дней. Только помни, никому не говори, что видел меня». Ну я спросил: «Это все?» Он помолчал и сказал, что да, пока все. А потом он снова говорит: «Передай Милдред, что я напишу ей, и скажи ей, где я. Только вот что, Питер. Ты сам поедешь на почту и проследишь, чтобы письма попадали к тому, кому они адресованы: письма хозяйке — к хозяйке, письма, адресованные Милдред, — к Милдред, и не разговаривай с персоной, которая приехала в усадьбу, а если она каким-то образом заговорит с тобой, будь начеку, ничего не говори и уходи от нее как можно скорее. От нее легко сбежать, потому что она слепа».

— Да, — подтвердила Милдред, — точно крот. Продолжай.

— Потом он говорит: «Доброй ночи, Питер, езжай домой». Ну, я пожелал ему удачи и поехал, а когда немного отъехал, то оглянулся через плечо и увидел, что он стоит на том же самом месте, неподвижный, как камень у обочины. Наверное, размышлял.

— Это все? — спросила Милдред.

— Все.

— Вводи мула очень тихо, Питер, или оставь на выпасе на ночь. Не хочешь оставлять, так не греми уздечкой и не хлопай дверью. У гостьи слух, как у зайца, и она будет задавать вопросы. Когда закончишь в конюшне, иди в дом, и я тихонько тебя впущу. В доме не говори громче шепота. У тебя грубый голос, а слепые слышат то, чего зрячие не услышат.

Питер кивнул, слез с мула, и они вместе пошли к усадьбе. Войдя в ворота, Питер повел мула по траве на конный двор, в то время как старая Милдред тихо вернулась в кухню.

Она сидела у огня, искоса посматривая в окно. Ей было не по себе. Слепая лежала неподвижно на шестифутовой кровати в дальней комнате. Но зловещая атмосфера, распространявшаяся оттуда, все больше охватывала Милдред, и, я так думаю, Чарльз Фэрфилд тоже чувствовал ее этой ночью. Милдред ощущала досаду и ужас, и сна у нее не было ни в одном глазу.

Питер вышел на двор, и Милдред открыла дверь до того, как ом успел положить руку на щеколду.

— Сними свои огромные ботинки, и ни слова громче шепота. Никуда не ходи, сразу отправляйся в кровать и лежи тихо, как мышь, — сказала

миссис Таили шепотом, потрепав Питера по плечу.

— Дайте мне кружку пива, Милдред, и кусок хлеба. Ломтик сыра тоже не повредит: я немного проголодался. Если не дашь, я должен хотя бы покурить, потому что не засну просто так.

— Ну я дам тебе выпить и хлеба с сыром дам. Ты запер ворота?

— Нет, — спохватился Питер.

— Ладно, не дергайся, я сама закрою, — сказала Милдред, останавливая его. — Иди в свою комнату, вот тебе свеча. Только помни: ни слова… И отдай мне трубку, ты не будешь вонять на весь дом своим отвратительным табаком.

Питер послушно пошел к себе в комнату.

Милдред снова села у очага, чтобы немного отдохнуть: она чувствовала, что слишком устала, чтобы раздеться и лечь.

— Ну я правда благодарю Господа за Его милость, что мастер Чарльз не приехал. Кто знает, что было бы, если б он приехал? А если мастер Гарри будет держаться отсюда подальше, то все пройдет хорошо, да, хорошо. Ох-хо-хо! Как же я хочу, чтобы моя старая голова отдохнула, потому что я работала больше лошади с молодости и все суставы стерла.

Все это время она тоскливо смотрела в окно, сидя на грубом дубовом стуле у огня. Время от времени она качала головой, глядя на черные силуэты деревьев, которые мрачно возвышались над оградой на фоне прозрачного неба, залитого лунным светом. Что принесет уже наступивший новый день?

Глава XXXII
НЕОЖИДАННОЕ ПОЯВЛЕНИЕ

Несмотря на тревогу, которая никак не хотела утихать, усталость овладела миссис Таили, и она задремала. Однако ее мозг был взбудоражен, она быстро проснулась от зловещего сна, и в первые минуты не осознавала, где находится. Ее глаза узрели залитое лунным светом небо и темный двор, потом она увидела бледное лицо, смотрящее на нее через окно. Пальцы тихо стучали по стеклу.

Милдред моргнула и потрясла головой, чтобы избавиться от наваждения. Но это не было наваждением — у окна стоял Чарльз Фэрфилд; он выглядел безумным и разбитым.

Милдред встала, показала ему на дверь и пошла открывать.

— Входите, сэр, — сказала она.

В руке Чарльз держал седло, с которого свисали ремни путлища, и уздечку. Войдя в кухню, он бросил амуницию на каменный пол. Хозяин и служанка молча смотрели друг на друга, Милдред не в силах была начать неприятный разговор.

— Вам что-нибудь подать? — наконец спросила она.

— Нет, ужина не надо, спасибо. Дай мне воды, я хочу пить. Я устал и… мы здесь одни?

Милдред посмотрела на него.

— Да, сэр, но, может быть, вам стоит выпить пива? — Нет… воды… спасибо.

Он сделал большой глоток из протянутого ею стакана.

— Где ваша лошадь, сэр? — Милдред показала глазами на седло, лежавшее на полу.

— Она в поле, все в порядке… Ну и?..

— Питер передал вам мое сообщение, сэр? — отвела глаза Милдред.

— Да… Где она?.. Спит?

— Хозяйка в постели, полагаю, спит.

— Да-да, с ней все хорошо, Питер рассказал. Я спрашиваю, где… Ты предупредила через Питера, что в доме появился кое-кто. Я понял, кого ты имеешь в виду. Где она?

— В дальней комнате. Она в кровати и, думаю, спит, но лучше не шуметь — некоторые очень чутко спят, сами знаете.

— Уже поздно, — Чарльз вынул часы, но позабыл посмотреть на них. — Смею предположить, она… приехала поздним вечером, да… Должно

быть, она устала, путь был долгим.

Он подошел к окну и с инстинктом, который всегда побуждает нас в темноте искать свет, стал смотреть на бледную полосу подсвеченного луной облака.

— Я и сама здорово устала, мастер Чарльз, уж можете догадаться, какая у меня выдалась ночь. Задремала, а тут вы подошли к окну. Питер-то говорил, что вы не приедете. Хорошо, что ворота во двор не были на засове, еще пять минут, и я бы закрыла их.

— Ну это бы не помогло, Милдред.

— Вы бы перебрались через забор, мастер Чарльз?

— Нет, я в другом смысле. Я бы развернулся и двинулся дальше.

— Дальше это куда? — спросила она.

— Куда угодно, в лощину. Я тоже устал, Милдред, как и ты.

— Вам нужно хорошенько выспаться, мастер Чарльз.

— Да, Милдред, нужно. У меня была мысль больше не появляться здесь, лишь бы не видеть эту особу.

— Что за чепуха, мастер Чарльз? Надеюсь, до этого не дойдет — оставить ей дом.

— Жаль, что я не умер, Милдред. Не знаю, какой ангел привел меня сюда, добрый или злой. Было бы проще прыгнуть с утеса на дно лощины.

— Хватит молоть чушь! — нахмурилась Милдред. — Не забывайте, вы втянули бедную молодую леди во все это, и теперь вы должны позаботиться о ней. Вы не трус и не бросите ее и вашего будущего ребенка на произвол судьбы. Уж не знаю, как в действительности, но Бог осудит вас, если вы оставите ее сейчас.

Миссис Таили мрачно вздернула подбородок — настоящий судья в юбке.

— Я не брошу ее, Милдред, — наконец сказал Чарльз. — Ты права… Моя маленькая Элис, мое невинное нежное маленькое создание…

Он развернулся к окну, плечи его вздрагивали от неслышных рыданий.

Не думаю, что миссис Таили сильно жалела его — она была не в чувствительном настроении, и ее не тронули слезы Чарльза.

— Послушайте, — прервала она молчание, — я не знаю, как там на самом деле, да и откуда мне знать. Но, как по мне, если бы вы были по-настоящему женаты на женщине, что приехала этой ночью, то никогда бы не смогли обойтись как негодяй с бедным юным созданием наверху и

сделать ее фиктивной женой.

— Никогда, никогда, Богом клянусь! Я такой же муж этой фурии, как ваш.

— Ну, я-то достаточно умна, чтобы не выходить замуж: из этого редко получается что-то хорошее. Кроме слез, быстрых морщин и зачастую нищеты и голода, ничего замужество не несет. Но, как говорится в Писании, сочетайтесь браком и размножайтесь. Так было, когда Ной вошел в ковчег, так есть и так будет, когда настанет Судный день.

— Да, — рассеянно произнес Чарльз, — здравомыслие, конечно же, претит этой женщине, и она просто пробивает путь к своей цели. Что бы она ни говорила, это никогда не удивляло меня. И я всегда знал: однажды она доставит мне проблем, но у нее нет ни единого шанса на успех, ни малейшего, она это знает, и я это знаю. Единственное, что меня беспокоит, так это то, что люди, которые сопереживают мне, и мои недруги будут думать, что сам я сомневаюсь в этом вопросе.

— Я так не думаю, мастер Чарльз, — сказала Милдред.

— Я имел в виду не тебя, а других. Ох, Господи! Более неудачного момента для ее появления и представить сложно…

— Что до меня, мастер Чарльз, я всегда считала ее злобным диким зверем.

— Не говори так о ней, — строго произнес Чарльз. — Какой бы она ни была, она много страдала, и только меня можно винить в этом. Я не хотел этого, и теперь чувствую вину.

Миссис Таили усмехнулась, но ничего не сказала; они помолчали.

— Я знаю, — дрогнувшим голосом произнес Чарльз, — ты желаешь мне добра.

— Будьте добры сами к себе. Я считаю, это лучшее правило в нашем бездушном мире, мастер Чарльз. И… меня еще никогда не благодарили за доброту.

— Ты всегда была мне верна, Милдред. По-своему, но верна, и я докажу тебе, если уцелею, что могу быть благодарным. Ты знаешь мое нынешнее положение — у меня нет власти, чтобы показать кому-то свое расположение не на словах, а на деле.

— Ну я ни на что не жалуюсь, — подняла бровь Милдред.

— Мой брат был здесь? — спросил Чарльз.

— Нет.

— А писем для меня нет?

— Ничего, сэр.

— Как же жестоко устроен наш мир — ты никогда не получишь то, что хочешь, никогда… — простонал Чарльз. — Никогда раньше меня так не прижимали к стенке, никогда я не был так близок к тому, чтобы сойти с ума. Я рад, Милдред, что у меня есть ты — старый друг, с которым можно поговорить. Я не знаю, что делать, и ничего не могу придумать… Если б не ты, я бы и правда обезумел. Позволь я спрошу тебя, та женщина, что приехала… она была зла? Кричала?

— Нет, сэр.

— Кто ее видел?

— Никто, кроме меня и того человека, который привез ее сюда.

— Слава богу… Она знает о моей… Ей известно, что твоя хозяйка находится в доме?

— Она думает, что это жена мастера Гарри. Я ей сказала, да простит меня за это Бог, что мастер Гарри живет здесь, а вы редко заезжаете, и то на несколько часов.

— Это хорошо… Неужели она поверила?

— Каждому слову, как мне показалось. Я много ей наврала. Начало греха подобно притоку вод, и скоро ручеек, проделав широкую брешь, все погребет под собой.

— Да… и… и… Милдред, ты правда думаешь, что

она поверила во все, что ты сказала?

— Да, — ответила миссис Таили.

— И снова: слава богу! — сказал Чарльз, выдохнув. — Ох, жаль, что я не могу придумать что-то получше. У меня в голове полный сумбур.

Милдред показалось, что она чувствует дрожь в руке, которую он положил ей на плечо.

— Выпейте пива, сэр, вы устали, — сказала она.

— Нет-нет… Все хорошо… Забудь. Скажи лучше, как твоя хозяйка?

— Хорошо, очень хорошо.

— Это прекрасно, прекрасно… И как некстати случившееся. Я не могу напугать ее, и я не осмелюсь рассказать ей — для нее это может означать смерть. Ох, Милдред, разве это не ужасно?

— Очень плохо, этого я не могу отрицать.

— Может быть, рискнуть и рассказать ей все? — задумчиво произнес Чарльз.

— Ну это правда риск, огромный риск. Это все равно что приставить пистолет к ее голове и нажать на крючок. Бедное дитя, у нее сейчас трудное время… И помните вот что, если разговор между вами произойдет, возможны приступы слез или смеха, эта ведьма услышит, и тогда уже ничего не поделаешь, свершится воля Божья. Если б я была мужем мисс Элис, я бы скорее умерла,

чем рассказала ей об этом.

— Нет, конечно, нет… Ей нельзя говорить, ты права, Милдред. Жаль, что Гарри здесь нет, иногда ему в голову приходит то, о чем я и не подумаю. Вот бы приехал Гарри, он что-нибудь придумал бы непременно…

— А я хочу, чтобы эта женщина поскорее вернулась туда, откуда прикатила, — сказала Милдред; о красно-коричневом гроденапле она больше не думала, потому что ничуть не доверяла искренности Голландки, и гроденапль этот теперь казался ей красно-коричневой ложью.

— Не надо, Милдред, не надо, доброе создание, не говори плохо об этой персоне ради меня, — мягко произнес Чарльз, снова положив руку ей на плечо. — Я счастлив поговорить с тобой. Я знаю тебя всю жизнь, ты всегда была добра ко мне, и ты ничуть не изменилась — преданная, как всегда.

Он говорил с дружелюбным состраданием. В боли сочувствие становится бесценным, и он надеялся получить его.

— Ничего хорошего от нее не дождаться, — сердито сказала Милдред. — Она хитрая, она жестокая, и, если позволите признаться, я всегда считала, что она немного не в себе — люди, у которых бывают припадки, часто бывают стран-

ными.

— Мы поговорим об этом потом, я о другом сейчас думаю… По тысяче причин я должен бояться громкого скандала с этой персоной, потому что, сама знаешь, как это может повлиять на бедное создание наверху. Ох, дорогая, во что я тебя втянул…

— Ну сделанного не воротишь, — развела руками Милдред. — Так о чем вы думали?

— А, да, спасибо, Милдред… Я думал… Да… Если б твоя молодая хозяйка была в состоянии путешествовать, я бы увез ее отсюда немедленно… Я бы увез ее от этой… этой беспокойной персоны. Мне надо было сразу так поступить, но отсутствие денег… Только это место могло принять нас. Мне и в голову не могло прийти, что эта фурия… эта персона, с ее-то состоянием здоровья, с ее испорченным зрением снова приедет сюда. Я самый невезучий человек на земле, Милдред. Как ты думаешь, стоит ли мне разбудить твою хозяйку, чтобы обсудить планы?

— Выбросьте это из головы: ваш вид сразу скажет ей, что что-то не так.

— Ты думаешь, мне лучше не встречаться с ней?

— Да, я так думаю. Лучше всего будет, если

вы распишите для мисс Элис план ее действий. Отдадите письмо мне, а я передам его, как будто оно пришло с посыльным. И примите мой совет, сэр, — уезжайте отсюда как можно скорее. Уезжайте с рассветом, если эта… женщина обнаружит вас здесь, все станет только хуже. Но вам надо отдохнуть, завтра вы ни на что не сгодитесь, если не поспите немного. Можно прилечь на диван в гостиной, потом я разбужу вас и приготовлю завтрак.

— Леди Уиндейл — я тебе не говорил? — приглашала Элис к себе. На какое-то время ей было бы хорошо поселиться у нее, но это слишком близко, и я думал, что это не подойдет…

— Лучше как можно дальше, — решительно произнесла Милдред. — Вы можете здесь посидеть или, как я сказала, прилечь в гостиной. Если я вам понадоблюсь, просто постучите в мою дверь, я тут же выйду. Питер в своей каморке под лестницей, он поможет вам с лошадью. Я не буду тушить огонь, чтобы быстро приготовить завтрак. А теперь старая Милдред прекращает болтать, потому что она валится с ног… Вам оставить свечу, сэр?

— Да, Милдред, спасибо. Я прилягу ненадолго, попытаюсь уснуть… Вот бы получилось. Разбуди

меня через час-два, я придумаю, как оградить это бедное маленькое существо от проблем и унижения. Спокойной ночи, Милдред, и благослови тебя Бог навсегда.

Глава XXXIII
ЧАРЛЬЗ ФЭРФИЛД НАБРАСЫВАЕТ ПЛАН

Чарльз поставил свечу на камин и лег на диван. Но на сон у него почти не было шансов — как остановить мельницу тревожных мыслей, в которую воображение непрестанно подкидывает новые зерна? В усталой голове безжалостно крутились ее колеса, к этому добавлялась пульсация в висках и бой маленьких молотков — такова цена выматывающего возбуждения.

Он повернул лицо, как это делают в мучении старики и больные, к стене. Потом лег на бок, не в силах заснуть под грузом бесплодных размышлений. Потом сел и долго сидел, положив руки между коленями. Потом подошел к окну, открыл ставни и посмотрел на безмятежные деревья, четко вырисовывавшиеся на фоне предрассветного неба.

Ему вспомнился Гарри. Одна рука в кармане, вторая — на оконной раме во время их неприятного разговора. Гарри, Гарри, его сторонник и брат… Можно ли довериться ему сейчас? И где

его найти? Не лучше ли поступить по-своему, чем рисковать быть преданным?

— Я должен как следует подумать, потому что у меня всего два часа на принятие решения, — сказал сам себе Чарльз.

Перед глазами встала прелестная немецкая деревушка вдали от туристических маршрутов. Он вспомнил ее холмы и разрушенный замок в лесах — не это ли самое подходящее место для Элис с ее простыми вкусами и любовью к природе?

Через три часа он уедет из усадьбы, и за это время ему следует четко определиться с планом. Он должен написать Гарри, но самое главное — он должен написать Элис. У него было предчувствие, что он не увидит ее. Но в конце концов, возможно, он переоценивает мерзкую ситуацию и при правильном подходе все может рассеяться как дым.

Чарльз нашел перо, чернила и бумагу и привел мысли в порядок. К счастью, в бумажнике у него лежали сто фунтов. Из своего жалкого дохода в пятьсот фунтов в год — да-да! — двести он платил женщине, которая никогда не давала ему передышки и, как казалось, уничтожила бы, если бы могла.

При тусклом свете свечи из бараньего жира,

которой Милдред снабдила его, он написал записку:

«Моя дорогая женушка!

Вели Дульчибелле упаковать твои вещи. Питер будет внизу с экипажем в одиннадцать часов. Езжайте в Уайкфорд, поменяйте там лошадей и отправляйтесь в Лонздейл, где я наконец-то встречу тебя. Там твой любящий Ри расскажет все свои планы и причины столь внезапного отъезда. Забегая вперед: мы должны путешествовать короткими отрезками, чтобы расстроить возможное преследование, а потом наступит легкий и, надеюсь, счастливый период для моей маленькой беспокойной птички. Я живу надеждой на нашу встречу. Скоро мы окажемся вне досягаемости проблем, и твой любящий Ри будет счастлив, насколько это возможно, в твоем драгоценном присутствии. Прилагаю десять фунтов. Не плати ничего и никому в усадьбе. Скажи, что я так приказал. Если вы выедете из Карвелла не позже одиннадцати, в Лонздейле будете раньше пяти. Не бери больше, чем тебе нужно. Оставь все на Милдред, и мы легко можем через несколько дней выписать все, что нам может понадобиться.

Навсегда твой, моя любимая женушка,

обожающий Ри».

Затем он написал Гарри:

«Мой дорогой Гарри!

Как, должно быть, ты ненавидишь мой почерк. Я всегда пишу, чтобы побеспокоить тебя. Но, как ты поймешь, на сей раз проблема больше обычных, и я не могу не просить тебя о помощи, если она в твоих силах. Тебе лучше судить, сможешь ли ты помочь и каким образом. Дело в том, что то, что ты предполагал, случилось. Та персона, в чем бы я ни был перед ней виноват, определенно не может предъявить мне отсутствие щедрости или внимания. Но, кажется, она решила причинить мне все возможные неприятности. В данный момент она находится в усадьбе Карвелл. Я отсутствовал, когда она приехала, но своевременно получил сообщение и, возможно, должен был немедленно уехать назад, но не смог сделать этого, не выяснив, как дела в Карвелле. Я сейчас здесь, но никто не знает об этом, кроме старой Милдред, которая сказала мне, что персона, о которой идет речь, думает, что это ты, а не я, женат и что это твоя жена живет в доме. Так как ты не присутствовал при этом обмане, молю, пусть Старый Солдат продолжает так думать. Я уеду до рассвета, то есть мое присутствие здесь не продлилось и четырех часов. Бедной маленькой

Элис я оставляю сообщение, в котором говорится, чтобы завтра утром — точнее, сегодня утром — она ехала в Лонздейл, где я ее встречу, и оттуда мы отправимся в Лондон, а из Лондона, я думаю, мы поедем в какое-нибудь тихое местечко на континенте, где я намерен затаиться, пока обстоятельства не изменятся к лучшему. Я хочу — я умоляю! — чтобы ты сделал для меня следующее: продай в Карвелле все, что можно продать: лошадь, мула, двух ослов, повозки, плуг и так далее, а также все, что находится вне дома, — и сдай в аренду ферму племяннику Милдред, который хотел арендовать ее в прошлом году. Включая сад, она насчитывает девятнадцать акров. Я хочу, чтобы он арендовал ее, но при условии, что он будет честно платить, но я думаю, что он будет добр к своей тетушке Милдред. Пусть она получает от него обычное довольствие в виде овощей, молока и всего остального с фермы. У нее должна остаться комната, кухня и восемь фунтов в год, как обычно. Будь другом, проконтролируй это и постарайся превратить в деньги все что можно. Я начинаю новую жизнь с жалких грошей, и все, что ты сможешь собрать, будет мне подспорьем. Если ты тайно напишешь Дж. Дилки в то место в Уэстминстере, письмо непременно меня найдет.

Не знаю, понятно ли я все расписал. Можешь догадаться, насколько я растерян и несчастен. Но что толку это описывать? Я должен тысячу раз просить у тебя прощения за то, что прошу озаботиться всеми проблемами, связанными с моей просьбой. Но, дорогой Гарри, спроси себя, на кого еще надеяться бедняге в случае чрезвычайной ситуации, как не на брата? Я знаю, мой добрый Гарри помнит, насколько срочное это дело. Любой совет, который ты можешь мне дать, приветствуется. Кажется, я все сказал — по крайней мере все, о чем смог вспомнить в спешке. Я ощущаю себя таким беспомощным. Но ты умный человек — всегда им был, — намного умнее меня, и ты знаешь, что делать. Благослови тебя Бог, дорогой Гарри, я знаю, ты не забудешь, как я угнетен. Ты всегда действовал быстро в моих интересах, и, как никогда раньше, мне нужен такой друг, как ты, ибо промедление может привести к худшим неприятностям.

Всегда твой любящий брат

Чарльз Фэрфилд.

Усадьба Карвелл».

Чарльз вздохнул с облегчением, закончив письма, в которых изложил наброски своего плана. Он очень устал. Физические усилия не выматы-

вают так, как боль тревоги. Много ночей он спал урывками, потому что тревожный поток мыслей бежал через его мозг, нервы были перегружены. Чарльз сидел в кресле, свеча чадила на столе, ставни были открыты, и холодное сияние угасающей луны все еще освещало небо. В конце концов его веки смежились. В дремоту медленно просочился сон, о котором он впоследствии помнил только то, что сон этот был кошмарным.

Глава XXXIV
СПЯЩИЕ В СТАРОМ ДОМЕ

Во сне бледное испуганное лицо медленно приблизилось к нему и, отшатнувшись, вскрикнуло. Крик ужасным образом продолжался, пока лицо удалялось. Ему показалось, что он узнал кого-то — живого или мертвого, он не мог сказать, — в этом странном лице, похожем на мраморную греческую маску.

Крик еще звенел в его ушах, когда он проснулся. Как это бывает с переутомленными людьми, на которых наконец спускается сон, Чарльз был во сумеречном состоянии до того, как его чувства и мысли пробудились. Он снова и снова слышал пронзительный крик. Ему показалось, что он узнал голос жены. Испуганный, он выбежал из комнаты и помчался вверх по лестнице к ее двери. Он услышал поступь шагов в комнате и еще один долгий испуганный крик. Или это ему приснилось?

Пока еще не рассвело, если не считать этих криков — во сне ли наяву? — было удивительно тихо. Луна и звезды будто сотворили эту ночь для

светлых мыслей и бодрствования влюбленных. Не выл ночной ветер, не шелестел густой плющ. Окна не пропускали никаких звуков, кроме мягких ударов серого мотылька о стекло. Было слышно, как лист отрывается от ветки и падает на землю.

Но в этой тишине таилась опасность. В то время как маленькие птички, спрятав головки под крыло, гнездились в своих убежищах, коварная сова бесшумно летала, разрезая воздух, словно призрак. Тощий кот крался тихо, как тень, пока его зеленые глаза не оказывались рядом с добычей. Природа с ее нежностью и жестокостью, с ее величием и подлостью напоминает микрокосм или, если хотите, человеческое сердце, в котором вмещается множество противоречий, в котором подлое борется с геройским, а дьявольское с ангельским.

В эту тихую ночь на душе Элис было тяжело. Кто может объяснить те внезапные, но ужасные изменения в духовном видении, которое является тонким посредником между нами и реальностью, что окружает нас? Как получается, что знакомые предметы, сохраняя свои черты, теряют розовый блеск и золотые краски, выцветая до удручающего серого и зеленого?

— Дульчибелла, как ты думаешь, он едет? Ох! Дульчибелла, как ты думаешь, он приедет сегодня? — призвав к себе няню, без конца спрашивала Элис.

— Возможно, дорогая. Почему нет? Ложитесь, дитя мое, не сидите в кровати. Вы никогда не уснете, если будете прислушиваться и высматривать. Чем дольше вы это делаете, тем больше беспокойство: так сон не придет. Я знаю о чем говорю: много долгих часов я лежала без сна, прислушиваясь и ожидая, когда мой бедный Крейн приедет на повозке с рынка. У него были свои слабости — а у кого их нет? — но мой Крейн был честным человеком и добрым, он бы и мухи не обидел, и никогда дурное слово не слетало с его губ, кроме, может, одного или двух случайных, да и то он говорил их, когда был пьян, а кто, мисс, не бывает иногда пьян? Но он был добрым, красивым мужчиной, и как же печально было мое сердце, когда его не стало, — Дульчибелла промокнула глаза. — Двадцать семь лет было в прошлый день святого Стефана, как я схоронила его на кладбище Уиверна. Я пыталась вести небольшое дело, но у меня никак не получалось, и, когда Богу было угодно забрать мою маленькую девочку шесть лет спустя, я все бросила и ушла

жить в дом священника. Но, как я говорила, мисс, много часов я не спала и высматривала моего бедного Крейна на пути домой. Иногда он останавливался по дороге с несколькими друзьями в «Коте и скрипке» — это единственное, что мне не нравилось в моем бедном Крейне. Вот так я стала служить у вашей доброй матушки, мисс, и у вашего отца, доброго викария Уиверна… С тех пор таких, как он, не было и нет, ни одного.

— Ты хорошо помнишь мою маму?

— Словно это было вчера, мисс, — сказала старая Дульчибелла, которая часто отвечала на этот вопрос. — Словно вчера… Очень красивая была. Она всегда выглядела так приятно… На лице улыбка, словно свет солнышка входил в комнату.

— Странно, Дульчибелла, что не осталось портрета.

— Портрета не было, нет, мисс. Ну, понимаете, милая, портреты, я слышала, стоят дорого, а ваши родители только начинали, как вы знаете, и множество мелких расходов… А должность приходского священника — скудный источник заработка, и тут приходится как-то справляться… Но, несмотря ни на что, они были добры к бедным и давали больше любого богача, никогда не

отказывали никому. Они любили всех, жили друг для друга, и никогда ни одного плохого слова я в их доме не слышала. То, что нравилось одному, любил второй, и все в свете благословения Божьего. Такой пары я больше не видела никогда. Они души не чаяли друг в друге, и любили всех, и вдвоем были, как один ангел.

— У леди Уиндейл остался портрет моей бедной мамочки, очень маленький, он называется миниатюра. Как же он прекрасен! Там ей не больше семнадцати. Леди Уиндейл, как ты знаешь, намного старше мамочки.

— Да, так и есть, лет на десять или больше, — кивнула Дульчибелла.

— Она очень любит этот портрет — слишком любит, чтобы отдать мне его сейчас, но тетушка говорит, что оставит его мне по завещанию. Ох, Дульчибелла, мне так одиноко.

— Одиноко? Но почему, дорогая? Ваш муж — очень красивый джентльмен, и он будущий сквайр Уиверна. Только подумайте — сквайр Уиверна! — это ж выше, чем быть депутатом парламента, ну я так думаю. И он добрый, никогда ни одного грубого слова или косого взгляда, всегда спокоен. Ну же, мисс, вы не должны так говорить! Подумайте о ребеночке, что на подходе. Вы забу-

дете себя от радости, когда увидите его личико, и мне не терпится показать вам его, приняв роды.

— Ты такая добрая, Дульчибелла, — Элис улыбнулась, но ее глаза наполнились слезами. — Но… моя бедная мамочка умерла, когда родилась я, и, ох, Дульчибелла, ты думаешь, я увижу личико маленького создания? Ох! Разве не будет печально, если нет?

— Не говорите ерунды, дорогая, это грешно, учитывая все то, что дал вам Господь: уютный дом, достаточно еды, верных друзей, хорошего красивого мужа, который добр к вам, и благословенного ребеночка, появление которого сделает каждую минуту всех в этом доме приятной. Грешно так беспокоиться или бояться… Ну, все боятся, если позволяют себе, и ни с кем не случается ничего плохого. Это грешно, говорю вам, потому что вы отлично знаете, что вы в руках доброго Бога, который заботился о ваг до сегодняшнего дня и впредь будет заботиться. Бог пришел на помощь, когда вы были не больше моего предплечья, и глупая Дульчибелла не знала, что делать. А ваша тетушка, которая сначала была бедна, как и ваша дорогая мамочка, вернулась домой богатой с другого конца земли, и она души в вас не чает, у вас со всех сторон появились добрые друзья, и

старый сквайр, и его сын Гарри — хотя он бывает злюкой, он тоже ваш добрый друг, чтобы ни было между ним и мастером Чарльзом. Горячая кровь не худшая кровь, лучше уж ударить сгоряча и потом пожать руки, чем улыбаться неискренне. Говорю вам, все Фэрфилды не худшие люди, хотя раздражительны, а иногда жестоки и прямолинейны. Сама я никогда не забуду тот день, когда Генри Фэрфилд дал кров той, у кого не было своего крова и впереди маячил работный дом. Да благослови его Бог за это, говорю я, потому что он выступил ангелом.

— Я тоже так думаю, Бог свидетель, я тоже так думаю! — воскликнула Элис. — И я надеюсь, что все уладится — уверена, что все уладится. Ох, Дульчибелла, я стала причиной стольких горестей!

Она осеклась, слезы застили ей глаза, но она сдержала их.

— Вы всегда так говорите. Хотела бы я знать, что бы с ними, с Фэрфилдами, было без вас. Каждый мужчина, женившись, взваливает на себя заботы, кто больше, кто меньше, — такова воля Божья. А если не женится, то он не думает о Боге, и его земной путь будет короток и горек. То, что Господь определяет нам, мы должны сносить с

терпеливым сердцем, если не можем с радостным, ибо с Его благословением все закончится хорошо.

— Аминь, — сказала Элис с веселой улыбкой, но груз по-прежнему лежал у нее на сердце. — Я надеюсь на это, моя добрая Дульчибелла. Что бы я делала без тебя? Подожди! Тихо! Снаружи шум? Нет… Мне показалось, что я слышу цокот копыт, но я ошиблась. Уже слишком поздно: он не приедет сегодня. Как ты думаешь, Дульчибелла, он может приехать сегодня?

— Ну нет, моя дорогая: уже слишком поздно, об этом можно даже не думать. Вы не уснете, если будете прислушиваться ко всем звукам. Я знаю эти тревоги, и множество раз я лежала без сна, сначала на одном боку, потом на другом, прислушивалась, пока не начинала считать биение пульса в голове, и с каждым часом просыпалась все чаще, и все чаще чувствовала себя дурой, и никогда мой Крейн не появлялся раньше, сколько бы я ни ждала. И помните, что я часто повторяла вам, когда вы были крошкой, в старости вы поймете, что это правда: горшок, за которым наблюдают, не скоро вскипает.

Элис тихо рассмеялась:

— Наверное, ты права, Дульчибелла. Нет, он не

приедет сегодня. Но, может быть, завтра? Как ты думаешь: может быть, завтра?

— Очень может быть, возможно, что и завтра… при свете дня, к завтраку — почему нет? — ответила та.

— Ну, я правда думаю, что он может приехать завтра: он сказал, возможно, сегодня, но я знаю, я уверена, он понимает, как бедная жена ждет его, как скучает по нему. Как ты и советуешь, я выброшу эту мысль из головы: ему нужно подумать о стольких вещах, и он сказал лишь «возможно». Ты думаешь, что утром… Но я не позволю себе так думать, это было бы слишком хорошо. Однако осталось недолго, уверена, и… я больше не буду тебя мучить, дорогая Дульчибелла. Я была очень эгоистична. Поэтому доброй ночи.

Они поцеловались, как всегда делали с малых лет Элис, прежде чем отправиться спать.

— Спокойной ночи, и никаких тревог, да благословит вас Бог, моя дорогая мисс. Вы должны поспать или утром будете бледной и измученной, и он не узнает вас, когда приедет.

Они еще раз обнялись и поцеловались. Дульчибелла оставила свечу гореть на столе, как пожелала ее подопечная — Элис нервничала, когда оставалась одна в темноте, закрыла полог

кровати, в последний раз пожелала молодой женщине доброй ночи, благословила и закрыла за собой дверь.

Существует ли полное доверие? Даже верной Дуль-чибелле Элис не могла рассказать всего. Когда она улыбалась на прощание преданной душе, ее сердце готово было разорваться. Она хотела поплакать в одиночестве и теперь могла это сделать.

И плакала, как это делают дети, пока не уснула.

Час спустя в старой усадьбе было тихо, как на соседнем кладбище Карвелла. И я полагаю, не было другого такого дома в приходе или графстве, жильцы которого находились бы в столь странном положении.

Внизу в кресле сидел Чарльз Фэрфилд, только что написавший письма; его мучительный сон напоминал ступор паралича.

Его молодая жена, чьи ресницы еще не высохли от слез, уснула, печально заблуждаясь касательно отсутствия любимого. Но, возможно, знай Элис, что он здесь, ей не стало бы лучше.

В своей комнатке внизу наконец уснула испуганная Лилли Доггер, голова девочки все еще была накрыта одеялом, куда она спрятала ее в

панике, страшась возвращения высокой незнакомки: мочка уха все еще горела от сильного, как тиски, щипка.

Под наклонной крышей лестницы, сняв только пальто, храпел честный Питер, вытянувшись на спине и сунув одну огромную мозолистую руку под круглую голову, а вторую вытянув вдоль тела: сон его не стал менее крепким из-за кружки пива и прогулки по выгону Кressли.

На секунду посмотрим на спящую Дульчибеллу. Чистая совесть, хорошее пищеварение и вполне себе спокойное место в этом беспокойном мире благоприятствуют крепкому сну — она спала совершенно безмятежно, надев ночной чепчик с многочисленными оборками на голову с жидкими волосами. Ее толстая замусоленная Библия, из которой она читала по полдюжине стихов каждый вечер, лежала на столике у медного подсвечника, очки Дульчибеллы покоились на обложке.

Милдред Таили, худая и угловатая, спала одетой: старое платье из коричневой шерсти, чепец, широкие выцветшие ленты которого обвязывали перегруженную свалившимися заботами голову, штопаные черные шерстяные чулки на усталых ногах, — она была готова в любой момент под-

прыгнуть, сунуть ноги в бесформенные туфли и вновь приступить к работе.

В уединенной комнате высокая дама не первой молодости лежала на кровати в белой шерстяной ночной сорочке, не шевелясь.

После того как Милдред Таили легла под одеяло, вернемся к ней, она забеспокоилась об этой персоне, вспомнив ее активность в прежние времена, и испугалась, что гостья не спит. Его опасение было столь сильным, что она не могла сомкнуть глаз, хотя сильно устала. Подозрение, что ужасная женщина идет босая, на ощупь по дому, заставляло ее сердце биться чаще и чаще.

Настал момент, когда она больше не могла это выносить, поэтому села, зажгла свечу от спички и в одних чулках тихо пошла по коридору — как раз в тот момент, когда Чарльз Фэрфилд писал письма. Он узнал ее шаг, к которому привыкло его ухо, но не озаботился спросить, в чем дело.

Тихо, тихо, тихо Милдред Таили оказалась у двери непрошеной гостьи и прислушалась. Вы бы никогда не подумали, что непробиваемая Милдред способна на нервную дрожь, но она ужасно боялась эту страшную женщину, перед чьей злобностью меркнул ее собственный характер. Она прислушивалась, но не слышала никаких

доказательств присутствия Голландки в комнате. Она вообще там или бродит по дому с бог знает какими злыми намерениями? Не выдержав, Милдред ногтем поскреблась в дверь.

Ответа не было.

Женщина лежала на боку, повернув бледное лицо к двери. Слепые глаза двигались в глазницах, на губах внимательная улыбка, шея повернута набок, чтобы ухо было в направлении двери. Она бодрствовала, можете не сомневаться.

Милдред нерешительно посмотрела на закрытую дверь. Совершенно нормально, думала она, если она навестит гостью, чтобы проверить ее состояние. Почему бы ей не открыть дверь и не войти? Милдред все больше и больше нервничала. Что, если эта безумная злодейка ждет у двери, готовая схватить ее за горло, когда она откроет дверь, и задушит прямо на полу? Когда из комнаты раздалось усталое тоненькое: «Ого-го!», она отпрыгнула назад и на секунду застыла от ужаса.

Миссис Таили приняла все меры предосторожности, когда тихо уходила. Коридор, который заканчивался комнатой Голландки, с другой стороны запирался на ключ. Повернув ключ в замке, Милдред почувствовала, что она успешно

заточила злого духа. Успокоенная, она вернулась в свою постель и вскоре задремала.

Глава XXXV
БЛУЖДАНИЯ В ТЕМНОТЕ

Некоторым пусть даже и сильным, но нервным характерам, встревоженным чем-то, в присутствии несомненной причины для беспокойства успокоиться очень трудно. Вернувшись к себе, Милдред Таили вертелась и крутилась в кровати, представляя один за другим всевозможные ужасы.

Она была одета, поэтому снова встала, зажгла свечу, выскользнула из комнаты, злясь на себя и весь мир из-за своего лихорадочного состояния, тихо поднялась по лестнице и на цыпочках подкралась к комнате Голландки.

Ни звука, ни дыхания внутри.

Милдред тихо приоткрыла дверь, которая легко поддалась. Огонь в очаге почти погас, и, боясь взглянуть на кровать, служанка подняла свечу, чтобы прибавить свету.

На кровати лежала Голландка, настолько неподвижно, что Милдред почувствовала тошнотворные сомнения, глядя на нее.

— Господи благослови! Ей же всегда нехорошо.

Вот бы ее в другом месте дьявол прибрал, — хмуро прошептала миссис Таили.

Потом, все же решившись, она подошла к кровати. Ей показалось, что она видит признаки слабого дыхания, поэтому положила пальцы на предплечье гости и провела вниз к ладони, которая, к ее облегчению, оказалась теплой.

От касания женщина застонала и пошевелилась.

— Тьфу ты! Спит как мертвая! Я бы дуба дала, если бы плохо ее знала. У некоторых все не так, как у других.

Милдред хотелось потрясти гостью и в сердцах попросить ее, чтобы та сопела во сне, как все нормальные люди.

Но Голландка казалась такой бледной, такой безжизненной, что гнев миссис Таили быстро прошел. Она ушла к себе, но не легла спать, а, все еще беспокоясь, села у очага, по привычке ворча себе под нос:

— Если ей немного осталось, зачем же было проделывать такой путь до Карвелла? Чем плохо в Лондоне помереть?

Миссис Таили хотела только погреть ноги на каминной решетке, но задремала и проснулась где-то через четверть часа, встала и прислуша-

лась.

Почему она ощущала чуть ли не панику в присутствии этой женщины? Милдред не могла точно назвать причину. Но она позорно боялась ее и разрывалась от подозрений, объяснить которые тоже не могла.

— Я не могу лечь, пока снова не попробую, нет, не могу. Прям не знаю, что на меня нашло. Такое чувство, да спасет нас Бог, будто сам дьявол поселился в этом доме. Я не знаю, что мне делать… Да я и сделать-то ничего не могу, но очевидно одно: я не смогу спокойно жить и спать, пока она здесь. Надо снова подняться в ее комнату, и, если там все в порядке, попробую заснуть. Не буду больше думать о ней до самого утра: что будет, то будет. Хватит уже, мои старые кости устали, и мне трудно держать голову прямо.

Решившись, старуха в сильном беспокойстве взяла свечу и снова отправилась проверить гостью.

Из комнаты, где в этот момент тревожным сном спал в кресле Чарльз Фэрфилд, исходила тусклая красноватая дымка свечи, и Милдред остановилась, прислушиваясь. Убедилась, что все тихо, и двинулась дальше; попутно она заглянула в большой зал, темный, холодный и безжизненный,

затем осторожно поднялась вверх по лестнице, держась за дубовые перила с шарами на каждом повороте. На вершине лестницы Милдред чуть ли не впервые в жизни охватил суеверный ужас. Она сделала усилие над собой, чтобы войти в темный коридор. Он был довольно длинный, и примерно посередине была расположена арка, а точнее, арочный проем с дверью, но та всегда была открыта, и удерживал ее крючок, втыкавшийся в кольцо на стене. Как это часто бывает в старых домах, за этим проемом был спуск из нескольких ступенек, приводивший на другой уровень пола. Возможно, существовала какая-то причина для неудобного появления этих ступенек в длинных и не слишком хорошо даже в дневное время освещенных коридорах, но они определенно тренировали мозги медлительным людям и не давали кому-то уснуть по пути в спальню.

Когда Милдред спустилась, она заметила паутину, свисающую с потолка. У такой энергичной служанки, как она, подобное «украшение» не могло не вызвать неприязни; старуха попыталась сорвать паутину рукой, но не достала, тогда развязала фартук и смахнула ее.

Миссис Таили еще смотрела вверх на пыльную ниточку, летящую по воздуху, когда почувствова-

ла, как невидимая рука решительно дернула ее за платье и отпустила, когда она сделала шаг назад и переместила свечу, чтобы осветить коридор.

Нет-нет, это был не котенок, который мог игриво следовать за ней по лестнице, и не рыскающая по дому крыса, которая могла напасть на нее от голода. Она услышала тихое хихиканье и увидела бледное лицо Голландки, глядящей на нее с мерзкой ухмылкой. Та стояла на верхней ступеньке, прислонившись плечом к косяку.

— Ты думала, я сплю под одеялом, — протянула она, — или, возможно, уже очнулась в другом мире — мертвая! Но нет, я никогда не сплю подолгу и не умру легко… понимаешь?

— Зачем вы вообще поднялись с кровати, мадам? Вы сломаете себе шею в этом доме, если будете гулять по нему ночью. У нас тут расшатанные ступеньки и бесконечные лестницы, а вы слепы.

— Когда ты слепнешь, глупая Милдред, ты вдруг обнаруживаешь, что твоя память работает лучше, чем ты ожидала, — все углы приходят мне в голову как картина. Ты прошла мимо меня и не заметила… О чем это я?

— О чем вы? Ну, я уж точно не знаю, мадам.

— Конечно, не знаешь, — кивнула Голландка.

— Но вы должны быть в постели… Это я знаю, мадам.

С ленивым смехом Голландка ответила:

— Как и ты, старушенция… Мы с тобой просто парочка гуляк. Но у меня была причина — мне нужна была ты, Милдред.

— Тогда, мадам, не знаю, как бы вы меня обнаружили, потому что я сплю в пятиугольной комнате в двух дверях от кухни, и вы бы никогда меня не нашли.

— Я должна была попытаться — пан или пропал, и в своей комнате я бы не осталась.

— Но это лучшая в доме комната, мадам, как всегда считалось!

— Пусть так, но мне она не нравится.

— Вы же не слышали никаких напугавших вас звуков? — спросила Милдред.

— Нет, — ответила голландка. — Причина другая, милочка.

— И какая же? Должно быть, грандиозная, иначе вы бы не сидели на ступеньке в темном коридоре, а лежали в мягкой постельке.

— Отлично сказано, мудрая Милдред. Зачем мне отдельная комната, если там неспокойно.

— Почему же там неспокойно, мадам? — раздраженно спросила Милдред.

— Там я не защищена от вторжения, — ответила Голландка с выразительными паузами между словами, чтобы сильнее подчеркнуть значение.

— Не знаю, что вас взбудоражило, мадам, — сказала Милдред, чье знакомство с пустыми словами было ограниченно, но она была слишком горда, чтобы ошибиться: Голландка слышала, как она заходила.

Но Голландка сказала другое:

— Ну у меня появились сомнения, не будет ли молодая леди подсматривать за мной.

— Какая молодая леди, мадам? — спросила миссис Таили, подумав, что так она могла иронично назвать Лилли Доггер.

— Жена Гарри Вэрвилда, конечно, кто ж еще? Лучше уж я по дому поброжу, чем столкнуться с ней нос к носу, — сказала Голландка.

— Но она не подсматривает… Она ни за кем не подсматривает, и даже если б захотела, не смогла бы.

— Как сказать. Между нами гардеробная, которой никто не пользовался еще в мое время, и ты, превратив ее в кладовку, хранила в ней всякие безделушки, — она произнесла «бестелушки». — Что ей стоит проникнуть туда и подглядывать? Все женщины подглядывают и шпионят, — она

произнесла «подклятыфают», — и я подглядываю и шпионю, и ты. Эта леди может притвориться, будто не знает, что в комнате кто-то есть, пройдет через гардеробную, вздрогнет, попросит у меня прощения, скажет, что ей очень жаль, а потом уйдет и наутро подробно расскажет тебе, сколько пуговиц на моей мантилье, сколько булавок в моей подушечке, и вообще всему миру расскажет все обо мне.

— Но она не может войти.

— Почему?

— Почему? Потому что, мадам, двери с двух сторон заклеены обоями. И я не говорила леди, что за ними что-то есть.

— Хорошая защита — бумага! — усмехнулась Голландка.

— Но двери заперли, прежде чем поклеить обои, — сказала Милдред.

— Правда?

— Собственными глазами видела, — настаивала Милдред.

— Я бы предпочли убедиться сама, — зло сказала Голландка. — Если я и соглашусь остаться в комнате, то ты дашь мне ключ, покажешь, где был замок, разрезав обои, и я запру дверь. Тогда я буду спокойна — за мной не будут подсматри-

вать, меня не будут подслушивать. Мне не нужна компания, предпочитаю остаться одна. Или давай мне другую комнату.

Милдред помолчала, вглядываясь в лицо Голландки, но ничего на нем не прочла.

— Так вы успокоитесь, если получите ключ и сами запрете дверь?

— Это будет не так хорошо, как другая комната, но лучше, чем ничего.

— Тогда идемте, мадам, и я дам вам ключ, потому что другой комнаты нет.

— Когда я проверю дверь, я легко засну. Как говорил ваш пастор, «нечестивых покидают заботы, усталые находят отдых». Нечестивые гуляют, миссис Таили, а я сильно устала, — вздохнула Голландка.

— Нас таких двое, мадам, уставших, — сказала Милдред и повела гостью обратно в ее комнату.

Усадив Голландку в кресло у огня, миссис Таили сняла ключ с медного гвоздя за столбиком кровати.

— Вот он, мадам, — сказала она, вложив ключ в ищущие пальцы.

— Что это за ключ? — спросила Голландка.

— Ключ от гардеробной.

— Но откуда мне это знать? — спросила Гол-

ландка, вертя ключ в руках, ей, видимо, хотелось уязвить служанку, и она достигла своей цели, потому что та возмущенно начала:

— Вы можете быть в этом уверены, потому что Милдред Таили так сказала, а она еще никогда не обманывала. Я никогда не лгу! — заявила она и сама вздрогнула, ибо это было неправдой.

— Знаю, знаю. Ты же сама правда, дорогуша, насколько это позволено человеческой натуре, но у всего есть свои границы: вот я, например, не умею летать и не пытаюсь, а солгать каждый пробовал в своей жизни Ну же, подними меня, сейчас мы проверим замок.

Я сама запру эту дверь, собственными руками. Увидеть — значит поверить, но я не могу увидеть. Осязание ничем не заменить, и, не сомневаясь в вас, миссис Таили, я сделаю все сама.

Она положила руку на плечо миссис Таили, и та подвела ее к стене, где располагалась дверь. Ощупав пальцами стену, Голландка ножницами разрезала обои под ворчание Милдред, которая бубнила, что «теперь они не стоят и тряпки с дороги, а вот раньше за них отдали хорошие деньги», освободила дверь, нашла замочную скважину, всунула ключ, повернула его, и дверь почти без сопротивления приоткрылась. Голландка усмех-

нулась, заперла дверь и сказала:

— Ну что же, теперь я смогу противостоять этой леди, пусть делает что хочет… а ты приставь к двери стол для надежности. Думаю, так я смогу заснуть… хорошо?

Милдред почесала над бровью и кивнула:

— Почему нет? Заснете, мадам, так же крепко, как раньше, было бы желание.

— Что за чушь ты несешь? — пожала плечами слепая женщина. — Как будто люди могут так сразу заснуть, когда захотят. Милочка, если бы так получалось, не было бы таких гнетущих вещей, как нервное состояние.

— Ну, я полагаю, такого больше не будет. Я могу забрать поднос, мадам?

— Пусть останется до утра — мне не терпится отдохнуть. Спокойной ночи. Так ты уходишь?

— Спокойной ночи, мадам, — Милдред сделала свой неловкий книксен, который гостья все равно не увидела, и вышла из комнаты.

Голландка прислушалась и, когда убедилась, что стук башмаков Милдред стал тише, прошипела:

— Спокойной ночи, Милдред. Думаю, сегодня ты больше не придешь.

Она пересекла комнату и заперла дверь, выхо-

дящую в коридор.

— Спокойной ночи, глупая Милдред, — повторила она с неприятной ухмылкой, затем добралась до кровати, легла и замерла.

Миссис Таили, кажется, пришла к такому же выводу — больше она не станет бродить по дому в тревоге. Однако на ступеньке у арки, где ее напугала Голландка, подозрительно оглянулась через плечо и бесшумно закрыла арочную дверь, чтобы уж наверняка оставить гостью пленницей до утра.

Глава XXXVI
СКВОЗЬ СТЕНУ

Какое-то время Элис спокойно спала. Часы у подножия лестницы дважды били с тех пор, как она перестала прислушиваться, ожидая Чарльза, но Элис не слышала их. И вдруг она проснулась. Сквозь сон ей показалось, что она слышит какой-то непонятный звук в комнате, ощущает какое-то тихое движение; это сначала дразнило ее любопытство, а потом окончательно разбудило. Элис села в кровати, и, как ей показалось, в комнате раздался вздох. Близко он был или далеко — и был ли вообще, — она не поняла.

Юная леди отодвинула полог и выглянула в комнату. Ее взгляду предстала знакомая мебель, и ничего более. Ободренная, она собралась с духом и встала, чтобы убедиться в беспочвенности своих фантазий — мало ли что может показаться со сна. Подошла к двери и выглянула в коридор.

Никого.

Элис закрыла дверь на ключ и прислушалась.

Тишина.

Вернувшись к кровати, она шепотом погово-

рила сама с собой — звук собственного голоса успокоил ее, — поправила свечу, погремела вещицами на прикроватном столике и решила, что вздох, который так напугал ее, и не вздох вовсе, а шуршание складок полога — она могла задеть их ногой или рукой, ведь такое уже было однажды.

Спустя какое-то время Элис окончательно убедила себя, что ее тревога напрасна, и закрыла глаза. Однако вскоре злой гений беспокойства проявился в другой форме: до ее почти уснувшего слуха донеслось что-то похожее на шуршание и хруст со стороны стены. Поэтому она снова села и сказала:

— Брысь!

Шуршание слышалось сначала у окна, потом у камина, затем у двери, а потом стихло.

Элис встала и, накинув пеньюар на плечи, подошла к окну и отворила ставни — меланхоличный пейзаж, открывавшийся из старомодного окна с частыми переплетами и маленькими стеклами, всегда успокаивал ее — красивые, залитые лунным светом виды так хорошо сочетались с ее настроением. Но в этот раз созерцание пейзажа не помогло — мрачная красота неба над серебряным лесом пробудила страхи. Вздрогнув, она снова закрыла ставни и в тусклом свете свечи

вернулась в кровать.

Ненадолго Элис забылась беспокойным сном — и снова проснулась. Ее сердце билось быстро, но она не могла понять, что ее разбудило.

— Кто здесь? — вскрикнула она испуганно, встала с кровати и осмотрелась.

Ей показалось, будто за стеной что-то падает — какой-то тяжелый приглушенный звук. Она в тревоге прислушалась, но все было тихо.

— Какая я дурочка! — прошептала Элис со вздохом. — Дурочка, дурочка! Все меня пугает, второй такой трусихи не найти. Ох, Чарли, Чарли… Мой дорогой Ри, когда же ты вернешься к своей бедной жене… Когда же это ужасное ожидание прекратится и снова наступит покой?

Элис горько заплакала, потом, как всегда делала в трудные минуты, помолилась, легла и попыталась заснуть.

Но не тутто было.

Ее ушей коснулся звук, как будто что-то режут или разрывают. Она снова воскликнула: «Брысь, брысь!» — но безрезультатно. Ей показалось, что в дальнем углу комнаты из стены высунулся какой-то блестящий предмет — прошелся вдоль горизонтально, а затем пополз вниз, тихо мерцая в свете свечи. Еще через минуту эта часть

стены слегка затряслась, и — можно ли верить своим глазам? — в ней медленно приоткрылась дверь, чтобы впустить высокую фигуру в темном платье.

Элис замерла, от страха у нее перехватило горло, и она не могла и звука издать.

Фигура, появившаяся из двери, приложила руку к уху и стала медленно поворачиваться во всех направлениях. Затем она мягко толкнула дверь, и та закрылась с тихим щелчком, словно на пружинном замке.

Элис пристально смотрела на гостью, не зная, призрак это или живой человек.

Рука женщины легко заскользила по стене, вторую руку она выставила перед собой. Двигалась она бесшумно, потому что была в одних чулках. У нее был вовсе не напряженный; а скорее сосредоточенный вид, как у человека, обходящего в темноте знакомую комнату.

Догадка, что ее не видят, инстинктивно заставила Элис молчать, и она почти не дышала.

Незваная гостья достигла угла комнаты, нащупала дверной косяк, а затем ручку входной двери; она потянула за нее, чтобы проверить, заперта ли дверь. Элис в этот момент пожалела, что дверь закрыта, — она подумала, что женщина могла бы

выйти из комнаты, если б не это препятствие.

Женщина замерла и снова прислушалась. Затем очень осторожно, кончиками пальцев попыталась вытащить ключ, торчавший в замке. Но у нее ничего не получилось, и она убрала руку.

К своему ужасу Элис поняла, что дела незнакомки в ее спальне не закончились. Женщина сделала глубокий вдох, прижав нижнюю губу к зубам и слегка прикусив ее. Так как она повернулась к кровати, Элис хорошо рассмотрела ее лицо — бледное, покрытое оспинками, незрячее. За чем бы она ни пришла сюда, подумала Элис с надеждой, она не видит меня.

Еще один короткий вздох, свидетельствующий о том, что женщина наконец приняла решение. Вытянув руку и сделав два быстрых шага, она оказалась у кровати, схватила Элис за ночную рубашку и с силой притянула к себе. Громко вскрикнув, Элис дернулась назад, и рубашка порвалась. Но женщина мгновенно схватила ее за плечо, забралась на кровать коленями, навалилась на нее и почти тут же попыталась ударить ножом в горло.

Отчаянно извернувшись, Элис лишь чудом сумела избежать удара.

Все это было словно сон. Казалось, комната рас-

плывается. Элис не видела ничего, кроме темной фигуры в ее кровати.

Прошла едва ли секунда. Не зная, как она там оказалась, несчастная девушка стояла спиной к стене в дальнем углу комнаты, глядя на незнакомку.

Женщина слезла с кровати и снова стояла, внимательно прислушиваясь. Слышит ли она ее дыхание?

Элис боялась пошевелиться, чтобы движение не выдало, где она находится.

Вдруг женщина широкими шагами, приложив руку к стене, двинулась в ее сторону. Обезумев от ужаса, Элис очнулась и побежала вокруг кровати к двери.

Ударяясь о мебель, но в остальном весьма ловко слепая женщина следовала за ней.

Элис попыталась открыть дверь. Она же сама заперла ее — зачем, зачем?!

Ключ не поворачивался — видимо, незнакомка так повернула его, что он застрял в замке.

Элис чувствовала себя как во сне, когда погоня приближается и какое-то небольшое препятствие мешает ускользнуть от преследователя. Лихорадочный рывок за ручку, еще пара попыток повернуть ключ, и вот уже рука женщины почти

рядом с ней. Элис отпрыгнула и снова перелезла через кровать. Незнакомка была разъярена — ведомая звуком, она бросилась за ней. Комнату огласили крики, кричали обе. Женщина преследовала добычу, натыкаясь на предметы и хватая воздух, как казалось, в дюйме от плеча жертвы.

Неравная борьба за жизнь не могла длиться долго. Дверь была закрыта, броситься к потайной двери в стене Элис не решалась. Окно тоже было заперто, а между тем даже одна секунда задержки означала смерть. Если бы у Элис в руках было оружие, влекомая инстинктами, она могла бы повернуться к преследовательнице и отчаянно сражаться с ней за свою жизнь, а так оставалось только бегство, но и оно было прервано, так как она запнулась о ковер и беспомощно упала на пол. Меньше чем через секунду, задыхаясь, ее преследовательница стояла на коленях рядом с ней — схватила ее за растрепанные волосы и притянула к себе, чтобы уверенными ударами ножа довершить свое дело.

Когда глаза совы сверкают сквозь листья, глядя на пробуждающуюся птичку, маленькое сердечко птахи переходит на галоп. Как же, как же, ведь ее самый страшный кошмар сбывается, побег невозможен, настал последний час, — когти со-

вы хватают ее за горло, и короткая безобидная жизнь прерывается. Так могло быть и с красавицей Элис.

В этот ужасный миг все предметы, что видели ее глаза, выглядели странно, словно в новой реальности: комната сжалась, знакомые вещи стали незнакомыми, и ей показалось, что вся ее жизнь была лишь сном… Какой неверующей, какой глупой она была… была, а теперь — смерть.

На беспомощный крик, слетевший с ее губ, когда эта ужасная женщина занесла нож, вдруг ответил треск выбиваемой двери и крик мужского голоса. Дверь распахнулась, и Элис увидела своего мужа, белого как смерть. Одним яростным ударом он повалил женщину на пол, и в следующую секунду Элис, вне себя от ужаса и почти без сознания, оказалась в его объятиях.

А Чарльз… В голове его мелькали обрывки мыслей. *«Я ударил ее? Боже! Я ударил ее! Как она оказалась на полу, истекая кровью*?» Ужасное раскаяние разорвало его сердце, и он был близок к тому, чтобы совершить самоубийство. О, милостивый Бог… Неужели он мог, пусть в порыве неистовства, ударить создание, с которым они когда-то были связаны любовью? Какой поток воспоминаний и сожалений! Она — покинутая,

безрассудная, проклятая уродством и слепотой, а теперь этот последний всплеск жестокости! Элис жалась к нему, слова «дорогой Ри, мой Ри, мой спаситель» звенели в его ушах, и ему казалось, что он ненавидит Элис — ненавидит даже больше, чем себя. Чарльз застыл от ужаса, узрев неизгладимую картину; белое лицо с невидящими глазами, измазанное кровью, и растрепанные локоны поседевших волос, которые когда-то были черными как вороново крыло — он всегда приводил это сравнение.

О Господи, какая жестокость! К чему они оба в конце концов пришли?

Взяв себя в руки, Чарльз сказал с энергией лицемерия:

— Элис, сокровище мое, ты в порядке?

— Да, дорогой, да, — выдохнула она.

— Не здесь… Тебе не нужно здесь быть… Беги вниз… Она безумна… Она безумная женщина… Больше ни секунды здесь.

Оглушенная ужасом, Элис летела по лестнице, когда увидела Питера, — тот неуверенно поднимался наверх, лишь наполовину проснувшись.

— Бегите, Питер, помогите хозяину, ради всего святого… Там что-то ужасное, — прокричала она дрожащим голосом.

— Куда, мадам? — спросил Питер, остановившись с хладнокровием, которое было почти пугающим, как показалось Элис.

— Туда, туда, в нашу спальню, бегите, ради всего святого!

Питер побежал наверх, его подошвы с металлическими гвоздями производили невероятный шум, а Элис продолжила свой бег вниз. У подножия лестницы ей встретилась высокая худая фигура Милдред Таяли. Служанка прислонилась к перилам и стояла не шевелясь, мрачно и проницательно глядя на нее.

— Ох, миссис Таили, ради бога, не оставляйте меня одну.

— Что за шум, мадам, что случилось? — спросила Милдред, поддерживая дрожащую хозяйку, льнувшую к ней.

— Ох, миссис Таили, выведите меня… Я не могу оставаться в доме… Выведите меня… в лес… куда угодно из этого дома.

— Ну-ну, идемте, — сказала Милдред нежнее, чем ей хотелось, и искоса наблюдала за лицом Элис. Она была убеждена, что Голландка — причина ее ужасов. — Положите руку мне на плечо, мадам… Да, вот так… Я обниму вас, если вы не сочтете за дерзость. Ну вот, думаю, так вам легче…

Когда они шли по коридору, она спросила:

— Так это вы кричали?

— Я? Разве?

— Да, кричали, и громко. Вы что-то увидели? Что такого вы увидели, что так вас напугало?

— Потом поговорим. Мне плохо, ужасно плохо. Давайте поскорее уйдем.

— Конечно, если вам так хочется, мадам, — сказала Милдред Таили, выводя ее через кухню и заднюю дверь на воздух. Но едва они сделали шаг во двор, как молодая леди резко остановилась от возродившегося ужаса.

— Ох, Милдред, что, если она преследует нас, что, если она догонит нас здесь?

— Ну-ну, мадам, кого вы боитесь? Ту сумасшедшую слепую женщину или кого-то еще?

— Да, Милдред, ее, ее… Ох, Милдред, куда нам пойти, где я могу спрятаться? Нигде не безопасно…

— Да вы просто накручиваете себя, точно говорю. Зачем вам ее бояться? Она сумасшедшая, не буду отрицать, но она слепая, и она не сможет преследовать вас здесь, даже если захочет. Так и есть, она не сможет преследовать вас на улице. Но подумайте, вы только в ночной рубашке и без обуви. Я не пущу вас дальше — вы вернетесь на-

зад, а если вы хотите куда-то пойти, то наденете плащ и туфли.

— Нет, нет, нет. Милдред, я пойду так! — воскликнула испуганная девушка, направляясь в сторону ворот.

— Ну, — сказала старуха, следуя за ней, — если вы такая своевольная, то хотя бы накиньте вот это.

Она набросила ей на плечи свою шаль, и они вместе отправились в глухой лес, который поднимался вверх по лощине Карвелл, ширясь и густея.

Глава XXXVII
ЛИЛЛИ ДОГГЕР ДАЮТ ЗАДАНИЕ

Элис недалеко ушла, когда ее охватила сильная дрожь — верный признак того, что после сильного истерического напряжения природа приводит в порядок нервы.

Воздух был мягким и спокойным, и легкая серость утра уже сменила тьму. Миссис Таили уговорила хозяйку повернуть.

— Скоро вам станет лучше, дорогая, — сказала она с необычной добротой. — Ну-ну, хуже уже не будет, вы выпьете чашечку чая и успокоитесь.

Под высокими старыми деревьями у увитой плющом стены, защищавшей двор, стояла каменная скамейка, и Милдред усадила на нее девушку.

— Вот, вот, сюда, отдохните немного… Отдохните немного. Хах! Слезы… Ну, поплачьте, если хотите, но лучше бы вам поблагодарить Бога, чем плакать, если все так, как я думаю.

Элис судорожно рыдала и безумным взглядом смотрела на ворота, схватившись за руку старухи. Через несколько минут приступ прошел, и слезы

лились уже не так бурно.

— Так это вы, мадам, кричали, как я понимаю… Да? Испугались, наверное?

— Я… да… я… я потом… я скоро вам расскажу… ужасно… ужасно.

— Вам не нужно бояться, когда я рядом, и уже почти светло кругом. Кажется, я обо всем догадалась. Вы увидели женщину, правильно? Голландку, Старого Солдата, мадам… Да, это зрелище напугает кого угодно… Словно недобрый дух… Высокая, белолицая слепая дьяволица.

— Кто она? Как она вошла? Она пыталась убить меня. Ох! Миссис Таили, мне так страшно!

Тут Элис снова начала плакать и дрожать.

— Эй, пыталась убить, правда? Я рада, правда рада, — невпопад сказала Милдред. — Если так, это поможет нам избавиться от нее, мадам. Но неужели она решилась поднять на вас руку?

— Ох, да, миссис Таили… Это ужасно. Я чудом спаслась — не знаю как, только милостью Божьей…

Она еще крепче вцепилась в руку служанки.

— Ну вот! Вы сильно напуганы. Сегодняшнюю ночь вы запомните навсегда, юная леди. Те, кто молод, слишком любят этот мир, удовольствия и самих себя, чтобы беспокоиться о смерти или

каре Небесной, только если Господь в Своей милости не стряхнет с них мечтания, напомнив о грехах. «Встань, спящий», — гласит Слово Божие, но оно доходит до пьяного уха посреди ночи, только когда дом в огне. Так наш пастор говорит. Он хороший человек, хотя я видала и получше в прежние дни. Ну, милая моя, все к лучшему, и, вместо того чтобы плакать, вы должны благодарить Господа за то, что Он пробудил вас от плотского сна и заставил думать о Нем, помог увидеть себя такой, какая вы есть на самом деле, а не такой, какой вас рисуют лестные слова мужа и собственное тщеславие. Простите меня, но правда есть правда, и Божья правда главнее всего, а кто скажет вам ее, е<ли ближние не открывают уст, и я не вижу, чтобы мастер Чарльз сильно беспокоился об этом.

— Чарльз — мой ангел-хранитель. Ох, миссис Таили, я бы погибла, если б не он, — он всегда мой лучший друг, такой бескорыстный и такой благородный.

— Ну, это хорошо, — кивнула Милдред холодно. — А с этой пантерой, думаю, нужно что-то делать, пока горячо. Скорее всего, все закончится тем, что она уйдет с полными карманами денег. А это грех большой, когда столько честных

душ нуждается. Думаю, я возьму все в свои руки — похлопочу о том, чтобы с ней поступили как должно.

— Разве она не сумасшедшая, миссис Таили? — спросила Элис.

— Если она сумасшедшая, то ее место в сумасшедшем доме, а если нет — где найти для нее, опасной ведьмы, достаточно высокую виселицу? Как бы то ни было, она одержима, и чем скорее правосудие возьмется за нее и она окажется в гробу, тем скорее дьявол будет повержен… И тем лучше для всех.

— Если она безумна, это все объясняет. Но мне кажется, что я больше никогда не смогу войти в этот дом. Ох, миссис Таили, не оставляйте меня. О боже, что это?

Ничего особенного не было — кто-то вышел из ворот наружу и огляделся.

Это была девочка, Лилли Доггер, она стояла и осматривалась по сторонам.

— Тише, мадам, это всего лишь Лилли, моя помощница, и я очень довольна, ибо только что размышляла, как бы тихо позвать ее. Сюда, Лилли… Иди сюда, дура… Ты меня видишь?

Девочка пошла к ним. Глаза ее были широко раскрыты, лицо мрачно. Проснувшись и испугав-

шись звуков, которые разбудили всех в доме, она наспех оделась и, заметив в окне миссис Таили с молодой леди, решила отправиться за ними следом.

Милдред поманила ее худым пальцем, и девочка подошла ближе.

— Тебе придется отправиться в Уайкфорд, девчонка. Знаешь туда дорогу?

— Да… — пролепетала Лилли Доггер.

— Ты должна найти Марка Топэма. Знаешь дом Марка Топэма? Он с зеленой дверью, у моста.

— Да, миссис Таили…

— Скажи, что он нужен здесь, в усадьбе, по делу об убийстве. Потом иди к мистеру Родни на другой берег реки. Сквайр Родни из Райделла. Его дом ты тоже знаешь?

— Да, мадам, — сказала девочка, еще шире распахнув глаза. На ее лице читался ужас.

— Скажи мистеру Родни, что здесь случилось плохое, что чуть не произошло убийство, скажи, что ты позвала Марка Топэма, констебля, и что мы надеемся, он приедет лично, чтобы составить бумагу и отправить арестованную туда, где ей самое место. Здесь в основном женщины, и нам пришлось попросить Питера Шервуда, чтобы он присмотрел за фурией и уберег остальных,

так как мы не имеем другой защиты, — поняла? Теперь, девчонка, возьми чепчик и беги, беги так быстро, как несут тебя ноги. И возвращайся скорее. Может быть, тебя подвезут, потому что Топэм и Родни не пойдут пешком. В Райделле позавтракай, а если не получится, вот тебе два пенса, купи себе большой кусок хлеба в городе. Ну, ты все поняла?

— Да, миссис Таили…

— Ты нигде не ошибешься?

— Нет, миссис Таили…

— Тогда делай, как я сказала, беги.

С трепыхающимся сердцем, не зная, какие опасности могут подстерегать ее впереди, Лилли Доггер побежала за чепчиком, хотя меньше всего ей хотелось возвращаться в дом. Она заглянула в кухонное окно, но в полумраке ничего не увидела. Девочка робко подняла щеколду и прокралась в знакомый коридор с таким чувством, будто из-за угла сейчас выскочит привидение.

Получасом ранее она сжалась в комок на своей кровати, когда пронзительные крики проникли сквозь стены в ее убогую комнатушку. «Господи, помоги!» — пробормотала она и прислушалась. Опасность ассоциировалась в ее воображении с незнакомкой, которая проникла к ней ночью,

спугнув сон. Лилли выскочила из кровати, перекрестилась, в панике накинула на себя одежду, завязала шнурки, прислушалась, снова перекрестилась и вышла в кухню, хоть это было и нелегко, потому что пришлось поднапрячься и отодвинуть стол. В окно она увидела миссис Таили и, боясь оставаться в доме больше, чем взбучки от наставницы, последовала за ней.

Теперь, когда Лилли на цыпочках шла обратно с чепчиком в руке, она вдруг снова услышала яростные крики, и слова, которые достигли ее ушей, возбудили в ней любопытство. Однако она поспешила покинуть дом, дабы не нарваться на неприятности.

Завязывая ленты чепчика под подбородком Лилли Доггер снова прошла мимо молодой хозяйки и миссис Таили, которая шуганула ее:

— Беги, девчонка, беги. Шевели обрубками!

Лилли прибавила ходу, чтобы поскорее пересечь выгон Крессли.

Милдред знала, что ее помощница — девочка сообразительная и ничего не перепугает. Видя, каким опасным и сложным становится дело, старая служанка была рада, что Господь показал столь короткий и прямой путь избавления от возмутительницы спокойствия.

— Идемте, мадам, здесь вы околеете до смерти, — сказала она Элис. — Уже все тихо, а в кухне так и вовсе безопасно. Мастер Чарльз в доме, Питер тоже, угрозы нет никакой — и кого хоть немного волнует эта старая слепая кошка? Уж точно не меня. Она не причинит вреда Милдред на ее собственной кухне, пока есть кочерга, чтобы стукнуть ее по башке. Мерзкая распутница! Да я бы расправилась с шестью такими, хотя я уже стара, и швырнула бы их всех с утеса в Брол. Даже не думайте ни о чем, мадам, я запру на засов двери в коридор, а если хотите, то и на ключ, и мы позовем к нам толстуху Дульчибеллу, чтобы она посидела с вами. А вот и миссис Крейн — смотрит из окна. Эй! Миссис Крейн… Миссис Крейн, вам не угодно спуститься вниз и побыть с хозяйкой?

— Слава богу! Она в порядке? — всполошилась няня. — Спускайтесь во двор, миссис Крейн, прошу вас.

С ней все в порядке, и она будет рада вас видеть. Голова Дульчибеллы быстро исчезла из окна.

— Ну, мадам, сейчас она спустится, а когда придет — вам же хочется, чтобы рядом с вами кто-то был, — я пойду в дом и крепко запру все двери.

— Миссис Таили, только вы прежде осмотрите хорошенько кухню и все помещения при ней,

чтобы там никто не прятался. Прошу, пожалуйста. Я могу положиться на вас? Вы обещаете?

— Там никого нет, я обещаю.

— Пожалуйста, осмотрите все, — умоляла Элис.

— Хорошо, мадам, хорошо, чтобы вас успокоить, я все сделаю. Не бойтесь, я не оставлю чертовке ни шанса, и скоро она будет в безопасности, да, когда примерит каменное платье. Вам надо успокоиться, потому что бояться нечего, а если вы будете трястись по пустякам, то долго не протяните, помяните мое СЛОВО;

Тут из дверей появилась старая Дульчибелла и с глубоким беспокойством на лице побежала, насколько могла быстро, к своей хозяйке, всплескивая руками.

Остановившись, она произнесла благодарственную молитву и сказала:

— Ох, дитя мое, дитя мое, слава богу, вы в порядке. Я чуть жизни не лишилась, когда зашла в вашу комнату, а там все вверх дном. В стене прорезана дверь, все разбросано… Я не поняла, где я, и кто-то истекает кровью на полу, и там же большой нож с зеленой ручкой — Господи помоги! — с согнутым и окровавленным лезвием. Я никогда так не боялась. Не зная, что еще я могу увидеть, я готова была рухнуть на пол от испуга.

Мое дорогое дитя, мое сокровище, Бог любит вас, Он спас вас. Ой, да вы босая и раздетая! Идемте в дом, дорогая, пока вы не замерзли до смерти.

— Я почти ничего не помню, Дульчибелла, кроме одного… Ох! Мне так страшно.

— Идемте, идемте, дорогая, вы умрете, если останетесь здесь. И что же вы видели, дорогая? — осторожно спросила Дульчибелла.

— Женщину… Эту ужасную слепую женщину… Она вошла через стену… Там была дверь. Раньше я ее никогда не видела.

— Ну, дорогая… Ох, мисс Элис, в это сложно поверить, и я благодарю Бога, что вы в безопасности. Я слышала, как она кричала, — так громко, будто дюжина людей вопит, и произносила ужасные слова, которые из уст женщины я вообще никогда не слышала. Господи, Господи… Да поможет нам Бог!

— А где она сейчас?

— Где-то в передней части дома, не знаю, дорогая. Кричит и смеется бог знает чему.

— Миссис Таили думает, она сумасшедшая, и мистер Фэрфилд тоже так сказал. Чарльз приехал… Мой дорогой Ри. Ох, Дульчибелла, как я должна быть благодарна ему. Что бы я делала, если б не он?

Дульчибелла убедила ее войти в кухню, где Милдред успела запереть все остальные входы. Элис ужасно боялась снова оказаться в доме, но здесь же ее муж, слуги рядом и все двери заперты, разве нет?

Глава XXXVIII
БЕЗРАССУДНАЯ БЕРТА

Ее муж был рядом — вот он стоял, — когда слепая женщина, голова и рука которой были в крови, говорила с притворным торжеством злой иронии:

— Наконец-то муж и жена снова вместе! И что ты можешь сказать после столь долгой разлуки?

— Мне нечего сказать. Пусть говорят мои дела. Год за годом я отдавал тебе половину своих доходов.

Она презрительно рассмеялась и воскликнула:

— Восхитительный мужчина!

— Да, жалкие крохи, но огромная жертва для меня. Я не говорю, что много сделал, но я делал больше, чем позволяют мои средства, и я не понимаю, чего ты добиваешься, подвергаясь мучениям сама и ставя в неловкое положение меня. Какого черта тебе надо? Думаешь, я позволю себя запугать?

— Хороший вопрос от Чарльза Вэрвилда из Уиверна жене! — заметила она с бледной улыбкой.

— Легко сказать — «муж и жена».

— Завязать отношения тоже очень легко, — парировала она.

Чарльз облокотился плечом на высокую каминную полку и смотрел на нее с выражением, в котором вы могли бы заметить презрение и страх, смешанные с раскаянием.

— Отношения легко завязать, и еще легче их изменить, — ответил он. — Ну же, Берта, нет смысла ссориться из-за пункта закона. Прошлое в прошлом, как говорится. Если я как-то обидел тебя, то мне жаль. Я пытался искупить свою вину, и, хотя многие оставили бы это давным-давно, я продолжаю доказывать тебе, что я не таков.

— Такая щедрость, — сказала она на родном языке, — вполне может быть добровольной, а если нет, ее назначат судьи.

— Судьи не дураки и не тираны. Этим ты ничего не добьешься. У тебя нет прав, и ты это знаешь.

— Странная страна, где у жены нет прав.

— Ну же, Берта, зачем искать ссоры? Пока ты не беспокоишь меня, ты получаешь свою долю и даже больше. Раньше ты была благоразумной.

— Благоразумная, рассудительная жена, я полагаю, готова отказаться от самой себя, если это потребуется ее супругу. Ей ничего не стоит пожертвовать такой мелочью ради его мерзких

удовольствий. Должно быть, ваши английские жены — кроткие души, и им это нравится. Хотя я не встречала среди них таких овечек.

— Я не собираюсь спорить о пунктах закона, как я уже сказал. Этим должны заниматься адвокаты. Ты и правда когда-то была рассудительной, Берта… Какой смысл доводить до крайностей?

— Какой ты мягкий, — рассмеялась она. — И какой убедительный!

— Полагаю, я спокойный человек по сравнению с другими, но я не убедительный, и я это знаю. Но я бы хотел быть убедительным.

— Тех, кого ты убедил один раз, второй уже не убедишь. Твои усилия не всегда удачны. Так ведь?

— Ты хочешь ссориться обо всем. Ни по каким вопросам ты не желаешь достигнуть соглашения.

— Дела идут плохо, когда плохи муж и жена.

Чарльз зло посмотрел на нее, потом уткнулся взглядом в пол и просвистел несколько тактов мелодии.

— Зачем ты свистишь? — спросила она.

— Ну же, Берта, не глупи.

— Когда-то ты был джентльменом. Только подлец свистит в ответ на слова леди, — произнесла

она и вытянула дрожащую руку, словно ища, за кого бы схватиться.

— Ну это не важно. Давай вернемся к теме. Ради всего святого, скажи, чего ты хочешь, и покончим с этим.

— Ты должен признать меня перед светом как свою жену, — ответила она с решительным спокойствием и вызывающе фыркнула через раздутые ноздри.

— Да ладно, Берта, и что хорошего из этого получится?

— Для тебя мало чего, полагаю.

— А для тебя вообще ничего.

Она саркастически рассмеялась:

— Ты сам знаешь, что это ложь.

— Берта, Берта, мы можем ненавидеть друг друга, если хочешь. Но, может быть, попробуем в чем-то прийти к согласию? А пока давай поговорим четко и ясно.

— Ты пытался убить меня, негодяй.

— Чепуха, — сказал он, побледнев. — Как ты можешь так говорить… Как ты можешь? Сама подумай, как я мог не вмешаться? Ты должна быть благодарна мне за это.

— Ты пытался меня убить! — воскликнула она.

— Ты знаешь, что это неправда. Я выхватил

нож из твоей руки и тем самым спас две жизни. И ты сама повредила себе голову.

— Ты негодяй, чертов негодяй, жаль, что я тебя не убила.

— Тем хуже для тебя, Берта.

— Я хотела бы, чтобы ты, мертвый и холодный, лежал в своей постели, а я бы ощупала твое лицо рукой, чтобы в этом убедиться.

— Ты снова злишься. Я думал, на какое-то время с возбуждением и истерикой покончено и мы можем поговорить… и, возможно, договориться о чем-то… В любом случае глупо тратить несколько минут наедине на жестокость.

— Жестокость! Подлец, кто это начал?

— Что ты хочешь сказать, Берта?

— Ты женился на этой женщине. О, я все знаю, но я — твоя живая законная жена. Тебя отправят в ссылку, ты махровый злодей.

— Зачем же так громко кричать все это? — сказал Чарльз, разозлившись. — Ты жалеешь, что не убила меня? Я тоже почти жалею об этом. Я всего лишь был слишком добр к тебе и слишком долго позволял беспокоить меня.

— Ха-ха! Ты хочешь убрать меня с дороги?

— Ты сама все делаешь для этого. Ты не можешь подождать, ты не можешь послушать, ты не мо-

жешь обрести здравый смысл хоть на секунду. Чего ты хочешь, чего ты желаешь? Ты хочешь положить себе в карман каждый мой фартинг, чтобы оставить меня ни с чем?

— Я твоя жена, и я имею свои права.

— Послушай меня, я не хочу обсуждать этот вопрос, потому что ты прекрасно знаешь, что я думаю по этому поводу.

Ты знаешь то, что думает твой брат Гарри.

— Гарри? Он думает то, что ему выгодно думать.

— Ты бы не осмелился сказать это ему в лицо, будь он здесь, ты — трус.

— Я не закончил — мне наплевать, что он думает.

— Ха-ха-ха!

— Будь это хоть пятьдесят раз правда — я про наш брак, которого никогда не было, — твое поведение давным-давно расторгло бы его.

— И ты позволил себе жениться на этой женщине?

— Я не буду обсуждать эту тему с тобой. Что я должен делать, или что я могу сделать, или что я сделал — это мое дело, и, основываясь на этом, я не буду делать ничего, исходя из домысла, что я вообще когда-то был женат на тебе.

Женщина встала, протянув к нему широко разведенные руки. Она не сказала ни слова, но ее невидящие глаза охватил нервный тремор, который так неприятно наблюдать. Она сделала несколько вздохов, длинных и глубоких, похожих на рыдания, а потом снова села, ничего не говоря, словно потеряла нить разговора. Она была ужасно бледной и злой.

Чарльз услышал где-то недалеко шаги. Он подумал, что с его безрассудной Бертой сейчас случится припадок, и, открыв дверь, настойчиво позвал Милдред.

Миссис Таили и правда оказалась поблизости.

— Принеси воды или то, что ей нужно… Кажется, ей плохо… И, молю, побыстрее.

Мрачным любопытным взглядом Милдред окинула обоих.

— Таким, как она, место в сумасшедшем доме, а не здесь, с их припадками и безумием, — пробормотала она, занимаясь Голландкой, на столике которой стояли маленькие бутылочки с этикетками «нюхательная соль», «асафетида», «валериана». — Не знаю, что ей нужно, но это не навредит, — Милдред выбрала нюхательную соль и добавила ее в воду. — Ба! Так это ж был припадок. Смотрите, как она одеревенела. Да

поможет нам Бог, но ей точно нужен мозгоправ. Смотрите, как у нее скрючило ноги, пальцы сжаты в кулаки и сжаты зубы.

Служанка поднесла стаканчик с нюхательной солью к носу Голландки и постепенно ввела ее в сонное состояние; та, похоже, не понимала, где находится и что с нею случилось.

— Скажите ей, что я останусь в доме, пока не увижу, что ей лучше, а если она спросит, скажите, что я скоро приду, — попросил Чарльз.

— Ну так намного лучше, когда она затихла, — удовлетворенно произнесла Милдред. — Она больше не будет рыскать по дому, как кошка или призрак, тем более из этого не вышло добра.

— Посмотрите ее запястье: Берта порезала его ножом, и оно очень неаккуратно перевязано. Я скоро приду, передайте ей.

Озадаченный, со страшным грузом на душе, Чарльз вышел из комнаты.

«Где Элис?» — подумал он. Спустился вниз и по другой лестнице поднялся в их комнату, где нашел беспорядок мерзкой сцены, которой сам стал свидетелем и последствия которой предотвратил. При свете утра все казалось еще страшнее. Он подошел к окну и посмотрел на безмятежный лесной пейзаж, а потом снова на беспорядок, на-

поминавший о сцене несосто-явшегося убийства.

«Как мне сохранить рассудок? — думал он. — Есть ли в Англии другой столь несчастный человек? Почему я не могу с этим покончить?»

Между комнатой, в которой он сейчас стоял, и комнатой, в которой в данный момент находилась ведьма, наполнявшая каждый час его существования тревогой, было всего двадцать восемь футов в этом несимметричном старом доме. Будь у него хоть немного ее злобы, он бы взял кочергу, размахнулся и размозжил ей голову. И вообще, насколько он злой? Не будь он столь мягкосердечным, он бы никогда не оказался в нынешнем положении. А будь он по-настоящему злым, то нашел бы короткий путь из леса: «прорубил путь кровавым топором»[8], — и никто, кроме тех, на кого он мог положиться, не узнал бы об этом!

Прочь, жуткие тени! Эти манящие видения из бездны не были искусителями, но мучили его. Нет, он скорее зарядит пистолет, засунет дуло в рот и вышибет свои утомленные мозги.

---

[8] Примечания: 8
Цитата из пьесы У. Шекспира «Ричард III».

Глава XXXIX
НЕПРИЯТНОЕ ИЗВЕСТИЕ

Не знаю, насколько о человеке, который решительностью не отличается, можно сказать, что он решился на что-то, но Чарльз Фэрфилд, загнанный в угол, решился дать бой — последний бой. Он не будет выдвигать условий и предлагать компромиссы. Берта узнала его секрет. «Ох, брат Гарри, это ты предал меня? Это твое мнение обо мне цитирует Берта? Это ты воспламенил моего безумного врага неосуществимой уверенностью, что она добьется своего?»

Ну теперь уже все равно, может, оно и к лучшему. Утаивать от нее больше нечего, и скоро, возможно, все разрешится, а значит, его беспокойству придет конец.

«Господи, помоги мне у края пропасти, перед которой я стою, — взмолился Чарльз. — Эта безумная женщина в таком месте, как Лондон, непременно найдет адвокатов, с радостью готовых взяться за ее дело и начать судебный процесс — сначала, чтобы доказать брак и разорить меня, а потом… бог знает зачем еще… Огласка и жалкая

неопределенность… И Элис, бедная маленькая Элис… Милосердные небеса! В чем она провинилась, чтобы заслужить такое долгое страдание и возможный крах всему?»

Он заглянул в гостиную, но там было все так, как он оставил. Элис здесь не было. Поэтому он постучал в дверь кухни:

— Кто здесь? Здесь кто-нибудь есть?

Успокоенная его голосом, Дульчибелла ответила ему. Дверь открылась, и Чарльз вошел.

Томительные секунды молчания, за исключением тихого приветствия сквозь рыдания от Элис, крепкие объятия, и он сказал, нежно глядя на нее:

— Элис, дорогая, у меня нет хороших новостей. Все пошло не так, и мы должны уехать. Пусть Дульчибелла поднимется наверх и соберет все необходимые вещи, но, Дульчибелла, — обратился он к служанке, — никому не говори, что твоя хозяйка уезжает. Мы поедем туда, Элис, где нас не смогут выследить. Пусть все решит судьба. В изгнании мы можем быть счастливее, чем были здесь, дома. Когда изгнали меня, они сделали худшее, на что способны.

Его прежние чувства к Элис, замороженные на какое-то время, вернулись. Когда она льнула к

нему, ее огромные глаза, так жалобно смотрящие в его лицо, не могли не растрогать. Он собирался произнести другую речь — холоднее, суше, — но под чарами ее взгляда все изменилось.

Чарльз коснулся ее руки и оставил мимолетный поцелуй на щеке.

— Да, счастливее, Элис, счастливее в тысячу раз, дорогая. Пока что я говорю загадками. Видишь, как я жалок… Но скоро я все тебе расскажу. Тайна, противоестественная тайна, измотала мой жалкий мозг и дух, извела меня до смерти. Я все тебе расскажу, и ты скажешь, что это чудо, что я все это вынес. Не смотри так испуганно, бедное маленькое создание. Мы в безопасности, мне не грозит настоящая опасность, но я страшно измотан — но только измотан, слава богу, и на этом все закончится. — Он еще раз поцеловал ее и сказал: — Ты поедешь с Дульчибеллой. Питер отвезет вас в Хатертон, в Хатертоне вы возьмете лошадей и поедете в Крансуэлл, и я догоню вас там. Теперь я должен идти, чтобы отдать Питеру поручение, но оставлю тебе эту записку. Я написал ее ночью. Тебе понадобятся деньги — внутри немного есть, там же названия мест, где мы будем уже сегодня. Что такое, дорогая? Кажется, ты хочешь меня о чем-то спросить?

— Я… я хотела спросить… но, наверное, лучше не стоит, пока ты мне все не расскажешь… Но ты говорил о тайне, и я хотела спросить, имеет ли к ней отношение та ужасная женщина, которая проникла в мою комнату?

— Ерунда, дитя, это всего лишь жалкая безумная женщина. — Чарльз безрадостно рассмеялся. — Просто подожди немного, и ты узнаешь все, что знаю я.

— Она же, конечно, не останется здесь, если что-то задержит наш отъезд?

— Почему ты так решила? — спросил Чарльз, и это снова прозвучало загадочно.

— Миссис Таили сказала, что она отправится в сумасшедший дом.

— Ты ее больше не увидишь, — уклончиво сказал он и вышел.

Элис увидела, как ее муж прошел мимо окна кухни и вышел со двора. Теперь у нее было время подумать, каким разбитым и больным он выглядел и как это поразило ее, когда он увидела его. Уставший, измотанный до смерти, как он сам признался… Слава богу, сейчас он найдет отдых, который ему совершенно необходим.

Дульчибелла вернулась с вещами, которые посчитала нужным взять, и вскоре они с хозяй-

кой стали разговаривать не на такие тревожные темы, как час или меньше назад.

Чарльзу Фэрфилду пришлось нанести визит фермеру Чаббсу, чтобы попросить его одолжить лошадь на время. Ферма находилась недалеко — чуть выше по лощине в сторону церкви Карвелла, но пока его не было, в усадьбе кое-что изменилось.

Когда Чарльз, спускаясь пешком по крутой и узкой дороге, достиг площадки, с которой просматривалась ограда усадьбы, он увидел у ворот Питера Шервуда в его потертом фланелевом пиджаке. Питер чесал голову и смотрел, как будто бы с интересом, на какой-то удаляющийся объект. Немного позади него стояла Милдред Таили, сделав рукой козырек над глазами, хотя в мрачном лесу не было нужды закрываться от яркого света. А позади нее маячила Лилли Доггер, помощница.

Питер первым развернулся и медленно пошел к дому. Он сказал что-то миссис Таили, когда поравнялся с ней, и, переговариваясь и оглядываясь, как иногда делают люди, высматривая сбежавшую скотину, слуги дошли до большого ясеня у ворот, чей колоннообразный ствол зарос густым плющом, там они остановились, снова

оглянулись и возобновили разговор. Маленькая девочка, похоже, подслушивала, отступив в тень.

Если бы Чарльз Фэрфилд был в обычном настроении, его любопытство было бы задето столь необычной активностью слуг. Но сейчас ему было все равно, и он, засунув руки в карманы, возобновил спуск.

Миссис Таили, заметив его, ткнула Питера в ребра и что-то прошептала, неотрывно глядя на приближающуюся фигуру хозяина.

Чарльз подошел, поднял взгляд и увидел, что Питер стоит с видом, будто хочет что-то сказать. Миссис Таили отошла, возможно, немного опасаясь того, как отреагирует мистер Фэрфилд.

— Я договорился, Питер, Чаббс даст лошадь, — начал Чарльз. — Пойдем-ка на конюшню, я должен кое-что сказать тебе.

Питер коснулся шляпы, все еще смотря ему в лицо.

— Ты хочешь что-то мне сказать, Питер? — спросил Чарльз с внезапным предчувствием какого-то нового зла.

— Ничего, сэр, но приезжал сквайр Родни из Рай-делла.

— Он здесь? — спросил Чарльз, внезапно по-

бледнев.

— Нет, он уехал, сэр.

— Уехал? Ну-ну, ничего особенного.

— Только вот что, сэр, он привез с собой двух мужчин…

— Что ты хочешь сказать? То есть… каких мужчин?

— Ну, вероятно, констеблей, потому что они произвели арест.

— Что-что они сделали?

— Мистер Родни составил документ, потом позвал меня и допросил. Но мне было нечего сказать, сэр. Он спросил, где вы, и я сказал, как вы приказали, что вы ушли. Потом он выслушал хозяйку и заставил ее дать клятву, что все так и было. И то же с остальными: с миссис Таили, с Лилли Доггер и слепой женщиной. Ее взяли за убийство или не знаю за что. Мистер Родни сказал, что не может отпустить ее на поруки, поэтому они ее забрали и, кажется, повезли в тюрьму Уайкфорда.

— Конечно, это правильно, я полагаю, так ведь? — Казалось, Чарльз сейчас рухнет на землю, таким свинцовым стал оттенок его кожи и таким бессмысленным взгляд. — Но… но… кто послал за мистером Родни? Не я. Черт возьми,

кто послал за ним? Не я. И… кто здесь хозяин? Кто, черт подери, послал за этим назойливым негодяем?

Чарльз сорвался на крик и в ярости тряс Питера за воротник.

Вырвавшись, Питер ответил, держась за лацканы:

— Я не знаю. Это не я, и я не думаю, что это сделал кто-то другой. Отсюда надо бежать через выгон, и очень быстро. Я не верю, что кого-то посылали из усадьбы, я в этом уверен… никого, ни души, да, я в этом уверен.

— Что все это значит, Питер? — кричал сквайр, топая ногами и потрясая кулаком в воздухе. — Почему ты отпустил ее?.. Почему позволил забрать ее, черт тебя дери? Я сброшу тебя со скалы, я размажу тебя!

— Ну, сэр, — сказал Питер, побледнев и делая еще несколько шагов назад; возражая, он поднял открытую ладонь. — Зачем же винить меня? Что я мог сделать против закона? Как я мог предугадать, что вы сами по этому поводу думаете? Отсюда за ним никого не посылали, никого, но новости путешествуют по воздуху, и кто бы мог это остановить? Ни я, ни вы, — твердо произнес Питер. — Он сам приехал и схватил ее.

— Боже! Все кончено… Я думал, ты не позволишь, чтобы меня унизили, я считал тебя мужчиной, Питер. Где моя лошадь?.. Клянусь, я догоню их. Я сделаю так, что он запомнит этот день. Только подумайте, этот чертов Родни приходит в мой дом с приставами, чтобы свести старые счеты и оскорбить меня!

Все так же потрясая кулаком в воздухе, Чарльз Фэрфилд побежал на конный двор. Питер Шервуд осторожно последовал за ним.

Глава XL
РАЗГОВОР

Подозревая, как хозяин воспримет новость об аресте, Милдред Таили, набрав в рот воды, потихоньку отступила к двери в кухню, пока происходило объяснение. Потом, чтобы выяснить, чем все закончится, она то и дело выглядывала из-за двери, притворяясь, будто занята швабрами и ведрами. Вскоре пришел Питер, угрюмый и разгоряченный.

— Он идет сюда? — спросила Милдред.

— Нет, — ответил Нигер.

— Тогда где он?

— Где-то между усадьбой и Уайкфордом, я думаю. Скачет через выгон.

— В Уайкфорд? — уточнила Милдред.

— Когда они встретятся — хозяин и сквайр Родни, — их ждет тяжелый разговор, точно говорю. Я бы и сам поехал с ним, если б была лошадь, потому что трое против одного — неравные шансы.

— Не надо было мне этого говорить! — воскликнула Милдред, воткнув швабру в землю и опираясь на нее.

— Чего говорить?

— Все правда так серьезно?

— Горячая кровь, миссис Таили. Ты ведь знаешь Фэрфилдов. Они не мешкают. Поднимается ярость — поднимаются руки.

— И за кого он будет сражаться, уж не за слепую сумасшедшую?

— Я хочу кружку пива, — сказал Питер, сворачивая разговор.

— Да, конечно, — кивнула Милдред — да, сейчас. Но какого черта мастеру Чарльзу ругаться со сквайром Родни, ради чего проливать кровь? Ерунда!

— Ну тут ничего не поделаешь. Я бы помог хозяину, если б мог. Сквайр Родни тоже не промах — он будет биться до конца, а два крепких парня с ним быстро справятся с мастером Чарльзом.

— Думаешь, он может пострадать?

— Говорят, что бойцовые псы возвращаются домой хромыми. Не знаю. У мастера Чарльза сил на двоих, под ним сильная лошадь. А теперь дай мне пива.

— Все обойдется, Питер, ты так не думаешь? Все ведь обойдется?

— Если он их догонит, будет драка, вот что я думаю. Эх, неудачная мысль пришла ему в голову.

— Кому?

— Какого дьявола сквайр Родни приехал сюда?

— Кто знает… — пожала плечами Милдред, нащупывая в кармане ключ от пивного подвала. — Пойду принесу тебе выпить, Питер.

Она ушла и через минуту вернулась с пивом.

— А я думаю, — сказала она, ставя перед ним кружку, — что кто-то сделал доброе дело, показав зверю ее место. Она просто сумасшедшая, разум потеряла от злобы, и к тому же припадочная. Мы-то здесь знаем, чего она стоит и как ужасно поступила ночью с бедной молодой леди, которая уже никогда не будет прежней беззаботной пичужкой. С хозяином она тоже поступила дурно, хотя он и сердится из-за того, что Родни не спросил его позволения схватить убийцу в усадьбе.

— Может быть, тут кроется что-то еще, — задумчиво сказал Питер, сдувая пену с пива.

— Сам подумай! Приехать сюда без разрешения — а может, и с разрешения, — расположиться в усадьбе, как цыгане располагаются на выгоне Кресслы. Можно подумать, она тут хозяйка! Поступает, как ей хочется. Что тут может еще крыться?

— Да откуда ж мне знать? Может, она считает, что вправе быть принятой здесь.

— Она жила здесь раньше, много лет назад, долго жила, и я говорю тебе, Питер, это не лучшее было время. Я так думаю, все устали от нее. Как говорится, званый — гость, а незваный — пес. Она была, кажется, актрисой, давным-давно… Ленивая потаскушка, ни пенни не заработала честно, не сделала ничего полезного за всю свою жизнь. У нее ничего не выйдет, — зло рассмеялась Милдред, — она не станет богаче, клянусь. Видать, оказалась в затруднительном положении — такие, как она, ничего не знают о бережливости. Если бы ты слышал ее, Питер, ты бы понял, кто она такая… Всегда жаждет… Она бы не оставила никому ни шиллинга, если б могла.

— Да уж, женщинам, священникам и курам всегда всего мало, — покивал Питер. — Я ничего о ней не знаю, как и о том, кого она здесь искала, но сейчас, я так думаю, она там, где и положено ей быть. Говорят же, что кровожадные люди губят сами себя. Я тебе еще раз скажу Милдред, я ничего о ней не знаю и ничего не скажу, и тот, кто судит, когда бежит, может нагнать покаяние.

— Тут вина очевидна. Убийство и попытка убийства — почти одно и то же, и, когда мастер Чарльз немного успокоится, он еще поблагодарит сквайра Родни за избавление усадьбы от этой

слепой змеи. Он чуть жену не потерял. Так же верно, что ты держишь кружку в руках, все было бы кончено в мгновение ока, если б не он.

— Кто потерял жену и шесть пенсов, тот потерял только шесть пенсов, как говорится, — засмеялся Питер.

— Так скажет только настоящий зверь! — покраснев от ярости, Милдред Таили хлопнула рукой по столу.

— Ну это просто пословица, к тому же очень старая, — сказал Питер, вытирая рот рукавом и поднимаясь. — Но хозяйка — красивая леди, добрая и кроткая, что всем понятно, и я бы пострадал ради нее.

— Иначе какой из тебя мужчина, Питер, и я в тебе не сомневаюсь. Я, дура, не знала, что творится у нее в голове, у этой хитрой ведьмы, когда оставила ее в кровати, да еще и двери в коридоре заперла. Господи, смилуйся над нами! Только подумать, как это чудовище действовало — продуманно и хитро, а выглядела как невинная овечка.

— Я еще одну поговорку вспомнил: у робкой кошки мышь резвится, — сказал Питер с улыбкой.

— Ну, по правде сказать, эта ведьма не выгля-

дела паинькой, когда приехала. Я думала, она вцепится мне в глотку когтями: такую мегеру я сроду не видела.

— А как молодая леди? — спросил Питер, нахлобучивая засаленную шляпу на голову.

— Ха, дорогой, я рада, что ты спросил! — воскликнула старуха. — Теперь ей точно будет легче, когда эту дьяволицу увезли. Ах, боже мой, все вверх дном с тех пор, как мастер Чарльз вернулся, потому что она не знает, бедняжка, что ей делать, пока он не поговорит с ней. Но теперь все изменилось.

Милдред ушла, чтобы послушать, что скажет молодая леди.

Глава XLI
СВЕТ — СУМЕРКИ — ТЬМА

Миссис Таили нашла Элис в гостиной в дружеском присутствии старой Дульчибеллы. Последствия ужасных впечатлений не всегда сразу проявляются. Ведь как бывает. Сначала природа дает силы, чтобы справиться с опасностью. Волнение сопротивления поддерживает организм, когда происходит что-то ужасное, и не сразу оно отступает, и только спустя время пережитый ужас снова заявляет о себе.

Ночная сцена была страшным испытанием для Элис: расставить по порядку все события, пересказать с усилием и подробностями, поведать о них мировому судье, который записал их, поклясться в правдивости своих слов, и, что самое страшное, — узнать личность призрака, который покушался на ее жизнь.

Теперь все пугало юную леди — тень от двигающейся ветки на стене, голоса говорящих людей и даже добрые и знакомые лица искажались в свете того, что она пережила.

В таком нервном состоянии нашла ее Мил-

дред.

— Я пришла, мадам, чтобы узнать, что вы прикажете сделать, — сказала она, стоя у двери с обычным для нее мрачным выражением.

— Я не понимаю… сделать по поводу чего? — спросила Элис.

— Питер сказал, мадам, что вы попросили его быть готовым увезти вас отсюда, но, так как хозяин не вернулся и обстоятельства немного изменились, я подумала, что вы, возможно, не поедете.

— Ох, ох! Спасибо, миссис Таили, я забыла, я так испугалась. Ох, миссис Таили, я хочу поплакать — мне бы стало намного лучше, я в этом уверена, если б я смогла заплакать… У меня в горле такое странное ощущение, и в голове спуталось… Кажется, что прошло уже много дней. Если бы я могла подумать о чем-то, что заставит меня заплакать…

Милдред искоса посмотрела на нее; взгляд казался бессердечным, но, я думаю, на самом деле она жалела ее.

— Этой слепой женщины, этого зверя, тут больше нет. Я этому рада, и, я думаю, вам станет лучше, мадам. Я сама страшно боялась ее с прошлого вечера, а мастер Чарльз уехал, но скоро

вернется.

— Он вернется сегодня? — спросила Элис в оцепенении.

— Конечно же, сегодня, мадам, думаю, через час или даже раньше, и, по-моему, будет нехорошо, мадам, если вы уедете из усадьбы, не увидевшись с ним, потому что, вполне вероятно, он изменит планы.

— Я и сама так думала, да, я лучше подожду его здесь, у него было столько дел, что и правда все может измениться. Я рада, миссис Таили, что мы с вами совпали в мыслях, потому что теперь я уверена, что надо дождаться его возвращения… Да, я должна подождать… И спасибо вам, миссис Таили, за советы, потому что я сама не своя.

— Я просто говорю, что думаю, мадам, и, как говорится, совет не приказ. Мне никогда не нравились люди, которые вмешиваются в чужие дела, и я не люблю обжигать пальцы о чашку других людей, поэтому, если позволите, мадам, говорить — я говорю, но решать только вам. Я бы не хотела, чтобы мастер Чарльз косился на меня или отлучил от дел за то, что я была добра к вам. Не то чтобы я должна быть к кому-то доброй, потому что с тех пор, как я научилась мыть тарелки, мадам, я всегда работала за плату. Я сама

зарабатываю на жизнь. Поэтому, пожалуйста, не говорите мастеру Чарльзу, что я что-то советовала вам в этом деле.

— Конечно, миссис Таили, как пожелаете.

— Вам принести поесть, мадам? — спросила Милдред вновь в сухой и официальной манере.

— Ничего не нужно, миссис Таили, спасибо.

— Вы впадете в уныние, мадам, если не будете есть… Вы должны поесть.

— Спасибо, спасибо, возможно, позже.

Миссис Таили, как многие достойные люди, замечу, считала принятие пищи чисто механическим процессом и удивлялась, почему при определенных обстоятельствах некоторые испытывают с этим трудности. Наделенная железными нервами, она не понимала, что сильный шок может не только на короткое время лишить аппетита, но и сил запихнуть в себя что-то на многие дни.

Элис не могла оставаться одна ни на миг, непрерывно преследуемая смутным, но сильным страхом возвращения женщины, которой почти удалось убить ее; нервы бедняжки неописуемо были расшатаны. Могу понять ее, даже сильный мужчина после того, как на него было совершено покушение, причем коварно и неожиданно, не

сразу совладает с собой. А самая сильная паника начинается спустя много часов.

По мере того как день клонился к закату, Элис становилась все более нервной, и все сильнее обозначался ее ужас перед возвращением Голландки. Да еще этот беспорядочно построенный старый дом, в котором было не меньше четырех входных дверей, только усиливал ее тревогу. Она все чаще думала о своей доброй старой родственнице леди Уиндейл и о ее предложении пожить в уютном доме в Оултоне.

Но Элис прогоняла эти мысли. Хотя она страдала, пока она не увидит супруга и не узнает о его планах, о поездке в Оултон даже мечтать грешно.

Тени вечера легли на крышу и мрачные деревья вокруг усадьбы. Вместе со сгущавшейся темнотой все больше рос ее ужас, подогреваемый отсутствием мужа.

Элис оставалась в гостиной, прислушиваясь, сердце ее бешено билось. Каждый звук, который в другое время был бы не слышен, сейчас наполнял ее либо надеждой, либо страхом.

Дульчибелла тоже была напутана — намного сильнее, чем могла себе объяснить. И даже на Милдред Таили, как мы знаем, стойкую женщину,

повлиял этот заразительный страх. С ревностным вниманием она заперла все двери и проверила засовы на окнах. И до нее долетели флюиды ужаса, который Элис Фэрфилд ощущала, вспоминая злую особу, из чьих рук она едва вырвалась.

Время от времени, когда к ней обращались, Милдред говорила несколько успокоительных слов относительно необъяснимо растянувшегося отсутствия мастера Чарльза. Но паника молодой леди по этому поводу начала вселять в нее неприятные предчувствия. Ей стало так беспокойно, что она отправила Питера верхом в Уайкфорд, когда после заката не было никаких известий. Поручение оказалось бессмысленным. В Уайкфорде, наведя справки, Питер узнал, что Чарльз Фэрфилд был там — в доме сквайра Родни. Еще он узнал, что хозяин бросился в погоню не туда. В Уайкфорде есть исправительный дом и тюрьма для длительного пребывания. Но место краткого пребывания задержанных расположено в Хатертоне. Мастер Чарльз легко бы это вспомнил, если б ярость позволила ему думать. Однако Питер не пытался преследовать его дальше на основании своих догадок и вернулся в усадьбу Карвелл несолоно хлебавши.

Глава XLII
В ХАТЕРТОНЕ

Разгневанный Чарльз Фэрфилд гнал лошадь до самого Уайкфорда. Его кровь кипела. Он рассчитывал легко догнать мирового судью, и, если бы догнал, кто знает, что было бы дальше.

Остановившись в Уайкфорде и выяснив, какой путь предстоит проделать, если он надеется догнать Родни, мистер Фэрфилд двинулся в Хатертон в совершенно ином настроении.

Он хотел взять на поруки эту женщину. Вопрос, можно ли взять на поруки преступницу, задумавшую убийство, не приходил в его неосведомленную голову. Даже если она злодейка, черт, он не позволит ей лгать в суде. Конечно, держать в доме особу, пусть и заперев ее на замок, способную упрекнуть его во множестве страданий и большой для нее обиде, воображавшую, будто у нее есть права, — это было бы слишком. Но его измученное сердце не могло отрицать, что у нее все же были права, основанные на беззаконии и позоре, но при этом неопровержимые для натуры, не потерянной для добра, то есть для него самого.

У зла есть свои обязательства, не меньшие, чем у добродетели.

Отказавшись от первого яростного порыва — освободить Берту силой, Чарльз спокойно ехал по дороге, которая вела в Хатертон, разбитой и довольно тяжелой из-за бесконечных подъемов.

Да, было бы приятно поколотить этого негодяя Родни, заставить съехать его экипаж в канаву и освободить даму в беде. Но Чарльз начал осознавать последствия и теперь склонялся к более сдержанному поведению.

Разве не в Хатертоне живет Перегрин Хинкс, адвокат его брата Гарри; и он систематически выручал Гарри, чей путь не всегда был гладким, но с короткими поворотами и остановками.

Он направится прямиком к этому мастеру острот и вывертов на бумаге и расскажет ему, чего хочет. А хочет он, наверное, самую глупую вещь на свете: отказаться от всего добра, что принесла ему судьба, и вновь впустить в свою жизнь проблемы.

Скандал! Но какое дело непокорной душе Фэрфилда до скандала? Порывистый, безрассудный, любящий, щедрый — все здравые соображения мистера Фэрфилда превозмогло раскаяние.

Два часа спустя он был в офисе мистера Пере-

грина Хинкса, который выслушал его с хитрой неподвижностью лица. О персоне, которая сейчас находилась под присмотром тюремщиков, он знал столько же, сколько Гарри Фэрфилд. Но Чарльз считал, что мистер Хинкс находится в полном неведении, и подошел к теме соответствующим образом.

— Мы отправимся в тюрьму и выясним, за что ее арестовали, но потребуются двое. Кто вместе с вами даст обязательство суду? — спросил Хинкс.

— Я уверен, что Гарри не откажется, — заявил Чарльз.

Но адвокат был уверен, что Гарри этого не сделает. Сей вопрос следует оставить без обсуждения. Мистер Хинкс не собирался высказывать собственные мысли по поводу скандала, который разразится после его вмешательства в защиту заключенной, обвиняемой в покушении на убийство. Он сухо сообщил, что информация, полученная из тюрьмы, убедила его: освобождение на поруки в данном случае не может быть одобрено.

Когда Чарльз услышал это, его ярость вернулась. Он постоял у камина, молча рассматривая подсвечник на каминной полке, потом подошел к окну. Лицо его было злым и осунувшимся, он

держал руки в карманах, пока смотрел на улицу.

— Хорошо. Что ж, тем хуже для Родни, — сказал он внезапно. — Я вам говорил, что мой единственный мотив — осадить этого парня. Родни решил провести арест в моем доме — какая наглость! — не спросив меня, и я в ответ решил, если получится, освободить заключенную. Он хочет, чтобы ей намылили шею под веревку, но я найду способ спаси ее.

— Вам лучше выпить стакан хереса, сэр, с печеньем. Вы устали.

— Я ничего не буду, спасибо, пока… пока… Что я хотел сказать? Уже поздно, у меня много дел дома — очень много, мистер Хинкс, — и голова раскалывается. Я и правда устал, но я не хочу вина, спасибо, голова очень болит. Если бы я мог выкинуть из нее пару-другую мыслей и немного отдохнуть, я был бы в порядке. Я переутомился, я приеду к вам завтра, и мы поговорим… Не хочу, чтобы несчастную женщину заперли в тюрьму из-за того, что этот глупый крючкотвор Родни решил, будто она безумна. Он хочет повесить ее просто потому, что она была в Карвелле. По его мнению, если она безумна, ее лучше убрать с дороги, но вариантов много, и я не позволю этому вульгарному снобу меня запугать. Черт возьми,

если бы я поймал его сегодня, наверное, я бы сломал ему шею.

— Рад, что вы его все-таки не встретили, сэр, ссора всегда приводит к неприятностям, но вмешиваться в законную процедуру — очень серьезное дело!

— Ну, понимаете… Да, наверное, вы правы, и еще кое-что. Несчастная персона действительно безумна — понимаете? — ая понимаю, что будет очень сложно освободить ее, голодную, оттуда, куда они поместили ее, вы так не думаете? Я не хочу туда идти, и если вы сумеете передать ей это… Это все, что я могу сейчас сделать, но… но это случилось в моем доме… Хотя меня не в чем винить, я в некотором отношении ответствен за это, и я думаю, что могу сделать по крайней мере это. — Он протянул адвокату банкноту, неотрывно смотря на резюме, которое лежало на столе.

Мистер Хинкс, уважаемый адвокат, с некоторой робостью взял ее.

— Я скажу, что вы передаете ее… Кстати, как ее зовут? — спросил он.

— Берта Вельдекауст, но не упоминайте меня, просто скажите, что это передали ей, и все. Я так разозлился, потому что, как вы можете предположить, у меня были определенные причины,

чтобы затаиться, и я жил в усадьбе — Карвелл, ну вы знаете, — и думал, что затаюсь на несколько недель или больше. Эта несчастная одержимая приехала туда, пока я был в отъезде, и во время одного из припадков напала на члена моей семьи. Таким образом, мое маленькое убежище было раскрыто, ибо о таком скандале непременно узнают, поэтому я ужасно зол и не знаю, куда податься.

Чарльз замолчал, тихо и безрадостно улыбнувшись, а адвокат посмотрел на банкноту, которую держал за уголки, как штурман в забавном рассказе Мадфорда мог держать письмо, которое Вандер Деккен, капитан «Летучего Голландца», хотел отправить своей давно потерянной жене в Амстердам.

Однако ему было не ясно, есть ли у него веская причина отказать в этой малости брату его вздорного и сутяжливого клиента, Гарри Фэрфилда, который, хотя сам воздерживался от издержек, всецело перекладывал их на других и был ценным кормильцем офиса мистера Хинкса.

Таким образом, согласившись на это небольшое поручение, адвокат проводил своего гостя вниз. Он уже зажег свечу и при ее свете подумал, что никогда не видел, чтобы человек вне постели

выглядел таким больным, как Чарльз, и рука, которую тот пожал мистеру Хинксу на лестнице, была сухой и горячей.

— До Карвелла долгий путь, сэр, — засомневался адвокат.

— Лошадь поела овса, спасибо. — Чарльз кивнул в сторону «Плюмажа перьев», где оставил свою лошадь. — Я быстро управлюсь.

Не оборачиваясь, в свете восходящей луны Чарльз Фэрфилд медленно пошел к маленькому постоялому двору.

Глава XLIII
ВСТРЕЧА

Чарльз медленно ехал домой. Луна взошла до того, как он добрался до выгона Крессли; в серебристом свете оно было похоже на море, редкие серые камни, выглядывающие из вереска, напоминали далекие паруса.

Чарльз был в лихорадке; изнурен и телом, и разумом — буквально! Некоторые больше других приспособлены жить в отчаянии, и Чарльз входил в их число. Но все имеет предел. Даже и не скажешь, что лучше: эта печальная сила или слабость, которая сбивает с ног от первого напряжения. Меланхоличный человек скажет: счастье, все это не продлится долго, счастье, что человек имеет короткий век, зная, что век этот полон страданий.

Несколько дней Чарльз мало ел и мало отдыхал, а короткий сон, в котором клубились кошмары, скорее утомлял, чем освежал его.

Когда подступает лихорадка, чувство такое, будто электрические огни пробегают по облаку, как в канун грозы, дразня и остерегая. Каждый

переутомленный человек отлично знает, какие трюки разыгрывает его мозг в лихорадочном состоянии, смешивая все в хаос.

Чарльз приложил руку к груди, пытаясь нащупать в кармане письмо, строчки которого, как казалось, отпечатались на его сетчатке.

«Куда оно подевалось? — спросил он сам себя. — Письмо, которое дал мне Хинкс?»

Он обыскал все карманы, но тщетно. Хотел повернуть и обыскать дорогу, но потом задумался:

«А кому было адресовано это письмо? — Он не мог найти ответа. — Кому? Кому?»

Никому… Письмо было игрой воображения. Внезапно осознав это, Чарльз испугался.

«Мне нужно хорошенько отдохнуть — поспать… Галлюцинации. Так сходят с ума. Какого черта это пришло мне в голову?»

Теперь перед ним были высокие деревья, лес стал гуще, но вскоре среди их ветвей заблестели крутые коньки крыш и каминные трубы усадьбы.

В голове Чарльза, непонятно почему, появилась фантазия, что он встретился и поговорил с отцом в Кэтстоуне, когда пересекал пустошь. «Я передам его сообщение… Да, я передам твое сообщение», — говорил отец, и Чарльз подумал: «С

чего это он уехал без шляпы?» — и кровь отхлынула от его щек. Потом он подумал: «Что привело его сюда?» А потом: «Что за сообщение?»

Снова провал… Мозг издевался над ним. Страшно, когда мозг, этот могущественный слуга человека, начинает мятеж и, вместо того чтобы работать на хозяина, развлекается самым странным образом.

— Боже! О чем я думаю? — Чарльз в ознобе огляделся через плечо.

Его уставшая лошадь щипнула травы под деревом.

— Ты тоже устала, — сказал он, пуская лошадь быстрее по дороге домой. — Бедняга… Надеюсь, утром я буду в порядке, если получится поспать. Что-то не так… Что-то не так… Но сон все вылечит… Утром все будет хорошо.

Чарльз посмотрел на окно их с Элис спальни. Когда он уезжал куда-нибудь, одна ставня всегда была открыта, и было видно слабое мерцание свечи, но сегодня в комнате не было света, и с устрашающей неполнотой воспоминания сцена прошлой ночи снова вернулась к нему.

— Да, боже! Так и было, — сказал он, останавливая лошадь. — Элис… Я забыл… Я видел Элис после этого?.. Они сказали мне… что?

Чарльз спешился и почувствовал, что может упасть в обморок. Он положил руку на щеколду, но ему не доставало мужества поднять ее. Напрасными были его попытки вспомнить все. Ужасная сцена, раскрашенная яркими красками, стояла перед его глазами, но чем она закончилась?.. Он не помнит… Он окончательно сошел с ума?

— Господи, помоги, — повторял Чарльз снова и снова. — Случилось что-то плохое? Я никак не могу вспомнить. Случилось что-то очень плохое?

— Откройте дверь, это он, я уверена, я слышала лошадь, — вдруг воскликнул ясный голос Элис в доме.

— Да, я, это я, — закричал Чарльз в странном восторге.

Через секунду дверь открылась, и он прижал жену к сердцу.

— Дорогая, дорогая, я так рад. Ты в порядке? — Чарльз почти рыдал.

— Ох, Ри, муж мой, он в безопасности, он вернулся! Слава богу, ты вернулся к своей несчастной женушке… Ох, мы больше никогда не расстанемся. Идем, идем, мой дорогой.

Милдред заперла дверь, и Питер повел лошадь в стойло. Когда Элис обняла мужа, слезы, которые так долго не приходили к ней, наконец

нахлынули вместе с облегчением, и она долго и судорожно рыдала.

— Ох, Ри, мне было так страшно, но ты в порядке, так ведь?

— Вполне. Ох да, конечно, дорогая, я в порядке.

— Но, Ри, ты выглядишь таким усталым. Ты не болен, скажи?

— Не болен, просто устал. Ничего особенного, твой муж сильно устал и нуждается в отдыхе.

— Вам нужно выпить немного вина, вы выглядите больным, — вмешалась миссис Таили.

— Спасибо, Милдред, это должно помочь. — Чарльз выпил стакан хереса, протянутый ему служанкой.

— Еще? — спросила Милдред, наклоняя графин над стаканом.

— Нет, спасибо, не нужно, я… Вкус какой-то странный… Или мне все-таки нехорошо…

Чарльз почувствовал, что вроде бы его разум начинает проясняться и странные иллюзии, грозившие порабощением, отступают.

Уж лучше смерть, чем безумие! Его любовь к жене, не низложенная, но на время отступившая, вернулась. Такие диалоги, какие вели они, малоинтересны кому-то, кроме самой этой пары. Несмотря на страх и боль, на волнение и пробле-

мы, в их словах была истинная любовь. Слова эти, хотя и вызвавшие в нем внутренние упреки, а в ней тайные страхи и заботы, были бесценны. Возможно, впереди их будет не так уж и много.

Глава XLIV
ДОКТОР ИЗ УАЙКФОРДА

Прошло еще несколько дней. Чарльз Фэрфилд, хозяин усадьбы, лежал в кровати, и ежедневно его навещал доктор Уиллетт из Уайкфорда. Случай был очень серьезным — лихорадка не спадала, — а ведь в первые дни болезни, от которых иногда многое зависит, Чарльз пережил сильнейший стресс.

Люди ходили на цыпочках и говорили шепотом, а больной стонал и бормотал, не осознавая, что происходит. Ужасные часы и дни! Возможно, прав был доктор, который сказал леди Уиндейл, приехавшей повидать Элис и с изумлением узнавшей о положении вещей, что силы его пациента были исчерпаны душевными потрясениями, и никаких прогнозов он не давал.

Сегодня был шестой день испытания.

Элис смотрела на доктора — в ее глазах можно было различить страх, — когда он проводил осмотр, стоя у кровати и время от времени задавая вопросы Дульчибелле, Элис или сестре-сиделке, приехавшей к больному из Уайкфорда.

— И? — прошептала юная леди, когда, бледная как смерть, осталась с доктором в гостиной. — Что вы скажете, доктор?

— Доложить почти нечего, изменений очень мало. Мы должны набраться терпения на день или два, и вам не нужно объяснять, дорогая моя, что хороший уход — половина дела, а в лучших руках он не мог оказаться. Я только боюсь, что вы слишком много берете на себя. На миссис Маркс, сиделку, вы можете полностью положиться: она очень опытная, я еще ни разу не видел, чтобы она совершила ошибку, а на этой работе она уже более десяти лет.

— Да-да, я уверена, что все именно так. Миссис Маркс мне очень нравится. Вы не думаете, доктор, что ему стало чуточку лучше? — не сдавалась Элис.

— Ну, знаете, пока он не сдает позиций — это все, что мы можем сказать. Мистеру Фэрфилду не стало хуже по прошествии времени, значит, ему лучше, я так полагаю.

Элис смотрела в ясные голубые глаза старика, доброжелательно смотревшие на нее из-под кустистых седых бровей.

— Ох, слава богу… Так вы думаете, что ему лучше?

— В каком-то смысле да, — ответил доктор осторожно. — Но, конечно, мы должны иметь терпение, и скоро мы узнаем больше, намного больше… Я искренне надеюсь, что все будет хорошо, но мозг мистера Фэрфилда был сильно перегружен, и имеется тенденция к тому, что мы, врачи, называем комой, — у него слишком высокое давление. Я бы предпочел, чтобы он говорил больше всякой чепухи и меньше спал, как вы это называете, но это не сон — это нечто совершенно другое. Я пытался вызвать у него слюноотделение, но он совершенно неподатлив. Сегодня мы попробуем делить таблетки на четыре части и немного сократим интервалы между приемами, иногда это творит чудеса, посмотрим, но многое все-таки зависит от того, получится ли у нас вызвать у него слюноотделение. Если мы преуспеем в этом, думаю, все остальное пройдет удовлетворительно, — в данный момент это одна из главных трудностей. Если вы пошлете вашу маленькую посыльную — чем скорее, тем лучше, — она принесет таблетки, и сразу дайте ему одну… Какой красивый цветок, — заметил доктор, коснувшись лепестка одинокого цветка в горшке на маленьком столике у окна. — Это не герань, а пеларгония, да? Я не знал, что она тут

есть… А вы продолжайте в том же духе.

— Так вы думаете, что ему лучше… немного? — настаивала Элис.

— Ну, я рассказал все, что думаю, и мы должны надеяться… надеяться, что все пройдет удовлетворительно… и я продолжу. Я вообще не понимаю, почему такой результат должен нас разочаровывать. Не унывайте, моя дорогая, взбодритесь. Мы исполним наши обязанности, а все остальное — в руках Господа.

— Я полагаю, доктор Уиллетт, мы увидим вас завтра в обычный час?

— Конечно, конечно. Но я не думаю, что до четверга предвидятся какие-либо изменения.

У Элис оборвалось сердце от упоминания дня, который вполне мог стать Судным днем.

Она слабо улыбнулась и последовала за доктором по коридору, замирая от страха, — казалось, она не дышит, сердце ее не бьется, и она не идет, а плывет, словно привидение.

Доктор вышел во двор к лошади, повернул к Элис умное лицо, кивнул и сказал:

— До свидания, миссис Фэрфилд, ждите меня завтра, как обычно, и помните — не грустите. Смотрите на вещи с оптимизмом — другое бессмысленно.

Элис постаралась ответить на его улыбку, но ее сердце переполняла печаль. Она была испугана. Проводив доктора, юная леди поспешила в гостиную и заплакала от невыразимой боли.

Мистер Уиллетт, она видела, жалел ее и хотел подбодрить, но как страшен был его сдержанный язык. Она думала, что с другими в доме он говорит по-другому, и так оно и было. Его мнение противилось шансам Чарльза Фэрфилда встать на ноги. «Какая жалость, он так молод, — думал доктор о каждом молодом человеке, который был младше его на десять лет и которому суждено было умереть. — Высокий, красивый молодой человек, мог бы стать сквайром Уиверна через несколько лет, и к тому же добродушный. Какая жалость, и бедная женушка, которая, скорее всего, в скором времени станет матерью… Да поможет ей Бог».

Глава XLV
РЕЧЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Назначенный день пришел и прошел, и Чарльз Фэрфилд не умер. Лихорадка ослабла, но никогда еще искра жизни не горела слабее в теле больного. Видя, что жизнь еле теплится, что полшага отделяет его пациента от смерти, доктор предпринял некоторые меры.

— Лихорадка ослабевает, как вы видите, но силы не прибывают, — печально произнес он. — Было бы очень приятно, признаться, вытащить его такими снастями. Знаете, я как-то поймал лосося весом в десять фунтов с помощью удочки, легкой, как камыш. Но я отвлекся, однако… Не думайте, что я хочу расстроить вас, дорогая, но за ним необходимо следить, как кошка следит за мышкой. Итак, на столике у его кровати будут стоять три бутылочки, все отфильтрованные и готовые к немедленному использованию. Кроме кларета там будет по бутылочке портвейна и бренди. Он снова примется за свое — будет терять сознание, но вы не должны позволить ему этого. Потому что, миссис Фэрфилд, хоть его и

нелегко вывести из обморока, но обморок — это смерть, если он продлится долго. Только не надо пугаться!

— Ох нет, доктор Уиллетт…

— Ну-ну, не бледнейте, так тоже не пойдет: я хочу, чтобы вы четко понимали важность ваших действий. Постоянно подносите к его губам кларет, и, как только вы увидите, что ваш муж слабеет, укрепите его портвейном, и никаких полумер. Лучше заставить его выпить три раза в день, чем рискнуть и пропустить хоть один раз. Если же портвейн не поможет, давайте ему бренди, и не жалейте, не бойтесь. Нужно поддерживать его жизнь любым способом, любым. Итак, помните: кларет, портвейн, бренди. — Он выставил три пальца, называя напитки. — Лучше пусть огонь бушует час, чем потухнет на секунду. Потухнет на секунду — потухнет навсегда.

— Спасибо, доктор Уиллетт, я все поняла. Вы же будете у нас завтра в обычное время?

— Конечно, миссис Фэрфилд. Но вам пора немного позаботиться о себе: вы должны… или потом пожалеете. Вы слишком долго находитесь на ногах, ни днем ни ночью не знаете покоя, вам необходимо отдохнуть, если вы не хотите уйти из этого мира, что будет совсем нехорошо. Мы не

сможем без вас, дорогая, просто не сможем.

Некоторое время состояние Чарльза Фэрфилда оставалось неизменным. В конце десятого или одиннадцатого дня он подал знак Элис, которая была в комнате и смотрела на больного нежными глазами. Она встала и подошла ближе.

— Да, дорогой. — Элис наклонила голову, чтобы ему было легче говорить.

Чарльз прошептал:

— Хорошо?

— Ты чувствуешь себя хорошо? Слава богу, — ответила она, и ее большие глаза наполнились слезами.

— Не я… ты, — прошептал он с раздражительным нетерпением. — Хорошо?

— Вполне, дорогой.

Запавшие глаза обратились к ее лицу. Вздохнув, он прошептал:

— Я рад.

Элис наклонилась и поцеловала его в щетинистую щеку.

— Я так долго спал, — прошептал он. — Ты расскажешь мне, что случилось перед моей болезнью… Здесь что-то случилось?

Тихим голосом Элис рассказала ему все.

Когда она замолчала, он подождал, будто ожи-

дая большего, а потом прошептал:

— Я так и думал… да. — И тяжело вздохнул.

— Ты устал, дорогой, — сказала Элис. — Ты должен выпить немного вина.

— Я его ненавижу, — прошептал он, — если я и устал, то от него.

— Но, дорогой, доктор говорит, ты должен… и… Ты не выпьешь ради меня?

Легчайшая из улыбок осветила бледное лицо больного.

— Конечно, — прошептал он.

Когда Элис поднесла стакан с кларетом к губам Чарльза, он немного отпил и апатично отвернулся.

— Достаточно. Принеси мой сундучок, — попросил он.

Элис принесла.

— Ключ, кажется, в моем портмоне. Открой его, дорогая.

Она нашла ключ и открыла инкрустированный ящик.

— Внизу два или три письма в большом конверте.

Сохрани их, не расставайся с ними, — прошептал он. Элис взяла длинный конверт с несколькими вложенными бумагами, и легкий кивок

Чарльза обозначил, что это то, что нужно.

— Сохрани эти письма. Можешь унести.

Когда она вернулась, Чарльз, глядя на нее, немного приподнял брови и шевельнул головой. Она поняла его знак и снова наклонилась над ним.

— Ее не должны судить, она безумна… Элли, запомни.

— Дорогой, все, что пожелаешь.

— Хорошо, Элли, это все.

Они помолчали.

— Ты выпил мало кларета, дорогой Ри. Выпьешь еще ради своей бедной маленькой Элли? — прошептала она тревожно.

— Я хорошо себя чувствую, дорогая, и лучше я посплю.

Он положил щеку на подушку и закрыл глаза. Элис взглянула на него еще раз, на цыпочках подошла к стулу, глубоко вздохнула, села и принялась за работу.

В комнате было тихо, за исключением едва слышного дыхания больного. Прошло полчаса, и Элис на цыпочках подошла к кровати. Чарльз не спал и тихо спросил:

— Это твоя мать?

— Кто, дорогой?

— Говорила только что…

— Никто не говорил, дорогой.

— Я ее видел, но мне показалось, что я слышу, как кто-то — может, и не она — говорит.

— Нет, дорогой Ри, никто не говорил, — испугалась Элис.

— Сны, да, — пробормотал он и снова затих.

Печальными и зловещими казались его речи. Но такие вещи обычны для болезни, ничего удивительного.

Вскоре Элис снова подошла к нему и села рядом.

— Я смотрел вниз, Элли, — прошептал Чарльз.

— Да, дорогой. Что-то на полу? — спросила она.

— Нет, на ноги посмотрел: они очень длинные, вытянутые.

— Ногам тепло, дорогой?

— Да, — он вздохнул и закрыл глаза.

Элис продолжала сидеть рядом с ним.

— Когда Уилли, мой брат, умер, мне было всего пятнадцать.

Пауза.

— Уилли был самым красивым, — пробормотал он. — Уилли был старше — девятнадцать, очень высокий. Красавчик Уилли, он любил меня. В тот день я много плакал. Каждый день я плакал

один в саду или у реки. Теперь он на кладбище Уиверна. Интересно, увижу ли я его еще раз? Во время похорон шел дождь… Говорят, это хорошо. Гроб был длинным, Фэрфилды, ты знаешь…

— Дорогой Ри, ты слишком много говоришь, ты устанешь. Выпей еще немного кларета, чтобы порадовать бедную маленькую Элли.

На этот раз он выпил больше, закрыл глаза и задремал.

Глава XLVI
ГАРРИ ВЫПИВАЕТ СТАКАН, ГАРРИ ПРОЛИВАЕТ СТАКАН

Примерно через час Дульчибелла Крейн подошла к двери и постучала. Чарльз немного поспал и теперь бодрствовал.

— Мистер Гарри приехал. Он внизу, спрашивает, может ли он увидеть хозяина, — прошептала няня.

— Я сейчас спущусь. Скажи ему, что я с удовольствием поговорю с ним, — кивнула Элис. — Гарри здесь, дорогой, — сказала она нежно, подходя к мужу. — Но, конечно, о свидании и речи нет.

— Я должен, — прошептал Чарльз категорично.

— Дорогой, как ты себя чувствуешь? Я уверена, что тебе не нужно этого делать. Если бы доктор был здесь, он бы не позволил. Не думай об этом, дорогой Ри, Гарри приедет через несколько дней, когда ты будешь сильнее.

— Напротив, мне это поможет, — прошептал Чарльз. — Не серди меня, Элли. Иди позови… Погоди, Дульчибелла может позвать его. Я увижусь

с ним наедине… Выйди, Элли…

Она бы возразила, но что-то в его раздраженном взгляде сказало ей не противоречить мужу.

— Иди вниз, Дульчибелла, и приведи мастера Гарри к хозяину. И, Дульчибелла, будь умницей, скажи ему, как слаб Чарльз, — наставляла Элис, провожая няню до лестницы. — И попроси не задерживаться надолго.

Через несколько минут послышался топот сапог Гарри Фэрфилда. Он распахнул дверь и вошел в комнату.

— Привет, Чарли! Фу ты, здесь так темно, хоть глаз выколи… Слышал, ты скоро встанешь на ноги… Клянусь, я вообще тебя не вижу… Не пройдет и трех недель, и будешь здоровее здорового, но ты не должен переутомляться. Я говорю не слишком громко, а? Ты не против, если я на пару дюймов приоткрою ставни?

— Нет, не против, — тихо ответил Чарльз. — Только чуть-чуть.

— Вот, так лучше. Теперь я хоть что-то вижу. Тебе тяжко пришлось, Чарли. Это не тиф, ничего инфекционного, но ты был на волосок, брат. Я бы приехал приглядеть за тобой, но был сильно занят.

— Незачем, Гарри, я не смог бы поговорить с

тобой, но сейчас мне лучше.

— Лучше, лучше, но все еще слаб, — Гарри понизил голос. — Не сомневаюсь, ты скоро выкарабкаешься. О, гляжу, ты не падаешь духом. — Кивнув на графины, он подмигнул. — Это вернет тебя к жизни. Кларет, надеюсь, лучше того дрянного… Портвейн, да… — Он наполнил стакан брата, понюхал и выпил. — Так и есть, приличный портвейн. Пью за твое здоровье, Чарли, — добавил он, наполняя стакан повторно.

— Я рад, что ты приехал, Гарри, я чувствую себя лучше, — Чарльз подвинул тонкую руку по постели к брату.

— Ты поправляешься, братец, — сказал Гарри, всматриваясь в Чарльза, так как уже начал привыкать к неверному свету. — Элис, я слышал, тоже в порядке. Ну что, Старый Солдат тебя навестила и учинила переполох, да?

— Это ужасно, Гарри. Ох, Господи, помоги! — простонал Чарльз.

— Она некрасива во всех отношениях — уродлива снаружи и еще хуже внутри, как мешок угольщика, — с гримасой отвращения произнес Гарри.

— Она опрометчива и упряма, и здесь был кошмар. Я не знаю, что делать…

— Лучшее, что можно сделать, это не вмешиваться. Она в Хатертоне, как я слышал?

— Да, — пробормотал Чарльз, глубоко вздохнув. — Я несчастный человек, Гарри.

— Это легко исправить. Не предъявляй иск, вот и все. Уезжай из страны, как только поправишься, и они отпустят ее. Возможно, этот урок не навредит Бетти.

— Я рад, что могу поговорить с тобой, — пробормотал Чарльз, еще раз вздохнув. — Я не могу выбросить эту историю из головы. Ты поможешь мне, Гарри?

— Чем смогу… но это немного.

— Гарри, еще кое-что меня беспокоит… — Чарльз замолчал, выбившись из сил.

— Не бери в голову, лучше выпей стаканчик. — Гарри наполнил стакан, из которого пил портвейн.

— Ненавижу крепкое сладкое вино, — ответил Чарльз. — Нет-нет, возможно, позже.

— Как знаешь, — уступил Гарри. — А я вот выпью. — Он немедленно сделал это. — Я услышал новости и приехал бы раньше, но я подаю иск по поводу той серой кобылки, помнишь? Пришлось поехать на другой конец Уиверна с адвокатом. Фермер Ланди — тот еще мошенник. Не так-то

просто, скажу тебе, остаться при своем с этими обманщиками.

— Сейчас из меня плохой собеседник, Гарри. В следующий раз мне будет лучше, надеюсь… Но, возможно, Гарри, я ненадолго задержусь в этом мире, и… клянусь тебе… клянусь в присутствии Бога, которому меня судить: я никогда не был женат на Берте. Это ложь. Я знал, что однажды она доставит мне проблем, но то, что она говорит, — ложь. Моя жена — Элис. У меня никогда не было другой жены, кроме Элис, Богом клянусь! Разве ты не знаешь, что это ложь, Гарри?

— Не беспокойся об этом сейчас, — сказал Гарри мрачно, глядя через щель между ставнями на деревья.

— Гарри, я знаю, что ты меня любишь… Ты не допустишь, чтобы в эту ложь поверили, — сказал Чарльз голосом внезапно более сильным, чем говорил раньше.

— Я не допущу, чтобы в ложь поверили? — угрюмо переспросил Гарри. Какое-то время он смотрел на брата, приоткрыв рот.

— Ты же знаешь, Гарри, — умолял Чарльз, — скоро родится ребенок: зачем причинять ему вред? Ох, Гарри, разве ты не любишь своего несчастного единственного брата?

Казалось, Гарри хотел сказать что-то дерзкое, но вместо этого он рассмеялся:

— Боже мой, Чарли, можно подумать, ты берешь меня в официальные свидетели. Когда я тебе врал? Какая чушь! Меня всегда обвиняют в откровенности и прямолинейности, но зачем бы я сюда приехал? Конечно, я не скажу, что люблю кого-то так же сильно, как Чарльза Фэрфилда. Ты мой брат, и я отношусь к тебе соответствующе, но, как я уже говорил, рубаха к телу близка, а кожа еще ближе. Эй, зато честно!

— Честно, Гарри… Я… я больше не могу говорить… Я немного отдохну, и мы снова встретимся.

Гарри снова смотрел в щель между ставнями и зевал. Он думал об отъезде. Его раздумья прервал звук, будто кто-то пытается рассмеяться. Гарри посмотрел на брата, который и издал этот звук. Тонкий подбородок был направлен в сторону маленького столика у кровати, как и худая рука в рукаве рубашки. Глаза были открыты, но лицо изменилось. Гарри достаточно часто видел смерть, чтобы сразу узнать ее. Вздрогнув, он подскочил и схватил брата за плечо:

— Чарли, брат… Чарли! Посмотри на меня… Господи!

Он схватил бутылку бренди и влил в раскрытые губы. Коричневая жидкость полилась из уголков рта по подбородку и щекам: горло не глотало, глаза бесстрастно смотрели в неизмеримую даль. Чарльз Фэрфилд был среди Фэрфилдов других времен: надежда и страх, проблемы и мечты — все закончилось.

Глава XLVII
ПОХОРОНЫ В УИВЕРНЕ

Когда человек умирает, он оставляет не только тело. Теперь он отлучен от огня, кружки пива и долгих разговоров. Нет ни друзей, ни возлюбленных — с собой их не возьмешь.

Красавец Чарльз Фэрфилд был должным образом одет и положен в гроб. Приготовлена была табличка, извещавшая о его имени и годах жизни. Если бы его можно было вернуть из безмятежного сна, громкий нескончаемый плач бедной маленькой Элли пробудил бы его, но ее герой, ее Ри, продолжал спать. Неземной свет играл на его восковом лице, пока не опустилась крышка гроба. На плечах мужчин гроб был спущен вниз, почтительно положен в катафалк, и печальная процессия двинулась к старому кладбищу Уиверна.

В десять часов утра Чарльз Фэрфилд был предан земле. Был ли там Генри Фэрфилд, чтобы встретить сына и последовать за его гробом к древней церквушке, а затем к его месту на кладбище?

Нет.

— Поделом ему, — сказал сквайр, когда услышал новости. — Он не будет лежать в нашем склепе. Пусть его положат к пастору Мэйбеллу, туда, под деревья, там ему самое место.

Таким образом, Чарльз Фэрфилд был погребен рядом с кротким викарием и его красивой и доброй женой, чье покинутое дитя стало теперь вдовой.

Гарри присутствовал на похоронах, весь в черном. Среди всех непокрытых голов его была самой заметной. Высокий рост и идеальные пропорции, угадывавшиеся под черным плащом, выдавали в нем породу Фэрфилдов. Лицо его было задумчивым, взгляд опущен в землю и лишь иногда поднимался, чтобы рассеянно взглянуть на тех, кто посматривал на потенциального наследника.

Когда могила была закопана и цветы положены, Гарри отправился в поместье Уиверн. Старик, держа шляпу в руке, был на крыльце. Тусклый солнечный свет слабо мерцал на его выцветшем лице, холодный северный воздух шевелил седые волосы. Казалось, он был мрачным воплощением зимы, напоминанием о ее неизбежном приходе.

Генри кивнул своему последнему оставшемуся сыну, остальные уже ушли.

— Ну, все кончено… Где похоронен?

— Там, где вы хотели, сэр, рядом с могилой викария Мэйбелла, под деревьями.

Сквайр удовлетворенно хмыкнул.

— Соседи, наверное, были?

— Да, сэр, все… кажется.

— Неудивительно, они любили Чарли… да. Он похоронен один… Ну, он заслужил это. Доббсы были, из Крейбона? Он был добр к Доббсам. Однажды, как дурак, дал этому парню двадцать фунтов, когда Доббса прижало из-за потери скота. Так Доббс был там?

— Да, я видел Доббса, сэр, он плакал.

— Ну и дурак этот Доббс… ну и дурак, — сказал сквайр и ненадолго замолчал. — Так он плакал?

— Да, сэр.

— Он большой дурак, этот Доббс, дурак.

— Плачущие всегда похожи на дураков, у них такие чудные лица, — заметил Гарри. — Кое-кто из Уайкфор-да тоже был… Родни был на похоронах.

— Родни? Он его ненавидел. Родни — пес. Что привело Родни на похороны моего сына?

— Мне сказали, он сблизился с проповедующими людьми из Уайкфорда и пришел, я думаю, чтобы показать, какой он всепрощающий, мило-

сердный человек. Прежде чем надеть шляпу, он подошел и протянул мне руку.

— И ты принял ее! Я знаю, ты пожал ее.

— Ну люди смотрели, и он застал меня врасплох, — сказал Гарри.

— Чарли бы так не сделал: он бы не пожал ему руку над твоей могилой, но ты не такой, как мы, никогда не был. Думаю, из тебя бы вышел юрист.

— Ну люди начали бы говорить, вы же знаете, сэр.

— Они бы начали говорить? — сквайр зло усмехнулся. — Мне всегда было плевать на то, что говорят люди… Пусть болтают, черт их дери. А ты ничего не сделал, закопал брата, как собаку, где-то в углу.

— Вы сами сказали не тратить ни шиллинга, сэр, — ответил Гарри.

— Ну и что? По злобе не всегда говоришь то, что думаешь. Ладно, уже ничего не поделать — все кончено. Чарли был достойнее тебя во всем, — внезапно вспыхнул сквайр. — Я бы любил его, если б он любил меня, но он не любил, поэтому вот так.

Генри Фэрфилд немного поспешно, как всегда поступал, когда хотел остаться один, сошел по ступеням неуверенной походкой, медленно по-

шел к лесу и скрылся в его тени.

Будущее… настоящее… прошлое… Будущее — туман, полутон, тень, облако, на которое страх и надежда проецируют свои воздушные фантомы, живущие в воображении и населенные фантазиями, — сон снов. В кратковременном владении людей только настоящее, податливое в руке, словно глина в руке гончара. Миг настоящего всегда в нашей абсолютной власти, мимолетная секунда, мчащаяся в прошлое, которое неизменно и вечно. Расплавленный металл течет, охлаждается и застывает навеки. Так и с человеческой жизнью, так и с человеческим духом. Миг фиксирует прошлое, а смерть — характер. Навеки. Сердце знает свою горечь. Гордый человек смотрит в прошлое, которое он создал. Молот Тора не может разбить это прошлое, огонь, который невозможно потушить, не сожжет то, что было. Наши бездумные действия останутся неизменными навсегда.

Старый сквайр больше не говорил о Чарли. Примерно через месяц он послал в Крейбон, чтобы попросить Доббса приехать в Уиверн. Сердце Доббса замерло, когда он услышал это. Все боялись старого сквайра, потому что в гневе он не обращал внимания ни на собственные интересы, ни на безопасность других людей.

— А, Доббс! Ты не подходишь для Крейбона, ферма слишком большая для тебя, и мне больше нечего тебе дать.

Доббс струсил при этих словах.

— Ты дурак, Доббс, дурак, и ферма тебе не по силам, — продолжил сквайр. — Странно, что ты не жаловался на ренту. Она слишком большая, выше вполовину. Я сказал Крессуэллу снизить тебе на пенни каждый день ренты, только никому не говори об этом, иначе это будет не остановить. — Он положил руку на плечо Доббса и нежно посмотрел ему в лицо.

Потом старик повернулся и ушел, и Доббс понял, что его аудиенция закончена.

Генри Фэрфилд старел. Трава и сорняки прорастали на могиле его сына Чарльза, но старик ни разу не послал в усадьбу Карвелл, чтобы спросить про Элис. Эта рана не исцелилась, как те, что лечит смерть.

В Карвелл приезжал Гарри, но Элис была больна, поэтому не смогла принять его. Приезжала леди Уиндейл, и ее она приняла; добродушная родственница взяла с Элис обещание, что та приедет и будет жить с ней, как только здоровье позволит ей покинуть усадьбу.

Элис лежала в постели, ее навещал доктор, но

что проку? Лето вернется после зимней стужи, но Ри не вернется никогда. Пройдут годы — как ей пережить их? И, ох, бедное дитя на подходе! Какой печальный прием! Она посмотрит на него, и сердце ее разобьется.

— Ох, Ри, Ри, Ри, мой дорогой…

Прошло утро, закончился вечер, но ее большие глаза были мокры от слез — «дождь каждый день лил рекою»[9].

[9] Примечания: 9
Фраза из «Короля Лира» У. Шекспира.

Глава XLVIII
ВИЗИТ В СУМЕРКАХ

Вечером в свое обычное время, когда вспышка заката на небе выцвела до сумерек, в кухню заглянул Питер. Он подкрепился кружкой пива, куском хлеба и сыром и, утолив первый голод, с охотой пустился в разговоры с миссис Таили.

— Кто бы подумал, что с похорон прошло всего три недели? — начал Питер. — Завтра будет три недели…

— Да, завтра. Был четверг, как сейчас помню. В полдень мальчонка с мельницы Грайс приходил за деньгами для прачки. О-хо-хо… — вздохнула Милдред. — Два месяца назад, глядя на хозяина, никто не сомневался, что жить ему еще лет сорок, но, говорят, у смерти нет календаря. Странно, что мастер Гарри не бывает здесь чаще. Хозяйка может не говорить с ним и не принимать его, но звук его голоса в доме пошел бы ей на пользу — это же брат, понимаешь?

— Как говорится в старой пословице, у покойников нет родни, — ответил Питер. — Они идут своим путем, живые — своим.

— А та женщина в тюрьме… Что с ней делать, кто поговорит с адвокатом? — покачала головой Милдред.

— Она принесла неудачу в Карвелл. Жаль, что хозяин вообще когда-то посмотрел на нее, но в чем вина кошки, если хозяйка дура? Я ничего не знаю об этом деле, но в этом мире нечто за ничто — большая часть нашей платы.

Миссис Таили фыркнула от такой пророческой речи, подошла к шкафу и что-то там переставила.

— Дни становятся короче. Мои старые глаза едва видят без свечи, — сказала она, возвращаясь. — Но мне кажется, в этом доме многое нужно уладить.

Питер кивнул, соглашаясь, встал, потянулся и посмотрел в темнеющее небо.

— Вороны вернулись в лес Карвелла… Пора запирать двери на ключ и засов. Да, тут многое нужно уладить, но кто этим займется?

— Да, кто этим займется? — повторила Милдред. — Говорю тебе, Питер, многое, очень многое, больше, чем ты можешь представить, и этого достаточно, чтобы мастер Чарльз восстал из могилы… Насколько я слышала, многие восставали и по меньшим причинам.

Едва она сказала это, во дворе послышался цокот копыт. Под уздцы лошадь вела высокая фигура; все было в точности так, как это делал Чарльз Фэрфилд, когда возвращался домой. В неверном свете сумерек телосложением, походкой, манерой держаться приехавший настолько напоминал усопшего хозяина усадьбы Карвелл, что миссис Таили выдохнула:

— Господи боже мой! Кто это?

Та же мимолетная тревога отразилась и на физиономии Питера, с диким видом смотревшего в окно.

Но это был всего лишь Гарри Фэрфилд: при определенном освещении он проявлял сходство с братом, которое в иное время не так бросалось в глаза.

— Ох, да это же мастер Гарри… Беги, Питер, возьми его лошадь, — распорядилась Милдред.

Питер вышел, а Гарри Фэрфилд вошел и осмотрелся. Он не улыбнулся весело и не кивнул, не взял темную руку Милдред, как бывало раньше, не отпустил шуточку, не всегда уместную, не пропел строчку из песенки «Никто замуж не зовет…» Напротив, казалось, что он не видит никого и ничего, кроме стен, угнетенный мрачными мыслями.

— Как мисс Элли? Как твоя хозяйка? — наконец спросил он. — Не очень?

— Хворает, сэр, — ответила Милдред сухо.

— Доложи ей, что я здесь. Мне нужно кое-что сказать ей, поговорить с ней, но я постараюсь покороче. Скажи, что я бы приехал сегодня раньше, но не мог из-за заседаний в Уайкфорде и обеда с соседом в городе. И скажи, что я, возможно, не скоро смогу появиться здесь снова. Она не вставала?

— Нет, сэр, доктор не разрешает ей вставать с постели.

— Но ведь Дульчибелла Крейн здесь, не так ли?

— Да, сэр, как и Лилли Доггер. Только от девчонки мало проку в эти дни.

Гарри попытался рассмотреть время на часах.

— Передай ей все это… побыстрее, потому что время летит.

Гость оставался в кухне, пока старая Милдред ходила наверх. Довольно быстро она вернулась сказать, что Элис сидит у огня и примет его.

Гарри не был наверху с того дня, когда в последний раз взглянул на неживое лицо брата, ведь Элли не принимала его. Он поднимался по лестнице, держась за перила, а Милдред, как

тень, скользила впереди. Служанка постучалась в дверь. Это была не та комната, которую они занимали и в которой умер Чарльз, но соседняя, поспешно приведенная в порядок, с тем добротным комфортом, который могли создать старомодные люди: без особых изысков, но обустроенная.

Открыв дверь, Милдред сказала:

— Мастер Гарри приехал повидать вас, мадам.

Гарри вошел. На маленьком столике у кровати горели свечи, хотя ставни были еще открыты; тусклый свет сумерек, смешиваясь со светом свечей, создавал фиолетовый ореол. Элис в халате сидела в большом кресле у огня, она была бледной и казалась очень больной. Она не заговорила, но протянула руку.

— Приехал навестить тебя, Элли. Беспокойный мир… Но ты должна поднять голову, ты знаешь это. Проблемы — это всего лишь испытания, они не могут длиться вечно, поэтому перестань тревожиться так сильно или сведешь себя в могилу. — С этим утешением он пожал ей руку.

— Я бы приняла тебя, Гарри, когда ты приезжал раньше, это было очень мило с твоей стороны, но не могла. Сейчас мне лучше, слава богу. Я все еще не могу поверить… — Ее глаза наполнились

слезами.

— Ну-ну-ну, какой смысл плакать? Слезы его не вернут, ты же знаешь. Ну-ну. Я хотел кое-что сказать тебе о той женщине в тюрьме… Ты должна все узнать. Он должен был рассказать тебе об этом, чтобы ты не попала в неловкое положение.

Элис еще больше побледнела при его словах.

— Скажи им побыть там, — сказал он тише, указывая пальцем через плечо на нишу в дальнем конце комнаты, где стоял столик с рукоделием.

По приказу Элис старая Дульчибелла и Лилли Доггер удалились в «альков», как называла его Милдред.

— По поводу той женщины, — продолжил Гарри шепотом, — Берты… Той женщины, как ты помнишь, что сидит в тюрьме Хатертона. Не нужно привлекать ее к суду. Чарльз ни за что не позволил бы этого.

— Да, так он и сказал. И я этого не хочу, — кивнула Элис.

— Нет, конечно же, он этого не хотел, и мы должны убедиться, чтобы его желание исполнилось теперь, когда его нет, бедняги, — продолжил Гарри. — Ты что-то знаешь о ней? — понизил он голос.

— Ох нет, Гарри, не надо, пожалуйста, — умоля-

ющe попросила она.

— Ну тебе не придется вставать за свидетельскую трибуну, чтобы ее повесили.

— Ох, дорогой Гарри, нет… Я и не думала об этом.

— Никому не придется, к счастью. Сегодня я виделся с Родни и говорил с ним. Обязательств никаких нет, он всего лишь собрал информацию, и я сказал, что ты не будешь предъявлять иск, как и я, конечно. Корона не начнет дела, и все быстро и тихо закончится. Это для тебя лучше всего, как я сказал ему, потому что ты слишком слаба, чтобы сражаться в суде с адвокатами и им подобными. Тебе это не на пользу, ты сама понимаешь. Я тут кое-что набросал и сказал ему, что ты это точно подпишешь… Тут про то, что ты не намереваешься предъявлять иск этой женщине и продолжать дело. — Он вложил бумагу ей в руку.

— Я уверена, что так будет правильно, этого я и хотела. Спасибо, Гарри, ты очень добр.

— Принеси чернила и перо, — громко сказал Гарри Дульчибелле.

— Они внизу, — ответила она. — Я сейчас.

Дульчибелла ушла. Гарри осмотрел шкафы и каминную полку.

— Вот ведь чернила, кажется, — сказал он; перо

тоже нашлось. — Думаю, они не высохли… Попробуй, Элли.

Бумага была подписана, и Гарри решил раскрыть глаза овдовевшей невестке.

— Вечером я увижусь с Родни и покажу ему твою подпись, чтобы он не докучал тебе по этому поводу. Ты знаешь об этой женщине? — почти прошептал он. — Или нет?

Губы Элис двигались, но он не слышал слов.

— Когда-то она была красивой женщиной, ты не поверишь, Элли, дьявольски красивой, могу признаться. Сама она говорит, и это более чем вероятно, что была с Чарльзом перед тобой: «Кто первым пришел, тот первый и занял». И она говорит о законе и всем таком. Она говорит… Ну, теперь уже не важно, что… Ну, что она была его женой.

— Боже! Это ложь, — прошептала Элис белыми губами.

— Может, ложь, а может, нет, — ответил Гарри. — Теперь это не имеет значения, и мы больше об этом не услышим: мертвецы не обманывают. Спокойной ночи, Элис, да благослови тебя Бог. Позаботься о себе и не плачь так сильно. Я приеду, как только смогу, и помни, я сделаю для тебя что угодно.

Но после его ужасных слов она не слышала ни звука.

Гарри взял ее ледяную руку, посмотрел в затуманенные глаза, кивнул и позвал девочку.

— Я ухожу, дитя, позаботься о своей госпоже.

По совпадению или по ассоциации, связанной с Гарри Фэрфилдом, голова Милдред Таили полнилась мыслями о Голландке, когда в кухню вошла Дульчибелла.

— Питер, ты брал чернила, когда взвешивал сегодня овес, — сказала она, и Питер отправился на поиски.

— Когда вы вошли, миссис Крейн, я как раз говорила Питеру, что надеюсь увидеть эту чертовку на положенном ей месте. Я бы пошла в Хатертон, чтобы посмотреть, как ее вздернут.

— Боже, миссис Таили, как вы можете?

— Ну теперь, когда мастер Чарльз в земле, мне ее ни капли не жалко. Почему бы миссис Фэрфилд не заставить обидчицу заплатить за все? Она вправе… «Терпи, пока ты наковальня, бей, когда станешь молотом»[10]. Да если б я была на месте миссис Фэрфилд, я, наверное, сожгла бы эту ведьму на костре.

---

[10] Примечания: 10

Афоризм Томаса Фуллера (1654–1734), английского писателя, биографа, историка, врача, доктора богословия и священника.

— Думаю, она поступит так, как хотел бы того бедный мастер Чарльз. Я ничего не знаю об этой женщине, миссис Таили, кроме того, что, как говорят, она не в ладах с головой. Не думаю, что миссис Фэрфилд пренебрежет последним желанием супруга и накажет напавшую на нее женщину, — это было бы кощунство. Как говорится, не сжигай дом, чтобы избавиться от мыши, — сказала Дульчибелла.

Тут в кухне появился Гарри Фэрфилд, прокручивая в голове невысказанные мысли. При его появлении разговор затих. Дульчибелла сделала реверанс и вышла.

Гарри обратился к Питеру, который вернулся *с* баночкой чернил:

— Иди и подготовь мою лошадь, я сейчас выйду.

Питер поспешно удалился.

— Ну, Милдред, — сказал Гарри, мрачно косясь на нее, — скорбь приходит незваной.

— Да, конечно, ее сердце разбито, бедняжка.

— Оно не разбито, гарантирую, — ответил он. — Говорят, скорбь по мужу, словно боль в локте, острая, но короткая.

— Все из-за этого уродливого голландского зверя. Лихо привело ее в Карвелл, — вздохнула

Милдред.

Гарри закрыл глаза и покачал головой.

— Это никуда не годится, — сказал он, — когда две жены делят одного мужа, как две кошки — одну мышку.

— Мастер Чарльз не настолько глуп. Зачем ему было жениться на такой? Я в это не верю, — резко ответила миссис Таили.

— Две собаки не поделят одну кость, — продолжил Гарри сыпать пословицами. — Нет нужды давать людям пищу для сплетен, но и скрывать это тоже бесполезно, потому как любопытствующие никогда не оставят это дело в покое, никогда. Для Уиверна это будут будоражащие новости, и я боюсь, что Бетти охотно все докажет и мы будем опозорены.

— Ну, пусть говорят: собаки лают — караван идет. А я все равно не верю. Мастер Чарльз никогда бы не обрек Фэрфилдов, а тем более бедное молодое создание, на такой стыд и позор. Не поверю, пока не будет доказательств.

— Надеюсь, этого не докажут. Но что мы можем сделать? Мы с тобой знаем, что они жили здесь, и я слышал, как она называла его мужем столько раз, сколько у меня пальцев на руках и ногах, но мы же будем держать язык за зубами, так ведь?

Да, Милдред? Ты не будешь болтать?

— Болтать! Мне не с кем болтать. Все это чушь, я в это не верю, это чертова выдумка от начала и до конца.

— Надеюсь, — повторил Гарри.

— Она бесстыдная лгунья, и это самая отвратительная ложь, которую я слышала!

— Не буди лихо…

В карманах его брюк лежала серебряная мелочь, и он ощупывал ее во время разговора. Иногда большим и указательным пальцами зажимал шиллинг, иногда — полкроны, мысленно решая, с какой монетой расстаться, и в конце концов протянул Милдред шиллинг, посоветовав пустить деньги на покупку чая.

Некоторые люди испытывают радость, сделав доброе дело. Выйдя во двор, Гарри Фэрфилд тоже что-то ощущал, но не радость, а скорее холод. Вспомнив косой взгляд, которым служанка посмотрела на серебряную монету, ее сдержанную благодарность, он подумал, стоит ли так легко расставаться с деньгами.

А Милдред Таили цинично пробормотала себе под нос на кухне:

— Какой подарок! Благослови его Господь, конечно, но я помню времена, когда Фэрфилды

постыдились бы дать верной служанке такое вознаграждение. Ох, куда катится мир… Что за жизнь? Но мастер Гарри всегда был таким — если не скупым, то экономным, и всегда внимательно следил за своими деньгами. — Она небрежно бросила монетку в маленькую оловянную мисочку на столе.

Вернулся Питер, двери заперли, Милдред Таили выпила скромную чашечку чая и отправилась спать. Все в доме затихло.

Наверху, в своей комнате, Элис лежала совершенно разбитая. Слова Гарри не выходили у нее из головы. Возможно, невидимые стрелы убивают чаще, чем люди думают.

Глава XLIX
НАСЛЕДНИК

Посреди ночи Элис стало плохо, и Питера отправили за доктором в Уайкфорд. Бедняжке становилось все хуже. Ее охватили адские боли, а без любви, поддержки и утешения супруга — страх смерти. В полном одиночестве, она была рада услышать приглушенный голос доктора Уиллетта, когда тот тяжелым шагом поднялся по лестнице и быстро переговорил с Дуль-чибеллой Крейн.

Войдя в комнату, он стал опрашивать пациентку. Его действия были точными и быстрыми, и было очевидно, что он сильно встревожен.

Элис Фэрфилд была в опасности — настолько серьезной, что доктор Уиллетт позвал бы доктора из Хатертона или любого другого, чтобы разделить ответственность, но лошадь, на которой он приехал, устала от рыси вперемешку с галопом по пути в Уайкфорд и обратно в усадьбу.

Опасность усиливалась, состояние Элис тревожило все больше, и доктор настолько боялся оставить свою пациентку, что остался на ночь

в усадьбе.

Утром он послал Питера в Хатертон за доктором и попросил привезти того как можно скорее, но и он ничем не мог помочь. Элис не могла говорить, не могла думать и лежала, словно мраморная статуя, в постели. К счастью, Дульчибелла заведовала деньгами — небольшим количеством, — которые были у них на всякие нужды, поэтому доктора получили свою плату и в полдень откланялись. Доктор Уиллетт обещал приехать вечером, оставляя пациентку, как он сказал, в стабильном, но все же очень тяжелом состоянии.

Вернувшись, он снова нашел все ее слишком серьезным, чтобы оставить юную леди без присмотра. В полночь Питер был вынужден скакать в Хатертон за другим врачом.

Однако прежде чем доктор из Хатертона успел приехать, в комнате закричал тоненький голосок — появился маленький ангел, потомок клана Фэрфилдов.

Миссис Таили написала Гарри Фэрфилду в Уиверн, объявляя о событии следующим образом:

«Сэр!

Мастер Гарри, случилось неожиданное событие. Сегодня утром миссис произвела на свет

мальчика, ребенок здоров, но миссис Фэрфилд в опасности.

Ваша служанка Милдред Таили».

Дульчибелла, не советуясь с Милдред — с какой стати, ведь Милдред никогда не советовалась с ней! — тоже написала письмо, более нежное и изящное, но определенно не лучше составленное. Когда письма прибыли в Уиверн, Гарри там не было.

Прошло целых четыре дня, прежде чем Гарри приехал в Карвелл. Он бросил поводья Питеру и предстал перед глазами миссис Таили.

— Ну как роженица? — спросил Гарри неловко, но широко улыбаясь. — Как мисс Элис?

— Миссис Фэрфилд очень плоха, и у доктора почти нет надежд на то, что с ней все будет хорошо. Она в руках Божьих, сэр.

— Ей станет лучше, вот увидишь. Скоро она поправится. И когда же это случилось, ты не записала дату?

— В пятницу, кажется. Мы все так встревожены, что я едва отличаю один день от другого.

— С ней кто-то есть?

— Сиделка из Хатертона.

— И больше никого? Я думал, леди Уиндейл могла бы приехать.

— Я хотела послать за ней, но доктор Уиллетт не разрешил.

— Да? И почему же?

— Не время… говорит, она будет мешать и не принесет пользы.

— Вполне возможно, — сказал Гарри. — А как мальчик, это же мальчик?

— Мальчик, да, сэр. Хороший крепкий малыш… Скорее всего, проявит себя настоящим Фэрфилдом, храбрым сквайром Уиверна.

— Ну, как бы то ни было, я не буду мешать ему. У меня, по счастью, нет детей, на мою долю и так выпало более чем достаточно… Иногда бывает лучше никогда, чем поздно, и я умру холостяком. Несмотря на прекрасные зубы, я совсем не молод, Милдред. — Гарри улыбнулся, показывая крепкие ровные зубы.

— Некоторые Фэрфилды женились и будучи старше вас, — глядя на него, мрачно произнесла Милдред.

— Ну уж нет, старушка. Я не такой. Жены, как фландрские кобылы, прекрасны лишь издалека.

— Да? — прищурилась Милдред.

— Нет, нет и нет, я не хочу быть сквайром Уиверна — это тот случай, когда саночки возишь, но не катаешься. Всегда что-то не так: один милосты-

ню просит, второй грабит… и десять проклятий на одно благословение. Не хочу, чтобы про меня говорили, как про некоторых, что, мол, Гарри свинья и добра от него не дождешься, пока не помрет.

— Но многим нравится такая жизнь, — сказала Милдред, проницательно глядя на него.

— Когда все ясно и понятно, почему нет. Но я не люблю долги и хлопоты, я видел, как старик волновался: готов был утопиться в пруду по какому-то пустяку. По мне что-то делать — покупать или продавать, и, сама знаешь, по капельке — море, по былинке — стог.

Милдред молчала.

— Говорят — что я могу поделать? — та, кого вы называете Голландкой, может доказать свой брак с бедным Чарли. Но ты не болтай, и я тоже не буду. В браке не было детей — ни цыпленка, ни ребенка, — так что тут она бессильна. Было бы жаль, если б сын моего брата потерял то, что его по праву, и ты можешь сказать Элис, что я рад, что это мальчик. Я не причиню ей проблем, но, напротив, помогу чем смогу, истинная правда.

— Ну-ну, это странно! Никогда не слышала от вас подобных речей.

В тоне Милдред сквозило циничное недоверие.

— Послушай… мы же здесь одни? — спросил Гарри, оглядываясь.

— Можно и так сказать, — недовольно ответила служанка.

— Я кое-что скажу тебе, старая Таили, только вот говорят, что старость не в радость. Ты еще крепка? Не разболтаешь, если я расскажу тебе это?

— Нет, сэр.

— Ведь обычно как бывает, одна собака гавкнет — вся стая залает, — добавил он.

— Вы хорошо меня знаете, мастер Гарри. Я всегда держала язык за зубами, когда требовалось.

— Вот почему я хочу поговорить с тобой, — кивнул Гарри. — И никто не должен этого узнать, помни. А если об этом станет известно, я буду знать, кого винить.

— Я ничего никому не скажу, — заверила Милдред.

— Говорят, один бес другого колотит, и если юный сквайр, кому пока несколько дней от роду, наступит в грязь, я тоже туда попаду, — продолжил Гарри. — Если у него в шляпе будет дыра, то у меня она будет в ботинке. Сделка невыгодна, если оба проигрывают.

— Я ничего не понимаю, сэр. Не знаю, к чему

вы ведете, но думаю, что вы не дурак и никогда им не были. И я слышала, дураком притворяться — много хитрости надо, — подпустила шпильку миссис Таили.

Гарри, казалось, немного обиделся. Но он быстро взял себя в руки и, сурово посмотрев ей в лицо, сказал:

— Да, я хитрый — надеюсь на это. Ты и сама такая, старая Милдред. Тебя дурой не назовешь, насколько я знаю.

— Ну, может, хваткая, а не хитрая. Я долго жила и многое видала, но мое сердце никогда не стремилось к нечистым деньгам. Тысяча фунтов или трухлявый пень — все одно в Судный день, как у нас говорят.

— Да, — засмеялся он. — Но до Судного дня еще далеко, а деньги значат намного больше, чем письмо лорда по какому-то поводу. Не буду отрицать, я был бы не прочь получить Уиверн, если б мне дали свободу действий. Но я хорошо все обдумал, и поместье мне не нужно, нет.

— Вы первый Фэрфилд, от которого я слышу, что Уиверн ему не подходит, — сказала Милдред.

— В кувшине пиво? — спросил Гарри, кивая на коричневый кувшин на столе.

— Да, сэр. Хотите выпить?

— Да, если не выдохлось.

— Только принесла, когда вы вошли, сэр. Сейчас дам стакан.

— Не нужно, такой брехучий пес, как я, может пить хоть из колодезного ковша.

Он схватил кувшин и осушил в несколько глотков, как делал его предок и тезка после изнурительной езды на лошади из Вустера двести лет назад.

— Ты озадачена, старушка, и не знаешь, шучу я или говорю серьезно. Так вот, хорошие или плохие, но жены должны быть у всех — ты это знаешь, и ты еще никогда не слышала о Фэрфилде, которому бы повезло с женой. Я с детства знаю тебя, Милдред, ты хоть немного сварливая, но верная, и я могу рассказать тебе то, что не рассказал бы никому — ни папаше, ни ветру в поле, — я бы сжег на себе рубаху, если б кто-то узнал это. Ты никому не расскажешь? Поклянись, если надеешься спастись в Судный день.

— Я умею держать язык за зубами, в этом я хороша, — повторила Милдред.

— Ну, скажу одно: некоторые успокоились бы, зная, что я стану сквайром Уиверна. Но я лучше буду Гарри Фэрфилдом на ярмарке, чем архиепископом в аду. Лучше идти своей дорогой и есть

то, что найдешь, чем оказаться в куче золота со сломанной спиной. При ином раскладе я бы не обрадовался юному джентльмену наверху, как пастырь не рад яркому Сретению. Но он для меня лучше горшочка с золотом, и я пью за здоровье маленького мужчины и желаю, чтобы у Элис было детишек как можно больше, это истинная правда.

— Ну я верю вам, мастер Гарри, — сказала Милдред. — И я рада этому, — добавила она после паузы. — Очень рада. В семье было слишком много вражды, пора установиться миру и братству, Бог свидетель, и… я рада, что вы так говорите, сэр. — Она протянула ему темную мозолистую ладонь, Гарри взял ее и рассмеялся.

— Каждый человек знает, в чем его проблема, — сказал он. — А проблема у всех одна — злобный мир, старушка, со всеми его недостатками, с опасностями там, где не ожидаешь. Но ничто не длится вечно. Перед нами длинная дорога без возврата, но репей будет цепляться за тебя не всегда.

— Да-да, мастер Гарри, как говорят старики: «Каким бы длинным ни был день, вечерня все равно наступит».

— Но как она? — снова спросил Гарри.

— Очень плохо, — ответила Милдред.

— Кто так сказал?

— Доктор. Боюсь, он не дает шансов бедняжке.

— А это хороший доктор?

— Доктор Уиллетт из Уайкфорда. Люди здесь прекрасного мнения о нем. Не знаю, но, кажется, он очень хорошо к ней относится, по-доброму, и за ребеночком присматривает.

— Что же, я рад. Я бы сам заплатил, чтобы о них позаботились. А что он говорит о мальчике?

— Все хорошо, но вы же знаете: прошло всего несколько дней и еще рано судить.

— Элис может принять меня на несколько минут?

— Ха! Как это пришло вам в голову? В комнате темно, она не говорит громче шепота и не больше пяти слов за раз, Может, трижды в день рот открывает. Вы не знаете, в каком она состоянии, — возможно, не доживет до утра.

— Я не думал, что она настолько больна, — сказал Гарри.

— Да, так и есть.

— Ей не повредит узнать, что она может получать кое-какую ренту, фунтов тридцать, из Риддлсуэйка. Я дам Питеру записку к фермеру Уайкрафту, он заплатит. Ей будут нужны деньги.

Проследи, чтобы ребенок ни в чем не нуждался. В моих интересах, чтобы у этого ребенка все было хорошо. А неплохое пиво, скажу тебе. Еще немного мне не повредит. Ты можешь дать мне что-нибудь пожевать? Я страшно голоден.

Милдред принесла кусочек солонины, сыр и хлеб, и Гарри сытно поел на кухне, не отвлекаясь на разговор. Милдред, пока он ел, ходила туда-сюда, занималась соусниками и тарелками.

— А теперь дай мне перо, чернила и бумагу. Никому в этом доме не лишним будет получить немного денег… Я напишу записку.

Он так и сделал и вскоре протянул записку Милдред с видом принца, который одаривает подарком.

— Ну вот, с этими деньгами вы еще немного протянете. Кстати, а где Дульчибелла Крейн? Я бы хотел поздороваться с ней перед отъездом.

— Наверху, с хозяйкой.

— Скажи ей спуститься в кухню. И помни, Таили, ты должна часто мне писать: завтра, послезавтра — где моя шляпа? у меня на голове, ах, Господи Боже мой! — каждый день пиши, потому что, если что-то случится, если маленькая Элис сдастся, то тут должен быть кто-то, кто займется делами. Папаша мой палец о палец не ударит

— выброси это из головы, — и все падет на наши с тобой плечи. Пришли ее ко мне, толстуху Дульчибеллу Крейн, потому что я ухожу, и если я не понадоблюсь, то меня долго здесь не будет.

Милдред Таили ушла наверх, и через несколько минут появилась старая Дульчибелла.

Расспросив ее о состоянии матери и ребенка, он добился обещания такого же, как от Милдред, — писать ему в Уиверн как можно чаще.

Он не стал делать ей то же странное и не совсем понятное признание, которое сделал Милдред. Не стоит, подумал он, потому что Дульчибелла пусть мягкосердечная, но недалекая, и она совершенно не подвержена суевериям. И так как в ней нет зла, сопутствующего проницательности, в ней нет также и надежности, к тому же она слишком любит болтать, поэтому его секрет может стать достоянием общественности.

— Скажи хозяйке, что я желаю ей счастья и что я хотел бы стать крестным отцом мальчику, когда бы ни были крестины. Скажи, что я готов к любой работе, для которой, по ее мнению, я подхожу. Также я написал по поводу ренты, которая причитается ей, в несколько мест. Ну, прощай и позаботься о себе. А кто кормит ребенка?

— Мы кормим его козьим молоком по указанию

доктора. Хотите взглянуть на мальчика?

— Не сегодня, я уже ухожу. Кто о нем заботится?

— Все мы, но в основном я.

— Ну, это правильно, присматривай за ним хорошо, и я дам тебе немного денег, когда… ну, чуть позже… Не забывай писать. И не говори ничего Милдред, потому что она тоже должна писать и может обидеться, если узнает, что и ты пишешь, понимаешь?

— Да, мастер Гарри, конечно, никто не узнает… Думаю, он бы вам понравился, такая милая крошка…

— И, наверное, так похож на бедного покойного папочку? Но сейчас у меня нет времени, дорогая. Можешь передать ему мои наилучшие пожелания и сказать, что чем лучше он будет расти, тем сильнее я буду рад, и что ничто не вечно под луной и мальцу недолго ждать того, что по праву должно ему достаться, и что я ограждаю их от всех проблем. Ну, прощай, Дульчибелла Крейн, и помни, что я сказал.

Хлопнув ее по плечу сильной рукой, Гарри Фэрфилд улыбнулся в своей манере, кивнул, вышел во двор, сел на лошадь и вскоре был далеко от усадьбы Карвелл.

Глава L
РАЗГОВОР С БЕРТОЙ ВЕЛЬДЕКАУСТ

Доехав до дороги, уходящей на восток, Гарри повернул и поскакал к Хатертону. Он выглядел довольно уверенным, когда пустил коня шагом у подножия низкого холма, разделяющего выгон и город. В кармане у него была короткая трубка с большой чашей, которую он набил неполностью — на курение уходил шиллинг, а Гарри был экономным, — достал ее и сунул в рот. Табак помогал его мыслительным способностям, а ему нужно было многое обдумать. Он хотел увидеть свою старую подругу Берту Вельдекауст в ее новом положении и раздумывал, как построить разговор с ней. К тому времени, как он докурил трубку, из этих размышлений, слишком смутных, чтобы свести их к логической последовательности, тем не менее возникли довольно четкие и важные выводы. Он посмотрел с вершины холма на симпатичный городок, раскинувшийся среди деревьев. В башне со шпилем размещался суд, а в крепости с высокими стенами в данный момент

был заключен предмет его интереса.

Закончив со всеми формальностями, Гарри получил разрешение посетить эту персону, и — только подумайте! — ей доставило удовольствие помучить его. Он начал терять терпение, услышав, что сейчас ей читают газету и мадам выйдет позже.

Так как Гарри Фэрфилд не тот человек, который расположен жертвовать собой из чистого альтруизма, читатель с легкостью заключит, что его целью было не только повидать Старого Солдата. Если бы это было так, думаю, он бы тотчас покинул Хатертои, а может, и вовсе не приезжал. Но он терпеливо ждал и наконец был принят.

Берта Вельдекауст была известной среди соседок по несчастью как Берта Фэрфилд из Уиверна: этот титул она предпочла тому имени, под которым была передана под присмотр тюремщиков.

Когда Гарри Фэрфилд вошел в ее комнату — язык не повернется назвать ее камерой, — наряд узницы немного удивил его. Представьте: небесно-голубое атласное платье, подхваченной с одной стороны букетом искусственных цветов, и кружевная шаль; на уложенных волосах — миниатюрная диадема из римских жемчужин с лентами, свисающими по бокам. Двойное ожере-

лье из жемчужин покрупнее обвивало ее горло, на ногах — розовые замшевые туфельки, вышитые бисером и стеклярусом. Берта сидела на краю низенькой кровати и имела вид безвкусно разодетой принцессы в пантомиме. Полагаю, она собрала этот наряд, чтобы внушить обитателям тюрьмы и тюремщикам чувство собственной важности. Возможно, не безрезультатно.

— Добрый день, мадам. Я пришел рассказать вам некоторые новости, — произнес Гарри, как только дверь закрылась. — Но черт возьми, у меня чуть не перехватило дыхание при виде вас.

— Жаль, если такой славный мужчина задохнется, право жаль! — «Шаль», сказала она. — Я-то думала, вы уехали в Лондон. Я не просила вас приезжать и снова дышать воздухом моего дома.

— Какого дома, тут, в Хокстоне?

— Уиверна, мой дорогой мальчик, — ответила Берта со спокойным смешком.

— Ах, спасибо, да… да… Но я подышу им сам, если не возражаете.

Закончив предложение, Гарри состроил возмутительную гримасу и показал язык слепой.

— Я больше не буду скрывать свое имя, — сказала она, — я миссис Фэрфилд из Уиверна. — Она продолжала говорить «Вэрвилд».

— Возможно, так оно *и есть,* — безмятежно произнес Гарри.

— Я говорю, что я миссис Фэрфилд из Уиверна, — повторила Берта.

— Ба! — сказал Гарри.

— Животное! Что значит этот звук?

— Скоро поймете. Ну, не сердитесь, это съедает время.

— Больше времени, чем я трачу в этом доме? — фыркнула она.

— Не буду отрицать, мне и самому тяжело. Но как бы плохо мне ни было, в Хокстоне, мне сказали, намного хуже, — рассмеялся Гарри.

— Мой Гарри как всегда мил, — снова фыркнула Берта.

— Вы, конечно, слышали о бедном Чарли? — спросил он.

— Да, конечно. Но не от вас. Слышала, но вас тут благодарить не за что, — колко ответила женщина, и лицо ее стало злым.

— Но, дорогая леди, я не мог известить. Были трудности, за мной следили и подслушивали, и я знал, что вы недолго будете в неведении. Так вы слышали… Но, возможно, вы слышали не все: в этом браке родился сын.

— В браке! — Выругавшись, женщина разрази-

лась смехом.

Гарри встревожился, но ее смех не был истеричным — скорее эмоциональным, дававшим выход ярости.

— Ну в любом случае ребенок есть… Мальчик, крепкий мальчик с большой лысой головой и орущим ртом, говорят, очень милый.

— Да этот сопляк будет лежать на навозной куче, и ты его не поднимешь, — прошипела Берта.

— Я не вмешиваюсь. Мне все равно плевать на Уиверн. По мне, лучше полные карманы денег, чем поместье с долгами. Пусть забирает мою долю.

— Мне следовало надеть траур, — задумчиво произнесла Берта Вельдекауст.

— Зачем? Никто вас здесь все равно не видит, — сказал Гарри.

— Будь у меня деньги, я бы купила платье.

— Очень мило с вашей стороны. Но почему вы так одеты? Почему вы одеты, как Золушка на балу у короля? — спохватился он.

— А как я должна быть одета, по-вашему? Как Золушка над ведром угля?

— Ну, я бы не стал смешить людей, когда мне самому не до смеха… Эмм… Не то чтобы это имеет какое-то значение, и я сам думаю, что это не

важно, нет…

— Может быть, это имеет какое-то значение, а может, никакого, но я знаю, кто я, и не опущусь, — отрезала Берта. — Я не хочу потеряться среди этих людишек и желаю отличаться от них. Я слишком горда, чтобы ступать по грязи.

— Слишком горда, чтобы ступать по грязи… Слишком горда, чтобы ступать по земле, — пошутил Гарри и немного отодвинул стул, приготовившись уйти. — Боюсь, очень скоро вы не сможете даже кончиком туфли дотянуться до земли, если потеряете бдительность, — я имею в виду виселицу.

Женщина в небесно-голубом атласе и римских жемчугах наклонилась вперед. Черты ее лица заострились, но она не вытянула руку и не попыталась встать. Всего лишь глубоко вздохнула и вернулась в прежнее положение.

— Спасибо, добрый человек. Вы все такой же, — хмыкнула она. — Конечно, вы хотели бы этого, но нет, даже не думайте. Мне лучше знать.

— Зачем мне желать, чтобы вас повесили, Берта? Не глупите, вы мне не мешаете и никогда не помешаете. Есть этот мальчик, и по некоторым причинам я рад, что он есть. Я рад, что он там, где он сейчас, и Уиверн будет его, а не моим…

никогда!

— Гарри, дорогой, вы отлично знаете, — протянула Берта мягко и со смешком, — что вы бы отравили этого мальчика, если б могли.

— Это ложь! — сказал Гарри, побагровев. — Это ложь! Вот вам и ответ.

Они помолчали. Женщина снова хихикнула и кивнула.

— Я не думаю об Уиверне. Он всегда был мне безразличен. У меня свои резоны. Я не хочу погубить этого мальчика, мою кровь, моего племянника, — поклялся Гарри яростно, ударяя рукой по столу. — Нет, Берта, мальчик получит то, что ему причитается. Я позабочусь о том, чтобы вам было удобно, но так не пойдет.

— То есть?

— Вы же не дурочка, Берта, — льстил он. — До самого Лондона нет более светлой головы, чем ваша, и хотя вы немного импульсивны, вы не такая плохая, как пытаетесь нас убедить: быть опрометчивой не всегда плохо. Мне будет жаль, если вас повесят, и я помогу вам выбраться из всего этого без всякого вреда, если вы позволите мне это.

— Продолжайте. Что вы придумали, Гарри Фэрфилд? — спросила она.

— Я расскажу, но не нужно быть жестокой к мальчику… И я знаю, и вы знаете, что вы никогда не были замужем за бедным Чарли.

— Это ложь! — вскрикнула она с горечью.

— Ну же, Берта, успокойтесь… Не нужно спешить, просто прислушайтесь к голосу разума, и я все устрою.

— Не думайте, что у меня нет советчиков, я наняла мистера Уайнелла, лучшего адвоката в Хатертоне, и я знаю, что делаю.

— Чем лучше вам, тем лучше мне, но адвокатам нравится суматоха — они редко остаются друзьями, если их не подмазать, и они предпочитают клиентов, которых не тошнит от закона. Поэтому лучше, чтобы друзья, то есть мы, объединили усилия и договорились, прежде чем дело дойдет до драки. Говорю вам, о вас есть кому позаботиться: я позабочусь о вас, если вы не будете поднимать шум.

Женщина тихо и презрительно рассмеялась:

— Ох-хох! Мастер Гарри, бедняжка! Он напуган, не так ли?

— Вы ужасно ошибаетесь, — возмутился он. — Напуган! Мы еще посмотрим, кто из нас напуган… Я знаю, что брака не было, точно знаю, и не нужно меня обманывать, вы просто окажетесь в нелов-

ком положении. Зачем совать голову в мешок?

— Это вам впору мешок на голову.

— Ну же, Берта, вы умная женщина, не говорите как… как дура. Я все знаю. Если будете продолжать, то только навредите себе. Не так-то просто обмануть Гарри Фэрфилда, не думаю, что его вообще когда-то обманывала женщина, если он сам не хотел обмануться. И уж точно бессмысленно запугивать его.

— Вы бы мне понравились, если бы это было так, — сказала она. — Потому что вы очень похожи на меня.

— Я не пытаюсь запугать вас: вы всегда были немного опрометчивы и безрассудны, но это не худший грех. Нам, Фэрфилдам, это тоже свойственно, и мы не должны быть слишком суровы к вспыльчивым людям. Ни одна девушка, которую я раньше встречал, нежная или скромная, не может сравниться с вами по красоте или приятному разговору, и у вас такое красивое платье, и, если бы вы могли видеть, вы бы нашли меня у своих ног.

— Если бы да кабы, — со вздохом удовлетворения произнесла Берта, растягивая слова. — Я забыла конец… Если бы да кабы, наверное, не понадобился бы ни медник, ни горшечник.

— Отлично сказано, Берта! Итак, никто не сравнится с вами по красоте, — продолжил Гарри.

— Даже эта крошка в усадьбе Карвелл?

— Элис? В подметки вам не годится. Если бы вы увидели ее, а потом посмотрели в зеркало, вы бы сами ответили на свой вопрос.

— Ну вот, снова: если бы я могла посмотреть в зеркало… Уже четырнадцать лет я этого не делала; если бы я увидела эту глупышку… если бы, если бы, если бы! Старая миссис Таили любила повторять про «если бы да кабы»… Старая ведьма! — вдруг выпалила она. — Вот кого нужно разорвать живьем на колесе.

— К черту ее, лучше поговорим о вас, — сказал Гарри. — Я не я, если вы не в лучшей своей форме… Такая фигура… Кстати, вы с каждым днем все хорошеете. Мне нравятся высокие женщины, а вы превосходите их всех, и платье на вас сидит просто великолепно.

— Не думай, глупыш, что мне нравятся комплименты… В одно ухо влетает, из другого вылетает, — сказала Берта с самодовольной ухмылкой.

— Комплименты? С чего бы это? Зная вас столько лет, я просто сказал то, что лежит на поверхности, и мне жаль, что у вас нет денег, чтобы одеться подобающе.

— Никогда не было, — заметила женщина.

— Я это прекрасно знаю, и, если я не вступлюсь, их будет еще меньше.

— Не думаю, что вы что-то знаете об этом…

— Ну же, Берта, не перечьте мне. Я знаю все. Брака не было никогда.

— Пока Чарли был жив, вы так не говорили — вы всегда поддерживали меня.

— Я не собираюсь никому врать, — сказал Гарри грозно.

— Не собираетесь! Вы врете всю свою жизнь, вы что угодно скажете за пенни… Все это ложь, вы подлый, несчастный лжец.

— Да ладно, Берта, не преувеличивайте! Вы разве не слышали, что Фэрфилды — горячий народ? Как говорится, не буди лихо.

— То, что я сказала, — правда, — рассмеялась она. — Вот почему она так ранит.

— А вы не слышали, что правда порождает неприязнь? — в тон рассмеялся он. — Но это неважно, я нисколько не рассердился. Вы нравитесь мне еще больше потому, что говорите то, что думаете: ненавижу сладкоречивые разговоры, которые ведут праведные. Иногда мне нравятся насмешки: если бы вы были слишком вежливы, я не мог бы говорить открыто.

— Прекрасно, что мы нашли общий язык. У вас есть что еще сказать?

— Я могу сказать ясно и четко, и вы выслушаете это? — Да.

— Ну так вот: если вы не подпишете бумагу, думаю, вас повесят.

— Нет, невозможно, — сказала она спокойно.

— Да, так и будет, — ответил Гарри.

— Нет, не может быть, — снова повторила она. — Кто подведет меня под виселицу? Чарли? Нет, и хотя он подло использовал меня, он бы никогда этого не сделал. Элис тоже этого не сделает, она сама так сказала вам. Кажется, я лучше осведомлена, чем вы предполагали. Поэтому не думайте, что я тревожусь.

— Я хотел спасти вас, но вы не позволяете.

— Спасибо, простодушный Гарри, — фыркнула Берта. — Я приду через неделю, и тогда в течение десяти дней все будет кончено.

— Я буду освобождена, и я подам иск против каждого, кто приложил руку к тому, чтобы упрятать меня сюда. Спросите моего адвоката, — парировала она со злой улыбкой.

— Придет судья Чанс, и вам лучше спросить своего адвоката, часто ли он выносит смертные приговоры.

— Хитрый зверь! Это не пройдет, — в ее голосе был сарказм.

— Повторяю, Берта, через неделю я снова приду, и тогда это будет ваш последний шанс, потому что тогда все начнется и никто это уже не остановит.

— Помоги нам Господь! — взвизгнула она притворно и закатила невидящие глаза.

— Вы еще можете сказать что-то подобное журналистам, если не озаботитесь всерьез подумать, пока не стало слишком поздно. А теперь послушайте, потому что это последние слова, которые я скажу. Вы правы: Чарли нет, и если бы он был здесь, а не в лучшем из миров, то ничего бы не изменилось, потому что он никогда бы не вмешался в это дело и не потерпел бы его, как и Элис. Но если вы не подпишете бумагу через неделю и не расскажете всю правду… я сам поддержу обвинение. До свидания, мадам, и хорошенько все обдумайте.

Гарри Фэрфилд вышел из комнаты и еще был полон мрачных эмоций, ожививших конец беседы, когда пришел на постоялый двор, где всего несколько недель назад его брат Чарльз оставил свою лошадь во время последнего визита в Хатертон.

Глава LI
СТАРШИНА АРЧДЕЙЛ

Гарри Фэрфилд был капитаном в милиционной армии графства. Правильно, что дом Фэрфилдов был представлен в этих войсках. Чарльз, обладавший легким и уступчивым характером, возможно, мог бы выполнять легкие обязанности в офицерском чине, если б на него была возложена такая честь, но он в милиционную армию не записался, а Гарри сам выбрал службу. Она расширила его знакомства, облегчала продажу лошадей, когда он совершал объезды ярмарок и рынков графства, и открывала двери домов, маленьких и больших. Он кое-что понимал в играх — вист, шашки и бильярд — и был приятным собеседником. Выгода очевидна: офицерский чин превратил его в заметную фигуру.

По некоему полковому делу, как ему было сказано, старшина Арчдейл ожидал возвращения Гарри Фэрфилда в Уиверне. Гарри как раз думал о старшине, когда въехал во двор.

— Ну, Арчдейл, какие новости? — спросил он, спешившись.

Новостей было немного. Выслушав их, Гарри помолчал и сказал:

— Надеюсь, все хорошо, Арчдейл?

— Да, сэр, спасибо.

Гарри снова помолчал.

Вы пришли сюда пешком, Арчдейл?

— Да, сэр.

— Прекрасно!

Снова пауза.

— Вы должны зайти, Арчдейл. Клинтон, собери-ка обед для старшины Арчдейла! — крикнул он слуге и снова повернулся к старшине. — Пиво вам тоже не помешает. И, Арчдейл, прежде чем уйти, дайте мне знать: возможно, я пройдусь с вами, и мы поговорим по пути.

— Спасибо, сэр, — сказал старшина, — но я уже обедал, и для меня это скорее ужин.

Неловким шагом он проследовал за Клинтоном в дом.

Старшина был выше среднего роста, но грузным, из-за чего казался ниже. Его коротко подстриженные волосы начали седеть. Лицо было бледным и гладким, как мрамор. Полное, с синим от бритья подбородком, оно могло бы показаться жестоким, но не мне судить. Что до остального, его форменный сюртук старомодного покроя,

кивер со всеми присущими ему медными украшениями и высокие сапоги были безупречно опрятными — более представительного мужчину такого же звания вы бы и не нашли в графстве.

Скрипя сапогами, Арчдейл шел за слугой, оставим его пока.

Сквайр встретил сына в холле.

— Ого, не видел тебя почти неделю… Тебе нужно найти другое место для безумной кобылки, которую ты купил у Джима Хадресса: сегодня утром в конюшне она сломала руку мальчишке, лягнув его. Я не буду помогать мальцу, это твое дело, но тебе лучше поторопиться, потому что промедление может стоить денег. Ты шибко умный, Гарри, как я погляжу. Дьявол еще рассчитается с тобой, обещаю. А эта лошадка не должна калечить моих людей, и, кроме того, она искусала ясли. Забери ее отсюда, или, клянусь, я продам ее за ущерб.

Генри Фэрфилд пошел дальше. Его последний сын мрачно усмехнулся в спину отцу и что-то процедил сквозь зубы, зная, что старик его не услышит.

— Кто сломал руку, Дик, или все это чертова ложь моего папаши? — спросил Гарри у слуги, который в этот момент проходил мимо.

— Ну, сэр, да. Джим Слэйд сломал руку в ко-

нюшне. Кобыла лягнула его, сэр.

— Кто?

— Та новая лошадь, которая прибыла в четверг, сэр.

— Она же настоящая овечка, никогда никого не лягала. Наверное, он небрежно с ней играл. Скорее это мой папаша лягнул парня. И что с рукой?

— Доктор в городе вправил ее и наложил лонгету, сэр.

— Запомни, Дик, меня здесь не было. Очень великодушно, конечно, со стороны доктора, не буду отрицать, но пусть не присылает мне счетов. И как чувствует себя Джим? Уверен, что прекрасно.

— Не знаю, сэр, я не видел его с тех пор.

— Ну, ручаюсь, что все хорошо. И можешь передать Джиму, если он хочет, я составлю записку в больницу, но никаких денег — ни пенни!

Отдав столь экономное распоряжение, Гарри выкинул проблему из головы, встал на ступеньках и закурил трубку, ожидая окончания трапезы Арчдейла.

Цвета и длинные тени золотого заката успели померкнуть, прежде чем появился гость — наступило время сумерек и мотыльков.

Когда слуга доложил Гарри Фэрфилду, что ми-

стер Арчдейл готов получить указания, почти сразу же появился и сам старшина.

— Я немного пройдусь с вами, Арчдейл: хочу поговорить по другому делу, это не относится к нашей службе.

Старшина скованно шагал рядом с дымящим джентльменом, который, немного отойдя от дома, вытряс пепел и сунул трубку в карман.

— Милицейская служба — нищенская плата для такого человека, как вы, Арчдейл, — начал Гарри, — а мне скоро потребуется толковый человек, потому что, когда старый сквайр отдаст концы — думаю, ждать осталось недолго, — мне будет сложно управиться со всеми делами, ибо наследником станет младенец, и это будет чертовски долгий период, пока он подрастет, и так или иначе проблемы найдут меня, поскольку я его дядя. Я понятно выражаюсь?

— Вполне, сэр, — спокойно сказал старшина.

— Ну в Уохемптоне у нас есть кое-какая собственность. Там хорошая охота и аж два лесника, но я сомневаюсь, что они истребят всю дичь. Там есть и старый парк… Вы знаете эту часть страны?

— Да, сэр, хорошо знаю.

— Не сомневаюсь, что знаете. Но Уохемптон

должен давать намного больше, чем получает мой папаша. Я не могу убедить его в этом, но я знаю, что я прав. Я сомневаюсь, что конторская книга там в порядке, и мне нужен кто-то вроде приказчика, понимаете? Вы знаете ферму Ноултон?

— Да, сэр.

— Ну это прекрасное место. Уютный дом и достаточно акров, чтобы с них начать. Нынешний съемщик уезжает после страды, а вы отлично подходите. Я сделаю все что угодно для племянника, но мне самому тоже нужно жить. У меня есть мозги, чтобы подзаработать, и если я займусь этим, то мне понадобятся лучшие люди в помощь, понимаете? Вы тот, кто мне нужен, Арчдейл: я ценю вашу репутацию, честность и уверенность, вы смотрите в оба и умеете держать язык за зубами. Вы получите ферму и дом — вы знаете, что я имею в виду, — без арендной платы, плюс к этому содержание трех коров на выгоне, не вытоптанном, но с самой сладкой травой, которую только можно найти в королевстве. Кроме того, вы будете получать пятьдесят фунтов в год. Площадь фермы почти сорок акров, сама она стоит еще сотню. И — если вы со всем справитесь, в чем я уверен, — я не забуду вас до конца жизни.

— Спасибо, сэр, — хладнокровно ответил старшина. — У меня есть небольшой секрет, который я бы не рассказал никому другому, Арчдейл. Но вам расскажу, — сказал Гарри, понизив голос.

— Да, сэр, — хладнокровие старшины уже начало раздражать Фэрфилда.

— Помните, я говорю не со старшиной Арчдейлом, если ферма Ноултон вам нравится…

— Ферма великолепна, сэр, без всяких сомнений, спасибо, сэр.

— …Я говорю с мистером Арчдейлом из Ноултона, моим приказчиком. Это должно решиться после сбора урожая.

— Благодарю вас, сэр.

— Помедленнее, Арчдейл, мы идем слишком быстро. Ну кое-что вы будете должны сохранить втайне ради меня.

— Вы найдете меня достойным доверия, сэр.

— Я это знаю, Арчдейл, поэтому и выбрал вас из числа других. Мне нужен достойный доверия человек, чертовски достойный, потому что обывателям все равно, о чем болтать, языки будут чесать о всякой чепухе, которая не так уж и важна, а у меня нет желания стать фигурой обсуждения для всего графства.

— Да, сэр, — сказал несгибаемый старшина.

— У вас было то же звание на фронте — старшина, не так ли?

— Да, сэр, — сказал Арчдейл и отдал честь по привычке.

— Я так и думал, и это многое о вас говорит, мистер Арчдейл. И, насколько я помню, в одной из ваших бумаг говорилось, что вы были самым молодым старшиной в полку?

— Да, сэр.

— Ну это тоже о многом говорит, ведь это очень ответственная служба. Черт, из всего того, что я видел, я бы сказал, что старшины имеют больше отношения к состоянию полка, чем все другие офицеры, вместе взятые.

— От них многое зависит, сэр.

— Вы держитесь особняком, Арчдейл, это хорошая тактика для повышения.

— У меня было мало знакомств, сэр, я пользовался доверием начальства и был немногословен, но честен и заставлял людей выполнять их обязанности.

— Вот тот, кто мне нужен! — воскликнул Гарри. — Вы будете готовы переехать на ферму Ноултон уже к середине следующего месяца?

— Да, сэр, вероятно.

— Тогда я все устрою для вас — оплату и право

на выгон. Завтра я улажу это с отцом, и мы подпишем бумаги.

— Спасибо, сэр.

— Подождите, — сказал Гарри, возможно, немного смутившись. — Как я сказал, вы должны сделать для меня кое-что еще.

— Да, сэр.

Гарри почти желал, чтобы Арчдейл задавал вопросы и чинил препятствия. Эта ледяная поверхность, под которой он не видел ничего, все больше его напрягала.

— Каждый человек несколько раз в жизни совершает глупости, Арчдейл. Честные люди, бывает, попадаются…

Он поискал сочувствия или насмешки на лице старшины, но не нашел ни того ни другого — только безмятежное высокомерное спокойствие.

— Ну, я не женат, и, что хуже, — сказал Гарри Фэрфилд, с трудом изображая веселье, — мне тут сделали подарочек в виде отродья, уверяя, что это мой сын. Наверное, я просто должен передать его в руки опекуна, обеспечить и держать все в тайне. Вот что, Арчдейл. Вы должны найти достойную бедняжку, которая живет одна и не будет задавать вопросов или создавать проблем, но довольствоваться малым. Каждый квартал я

буду передавать ей через вас деньги, и она никогда не услышит моего имени и не узнает, чей этот ребенок или откуда он. Я бы предпочел, чтобы она думала, что он из бедной семьи, потому как, если узнают, что он из состоятельного рода, те, кто о нем заботятся, могут стать неблагоразумны. Вот почему я выбрал вас, Арчдейл, вы рациональный человек и не будете болтать… Все решено? Мы договорились? — Да, сэр, благодарю вас, вполне, — сказал Арчдейл. — Ну, тогда я напишу вам в конце недели, и ни слова, помните, пока все не подписано и не скреплено печатью, и о ферме Ноултон, и об остальном. Яркие звезды и закат, только подумать… Ночью будет мороз: быстро потемнело и воздух очень свежий.

Он замолчал, но старшина даже с его метеорологическими размышлениями не согласился, не поддержал разговор.

— Я слышал, вчера вы играли на органе для мистера Ардена. Это правда? — вдруг сказал Гарри.

— Пустяк, три клапана, сэр: диапазон, главный и лабиальный регистр.

— Ну сам я ничего не знаю об этом предмете, только слушаю иногда старый орган Уиверна по воскресеньям. Но вы — талант. Как вы научились?

— Подмастерье, сэр, два года у органщика в Уэст-минстере, у мистера Ломаса; он умер, и меня призвали в армию, — это была довольно длинная речь для старшины.

— Ну в этом я тоже могу вам помочь. Я говорю об органе в церкви Уохемптона. Посмотрим. Я не забуду.

— Спасибо, сэр, — повторил Арчдейл. — Какие-то еще указания, сэр?

Мистер Арчдейл стоят у ворот прямо, чуть ли не на вытяжку.

— Нет, это все, Арчдейл. Я рад, что мое предложение вам подходит, и я могу сделать его еще приятнее для вас. Спокойной ночи, Арчдейл, спокойной ночи, старшина.

— Спокойной ночи, сэр.

Арчдейл повернул налево и пошел таким чеканным шагом, что можно было представить аккомпанемент из барабанов и флейт.

Гарри постоял у железных ворот, одна створка которых была открыта. Апатично пнув камешек ногой, он долго смотрел вслед грузной фигуре, растворяющейся в сумерках.

— Ночь — мать мыслей, как я слышал, — сказал Гарри и с лязгом захлопнул створку. — Но мыслью сыт не будешь. Эй! Ворота! Ворота! Джоррокс,

кто-нибудь, — закричал он, — заприте ворота и проверьте все на ночь.

Отдав указания сторожу Джорроксу, он зашагал к дому.

Кто поддержит огонь в очаге Фэрфилдов? Свет жизни тускло горел в глазах старого сквайра, крошечный огонек только-только зажегся в мрачном Карвелле, а Гарри Фэрфилд… придет ли когда-нибудь его черед осветить мир Уиверна?

Глава LII
СКВАЙР ЗОВЕТ К СЕБЕ

Гарри утолил голод, плотно поужинав. Он сидел один в столовой и попивал грог у камина, в котором потрескивали дрова. Расстегнув несколько пуговиц, он сонно смотрел в огонь, откинув голову назад. Тепло огня и жар алкоголя разрумянили его щеки, нос и лоб.

Весь день Гарри провел в седле. Волнения, свежий воздух, плотный ужин, несколько стаканов грога и жаркий огонь… Естественно, он уснул.

Ему снилось, что старый сквайр мертв и погребен. Во сне Гарри совершенно забыл о маленьком мальчике в Карвелле и представлял, будто он наконец-то хозяин Уиверна, весь в черном, только что вернулся с похорон и сидит в обшитой дубом комнате, во всех отношениях такой же, как всегда. Сидит и прислушивается, как ему казалось, к неровному тиканью старых часов. И тут в комнату влетает Томас Рук — лицо белое, рот раскрыт, глаза вываливаются из глазниц.

«Вставайте, мастер Гарри, — кричит старый слуга во сне, необыкновенно дрожа, — потому

что, забери меня дьявол, старый хозяин вернулся: он в синей комнате, зовет вас».

— Ты лжешь! — выдохнул Гарри, просыпаясь от ужаса.

— Ну же, мастер Гарри, быстрее, когда сквайр зовет, мешкать нельзя, — поторопил его реальный Томас Рук.

— Куда идти?..

— В синюю комнату.

— Где… где я? — Гарри встал и посмотрел на Томаса. — Ох, боже мой, Том, кажется, я уснул. Ты чертовски меня напугал… Он и правда там? Хорошо.

Гарри нашел отца, как и было сказано, в синей комнате: сквайр стоял спиной к огню, высокий и худой; когда он повернулся, его глаза казались большими из-за того, что по-стариковски слезились.

— Ну и почему ты не рассказал мне новости, стервец? — начал сквайр, когда он вошел. — Черт возьми, если бы не Томас Рук, я бы ничего не узнал. Так в усадьбе Карвелл отпрыск… Ха-ха-ха! Достойный брак, как говорится. Старая история. Когда брак садится в седло, раскаяние встает на дыбы. Какого черта ты мне ничего не рассказал?

— Хотел рассказать сегодня, но уснул после

ужина. Все верно, там доктора, сиделки, бульон и все такое.

— Хорошо, что Чарли больше нет — мертвая мышь не боится холода, как говорится, и она плохая девчонка… Элис Мэйбелл — плохая девчонка. Викарий был неблагодарным негодяем, и она пошла в него. Она сама по себе, и много пользы ей это принесло? У милой птички нет дома, и ее хлеб — наполовину отруби. Теперь она выучит урок. Я был слишком добр к этой девчонке. Пригрел змеюку на груди. Теперь она мне не мила. Она потеряла и Чарли, и меня. Она бы хотела вернуться в Уиверн, черт ее дери! Теп ерь-то она знает, кто ее лучший друг. Могу поклясться, она была довольна тем, как все сложилось, когда сбежала с глупым Чарли… Теперь то девка повесила нос. Пастор, наверное, каждый день приезжает в усадьбу, чтобы помолиться с ней, но грех не отмолить. Когда все их проказы срываются, они рыдают, поют псалмы, закатывают глаза и говорят: «На все воля Божья». «Здравствуй, смерть», — сказала крыса, когда капкан захлопнулся. Ну она плохая девка, оказалась дурной и вероломной, а Чарли был мягким, хотя и сумасшедшим, но его время вышло, а я был всего лишь безрассудным старым дураком, так они со мной и обошлись. Что же,

время укрощает всех, и всем нам лежать в могилах… И каков мальчик? — спросил он. — Похож на Чарли?

— Ребенок спал, в комнате было темно, и я не рассмотрел, — на ходу выдумал Гарри.

— Темно или светло — один черт. Он сын Элли, и добро не появится от этого племени — никогда! Яблочко от яблони… А эта иностранная мадам, я слышал, клянется, будто она была замужем за бедным Чарли? А мне что? Мне все равно. Она в заточении, но если ее история правдива, то у мальчика нет шансов, а его матери, прости ее Господи, не стоит беспокоиться об Уиверне и желать мне смерти, чтобы путь для ее сына был свободен. Тогда бы ты занял мое место, получил бы ключ от подвала и сидел в моем кресле. Этой мадам… как ее там?., ван Трамп или как-то так… мешает ребенок, как я понимаю, и вы все будете сражаться, пинаться и кусаться в Канцлерском суде… А мне какая разница, кто выиграет, а кто проиграет? Абсолютно никакой, и если ты думаешь, что я потрачу деньги на суд, чтобы прояснить дело, которое меня не касается, то ты сошел с ума… Я не поддерживаю никого из вас и не потрачу ни шиллинга… Мне наплевать. Деритесь прямо на моей могиле, и пусть сильнейший заберет Уи-

верн, но эта грызня обойдется в круглую сумму. Ты продашь рубашки и штаны, ты влипнешь и не сможешь выбраться. Подготовка — половина работы…

Старик хихикал и мотал головой, рассуждая о грядущем скандале.

— Не щадите друг друга ради меня. Пусть Уиверн достанется сильнейшему. Я не буду вмешиваться, обещаю. Какое мне дело до других людей?

Потом он немного успокоился и позвал слугу.

— Сделай еще кувшин, Том, и побольше. И принеси стакан для себя. Хлеб бедняка кормит богача, так что я угощаю. Ишь ты, наследник в усадьбе Карвелл, ни больше ни меньше! Ну я достаточно — и слишком много — нес на своих плечах. А Элис… Она хитра, эта Элис. Она найдет дураков, которые ей помогут. С меня хватит — она плохая девчонка. Взгляни на клавикорды, на которых она играла, — он указал на пианино, — я заказал их из Лондона, чтобы девка бряцала мелодии, сколько захочет. Мне надо расколотить инструмент и сбросить в реку, только так она поймет, что она мне безразлична. Повернулась ко мне спиной, когда ей этого захотелось, но и я не повернусь к ней лицом, когда она пошла

ко дну. Бесстыжая девчонка, нет в ней ума, а ведь говорят: краса до венца, а ум до конца. Все, хватит. Больше мне сказать нечего. Бери свечу, если хочешь спать, и отправляйся в кровать. — С мрачным видом он кивнул, отпуская сына.

Тут вошел Томас Рук с пуншем.

— Отлично, Том, это прогреет кишки и мне, и тебе.

Сколько ты уже здесь? Всегда в Уиверне, всегда с семьей. Уже шестьдесят лет, я подсчитал, Том. Я помню тебя в нашей ливрее, изабелловой и синей — старые цвета. Сейчас они не знают такого названия — изабелловый, говорят «лососевый». Раньше мы часто встречали Рождество, помнишь? Думаю, больше не будем. Моя сага почти закончена, немного до конца. Сейчас неплохое время, Том, не нам жаловаться: мы получили свое, а после сыра остается только дырка, как говорит народ. Бери стакан и садись, Том. Я лучше выпью стакан с тобой, чем дюжину с моим сыном Гарри — жалким негодяем! Разве он не подлец, Том? И он не Фэрфилд, так ведь, черт тебя дери?

— Я бы так не сказал, сэр. Он высокий, красивый мужчина, ваша порода, и мастер Гарри может выпить с вами как истинный джентльмен.

— Как животное, ты хочешь сказать. Он ни-

когда не расскажет тебе хорошую историю, не посмеется от души, и оттого, что он пьет, у него только кожа портится. Он не вспыльчивый, не отважный с пьяных глаз, как мы, Фэрфилды, в нем нет добродушия, Том, он скуп и хитер. И когда он пьет, черт возьми, он всегда следит за собой. Прямо как его мать: она была скрягой, и сын весь в нее, жмется продать и жмется купить. Ненавижу его трезвым, Том, и ненавижу пьяным. Давай сюда стакан, старик, это лучший пунш, что ты сварил. Держи стакан прямо, не разлей, дурак! О чем это я? Старое отжило свое, Том, мир меняется, и дряхлую собаку не научишь новым трюкам. Наверное, и сейчас неплохо, но я этого не вижу, а старики путаются под ногами, так было всегда, и для нас ничего не меняется. Мы, Фэрфилды, были храбрыми парнями, но в Уиверне после меня таких уже не будет. Помню, когда я был мальчиком, на ярмарку Уиверна съезжались лорды и леди в шелках и атласе со всей округи, кто-то верхом на лошадях, кто-то в каретах, чтобы посмотреть на бои за пояс и на фехтование на посохах. Это было отличное время, Том, и Фэрфилды всегда были победителями, и… какой это был год? Да, за неделю до того дня мне исполнилось двадцать, то есть шестьдесят четыре года назад, когда я

бросил Дика Даттона через плечо и сломал ему ключицу, а Даттон считался лучшим, кого сюда привозили, и Мэг Уикс — помнишь Мэг Уикс с карими глазами? — видела это… Но борьбы больше нет, и в округе не осталось ни одного человека, кто бы мог отличить боевой посох от цепа. И когда я отправлюсь на свое место на кладбище, в Уиверне больше не будет истинного Фэрфилда, ибо я не считаю таковым Гарри. Он не Фэрфилд, ни в коем случае, и никогда им не был. В Чарли это было, в красавчике Чарли. Он был во многом похож на меня, да. А капитан Джолифф умер на следующий день после того, как ему прострелили руку в Тьюксбери — всего двадцать лет назад — за то, что он плохо сказал обо мне. Старина Мортон прочитал это, как он сказал, в лондонской газете. Но Чарли больше нет, и… встань, Том, и налей нам еще по стаканчику — мы выпьем за него.

Томас Рук первым заговорил после этого:

— Горячая кровь и гордая, сэр, и немного дикая, когда мастер Чарльз был молод. Храбрый парень, сэр, и самый добродушный из всех, кого я видел. Он не должен лежать там один. Мне это не нравится, нет. Он бы с вами так не поступил, сэр, он любил вас, он любил всех, кто когда-то был добр к нему. Я помню, как он плакал по бедному ма-

стеру Уилли. Они были очень похожи и любили друг друга. Мастер Уилли был высокий, как он, и такой же красивый.

— Ни слова о них, дурак, — гневно прервал его сквайр. — Хватит, придержи язык, Том. Черт возьми, думаешь, я настолько глуп? — Он сильно тряс слугу за руку, когда говорил это.

Глава LIII
ГАРРИ ФЭРФИЛД ВОЛНУЕТСЯ

Несколько дней спустя Гарри Фэрфилд отправился из Уиверна в живописный маленький городок Уайкфорд. Проехав крутой узкий мост, он остановился у дома доктора Уиллетта. Гарри собирался кое-что ему сказать, но как хороший дипломат и как опытный торговец решил не торопиться.

Доктор в халате и тапочках подстригал живую изгородь перед домом — время дневного обхода еще не настало.

— «Дровосек, пощади это дерево», — вместо приветствия пропел Гарри. — Как поживаете, доктор Уиллетт?

— Ох, ох! Это вы? — С некоторым усилием доктор распрямил спину, а старые спины нелегко разогнуть. — Хорошо, спасибо… как и вы, судя по всему.

— Не жалуюсь.

— А как мистер Генри? — вежливо спросил доктор.

— Прочен и нерушим, как наш старый дом, и

намерен стоять вечно. Я не вижу в нем перемен. В Карвел-ле все хорошо?

— Куда там… — вздохнул доктор.

— А что такое?

— Бедная молодая мать… Она очень больна. По-прежнему тревожна и слаба, а вчера, когда я навещал ее, у нее была явно выраженная лихорадка.

— Лихорадка? От чего?

— Ну, сильно расстроены нервы… — начал доктор.

— Убедитесь, что это не тиф, — перебил его Гарри. — Надеюсь, у ребенка нет жара?

— Нет, мальчик в порядке.

— На мельнице Грайс тиф, и в лощине ребенок со скарлатиной, как я слышал.

— Правда? Ха! А мне говорили, что в той стороне все нормально, — удивился доктор. — Если так, леди Уиндейл из Оултона — она кажется такой добродушной — не возьмет ли ребенка к себе на какое-то время? Оултон — хорошее место, уединенное, и расположено высоко — не то что мы. Однажды я посещал там пациента с водянкой, когда Уиндейлы еще были в Индии.

— Да, она очень добра, и она бы с радостью приняла и мать, и ребенка, но говорит, что не

заберет одного ребенка — мол, нельзя растить его в отрыве от матери. Думаю, она права, мальчик должен остаться и перетерпеть все превратности. Во сколько вы будете там сегодня?

— В три, — ответил доктор.

— Отлично, я буду проезжать у мельницы примерно в это время и заеду, чтобы услышать, что вы скажете, а потом отправлюсь домой по выгону Крессли. Мне все равно, каким путем ехать. Я немного свернул, чтобы увидеться с вами и услышать новости, но мне пора ехать. До свидания, доктор. Ваши церковные часы идут верно? — спросил Гарри, глядя на старую башню и вытаскивая часы, чтобы сравнить время.

— Часы идут так, как захочет дьяк, как гласит старая пословица, но здесь мы все живем по часам, и они нас не обманывают, — сказал старый доктор Уиллетт и поднес руку к глазам, рассматривая, как и Гарри, золотые стрелки и цифры.

— Ну, тогда до свидания, мистер Уиллетт, благослови вас Бог!

Гарри ускакал, не дожидаясь, пока доктор с ним попрощается.

В усадьбе Карвелл в три часа дня стояла тишина, как и в любом доме с больным. Нарушали ее лишь осторожные шаги Дульчибеллы, ее шепот

у двери, время от времени — усталый стон из темной спальни и плач младенца из комнаты неподалеку.

Миссис Таили на время приняла заботу о ребенке, а Дульчибелла хлопотала у постели Элис.

Ко всеобщему удивлению, в разгар дня в усадьбу прибыл Гарри Фэрфилд. На этот раз он приехал не на коне, а на двуколке. В тот день он проделал больше работы, чем многие мужчины, что зарабатывают на хлеб нелегким трудом.

— Накорми лошадь, Питер. Как здесь дела? — сказал он, спрыгивая на землю.

— Боюсь, что плохо, сэр.

— Стало хуже?

— Не знаю, сэр, никто не знает, пока не придет доктор. Но точно не лучше, потому что я слышал, как миссис Крейн сказала, что хозяйка не закрывала глаза всю ночь.

— Надеюсь, они не забыли о ребенке впопыхах? — спросил Гарри.

— Миссис Крейн, миссис Таили и Лилли Доггер присматривают за ним по очереди.

— Все равно так не пойдет, ты же знаешь, — покачал головой Гарри. — Смотри, хорошенько накорми лошадку, Питер, по заслугам и честь. В лощине она выложилась на полную, скажу я

тебе. А доктор скоро будет.

— Да, сэр.

— Ну я останусь, чтобы послушать, что он скажет. Говорят, в долине Карвелл тиф и скарлатина.

— Не знаю, вроде там все хорошо.

— Не выпрягай лошадку, Питер. Привяжи ее у ворот к кольцу и покорми из торбы. Она спокойна, как ягненок. А потом возвращайся. Я хочу с тобой поговорить. Собираюсь купить две-три кобылки и подумал, что ты мог видеть подходящих. Миссис Таили на кухне?

— Наверное, сэр. Не знаю.

— Ну, подумай о кобылках… Если они подойдут, можно будет прокрутить дельце.

Гарри постучал в окно кухни и, увидев миссис Таили, улыбнулся ей. Войдя в кухню, он в своей манере хлопнул Милдред по плечу большой рукой.

— Здесь поселилась болезнь, как мне сказали, но болезнь лучше печали, старушка.

— Мы все опечалены, сэр. Ваш брат не так давно умер, чтобы в его доме не было печали, а его вдова… Может, болезнь и лучше печали, но здесь это не так… Эта девчонка, Лилли Доггер, она помогает мне не больше, чем петух на шпиле Карвелла.

Никогда тут не было ничего подобного: я стерла свои старые ноги, я не могу долго стоять и двадцать раз на дню жалею, что не лежу в могиле.

— Фыркающая лошадь и ворчащая жена никогда не уймутся, как говорится. Не бойся, ты не умрешь, старушка, и, если бы тебя здесь не было, все бы развалилось. Но скоро все наладится, я гарантирую, — ничто не длится вечно, ты же знаешь, и мы послушаем, что сейчас скажет доктор.

— Да что нового он может сказать? Пиявки как лекарство и Бог как лекарь для души. Смерть придет, когда позволит Господь, и болезнь показывает нам, кто мы такие. Все боятся могилы, как ребенок темноты. Не знаю, насколько этот доктор полезен сейчас и насколько он был полезен мастеру Чарльзу. Хотя он не хуже других и лучше многих, берет он дорого. Вчера приезжала леди Уиндейл, она была так плоха, что не могла выйти из кареты. Но она позвала миссис Крейн и одолжила пятьдесят фунтов, чтобы все было в порядке, пока молодая леди, помоги ей Боже, не поправится и не сможет взяться за дела. Если б не леди Уиндейл, до конца недели мы бы оказались в затруднительном положении. Жалость — хорошо, но помощь лучше. Хорошо, что в этом скупом мире остались те, кто не позволят своим родичам

нуждаться. А вот сквайр Генри из Уиверна… Его маленький внук в колыбели, а он ни пенса не дал. Да и вы, мастер Гарри. Странно, что вы не подумали об этом.

Гарри рассмеялся, возможно, в высшей степени нервно.

— Ну, цыпочка…

— Я вам не цыпочка, я много лет служу в Карвелле, и я говорю, что думаю. Мне бы не хотелось, чтобы вашу семью считали скупой. Если во время болезни не хватает денег, то это позор!

— Ну, ты знаешь, нужды нет, но папаша в гневе… Но он придет в себя. Что до меня, то я беден как церковная мышь. Возьми меня, покрути так и сяк — и увидишь, что я живу с лошадей, и не всегда у меня в кармане есть деньги даже на пиво… В кармане портного всегда наперсток да два медяка… Ты слишком остра на язык, Милдред, хотя говоришь правильные вещи. На дне кружки доброта, хотя бражка горька, — вспомнил он очередную пословицу.

— Кажется, это доктор, — сказала Милдред, заложив ладонь за ухо и прислушиваясь.

— Да, — сказал Гарри, — я слышу его голос.

Он вышел, чтобы встретить доктора.

Но прежде чем доктор Уиллетт поднялся на-

верх, Гарри поговорил с ним наедине в гостиной.

— Мы еще увидимся?

— Прежде чем я уйду? Да. *Я* загляну сюда.

— Хорошо, — сказал Гарри, и доктор поднялся по лестнице к больной.

Глава LIV
ПОЕЗДКА В ТВАЙФОРД

Менее чем через десять минут доктор спустился.

— И? — сказал Гарри через плечо, быстро отворачиваясь от окна.

— Без изменений. Это не тот случай, в котором медицина может помочь. У нее сохранилось немного сил, и это ободряет, но, вы знаете, случай тревожный, очень тревожный.

— Надеюсь, они заботятся о ребенке. Миссис Крейн подошла бы для этого намного лучше сухой и бесчувственной Милдред Таили. Но сердце Элли разобьется, если забрать у нее Дульчибеллу, — она к ней привыкла, понимаете? И как лучше поступить? Было бы горько потерять бедную Элли, но еще горше потерять мальчика, потому что, хоть я и возьму на себя заботу о них, одно я не сделаю точно — я никогда не женюсь. Мое время ушло, и будь я проклят, если я не перебрал по молодости пол-Англии. Я бы хотел управлять состоянием Фэрфилдов, сохранить его для наследника, получив, конечно же, свою долю. Если они

угробят этого мальчика, некому будет блюсти имя Уиверна, а его угробят, оставив на попечении жесткой Милдред Таили. У нее характер дьявола, и, кроме того, у нее куча других забот… Я знаю, что ребенок умрет при таких обстоятельствах, и я не знаю, что посоветовать, черт меня дери.

— В этом доме все в смятении, и ребенку, определенно, уделяется очень мало внимания, — сказал доктор Уиллетт.

— Да еще эта чертова скарлатина в лощине…

Доктор пожал плечами и *покачал головой.*

— *Я* переговорил *с папашей, — продолжил Гарри,* — подумав, что он мог *бы забрать ребенка в Уиверн, где* ему были бы *обеспечены комфорт и уход, но он приходит* в ярость от этой темы, так что *пытаться бесполезно. Я* немного *пройдусь с вами, доктор? Может, вы* что-то придумаете? У меня нет *денег, чтобы ими разбрасываться,* но *чтобы ребенок не страдал, я сделаю все* возможное.

— Очень любезно *с вашей стороны, — сказал доктор* Уиллетт, глядя на него *восхищенно. — Да-да, они* здесь все заняты, а небольшое *пренебрежение иногда* имеет большое значение для *ребенка.*

Разговаривая, они *вышли во двор, доктор сел на своего* коня, и Гарри прошел с ним часть *пути до*

выгона Крессли.

По возвращении в *усадьбу Гарри позвал Дульчи-беллу* и тихо сказал ей:

— Доктор говорит, что в своем *нынешнем состоянии* бедняжка Элис ничего не *понимает.*

— Ну, знаете, сейчас она в бреду, но в *скором* времени ее разум прояснится.

— Доктор настаивает, что ей *нельзя говорить ничего* такого, что могло бы ее расстроить, и *особенно* о ребенке. По его словам, это место *мальчику совершенно* не подходит, и он *отказывается нести ответственность* за его жизнь, если *ребенок и дальше останется* здесь. Повсюду скарлатина и тиф, *а вы и так* сбились с ног. Доктор говорит, что за *мальчиком может* присмотреть женщина, живущая *близ Уайкфорда.*

Сегодня вечером я увезу туда *Милдред с младенцем,* и мы спасем его от опасности *подхватить болезнь.*

— Господи помоги! — сказала Дульчибелла, помолчав.

— Аминь, — добавил Гарри и пошел вниз, насвистывая и засунув руки в карманы, чтобы рассказать ту же историю Милдред Таили.

— Жаль, — сказала она мрачно, — что ребенка необходимо отослать из дома.

— Особенно когда вокруг скарлатина и тиф, — сказал Гарри.

— Ребенку необходима мать.

— Но сейчас она ни на что не способна, и к тому же она может передать ему лихорадку, чем бы та ни была вызвана.

— Ну я могу только одно сказать: очень жаль, что ребенка придется отрывать от родного дома и от родной матери, — повторила миссис Таили.

— А кто в основном заботится о нем сейчас? — прищурился Гарри.

— Лилли Доггер, — вздохнула Милдред.

— Лилли Доггер! Глупая девчонка! Вы же сами говорили, что не доверили бы ей и котенка!

Миссис Таили не могла это отрицать. Она хмыкнула и вздернула подбородок.

— В Уиверне никогда не нянчили детей дома, — наседал Гарри. — Ни меня, ни беднягу Чарли, ни Уилли — никого из нас. Старики говорят, и ты это наверняка слышала, что с кормилицей один год за семь, так и есть — мы все были высокими, крепкими парнями. Доктор настоятельно советует увезти мальчика. Ни у кого в доме нет времени присматривать за ним, и случится беда, если не последовать указаниям мистера Уиллетта. Поэтому завяжи чепчик, укутай мальца в одеяльца,

и я отвезу вас в то место. Мне это немного не по пути, но я его дядя, и я сказал доктору, что если у него будут какие-то расходы, то я возьму их на себя, а тебе дам фунт на удачу. Видишь, я не такой скряга, каким ты меня считаешь.

— Спасибо, мастер Гарри, и я не буду отрицать, что Фэрфилды всегда отдавали детей кормилице.

— Мастер Чарльз, будь он жив, поступил бы так же, и Элис, если б могла говорить, согласилась бы с доводами доктора. Прости, что вынужден просить тебя поехать со мной, но ты сегодня же вернешься. Знаешь, я не могу править и приглядывать за ребенком одновременно, и люди будут коситься, когда ребенок закричит в двуколке.

— О нет, нет. Я не допущу, чтобы бедняга лежал совсем один, словно сверток из магазина. Нет и нет! — воскликнула миссис Таили.

— Дай мне кусок хлеба, сыра и кружку пива. Меня здесь всегда поили и кормили. Но можешь не торопиться — у тебя есть целый час на сборы, потому что доктор Уиллетт не найдет кормилицу раньше.

Посидев в кухне, Гарри вышел, раскурил трубку и поговорил с Питером Шервудом. Питер подумал, что молодой сквайр какой-то вялый и странный, возможно, не совсем здоров, потому

что хлеб с сыром так и не съел, но зато пива выпил больше обычного.

— Положи больше молока и леденцов… Или что он там любит, чтоб молчал. Я не выношу детского крика, — сказал Гарри Лилли Доггер.

С красными глазами и носом девочка отчаянно рыдала и тихонько шептала малышу — чтобы старая Милдред не услышала и не взгрела ее — слова прощания и нежности, крепко держа его на руках. Прекрасна для нас, мужчин, и совершенно непостижима женская любовь к детям. Лилли Доггер до этого момента вела спокойную, хотя и полную забот жизнь в усадьбе Карвелл. Но вот настало прощание, и ее мир пошатнулся.

Старая Милдред в поношенном коричневом плаще и потертом чепце поднялась в двуколку и устроила ребенка на коленях. Наконец, когда все было готово, двуколка пришла в движение.

Стояла поздняя осень, время теплых дней прошло. Поездка оказалась долгой, намного дольше, чем ожидала миссис Таили. Взошла луна, когда они въехали в ту часть графства, которая была ей незнакома. Отдельные группы деревьев, возможно, напоминавшие о давно вырубленном лесе, придавали местности печальный вид.

Миссис Таили не была болтливой, да и жизнь в

усадьбе Карвелл не располагала к разговорам, но она возмутилась мрачному молчанию мастера Гарри, который не сказал ни слова с тех пор, как они выехали.

Ближе к концу путешествия она заметила, что мастер Гарри часто поглядывает на часы и подстегивает кобылу; он явно тревожился.

Они были вынуждены дважды остановиться, чтобы покормить малыша. «Да, — подумала Милдред, — мастер Гарри должен смотреть вперед и править, но перекинуться со мной парой слов его бы не затруднило. А уж когда мы остановились накормить мальца, тут нет никаких оправданий. Разве он заговорил со мной? Нет. Он спрыгнул и поправил пряжку на лошади. Потом снова сел, набросил овчину на колени, откинулся на подушку и даже не спросил, как мы там с ребенком!»

Спустя какое-то время они подъехали к неглубокой лощине, где тек мелкий ручей; по обе стороны стояло несколько скромных жилищ. Едва ли это можно было назвать деревней, и у ближнего ее конца двуколка остановилась перед домом немного больше других, крыльцо которого было густо увито лозой. Напротив в тени двух гигантских ясеней прятался постоялый двор.

Гарри помог миссис Таили, державшей ребенка

на руках, спуститься и молча отвел в дом. Опытный взгляд старой служанки осмотрел комнат)'. Она была простой и чистой, с ярусами дельфийских орнаментов на шкафу и голландскими часами, тикающими в углу.

В камине трещал хворост, на столе горела свеча в ярком медном подсвечнике. Также Милдред заметила лестницу, поднимающуюся на чердак, в окне которого она видела свет, еще когда сидела в двуколке.

Когда они вошли, женщина в плаще и чепце встала и сделала книксен. Гарри подтащил неуклюжее кресло к огню и предложил Милдред. Потом спросил у женщины:

— Когда должна быть карета из Уорхемптона?

— Через двадцать пять минут, сэр, — ответила та, взглянув на часы и сделав еще один книксен.

— Кормилица приедет в ней, — мрачно сообщил он Милдред. — А здесь уютное местечко, и чистое, как кость после собаки, сама видишь. — Вы не могли бы, — продолжил он, обращаясь к женщине, — сказать Арчдейлу, если он здесь, что я хочу поговорить с ним?

— Думаю, он через дорогу, сэр, с лошадью занят. Пойду позову его, сэр, — сказала женщина и вышла.

— Вот куда мой брат Чарльз хотел отдать ребенка под попечение кормилицы — в Твайфорд, здесь прекрасный воздух. Он ждал ребенка, бедняга, и много говорил со мной о нем. Не хочешь что-нибудь съесть или выпить? Тут много всего, как бы бедно ни выглядела эта обитель. А вот фунт, который я обещал тебе на удачу, когда мы уезжали из Карвелла.

Он пошарил в кармане и положил золотой кружок на ладонь служанки.

— Спасибо, мастер Гарри, — сказала Милдред, инстинктивно попытавшись встать, чтобы сделать книксен.

Но Гарри, положив руку на плечо, удержал ее:

— Сиди и отдыхай после того, как тряслась всю дорогу. А что в котомке?

— Вещи малыша, сэр.

— Хорошо. Ну, так что ты будешь?

— Я чувствую себя не пойми как, мастер Гарри, спасибо. Я лучше ничего не буду, пока не вернусь домой, и там уже выпью чашечку чая.

— Не будешь есть?

— Нет, сэр, спасибо.

— Ну, — сказал Гарри с облегчением и все же решил порадовать, а может, и задобрить служанку, — если не хочешь есть, то непременно

выпьешь. И я скажу, что это будет: кружечка глинтвейна. Ну же, ты должна.

— Что ж, мастер Гарри, если будете и вы, то я не откажусь, — согласилась старуха.

Гарри сходил на постоялый двор и принес глинтвейн: кружка в одной руке, стакан — в другой.

— Чертовски хороший напиток, Милдред, и я этому рад. Я помню, ты когда-то любила это варево, и оно тебе только на пользу.

Он определенно пытался быть добрым. Поставив глинтвейн на стол, он положил руку на плечо служанки. Милдред подумала, что, должно быть, она неправильно воспринимала мастера Гарри, считая его грубым и хитрым, и что он больше Фэрфилд по природе, чем она всегда думала.

Осушив свой стакан, Гарри снова вышел и поговорил с Арчдейлом, который был теперь в гражданской одежде: круглая шляпа и пальто, застегнутое до самого подбородка; в руках у него была плетка. Как обычно, он был необычайно спокоен и краток; а когда Гарри говорил с ним снаружи, миссис Таили показалось, что она слышит шаги на чердаке над своей головой и еще какой-то звук, возбудивший ее любопытство. Она прислушалась, но все снова стихло.

Гарри вернулся в относительно хорошем расположении духа.

— Ну, миссис Таили, — сказал он, — кажется, карета немного задерживается, но, как бы то ни было, этот человек не может ждать. — Он указал через плечо на мистера Арчдейла, стоявшего у двери. — Он отвезет тебя назад, но дорогу он знает только до выгона Крессли, а дальше ты ему покажешь. Ты же хочешь поскорее назад к бедной Элис? Не волнуйся, доктор часто будет сюда заглядывать, почти каждый день, а я буду рассказывать вам, как поживает мальчик. — Потом он показал на хозяйку. — Вот эта уважаемая женщина — как ее зовут? — она не уйдет, пока не приедет карета. Ты оставишь ей ребенка, а я подожду здесь и передам кормилице, которая едет из Уайкфорда. Ну же, подойди… не ты — женщина! Ну, Милдред, отдай ей ребенка.

У женщины было милое лицо, с ангельским светом женской нежности она смотрела на спящее личико малыша.

— Господь любит тебя, — прошептала она, улыбаясь. — Какое чудесное создание!

Милдред Таили тоже посмотрела на ребенка, но ничего не сказала. Прикусила губу, и ее глаза наполнились слезами, которые пролились, ко-

гда она отдала мальчика. Затем она поспешно вышла, забралась в двуколку, и ее спутник, не проронив ни слова, быстро повез ее обратно.

Глава LV
КАК ПОЖИВАЕТ РЕБЕНОК?

Доктор Уиллетт регулярно приезжал в усадьбу, и добрая леди Уиндейл, наведывавшаяся не менее часто, выслушивала его указания о бульоне, кашах, винах и других вещах, таких как подавленное состояние и лихорадка.

Еще через несколько дней он сменил лечение. Больную нельзя было заставить проглотить лекарства, и доктор Уиллетт растерялся. Обычно лихорадку сопровождает желудочное расстройство, но тут ничего такого не было. Ему казалось, что она напоминает мерцающий коварный огонь, который в любой момент может вспыхнуть и погубить пациентку.

Некоторые болезни не лечатся через тело — болеет разум, который и есть источник неподатливых недугов. Когда люди умирают от них, говорят, что они умерли от разбитого сердца. Склянки фармацевтов тут бессильны. Болезнь сердца или болезнь души коренится в том, что ни один доктор не может понять до конца. Когда бессмертный и в этой жизни непостижимый

для стороннего человека дух страдает, болит все. Дух корчится от боли, и тело, сосуд, в который заключена душа, отражает, но не может унять мучения.

Доктор Уиллетт сказал в один из дней, что ребенок болеет и что, должно быть, он заболел до того, как покинул усадьбу.

На этот счет у него с Милдред Таили был жаркий спор.

Когда стороны немного остыли, оба признали, что, возможно, симптомы могли быть недостаточно выражены, чтобы привлечь внимание неосведомленного наблюдателя.

В усадьбе становилось все сумрачнее. Казалось, там поселилась смерть, и тень плюмажей катафалка будто легла на ее окна. Мужество уменьшалось, отчаяние возрастало, и для домочадцев характер миссис Таили становился все невыносимее. Дни казались очень длинными, и с тех пор, как малыш совершил путешествие в Твайфорд, их прошло уже очень много. Доктор пал духом, он молча стоял у постели больной, не зная, что предпринять. Его вопросы были короче, и он был менее разговорчивым, чем обычно, когда уходил.

Миссис Таили решила, что удар неизбежен,

и втайне желала, чтобы он пришел скорее, ибо должен прийти. Отец погребен всего два месяца назад, мать преждевременно погружается в могилу, и бедный ребенок тоже умирает! Неужели эта семья проклята? Что за пагубное влияние!

Уезжая в тот день, доктор Уиллетт сказал, что вернется через мельницу Грайс. Уже было темно, время приближалось к семи вечера. Питер был на кузнице, Дульчибелла и Лилли Доггер — наверху, а Милдред — в кухне. Сегодня она сильнее, чем когда-либо, боялась за молодую хозяйку. В глазах доктора, когда он сказал ей, что заглянет на обратном пути, она увидела что-то такое, что не на шутку встревожило ее, и сейчас, сидя у очага, не могла отделаться от мрачных предчувствий.

Не выдержав, Милдред поднялась наверх, к двери больной, но в этот час изменения были маловероятны, и она снова спустилась. Ей пришла в голову идея, что хозяйка умрет этой ночью; Милдред стала нервной, она устала слушать часы смерти.

— Интересно, почему не приехал мастер Гарри, пусть только спросить, жива его невестка или мертва, и почему доктор Уиллетт не едет? Небось унюхал где-то хороший ужин и набивает живот, пока бедная леди умирает.

Миссис Таили больше не могла терпеть своих фантазий, поэтому вышла из дома и пошла по темной дороге, ведущей в долину, чтобы встретить доктора.

Ничуть не утешившись этой мрачной прогулкой, устав прислушиваться к цокоту копыт, она остановилась, глядя на далекую мельницу Грайс, а потом в отчаянии и горечи вернулась к усадьбе.

Войдя во двор, она увидела, как к ней приближается мужская фигура. Сначала ей показалось, что это доктор, но это был не он, и, в страхе воскликнув «Господи! Кто это?», она застыла на месте.

— Ты что, не узнаешь меня, старушка? — услышала она голос Гарри Фэрфилда. — У меня всего несколько минут. Утром ты отправишься со мной в Твайфорд.

— В Твайфорд?

— Да, в Твайфорд. И какого черта ты оставляешь ворота открытыми? Я зашел на кухню и поднялся по лестнице, разыскивая тебя. Думал, что тебя кокнули.

— А чего здесь бояться, сэр? Если б не было так заведено, мы бы не закрывали запор от Рождества до Рождества.

— У «Трех оленей», между усадьбой и Хатертоном, во вторник была найдена женщина с перерезанным горлом. Если ты хочешь, чтобы подобное случилось здесь, то пожалуйста. Я приеду в восемь, чтобы забрать тебя.

— Ребенок болен?

— Нет. Был болен, но выздоравливает. То есть если это тот ребенок…

— Какого черта вы имеете в виду, мастер Гарри?

— Сегодня утром я смотрел на ребенка, и черт меня дери, если это тот же самый, которого мы оставили там! — сказал Гарри.

— Как, сэр… мастер Гарри, что вы такое говорите?

— Я сомневаюсь, что это тот же ребенок, поэтому ты должна поехать и посмотреть на него. Никому не говори об этом, я тоже буду молчать: если ты расскажешь, мы никогда не узнаем правды.

— Господи боже мой! — воскликнула Милдред, побледнев и нахмурившись.

— Я не останусь. И не буду есть. Я не могу откладывать — моя кобылка уже копытами бьет. Какое-то сообщение в Уайкфорд? Я буду проезжать мимо дома Уиллетта.

— Ну-ну! — повторила Милдред, глядя на него и едва дыша. — Грех — это грех, видели его или нет, и наказание последует. Бог одной рукой ласкает, второй — карает.

— Не суйся не в свое дело, старушка. Ты немного помешалась, да? — сверкнул глазами Гарри.

— Господи, прости нас!

— Аминь, — закончил он.

Оба помолчали.

— Женщину и дурака не отличишь, — вновь заговорил Гарри. — Господь любит тебя! Для безумных слов — глухие уши, как говорится. Курам на смех.

— Я поеду завтра и взгляну на ребенка, — сказала Милдред сердито, воздев руки.

— Это все, что мне было нужно услышать. Ну же, какой от этого может быть вред? Приди в себя!

— Пастор говорил, две вещи не должны нас злить: та, на что мы не можем повлиять, и та, на что можем, — сказала Милдред.

— Поехать туда — это самое меньшее, что мы можем сделать, но и самое большее, — кивнул Гарри. — Как Элли?

— Умирает, я думаю. Она уйдет до конца дня, как мне кажется.

— Плохо, — нахмурился Гарри.

— Удача или неудача, Бог вознаграждает. Я не могу сказать о ней ничего плохого.

— Бедняжка!

— Я виню себя, но что я могу сделать? Если с ребенком что-то случилось, бедная леди! Для нее будет лучше, если она умрет.

— Многие дали бы тебе по голове за меньшее, — ответил Гарри с грозным видом. — Для вас, женщин, все забава. Вам нравится вылить ковш жира на ноги мужчины и сказать, что это баранина. Ты не можешь сказать прямо, чтобы я вел себя как мужчина и Фэрфилд, черт возьми! Ты едешь завтра?

— Я поеду с вами, мастер Гарри. Как я понимаю, это то, чего вы хотите.

— Ну да, так и есть. Если ты думаешь, что я просто так навредил бедному ребенку, то ты еще более глупая и злобная ведьма, чем я тебя считал. Жаль, что бедная Элли меня не слышит, я бы поклялся на коленях у ее смертного одра именем Господа, который меня создал, что я буду отвечать за этого мальчика, будто он мой сын, пока он не окажется в безопасности в Уиверне. Как ты не понимаешь, женщина, что я думал только о безопасности мальчика, когда просил

тебя поехать по такому поручению в Твайфорд?

— Ну возможно… возможно. Восемь часов… Боюсь, к этому времени здесь уже будет труп.

— Не будь дурочкой, и я прощу тебя, Милдред, — сказал он, протягивая руку, — не обижайся на мои грубые слова — у нас, Фэрфилдов, всегда так, и многие из них не стали бы терпеть то, как ты провоцировала меня. И помни, запри все двери. Бедная, бедная Элли! Надеюсь, она еще продержится. И не забудь — ровно в восемь.

Гарри ушел.

— Все в усадьбе идет не так, — вздохнула миссис Таили. — Никогда не шло и не будет. — Помолчав и еще раз вздохнув, она сказала: — Нет, я не буду думать об этом… Не могу… Они не такие. Они могут быть непостоянными с девушкой или вспыльчивыми с мужчиной, и слишком острыми на язык, и с тяжелой рукой, но такое… Я не могу поверить… Нет, и мне жаль, что я это слышала. А ведь на чердаке тогда плакал ребенок… Мне жаль, что я про это не сказала. Не знаю почему, но мне это не понравилось. Его там прятали… Но сердце подвело меня.

Милдред вошла в дом. Теперь она не думала о леди наверху — ее мысли были полны раскаяния, хотя она не могла сказать, за что винит

себя. Возможно, она преувеличила свою власть и вообразила, будто могла предотвратить отъезд ребенка.

Но, возможно, все в порядке — мужчины так глупы насчет детей. В любом случае завтра все прояснится.

Настало утро, Гарри не приехал. Заглянул доктор и, как это бывало, порадовал домочадцев сообщением, что пациентке не хуже.

С опасением в сердце Милдред спросила его, когда он видел ребенка, и внимательно всматривалась в его лицо, когда доктор честно ответил, что вчера и что ему решительно лучше.

Когда он должен увидеть его снова?

«Ничего внушающего тревогу, поэтому, возможно, завтра: точно не позже. Ничего срочного — шансы скорее в пользу выздоровления, но, конечно, риски есть, и не будем радоваться раньше времени».

Это заверение так успокоило Милдред, что, когда пробило восемь часов следующего утра, а Гарри Фэрфилд снова не появился, она почувствовала скорее облегчение, чем разочарование.

Два дня спустя доктор Уиллетт доложил о состоянии Элис более уверенно и благосклонно, чем обычно. Его рассказ о мальчике, однако, не был

таким же радостным.

Позднее появился Гарри и поговорил с Милдред.

— Я подумал, понимаешь ли, что свалял дурака, поэтому спокойно поехал туда один на следующий день и убедился, что и впрямь ошибся. Ребенок сильно похудел, румянец исчез, и в основном, когда я его видел раньше, было темно, кормилица держала свечу слишком низко, и тень от его носа ложилась на все лицо. Ты никогда не видела настолько странную обезьяну, какой он казался, и там я придержал язык, но сразу приехал сюда, чтобы мы с тобой объединились и во всем убедились. Но когда я приехал на следующий день и увидел ребенка при свете дня, клянусь, он был в порядке — тот же самый ребенок, это точно. Но он ужасно похудел и сморщился лицом, и только ты не приняла бы его за другого. Доктор осматривает его через день… и я рад слышать, что бедной маленькой Элис лучше. Думаю, скоро она встанет на ноги.

После ухода Гарри приехал доктор Уиллетт с ужасными новостями о ребенке:

— Умирает, бедняжка… Сердце не в порядке, как и все органы, но вы не должны говорить об этом миссис Фэрфилд. Это может стоить ей жизни, ес-

ли она начнет волноваться. Просто скажите, что все хорошо, потому что это правда — он почти на Небесах, и только избранные оказываются там. Поэтому скажите ей, когда она спросит, что его отослали под опеку заботливых людей, чтобы оградить от инфекции, которая поселилась в округе, и не тревожьте ее.

Через несколько дней новости о смерти ребенка дошли до кухни, и Лилли Доггер, которая боялась дать волю эмоциям перед миссис Таили, вскочила и выбежала. Набросив фартук на голову, девочка разразилась рыданиями под огромными старыми деревьями.

Печальную тайну предстояло раскрыть, когда придет время, и оставалось надеяться: бедная Элис будет достаточно сильной, чтобы вынести этот удар.

Снова приехал Гарри и имел непростой разговор с миссис Таили. Доктор, клялся он, не знает свое дело. Женщины в Твайфорде не заботились о ребенке. Ну ничего, он разберется с этим. Они все поплатятся за это. Теперь у Уиверна нет наследника, но будь он проклят, если женится. Ни за что! Этого не произойдет, этого никогда не будет, и больше ни один Фэрфилд не увидит, как наполняют кувшин вином или разжигают

камин в доме.

Гарри поселял некоторые неясности в разговоре со старой Милдред. Но я думаю, что он говорил честно, когда клялся, что никогда не женится. На этот счет он уже все решил.

Что касается остального, его угрозы закончились так же, как начались. По правде сказать, для жалоб не было основания, потому что и кормилица, и доктор выполнили свои обязательства.

Элис понравилась. Я не буду пытаться описать долгую скорбь, которая последовала после этого. Образ усадьбы Карвелл навсегда был связан для нее с приятными, но одновременно горькими воспоминаниями.

Как только она была в силах перенести переезд к леди Уиндейл, настаивавшей на этом, Элис покинула усадьбу. Через некоторое время они вдвоем уехали в путешествие и наконец вернулись в Оултон, где жили вместе в радости и взаимной симпатии. Разница в тридцать пять лет разделила их не больше, чем одно поколе-

ние разделило Наоми и Рут[11]. Леди Уиндейл, будучи одной из тех одаренных женщин, в ком молодой дух ярко горит до самой смерти, полная сочувствия и веселья, романтичная, с приятными чудачествами и непоколебимой привязанностью к той, кто перенес столь катастрофические несчастья, была лучшей из компаньонок. Потому что, помимо всего перечисленного, в ней был шарм долгого и печального опыта, а обращение к религии никоим образом не навязывалось и не восхвалялось, но скорее оттеняло ее мысли и чувства особым возвышенным светом, в котором все печали уменьшаются, но также и прославляются.

[11] Примечания: 11

Моавитянка Рут вышла замуж за еврея, но не приняла веры мужа при его жизни. Когда умер муж Рут, живущий в Моаве, ее свекровь Наоми решила вернуться на свою родину в Израиль. Рут сопровождала ее, отвергая ее советы остаться в Моаве с родными богами и снова выйти замуж. В Израиле Наоми помогает Рут выйти замуж за своего двоюродного брата Боаза. Потомком в третьем поколении от этого брака станет Давид, царь Израиля.

Глава LVI
СТАРЫЙ СКВАЙР ПОКИДАЕТ УИВЕРН

Старики не могут жить вечно. Когда гонец с того света зайдет в Уиверн, старый сквайр должен встать и уйти.

Он не привык сносить болезни, и теперь, когда недуг уложил его в постель, он знал, что ему недолго осталось.

В свою комнату он вызвал юриста, который вел дела поместья, священника и своего сына, Гарри Фэрфилда. Священник быстро ушел, и сквайр приказал юристу огласить завещание, которое попросил принести с собой, и теперь слушал, как тот медленно читает его.

— Тебе есть что сказать на это, сын Гарри?

— Только то, что старое завещание, отец, — ответил Гарри.

— Нет, — покачал головой сквайр.

— Восемь лет без двух месяцев, — пояснил юрист.

— Примерно за этот срок ром становится годным для питья, — резюмировал Генри Фэрфилд

— Что скажешь? Теперь твое время, сын.

— А что я скажу? Домашней птицы и женщин всегда не хватает, так ведь? Восемь лет… С тех пор много чего произошло, и я не понимаю, почему поместье так сильно обременено.

— Уж не имеешь ли ты в виду триста в год для Элис! — воскликнул сквайр.

Его сын промолчал.

— Ну я ничего ей не должен, это правда, но оставлю как есть. Я не ты, Гарри. Уж ты-то сделаешь доброе дело, когда рак на горе свистнет.

— О чем вы шептались со священником? — спросил сквайр у юриста, помолчав.

— О неком иске к его дому, который, как он думал, вы отмените в завещании.

— Я думал об этом, но нет. Отец Небесный строит церкви, и Он же сокрушает их. У нас слишком много священников и слишком много церквей — так ему и передай.

— Какого черта ты заговорил с ним об этом? — гневно спросил Гарри законника, когда они вышли из комнаты.

— Милостивый государь, — начал тот, — мы должны быть честны с клиентами, кроме того, разве вы не помните, что сказал святой отец? Он сказал, что будет здесь завтра в час, чтобы

провести причастие, и он определенно заговорит о доме с вашим отцом.

Ночью сквайру стало хуже, и в голове у него помутилось.

— Скажи этому Мэйбеллу, что в аду нет никого, кроме неблагодарных… Я не буду слушать его проповеди… Да, он будет недоволен.

— Конечно, сэр, — прошептала экономка, глядя на него со своего места у очага.

— Кого он имеет в виду? — спросила сиделка.

— Бог его знает… Старые времена, наверное, — ответила миссис Дардин.

— Стакан разбился. Том, кто устроил тут переполох? — пробормотал сквайр. — Играй, играй… Женщины и вино губят мужчин, смеясь… Да, зажги свечу, мне темно… Кто он, дурак?

— Он думает о Томасе Руке? — спросила сиделка.

— Да, ему всегда нравился Том. Он не представляет Уиверн без Тома, — ответила экономка.

Вскоре сквайр сказал отчетливее и строже:

— Мертвые ничего не должны… Так это епископ…

Да, да… Помни, дьявол не всегда у одной двери… Если бы здесь был священник, он бы дал пощечину… Ты никогда этого не сделаешь.

Дальше он забормотал совсем уж неразборчиво. Наконец настало утро, и Генри Фэрфилд, столько часов находившийся при смерти, неожиданно снова стал самим собой.

Приехал священник, и, чтобы составить маленькую паству, в присутствии которой умирающий сквайр должен был пройти таинство перед долгим путешествием, пришли экономка и угрюмый Джим Хоппер с мельницы по соседству.

— Вы действительно принадлежите англиканской церкви? — тихо спросил священник умирающего.

— Да, а за кого вы меня принимаете?

— Я взял за правило спрашивать об этом, сэр. Несколько раз я находил пресвитериан и других сектантов среди прихожан моей церкви в Ноттингеме, еще до того, как приехать сюда, и я рад слышать такой четкий ответ на мой вопрос, — с изящной серьезностью ответил священник.

— Всяк кулик свое болото хвалит… продолжайте, — сказал сквайр.

После окончания обряда ему понадобился отдых. Примерно через час он позвал Тома Рука.

— Ну, Том, мы долго жили вместе здесь, в Уиверне, ты и я. Но все хорошее когда-нибудь заканчивается, и теперь доктор считает, что мое

время пришло. Я послал за тобой, чтобы пожать тебе руку, Том, и попрощаться.

Том торопливо вытер глаза, и, казалось, морщин на его лице стало больше, чем обычно.

— Ваша милость, вы всегда были добры ко мне…

— Ну же, Том, прекрати плакать. Пенни в кармане — веселая спутница, и я отписал тебе кое-что в завещании… Ты сварил мне много кувшинов пунша, Том, но больше не придется. Я не могу уйти, не попрощавшись и не пожав тебе руку.

После рукопожатия сиделка дала знак Тому уйти.

Интересно, что чувствовал мрачный старик с почти недельной седой щетиной на щеках, когда смотрел, как тихо уходит Томас Рук, не сумевший спрятать слез? Для Тома это было разрушение старого поместья. Наверное, он слишком стар, чтобы жить в новом Уиверне.

— Я никогда не забуду о прошлом и не приму то, что грядет. Да я и сам скоро последую за ним на кладбище Уиверна…

Вот так для Генри Фэрфилда прошел последний день света и первый день смерти.

Дальше были пышные и старомодные похороны, на которых присутствовали все знатные

семьи графства. Собрались соседи и арендаторы, все магазины в городе закрылись.

Мрачный пир закончился, шум стих, и Гарри вступил во власть с серьезностью, ставшей его новой прерогативой.

Старшина Арчдейл преуспевал — он стал советником при «новом режиме». У него было уютное местечко в Уохемптоне, как Гарри и обещал, и из этой отдаленной миссии его частенько вызывали в Уиверн, чтобы посовещаться с молодым сквайром. Я назвал его старшиной, но он больше им не был. Некоторое время назад он ушел из армии и стал просто мистером Арчдейлом. А молодой сквайр вовсе не был молодым.

Глава LVII
МАРДЖОРИ ТРЕВЕЛЬЯН

Для того чтобы пролить свет на природу некоторых обязанностей мистера Арчдейла, мы должны мысленно перенести читателя на некоторое расстояние.

В уединенной местности, примерно в двадцати милях к югу от Твайфорда, в красивом уголке, образованном лесистой низменностью, у старой проселочной дороги на Уохемптон стоял старый коттедж с чердаком и двумя маленькими оконцами, выглядывающими из-под очень крутой соломенной крыши. Высокие узкие фронтоны пересекали черные дубовые балки; они формировали клетку, в пустотах которой наши предки клали камень и гипс. Покатая крыша нависала над маленьким крыльцом; на крыльце стояла скамейка. Другая каменная скамейка была под окном со свинцовым переплетом. Балки, пересекавшие стены, и даже покосившаяся каминная труба казались усохшими и искривленными временем; оно же изогнуло и избороздило дверь и процарапало каменное сиденье и подоконники.

Да что там говорить, дом с его опутанным плющом крыльцом был столь почтенным, что можно было представить, будто в нем Энн Хэтауэй, жена Шекспира, провела свое детство.

Здесь обитала миссис Марджори Тревельян, женщина лет пятидесяти, как по мне, с самым добрым лицом и самым приятным смехом в этой части графства. Несчастливая в браке, она была вполне довольная своим вдовьим статусом. Спокойная, веселая и очень трудолюбивая… У нее была маленькая ферма в три акра и корова. Иногда она пряла, иногда вязала и при любом удобном случае стирала. Во всем она показывала себя исполнительной, веселой и честной.

С ней жил маленький мальчик, сын мистера Генри, — это все, что она знала о его семье. Когда любопытные люди расспрашивали ее, она отвечала, что его отец был купцом, неудачным в делах, что он живет, возможно, в стесненных обстоятельствах или вообще мертв. Наверняка она знала только то, что получает очень скромное пособие на содержание мальчика, которое вовремя выплачивалось вперед на три месяца, и что мальчика зовут Уильям, а его фамилия — Генри, сама она зовет его Эльфом или Принцем, а он зовет ее бабушкой.

Марджори идеализировала славного мальчугана, и он любил ее с нежностью, больше, чем сыновней, щедро даруя ее пожилой женщине.

Мальчик не помнил другого дома, кроме этого, и у него не было другого друга, кроме бабушки. Сейчас ему было немногим больше одиннадцати. Его жизнь была одинокой, но веселой. Разве не было пруда всего в тридцати ярдах от их порога, в котором он отправлял в плавание флотилию кораблей, изготовленных из коры, которую давал ему старый Питер Дердон? Питер был кузеном Марджори Тревельян и жил в деревне в двух милях от них. Он заходил каждое воскресенье и приносил кору в кармане, а также немного свинца, чтобы сделать кили для кораблей. Одевался Питер в синее пальто с раздвоенными фалдами и медными пуговицами; его серые брюки были очень коротки, чулки выцвели до голубого цвета, ботинки — грубые, чиненые-перечиненые, но натертые до блеска. Он носил каштанового цвета парик с длинными и прямыми волосами, его лоб сильно уходил назад, а нос выдавался вперед, и вечная улыбка оттягивала щеки, красные и гладкие, как спелое яблоко. Лицо Питера не было умным — боюсь, даже глупым, — но очень добродушным, и я думаю, что Питер искренне

интересовался подобного рода флотом, так как это было сопоставимо с силой его разума. Когда корабли с бумажными парусами скользили по пруду, мальчик наблюдал за ними с серьезной сосредоточенностью, а восторг Питера выражался непрерывными раскатами смеха.

Такими были большие события в одинокой жизни Эльфа.

У них был набор больших самшитовых чушек или кегель, я полагаю, с шарами, потрепанных и выцветших. Не представляю, как эти кегли оказались в коттедже, но выглядели они лет на сто, не меньше. Частые игры с ними на гладком участке по другую сторону пруда радовали старую Марджори и ее любимца.

В уединении жизнь Уильяма была монашеской и не сказать, чтоб свободной. Но в целом мальчик был очень счастлив.

Глядя на честную Марджори, он никогда не догадывался, что в своем питании, в отличие от его, она придерживалась обязательной экономии. Мясо не часто можно было найти в ее меню. Зато она ставила каждый день тарелку жареного мяса перед своим воспитанником и говорила ему, когда он спрашивал, почему она не ест сама, что просто не любит мясо и что ей его нельзя. Маль-

чик принимал это как несомненную истину, хотя втайне удивлялся и сожалел.

Чаепитие зимними вечерами было очень уютным. Пшеничные лепешки, выпеченные на сковороде, свежее яйцо каждому и чашечка чая из разноцветного фаянсового чайника, черного сбоку от огня. Дверь заперта, окно закрыто, огонь весело пляшет в камине, свеча освещает стол: разве можно быть счастливее? И разве не было «Робинзона Крузо» с почерневшим от времени переплетом, на котором был изображен бородатый герой с суровым лицом, в высокой шапке и платье из козлиной кожи, с мушкетом на одном плече и зонтиком — на другом. О его чудесной жизни рассказывалось причудливым языком времен королевы Анны. И разве не было другого сокровища — фолианта о морских плаваниях вокруг света капитана Кука, коммодора Энсона и других героев. Там были красивые оттиски, показывающие Океанию, вулканы, флотилии каноэ, там были толстогубые злодеи с кольцами в носах и птичьими хвостами, украшающими лбы, а еще священники и чиновники с маленькими белыми носовыми платочками. Само собой, в библиотеке Марджори была Библия и были молитвенники, но гораздо важнее было то, что милая женщина

знала неисчерпаемое количество сказок, которые предварялись стихотворением, напоминавшем мне о детской и далеком голосе — увы, мне больше никогда не услышать его.

Однажды в далекой стране
Жил король с королевой,
Но я не видел их никогда,
Кроме как на картинке.

Начав с этого маленького куплета и призвав к вниманию с помощью восклицания «Слушайте, слушайте, слушайте!», добрая Марджори, вестница чудес, рассказывала о гномах и замках, о феях-крестных и злых волшебницах, о принцах с разбитым сердцем и преследуемых принцессах, о заколдованных дворцах и лесах, где живут страшные звери. Она говорила и говорила, пока маленький мальчик не отправлялся в не менее волнующую страну снов.

Еще одним человеком, близким мальчику, был Том Оранж.

Том Оранж заходил в коттедж иногда раз в три месяца, иногда раз в полгода, и всегда первого числа. Марджори Тревельян всегда радушно его принимала и угощала ломтиками бекона и тем, что оказывалось в ее скромной кладовой. Перед

уходом он завел таинственное правило дарить ей шиллинг, что навсегда должно остаться в тайне между ними, настаивал гость.

Какой могла быть природа его занятий, мальчик не знал и не хотел знать, но Том Оранж был в его глазах идеалом и образцом всего блистательного и будоражащего.

Том был высоковат и худощав, лицо у него было вытянутое и всегда улыбающееся, кроме тех моментов, когда кривилось в гримасе, — в этом искусстве он превосходил почти любого негодяя, о котором я слышал. Одежда и шляпа Тома были потрепанными, и для такого веселого человека он был удивительно беден.

Могу понять мальчишку — навыки Тома Оранжа были бесконечны: он мог танцевать матросский танец с известным жеманством и удалью моряка; он мог вытягивать рот, пока тот не принимал форму, неизвестную физиономистам, и, ловким пальцем выворачивая веки, заставлял зрачки странно дрожать; при этом фокусник издавал звук, похожий на крик галки. Том знал множество комичных песен с припевами и пел их со скоростью, вызывавшей восхищение; некоторые из них были смягчены случайными диалогами несравненного характера и юмора, и

слушатели затаивали дыхание, чтобы не пропустить ни слова. Он мог проглотить столько пенни, сколько ты пожелаешь, и вытащить все под разными углами из своего тела; он мог положить несколько картофелин под шляпу и извлечь их, не касаясь шляпы. Он мог жонглировать тремя мячами и балансировать двумя стульями на подбородке. Да-да!

Короче говоря, его умения, как я и сказал, были необычны и неисчерпаемы, и единственной странностью было то, что такой удивительный гений владел всего несколькими шиллингами и потрепанной одеждой.

Том Оранж был хорош и в кеглях, и в других играх. Также он научил мальчика защищаться и нападать согласно принципам «благородного искусства самообороны». В самом деле, сложно было бы найти более обаятельного компаньона и наставника для мальчишки. Возможно, даже хорошо, что визиты Тома были так редки и кратковременны, насколько позволит судьба. Однако неудивительно, что мальчик ждал его прихода так же, как простодушные юноши из других сельских районов могут ждать развлечения ежегодной ярмарки.

Был лишь один пункт, на который Марджори

была вынуждена наложить запрет для ребенка. Это казалось пустяком, но на деле — гигантским лишением.

— Нет, дорогой, ты не должен разговаривать с другими мальчиками, играть с ними или подходить к ним. Если ты это сделаешь, новые друзья уведут тебя, и я больше никогда тебя не увижу. И что же будет делать бедная бабушка без своего золотца?

Глаза ее наполнялись слезами, мальчик плакал и вдохновенно обнимал Марджори; и маленькая боль уступала место сумасшедшей привязанности к свету привычного: сказкам, горячим лепешкам, свежим яйцам и вкусному чаю.

Однажды ночью Марджори обнаружила, что ее сокровище плачет во сне, и была уверена, что ему снится, как он покидает старый коттедж. Она разбудила его поцелуями, сама плача.

Эти два человека, несмотря на несоответствие возраста, были счастливы в обществе друг друга, и, будь воля каждого, они оставили бы все как есть: не старели бы и не молодели, но просто продолжали жить так вечно.

Глава LVIII
ЗАЧАРОВАННЫЙ САД

Марджори Тревельян была женщиной образованной, и она научила маленького мальчика читать и писать, «знать таблицы и вычислять», как она именовала начальные арифметические действия. Кроме этого было очевидно, что мальчик не брошен на произвол судьбы, что за ним кто-то присматривает и чье-то дружеское, а может, просто добросовестное руководство контролирует его судьбу.

В один из визитов Том Оранж передал Марджори письмо, написанное тем же аккуратным почерком клерка, что и короткие записки, прилагавшиеся к каждому денежному переводу.

Прочитав письмо, она задумалась, а когда Том ушел, сказала воспитаннику:

— Ты будешь обучаться как настоящий джентльмен, мой дорогой. Тебя пока что не отправят в школу на три или четыре года, но мистер Уотон будет заниматься с тобой по два часа каждый вечер, после того как проведет занятия в классах. Ты знаешь его дом — он примерно в

миле от нашего, как раз на полпути в школу.

— Но я же все равно буду жить дома, бабушка? — спросил мальчик тревожно.

— Боже мой, конечно, — ответила она, лучась любовью. — Всего два часа, и, знаешь, все любят мистера Уотона. Завтра я пойду к нему и все узнаю.

Так она и сделала, и установился новый порядок жизни, почти не мешавший старому.

Узкая дорога, по которой мальчик каждый день шагал к дому доктора Уотона и обратно, примерно на полпути делает внезапный поворот. Неудивительно. Дорога эта с небольшими подъемами и спусками проходит через лес, и вдоль нее были разбросаны поросшие мхом серые валуны, такие большие, что они нарушали все правила дорожного строительства. Так вот, за этим поворотом лесок заканчивался, и чуть поодаль вырастала стена, заросшая плющом и очитком, под ней глаз радовали пестрые левкои, а за стеной, за фруктовыми деревьями — сливами, вишнями и грушами, — просматривались верхние окна, покатая крыша и тонкие дымоходы старого дома. В стене были ворота с потертыми желобчатыми пилястрами, такими же древними, как дом и сад. Железную решетку украшали

причудливые арабески из листьев и звезд; за решеткой была крепкая деревянная дверь.

Фруктовые деревья, конечно же, всегда интересны мальчикам, но Уильяма обуревал интерес другого рода, когда он смотрел на дом и высокие деревья позади него, — проходя мимо, он мечтал не только заглянуть в старый сад, но и увидеть его владельцев.

Иногда он слышал голоса. Не раз до него долетали чистый детский смех и сладкий женский голос, обращенный к ребенку.

Однажды вечером, когда Уилли возвращался от мистера Уотона с книгами, перевязанными ремешком, он, как обычно, замедлил шаг, когда оказался у стены сада, и, к своему бесконечному восторгу, обнаружил, что внутренняя деревянная дверь, что раньше надежно препятствовала его любопытству, открыта. Решетка была заперта, но сквозь прутья он наконец-то видел сад. Там было довольно темно, потому что деревья бросали густую тень, тут и там росли розы вперемежку с другими цветами, а к дому вела прямая дорожка, начинавшаяся от узкого мостика, который сразу у входа пересекал ров, чьи некрутые берега заросли щавелем и крапивой. Мальчик увидел ступени, поднимающиеся к двери дома, и угол одного из

окон; остальное скрывала густая листва.

До заката было недалеко, мягкий свет падал по-особому, в ветвях деревьев пели птички — в романтичных глазах мальчика это место было полно тайн и очарования.

Пока Уильям смотрел на темную тропинку, ведущую к дому, вдруг из-за угла внутренней живой изгороди вышел мужчина. Он подошел к воротам, мрачно взглянул на мальчика и молча захлопнул дверь прямо перед его носом.

На этом пока все. Уильям знал, что смотреть в замочную скважину бессмысленно, так как злая судьба поместила ветку шиповника так, что она закрывала вид, и ничего, кроме шоколадного цвета досок и едва угадывающихся роз, было не разглядеть.

Много раз после этого мальчик проходил мимо ворот, но другого такого счастливого случая не подворачивалось.

Наконец однажды вечером он обнаружил, что деревянная дверь снова открыта, и можно было рассмотреть сад сквозь железные прутья решетки.

Уильям увидел очень красивую маленькую девочка с золотистыми волосами. Она стояла на цыпочках и изо всех сил пыталась дотянуться до

яблока палочкой, крепко сжимая ее в тоненьких пальчиках. Заметив его, она задержала на нем большие глаза и приказала:

— Подойди, залезь на дерево и достань мне яблоко!

Сердце Уилли забилось чаще… ничего на снеге ему не хотелось больше этого.

— Но я не могу войти, — сказал он, краснея, — решетка заперта.

— Ох! Я позову маму — она впустит тебя. Ты не знаешь мою маму?

— Нет, я никогда ее не видел, — ответил мальчик.

— Подожди, сейчас я приведу ее. — И девочка ушла.

Первый трепет восторга едва прошел, когда Уилли услышал приближающиеся шаги и голоса, — девочка вернулась, ведя за руку стройную леди, одетую во все черное. Она держала в руке ключ и нежно улыбалась мальчику. У нее было доброе красивое лицо, и он тут же доверился ей.

— Он снова оставил внутреннюю дверь открытой, — сказала леди, приветливо кивнула мальчику, открыла решетку, и он вошел в сад.

— Посмотри на меня, малыш, — сказала леди в черном приятным голосом, закрыв обе двери. Ей

понравилось его лицо с утонченными чертами: Уильям был красивым ребенком, но при этом невероятно застенчивым. Женщина улыбнулась еще добрее, и, приподняв его подбородок кончиками пальцев, сказала:

— Ты сын джентльмена и хорошо одет. Как твоя фамилия?

— Моего отца зовут мистер Генри, — ответил он.

— И куда ты ходишь в школу?

— Я не хожу в школу. Я беру уроки у мистера Уотона в полумиле отсюда.

— Наверное, очень весело играть со сверстниками — крикет и все остальное?

— Мне не разрешают играть с другими детьми.

— Кто тебе не разрешает?

— Мои друзья… — мальчик замешкался.

— А кто твои друзья?

— Я никогда их не видел.

— Вот как! Разве ты не живешь с папой?

— Нет, я живу с Марджори.

— То есть с мамой?

— Ох нет. Моя мама давно умерла.

— Твой папа богат? Почему ты не с ним?

— Он был богат, как говорит бабушка, но обеднел.

— И где же он сейчас?

— Я не знаю, — сказал Уилли, все больше проникаясь к ней доверием. — Бабушка говорит, мои друзья пришлют за мной через три года.

— Ты очень милый мальчик, и я уверена, очень добрый. Мы сейчас будем пить чай, ты должен остаться и выпить чаю с нами.

Уильям держал соломенную шляпу в руках и смотрел в лицо леди, чьи тонкие пальцы нежно лежали на его густых волосах. Она улыбалась, но глаза ее были влажными. Возможно, этот ребенок странным образом был ей интересен.

— Очень вежливо с твоей стороны снять шляпу перед леди, но, пожалуйста, надень ее, потому что я ничем не отличаюсь от тебя. Дульчибелла, — позвала она. — Дульчибелла, наш маленький друг будет пить чай с нами, а пока они с Эми поиграют, и не думай вставать, сиди и отдыхай. — Она махнула рукой, чтобы сдержать попытки старушки, которую, повернув голову, заметил мальчик, встать.

— Ну, дорогая, поиграйте, но так, чтобы я тебя видела, пока твоя мама не вернется, — сказала старушка, обращаясь к девочке. — И тебе не стоит тянуть это огромное перекати-поле — ты не сможешь его сдвинуть и, пытаясь, надорвешь

свою красивую спинку.

С этим наставлениями дети предались игре.

Девочка оказалась властной, но Уилли было приятно, когда им так командуют; он залез на дерево, чтобы сорвать яблоки, потом нарвал левкоев, и тогда она сказала:

— Давай теперь мы поиграем в кегли. Вот ящик, расставь их на дорожке. Да, правильно. Так ты играл, кто тебя научил?

— Бабушка.

— У твоей бабушки есть кегли?

— Да, и намного больше, чем эти.

— Правда? Так бабушка богата?

— Наверное.

— Такая же богатая, как мама?

— Ее сад не такой большой.

— Начинай. Ах-ха! Ты сбил одну, и кто играет лучше тебя?

— Том Оранж. Твоя мама знает Тома Оранжа?

— Наверное, знает. Дульчибелла, мама знает Тома Оранжа?

— Нет, моя дорогая.

— Нет, не знает, — повторила девочка. — А кто он? Что? Не знать Тома Оранжа! Да как такое возможно? И он рассказал об этом чудесном человеке.

— Том Оранж должен прийти выпить чаю с мамой, я скажу ей пригласить его, — решила юная леди.

Дети продолжили игру, потом выпили чаю, и примерно через час мальчик обнаружил, что бредет домой, а в душе его нарастает беспокойство относительно того, что он завел знакомство без позволения бабушки.

У двери коттеджа его встретили добрый голос и улыбка Марджори.

— Здравствуй, золотце, где же ты был, что задержало тебя?

Они обнялись, поцеловались, Уильям рассказал ей все, что случилось, и спросил, плохо ли он поступил.

— Ничуть, дорогой. Это добрая леди и знатная, они подходящая компания для тебя. Видишь, как она угадала благородную кровь по твоему красивому личику. Ты можешь пойти к ним, как она сказала, завтра вечером и можешь ходить так часто, как она будет приглашать, ибо твоим друзьям не понравилось бы только то, что ты дружишь с мальчишками без образования и манер… Такие мальчишки проказничают, и это начало порока, а ты скоро пойдешь в великолепную школу, где учатся только лучшие.

Случайное знакомство стало крепче, и, казалось, с каждой неделей рос интерес леди в черном к прелестному маленькому мальчику, чувствительному, великодушному и умному.

Глава LIX
СТАРЫЙ ДРУГ

Сейчас я опишу события одного вечера, когда мой юный друг играл на ферме Стэнлейк — так *назывался* дом со старым садом, с которым вы уже знакомы.

Небольшой дождь прогнал компанию из сада, и дети играли в кегли в просторном холле, когда к *дому* подъехал джентльмен, спешился и вложил повод в руку грума, сопровождавшего его. Джентльмен был высоким и немного сутулым, в его усах и волосах заметна была проседь. Он вошел в холл с кнутом в руке.

— Привет! Вот и ты… Как ваша *светлость?* — *приветливо* произнес он. — Кегли, боже ты *мой! Браво!* Две сбиты, клянусь! Скажи-ка, моя дорогая, где Элли?

— Мама в гостиной, — ответила юная леди, едва обратив на него внимание. — Теперь твоя очередь, — обратилась она к компаньону.

Гость посмотрел на мальчика и молчал, пока тот не бросил шар.

— Тоже дьявольски хорошо, — похвалил

гость, — почти девять. Чуть-чуть не дотянул. И я не думаю, малышка, что он так же хорош, как ты… Так мама в гостиной? А где гостиная?

— Как будто вы не знаете! Вон там, — девочка небрежно ткнула пальцем. — Теперь моя *очередь.*

Пока в холле продолжалась игра, гость распахнул дверь гостиной и вошел.

— Как поживает мисс Элли?

— Ох, Гарри! Неужели?

— Собственной персоной. Ты не выглядишь довольной, но сегодня у меня для тебя только хорошие новости. На этой недели ты богаче, чем на прошлой.

— Как так, Гарри? Что ты имеешь в виду?

— Ты знаешь об издержках Карвелла — сто сорок фунтов в год, — так вот, с ними покончено. Та старая ведьма мертва — может, ты видела в газете… Берта Вельдекауст. Вы же друг друга недолюбливали, да?

— Ох, Гарри! Гарри! Не надо, — сказала Элис, побледнев, с видимой болью.

— Ну, не буду, не буду. Я не думал, что тебя это расстроит. Ты же знала, каким она была дьяволом… Она умерла в Хокстоне. Я прочитал расследование в «Таймс». Берта постоянно пила.

Думаю, она была немного сумасшедшей и постоянно ссорилась со всеми. Про ее смерть многое говорят. Пишут, что схватили какого-то мужчину за ее убийство и подлог. Но пока не ясно, как все произошло. Кто-то утверждает, что она сошла с ума от выпивки и выбросилась из окна; кто-то говорит, что этот мужчина пришел и ограбил ее… В любом случае была борьба — Берта была очень сильной, ты знаешь, — и, возможно, это он выбросил ее. Ужасно, конечно, потому что она упала на пики ограждения и повисла на них — целых три штуки проткнули ей бок. Она была безумной хитрой лисицей!

— Ох, Гарри! Прошу, не надо! — воскликнула Элис. Казалось, она сейчас лишится чувств.

— Она висела там без возможности вздохнуть, чтобы позвать на помощь, и извиваясь, как червяк, в течение трех часов, как полагают коронеры.

— Ох, Гарри… Прошу, не описывай это, не надо, умоляю. Мне плохо.

— Ну не буду, если ты просишь, только теперь она мертва и лежит в деревянном ящике. Ее доля переходит к тебе: я подумал, что должен сообщить об этом.

— Спасибо, Гарри, — откликнулась Элис очень

тихо.

— Когда ты сюда переехала? — спросил Гарри. — Я узнал только утром.

— Пять недель назад.

— Тебе нравится дом? Не слишком уединенный?

— Я люблю тишину… по крайней мере, сейчас, — ответила она.

— А я думаю жениться… Клянусь, так и есть. Что ты думаешь об этом?

— Правда?!

— Истинная, но это не будет брак по любви. «Принеси что-нибудь с собой, если хочешь жить со мной» — вот мой девиз. Мне нравится одна женщина, она может следить за хозяйством и скорее сэкономит пятьдесят фунтов, чем потратит сто. Как говорится, хорошая жена не разорит богача. Кроме того, я уже немолод. На шестом десятке я должен быть мудр. А что за паренек играет в кегли с Эми в холле?

— О, такой славный мальчик! Фамилия его отца Генри, а мать давно умерла. Он живет с доброй женщиной по имени Марджори Тревельян. Что такое, Гарри?

— Ничего. Прошу прощения. Я думал о другом и не расслышал. Повтори еще раз.

Она повторила.

Гарри зевнул и потянулся:

— На безрыбье и рак рыба. Ну мне пора идти. Я был бы не прочь выпить стаканчик хереса, если ты так настаиваешь, потому что поездка была трудной, а пыль — алчущей.

Закончим визит соответствующим образом, Гарри сел на лошадь и уехал.

Глава LX
ТОМ ОРАНЖ

Маленькая мисс Эми немного простудилась, и чаепитие было перенесено на день.

На следующий вечер после визита Гарри на ферму Стэнлейк Марджори Тревельян временно отсутствовала в деревне, делая скромные покупки, и кто же вдруг появился перед глазами мальчика, когда он оторвал их от флотилии на пруду? Его друг Том Оранж, как всегда, в чудесном приподнятом настроении! Нужно ли говорить, как тепло приветствовал он Тома?

Том спросил о Марджори и воспринял ее временное отсутствие очень добродушно. Потом сказал, что замерз — вечер и впрямь был прохладным, — и предложил зайти в коттедж.

— Как ты думаешь, юноша, когда старая курочка вернется домой?

— Кто?

— Марджори Доу[12].

— А, бабушка…

---

[12] Примечания: 12
Героиня английского детского стишка.

Это прозвище было единственной шуткой мистера Оранжа, которая не нравилась мальчику.

Тут Том прервался на исполнение галки: вывернул веки и задрожал зрачками. Могу сказать, что это могло напоминать галку в геральдике, но никак не было портретом птицы, знакомой нам по естествознанию.

Закончив, он спросил:

— Когда же твоя бабушка будет дома?

— Бабушка ушла в город, и я не думаю, что она прошла больше половины пути обратно.

— Это миля, а три мили в час — ее лучшая скорость, если бы она бежала за фунтом сосисок и новым чепцом. Ох-хох! Увы, несчастливый день. Дома никого, кроме служанки, а служанка ушла в церковь! Я написал Марджори письмо позавчера и должен перечитать его, пока она не вернулась. Где она хранит письма?

— В рабочем ящике на полке.

— Вот то, что мне нужно! — весело произнес Том Оранж, ставя ящик на стол из сосновых досок. Он открыл его и вынул со дна небольшую стопку писем. Беря по одному письму, Том подходил к окну, где позволял себе прочитать их.

Думаю, он был разочарован, так как презрительно засунул письма назад в ящичек в форме

сундука.

Мальчик считал Тома Оранжа истинным другом семьи, таким восхитительными добродетельным, что его нисколько не смутило внимание этого человека к корреспонденции Марджори.

Том вернул ящичек на прежнее место. Потом развлек юного джентльмена смешной песенкой и в конце представления признался, что он «сухой». Подмигнув и подушечкой пальца сдвинув кончик носа влево, этот истинный друг семьи, восхитительный и добродетельный, спросил, знает ли юный Уилли, где миссис Тревельян держит «огненную воду». Наверняка она сильно огорчится, если подумает, что гость так и не выпил до ее возвращения.

— Да, я могу показать, — ответил мальчик.

— Подожди секунду, мой проводник и мой утешитель, — сказал Том Оранж и, встав у двери, убедился, что поблизости никого нет.

Мальчик снял чайную чашку с полки.

— О, не надо сахара, мой герой, я подслащу огненную водичку мыслью о Марджори Доу.

Мальчик повел его в темный закуток у кладовки. Том Оранж, очень довольный, шел почти на цыпочках, с любопытством оглядываясь.

— Вот, — сказал мальчик.

— Где?

— Здесь.

— Что это? — Том поднял брови, так как его юный друг откупорил кувшин с водой.

Добросовестность мальчика и его неискушенность показались Тому комичными, и, добродушно рассмеявшись, он сел в кресло Марджори.

Убедившись в доверительном диалоге, что у Марджори Доу нет заветной бутылочки для утешения, этот приятный малый настолько забыл о своем прежнем желании, что был не прочь налить в чашку воды из кувшина и поговорить с юным джентльменом на разные темы. По ходу разговора, как бы невзначай, он задал ему два топографических вопроса. Первый был:

— Ты когда-нибудь слышал о месте под названием усадьба Карвелл?

И второй похожий:

— Ты когда-нибудь слышал о месте под названием Уиверн?

— Нет.

— Подумай, парень. Ты никогда не слышал, что миссис Тревельян говорит об Уиверне? Или усадьбе Карвелл?

— Нет.

— О, в одной из них растет самый большой гриб,

который я видел в жизни. Он до того большой, что загораживает дверь, и сквайр не может попасть в собственный дом. Этот гриб считается одним из чудес света, даю честное слово джентльмена! И… Коль нет ни выпивки, ни еды, давай-ка сыграем в кегли! И если миссис Тревельян не вернется к концу игры, скажи ей, что мне пришлось идти на мост, так как я собрался повидаться с хромым Биллом Уизершинсом, и что я вернусь сегодня вечером или на худой конец утром.

Игра была сыграна, но Марджори не появилась, и Том Оранж, позабавив своего друга смешной пародией на вывернутые внутрь колени Билла Уизершин-са, ушел, оставив мальчика в восхищенном состоянии.

Понаблюдав за Томом, пока тот не скрылся из виду, мальчик вернулся к своему заброшенному флоту на пруду, а когда Марджори Доу пришла домой, передал сообщение своего обожаемого друга.

Глава LXI
ПОЯВЛЕНИЕ СТАРШИНЫ АРЧДЕЙЛА

Пришло время ужина, но Том Оранж не вернулся. Тьма окутала старый коттедж и тополя около него, мальчик прочитал молитвы под надзором достопочтенной Марджори и отправился в кровать.

Его сон потревожили голоса, звучавшие в комнате. Он открыл глаза и увидел Тома Оранжа, разговаривающего с бабушкой. Том сидел у одного края стола, бабушка — у другого, и его голова, наклонившаяся вперед, оказалась совсем близко к свече с длинным нагаром. Бабушка горько рыдала в фартук и иногда, говоря так тихо, что мальчик не мог расслышать, обращалась к Тому Оранжу.

Какой бы интересной ни была сцена, сон все равно увлек его, и когда он проснулся в следующий раз, Тома уже не было, а бабушка сидела на кровати, рыдая так, будто ее сердце разрывается. Увидев, что он открыл глаза, она сказала:

— Ох, дорогой, родной мой! Мой мальчик, мой

родной, мой благословенный мальчик… мой дорогой! — И прижала его к сердцу.

Уилли помнил подобные переживания, когда два года назад он сильно болел.

— Я не болен, бабушка, правда. Я совсем здоров. — С этими заверениями, убаюканный ласками, он снова уснул.

Утром, к его удивлению, для него была приготовлена воскресная одежда. Старый выцветший саквояж, который, как всегда говорила Марджори, принадлежал лично ему, к немалому удовольствию мальчика стоял, раздутый и запертый, на столике под часами.

На завтрак бабушка приготовила все его любимые лакомства. И маленький ломтик жареного бекона, и свежее яйцо, и горячие лепешки, и чай — роскошный завтрак.

Бабушка сидела очень близко к нему и одной рукой обнимала его. Она была очень бледной. Вроде и пыталась улыбаться его щебету, но глаза были полны слез каждый раз, когда она смотрела на него или слышала его голос.

Время от времени мальчик вопросительно смотрел на нее, и она пыталась улыбнуться своей нежной улыбкой, и кивала, и отпивала немного чая из чашки.

Она пыталась заставить себя съесть завтрак, но не могла.

Когда удивленный мальчик поел, она притянула его к себе.

— Сядь мне на колени, мое золотце, мой красивый мальчик, мой светлый ангел. Ох, дорогой… дорогой-дорогой мой! — Она прижала мальчика к сердцу и рыдала над его плечом, словно ее сердце разрывалось.

Он вспомнил, что она так же плакала, когда доктор сказал, что он вне опасности и непременно поправится.

— Бабушка, — сказал он, целуя ее, — у Эми есть дни рождения — Наверное, сегодня мой день рождения?..

— Нет, дорогой, нет, нет, — рыдала она, целуя его. — Нет, мой дорогой, нет. Ох, нет, не день рождения.

Марджори порывисто встала и принесла ему ботиночки, которые она почистила. Мальчик удивленно надел их, и она зашнуровала их.

Плача, Марджори взяла один из маленьких корабликов, которые плавали в деревянной миске с водой на подоконнике:

— Ты дашь мне один, дорогой, как подарок на память?

— Ох да! Выбери хороший — тот, с золотой бумагой на булавке, он плавает лучше всех.

— И… и… — Марджори горько плакала и не могла продолжить, — и вот маленькая коробочка, куда я сложу их. — Она вытащила кораблики из миски и положила в картонную коробку, которую быстро перевязала. — Это последний день твоей бедной бабули с ее светлым ангелом… потому что твои друзья пришлют за тобой сегодня. Мистер Арчдейл будет здесь через десять минут, и ты пойдешь с ним. Ох, мой драгоценный… свет дома… ты оставишь меня одну.

Мальчик встал и с плачем побежал к ней, чтобы обнять:

— Ох! Нет, нет, нет! Ох! Бабушка, ты не останешься одна, нет!

— Дорогой, ты разбиваешь мне сердце. Что я могу сделать?

— Не отпускай меня. Ох, бабушка, не надо. Ох, ты не можешь, не можешь.

— Но что я могу сделать, дорогой? Ох, дорогой, что я могу сделать?

— Я убегу, бабушка, я убегу. И вернусь, когда они уйдут, и останусь с тобой.

— Ох, боже всемогущий! — воскликнула она. — Он идет. Я вижу его на дороге.

— Спрячь меня, бабушка, спрячь меня в шкафу. Ох, бабушка, не отдавай меня ему!

Мальчик залез в большой шкаф и свернулся между двумя полками. На раздумья был едва ли миг, и, подчиняясь инстинкту отчаянной привязанности и мольбам ребенка, Марджори заперла дверь шкафа и положила ключ в карман.

Потом села. Она поразилась *собственному* мужеству и едва поняла, что сделала.

Прежде чем Марджори успела прийти в себя, *дверь* открылась, и в коттедж вошел бывший старшина Арчдейл. По-военному коротко представившись, он спросил мальчика.

Марджори смотрела прямо в лицо этого внушительного человека, но все же ей казалось, что он исчезает перед ее глазами.

— Где мальчик? — сурово спросил старшина.

Она будто поднимала гору, пытаясь заговорить.

И застыла, выговорив ответ:

— Его здесь нет.

— Где он? — невозмутимо спросил старшина.

— Он убежал, — с трудом произнесла она.

Казалось, старшина совсем исчез, и Марджори подумала, что сейчас упадет в обморок.

Старшина взглянул на стол и увидел, что зав-

тракали двое. И заметил собранный саквояж.

— Хм?

Он осмотрел комнату и сел, невероятно спокойный, обдумывая обескураживающую природу заявления хозяйки. Как это убежал?

Бывший старшина в свое время командовал отрядами по поимке дезертиров и был неплохой *гончей.*

— Мальчик завтракал с вами? — спросил он, кивнув в сторону стола.

Секундное замешательство, Марджори откашлялась и сказала:

— Да.

Арчдейл встал и положил пальцы на чайник.

— Горячий, — произнес он с тем же несгибаемым достоинством.

Марджори было ужасно не по себе.

— Мальчишка не мог уйти далеко. В какую сторону он отправился?

— Выбежал за дверь. Не могу сказать точно.

Бывший старшина мог посчитать ее либо богиней правды, либо самой бесстыдной лгуньей в Англии. По его виду нельзя было сказать, к какому выводу он склоняется.

Холодные серые глаза вновь заскользили по комнате, и снова воцарилось молчание, ужасно

тягостное для нашей хорошей подруги Марджори.

Глава LXII
ПУТЬ НА ФЕРМУ НОУЛТОН

— Я думаю, миссис Тревельян, мальчик в доме. Лучше отдайте его, потому что я не уйду без него. Сколько у вас комнат?

— Три и чердак, сэр.

Старшина встал:

— Сначала я обыщу дом, миссис Тревельян, и, если его здесь нет, я обращусь в полицию и объявлю его в розыск. А если вы каким-то образом причастны к побегу мальчика, я посажу вас в тюрьму. Я должен запереть дверь, но вы можете выйти во двор, если хотите.

— Хорошо, сэр, — ответила Марджори.

В этот момент из шкафа раздался стук и плач:

— Нет! Это не бабушка, это я! Не забирайте бабушку!

— Видите, миссис Тревельян, вы напрасно чините препятствия. Пожалуйста, откройте дверь… или я выломаю ее, — добавил Арчдейл, так как хозяйка дома, очень бледная и дрожащая, колебалась. Стоя прямо, пятки вместе, бывший старшина с невозмутимым лицом протянул руку

и сказал: — Ключ, миссис Тревельян.

В природе всех людей — даже самых упрямых — есть точка, когда за приказом следует подчинение, а в спокойствии Арчдейла было что-то такое, что разжигало инстинкт послушания.

Прятать мальчика дальше было бессмысленно. С ужасной болью в сердце Марджори опустила руку и карман и отдала ключ.

Когда дверь открылась, ребенок забился как можно дальше, в самую глубину шкафа, откуда он видел, как тучная фигура старшины низко наклонилась и как его гладкое лицо всматривается в темноту.

Через пару секунд Арчдейл углядел маленькую фигурку.

— Ну, сэр, вылезайте, — сказал он в приказном тоне и тростью, которую держал в руке, ткнул мальчика в ноги.

— Ох, сэр, ради всего святого! — воскликнула Марджори, вцепившись ему в руку. — Ох, сэр, это самое нежное создание в мире, он сделает все, что ему скажут.

Мальчик уже вылез из шкафа и удивленно всматривался в лицо мужчины, неосознанно морщась от боли, — его еще никто и никогда не бил.

— Если я снова поймаю вас за этим, сэр, всыплю пять дюжин ударов, — сказал старшина. — Это его? — спросил он, касаясь саквояжа тростью.

— Да, сэр.

Арчдейл взял саквояж и взглянул на мальчика — думаю, он хотел заставить его нести поклажу. Но ребенок был худым, а старательно набитый вещами саквояж — слишком тяжелым для него.

— Что-то еще? — спросил старшина.

— Вот… вот, благослови его Господь. — Марджори протянула маленькую коробочку с корабликами. — И это. — Она сунула лепешку, разломанную пополам и завернутую в коричневую бумагу, в карман мальчика. — И это. — Туда же отправились три яблока. — Ах, мой дорогой, мой дорогой, дорогой, дорогой…

Она снова прижала его к сердцу и крепко обняла. Мальчик обхватил добрую женщину за шею, они целовались и плакали, плакали и целовались, и, наконец, Марджори отпустила его. Старшина с тростью под мышкой и саквояжем в одной руке, крепко держа мальчика другой, вышел в дверь.

— Не идите дальше, женщина, — сказал Арчдейл, когда они прошли ярдов двадцать по тропике. — Я сообщу вам, — добавил он, кивнув,

что она могла принять за прощание.

Марджори стояла на небольшом пригорке у боярышника и плакала.

— Я непременно увижу тебя снова. Я пройду босой по всему миру, чтобы увидеть моего красивого мальчика, — кричала она ему вслед, — и я принесу кегли. Я приду, мой дорогой.

Мальчик поворачивался к ней, сколько мог, и махал рукой, по его щекам текли слезы, а когда он скрылся из виду и Марджори, развернувшись, увидела площадку, где ее любимец играл в кегли, а поблизости озерцо, где он пускал флотилию, плач бедной женщины превратился почти в крик.

Она села на каменную скамью под окном — не находила в себе сил зайти в темный коттедж — и выплакалась.

Тем временем Арчдейл и его спутник — или пленник, как вам будет угодно, — продолжали свой путь. Он все еще держал мальчика за запястье, и мальчик тихо плакал всю дорогу.

Когда они дошли до деревушки Мэйпл Уикетс, старшина нанял там мальчишку нести саквояж до Уонинга, в четырех милях дальше, где, как все знают, проезжает карета из Уохемптона в двенадцать тридцать дня.

Старшина был молчалив, ему и в голову не приходило заговорить с мальчиком. Он позволил ему рыдать — не осадил и не утешил, — шел, будто глухой, глядя прямо перед собой.

Наконец новизна обстановки стала влиять на ребенка. Шагая рядом со старшиной, он начал болтать, сначала робко, затем все более свободно.

Первый инстинкт ребенка — доверие, и для Уилли было своего рода утешением болтать о доме, и, конечно, Том Оранж тоже был упомянут с обычным:

— Вы знаете Тома Оранжа?

— А что?

Последовало перечисление достоинств этого веселого человека с многочисленными талантами.

— Мы будем проходить рядом с Уиверном или усадьбой Карвелл? — спросил мальчик, чья память там, где было затронуто воображение, была цепкой.

— А что? — снова спросил старшина, глядя на дорогу.

— Том Оранж сказал, что там растет самый большой в мире гриб и что владелец дома не может попасть внутрь, потому что этот гриб за-

крывает дверь.

— Том Оранж сказал тебе это? — спросил старшина ровным тоном.

И мальчик, предположив, что незнакомый дядька ему не верит, поклялся, что Том — сама правда и он действительно сказал ему это вчера вечером.

Старшина никак не отреагировал, и по его лицу вы бы ни за что не догадались, что он это запомнил и собирается доложить о Томе Оранже куда следует. Я могу упомянуть мимоходом, что примерно три недели спустя Том Оранж будет освобожден от эпизодической службы под началом мистера Арчдейла, против него будет подан иск о краже яблок из сада Уохемптона и других мелких проступках и он предстанет перед судьями, среди которых случайно кажется сквайр Фэрфилд из Уиверна, — тот будет к нему «особо строг» и осудит больше чем на месяц каторжных работ.

Снова воцарилось молчание. Оборвыш с саквояжем шагал впереди, а наш маленький друг с печальным видом и грузом на сердце смотрел по сторонам. Они пересекали пустошь с прекрасным фиолетовым вереском — такой красоты мальчик еще никогда не видел. Старшина отпустил его

запястье, полагая, что пленник не сбежит. Внимание мальчика привлекло озерцо. Он забежал вперед и открыл коробочку с корабликами из коры. Ему было интересно, как они будут плавать здесь. Почему бы не проверить? Мальчик остановился, вытащил кораблик и запустил его, потом второй и третий. Как быстро летели секунды и минуты!

Его вспугнул крик старшины:

— Эй вы, сэр, идите сюда.

Мальчик поднял взгляд. Старшина смотрел на большие серебряные часы, стоя на холмике торфа. Когда мальчик, собрав кораблики, подошел к нему, старшина уже убрал часы, но мальчик успел заметить несколько печатей, свисающих с цепочки на животе. Старшина стоял, поставив пятки вместе и опираясь на трость.

— Отдайте коробку, — сказал он.

Мальчик вложил коробку в его руку. Старшина открыл коробку, повертел один из корабликов в пальцах, а потом выбросил коробку и ее содержимое в вереск.

— Ничего не поднимайте, — приказал он. — Сделайте полшага вправо, — был его следующий приказ. — Потом он скомандовал: — Вытянете руку.

Мальчик удивленно посмотрел на него.

Лицо старшины ничуть не стало злее, оно было таким же — идеально спокойным.

— Вытянете руку, сэр.

Мальчик вытянул руку, и трость со свистом опустилась на его пальцы. И еще раз. Мальчик покраснел от боли, ушибленная рука опустилась.

— Поднимите, сэр.

Последовал следующий удар.

— Вытянете вторую, — приказал старшина, и удары возобновились.

Пальцы кровили, и, кроме боли физической, в душе нарастала боль оскорбления.

Слезы выступили на глазах мальчика — впервые в жизни он плакал от такой боли.

— Идите впереди, — спокойно сказал старшина.

Сжимая и растирая дрожащие руки, мучающийся от боли мальчик шагал по тропинке с еще более горьким чувством отчаяния.

В Уонинг карета приехала с опозданием. Леди, которая сидела в ней, пораженная красотой и печалью маленького мальчика, сказала ему несколько добрых слов и, как ему показалось, отнеслась к нему с нежностью, которая переполнила его сердце: он еле сдерживал подступающие

рыдания. Добрая самаритянка купила кулек печенья «Имбирный орех», совсем немного, и Арчдейл принял угощение. Тут я должен сказать, что лакомство поштучно выдавалось мальчику каждый день с добросовестной аккуратностью старшины, на которого можно было всецело положиться в таких вопросах — он бы не откусил ни кусочка, даже если б рядом не было ни единой души. Думаю, эта черта его характера, как и другие, ценные для военных, помогла ему продвинуться по службе и в итоге стать доверенным лицом Гарри Фэрфилда.

Ферма Ноултон оказалась симпатичным местом. Вокруг росло много деревьев, хотя, пожалуй, они подступали слишком близко к окнам. Дом был маленьким и старым, с небольшим садом, окруженным густой и высокой живой изгородью.

Семья была малочисленной, а если точнее, состояла из двух человек. Мисс Мэри Арчдейл была единственным ребенком старшины, и она была больна, а старшина был вдовцом.

Они вошли в небольшую гостиную, и мальчик сел на стул, указанный старшиной. Арчдейл повесил шляпу на колышек в холле и поставил трость к камину. Потом позвонил в колокольчик.

В комнату вошла пожилая женщина, кухарка. Она казалась испуганной, как и все в присутствии старшины, и тревожно смотрела на хозяина.

— Где мисс Мэри?

— Отхаркивает кровь, сэр.

— Несите ужин, — распорядился Арчдейл.

Мальчик в испуге сидел за столом. Горе не позволяло ему есть, и он отпивал из чашки чай, который был слишком горячим, и ему не хватало молока и сахара. Старшина убрал нагар со свечи, надел очки и принялся просматривать бумаги.

Пока он был занят, в комнату вошла девушка с большими глазами и бледным лицом. Ее волосы были каштановыми и густыми, а рука, которой она придерживала шаль, — очень худой. Робкий и умоляющий взгляд девушки поразил мальчика. Они молча смотрели друг на друга, и он почувствовал, что девушка ему нравится.

Девушка тихо села, не говоря ни слова. Через некоторое время старшина отложил бумаги и взглянул на нее. Большие глаза смотрели на отца с робким ожиданием, но она продолжала молчать.

— Нехорошо?

— Да, сэр.

— Вы регулярно принимали лекарство?

— Да, сэр.

— Утром вам будет лучше.

— Конечно, сэр.

Арчдейл зажег свечу, которая стояла на пристенном столике, и к нему подошла его собака Бион, палевый мопс с черным носом. Впоследствии мальчику ужасно хотелось поиграть с Бионом, познакомиться с ним. Но он не знал, как это воспримут собака и ее хозяин, поэтому так и не решился на знакомство.

Между собакой и старшиной не было ласк. Каждый делал то, что должен был делать по отношению к другому, они понимали друг друга, я полагаю, но признаков любви не наблюдалось.

Когда Арчдейл вышел и закрыл дверь, девушка мило улыбнулась маленькому гостю и протянула руку, чтобы поприветствовать его.

— Я очень рада, что ты здесь. Мне было так одиноко… Не бойся, отец ушел в кабинет: там он играет на органе и вернется без четверти девять. Это через час и три четверти. Слышишь?

Она подняла палец и показала глазами на перегородку, но и без этого мальчик услышал гудение органа через стену.

— Тони раздувает мехи для него.

Тони был мальчиком из работного дома, он

чистил ножи, вилки и обувь и был очень полезен в качестве единственного работника мужского пола в их скромном хозяйстве.

— Сейчас мне плохо — не хватает дыхания для разговора. Раньше я раздувала мехи, но доктора запретили, да я и не могу. Ты должен что-нибудь съесть и выпить еще чаю. Мы ведь станем хорошими друзьями, правда? Я счастлива, что ты появился.

Они много говорили, но Мэри была вынуждена часто останавливаться, чтобы отдышаться.

Мальчик видел, что она очень слаба и неописуемо боится отца. Однако сама Мэри сказала:

— Мой отец очень хороший человек и очень тяжело работает, чтобы заработать денег, но он не любит говорить, поэтому люди его боятся. Он вернется только без четверти девять, чтобы прочесть Библию и молитвы.

Разговор она вела шепотом и время от времени прислушивалась к гулу труб. Маленький мальчик раскрыл ей сердце и горько разрыдался; она тоже заплакала беззвучно. Они стали очень близкими друзьями. Казалось, Мэри понимает его горе. Возможно, в этом они были похожи.

Вошла старуха и унесла чайную посуду. Вскоре пришел старшина, чтобы прочитать главу из

Библии и молитвы.

Глава LXIII
ПРОЩАНИЕ

На ферме Ноултон каждый день был похож на предыдущий. Точно расписанные часы, точно расписанные обязанности — все происходило с полковой точностью. За столом не говорили ни слова, и, пока хозяин был дома, все разговоры, даже в дальних комнатах, велись шепотом.

Наш маленький друг видел мальчика из работного дома за молитвами утром и вечером и иногда сталкивался с ним на лестнице или в коридорах. Они с грустью смотрели друг на друга, но не смели заговорить. Мистер Арчдейл так приказал.

Этот мальчик из работного дома — возможно, неспособный, или же от него требовали слишком многого, — он постоянно навлекал на себя… я не могу сказать неудовольствие хозяина, потому что это слово выражает нечто эмоциональное, в то время как никто не мог быть более спокойным и безразличным, чем его хозяин. Наказание за несделанное обрушивалось на ребенка почти ежедневно, с удручающим однообразием, кото-

рое было так характерно для системы Арчдейла.

В одиннадцать часов спокойный голос старшины звал: «Тони!» — и Тони, возившийся в мастерской, начинал завывать от предчувствий.

— Трость, — говорил хозяин, входя в мастерскую, где стоял наполовину законченный орган, основной и лабиальный регистры, а вокруг него в беспорядке — все остальное: белая стружка, стамески, пилы и банки с клеем.

Вскоре несчастный Тони показывался в гостиной. Мисс Мэри молча смотрела в пол, а сердце нашего маленького друга трепетало над книгой, когда он видел, как худой мальчишка крадется к камину, берет трость и уходит.

Дверь мастерской закрывалась, и холодный голос хозяина был почти неслышен. Зато были слышны размеренные удары тростью и завывания мальчика, превращающиеся в долгий страшный крик: «Ох, сэр, пожалуйста… Ох, сэр, прошу… Ох, мистер Арчдейл, ох, хозяин, прошу, хозяин, пожалуйста…» Иногда это так затягивалось, что Мэри вставала и ходила по комнате, шепча: «Бедный мальчик… Бедный Тони. Ох, боже мой. Господи, да когда же это закончится?» Глаза мальчика, следящие за ней, наполнялись слезами ужаса.

На ферму не приходил учитель, и наш мальчик занимался самостоятельно, а выученное рассказывал мистеру Арчдейлу. Тут не было ничего сложного, и Мэри помогала ему. К тому же ему повезло, что он был смышленым мальчиком с хорошей памятью, а старшина был не тем учителем, кто отличает леность от скуки.

Никто никогда не слышал, чтобы мистер Арчдейл произносил ругательство. Он был холодным и организованным человеком, и, я думаю, самым жестоким, которого я видел в жизни.

У него были довольно резвая лошадь и двуколка, в которой он ездил по делам. И для всего у него были определенные дни и часы, кроме тех случаев, когда он хотел удивить.

Однажды старшина вошел в комнату, где мальчик учил уроки, и, похлопав его по плечу, вложил ему в руку газету. Указав на абзац, он сказал прочитать его и вышел из комнаты.

Это был отчет о процессе против Тома Оранжа, дающий довольно сомнительную характеристику этому удивительному человеку. Нежное сердце мальчика пронзила острая боль, когда он прочитал жестокие слова в адрес старого друга и, что еще хуже, приговор. Он беззвучно плакал, когда вернулся старшина. Суровый мужчина

взял газету и сказал своим страшным, лишенным жизни голосом:

— Вы прочитали?

— Да, сэр.

— И поняли?

— Да, сэр.

— Если я узнаю, что вы говорите о Томе Оранже, я свяжу вас в мастерской и всыплю пять дюжин. — С этим обещанием он спокойно оставил его.

Дети ничего не знают о смерти, и наш маленький друг, который каждую ночь беззвучно плакал в кровати, с разрывающимся сердцем думая о бабушке и прежних счастливых временах, пока не засыпал в темноте, не подозревал, что Мэри умирает. Возможно, она сама думала об этом не больше, чем он, но все остальные говорили об этом.

Эти двое стали большими друзьями. У каждого есть секрет, и Мэри доверила свой маленькому другу, которого послал ей Господь.

Это была старая история — трудный путь настоящей любви. Героем Мэри был Уилли Фэйрлейс. Старшина узнал обо всем и запер свою дочь. Ходили слухи, что он наказал ее с особой жестокостью.

Осмелюсь сказать, Арчдейл гордился красотой дочери и имел амбициозные планы. Он завладел фермой Уилли, Уилли разорился, завербовался в армию и исчез.

Старшина знал людей на почте, и влюбленные не осмеливались переписываться напрямую. Но кузен Уилли, мистер Пэйдж, регулярно получал от него письма, в которых были длинные сообщения для Мэри. И вот наконец-то появился друг, который может передавать ее сообщения, адресованные Уилли, верному мистеру Пэйджу и пересказывать ей сообщения любимого.

После того как ее отец уходил, или когда он работал в мастерской, или играл на органе, Мэри, закутанная в плащ, иногда сидела на грубой скамье под большим ясенем. Торжественные и печальные звуки органа плыли из открытого окна к закатному небу, наполняя воздух величественной гармонией. Мэри слушала тихий шепот мальчика, смотря вдаль и рыдая. Снова и снова, держа его маленькую ручку в своих руках, она просила повторить слова дорогого Уилли Фэйрлейса. Чтобы не пугать своего компаньона, она говорила ему, что чувствует себя лучше, и благодарила его, горько улыбаясь.

Как-то вечером, когда старшина, как всегда,

играл на органе, мальчик стоял в саду и, поливая высохшие клумбы, услышал знакомый смех у живой изгороди, затем прозвучал хорошо знакомый припев на тарабарском языке.

Это был Том Оранж собственной персоной!

Несмотря на опасность, мальчик был в восторге. Он подбежал к изгороди, и через секунду они с Томом болтали.

Вскоре разговор принял серьезный оборот. Далекий гул органа подтверждал, что глаза и острое ухо старшины заняты другим. Убедившись в этом, Том Оранж изложил свой план.

Ни больше ни меньше, мальчик должен был встретиться с Томом у поля там, где растут две ивы, в одиннадцать часов следующего вечера и убежать с ним. Он снова увидит бабушку и окажется в хорошем месте, где будет счастлив, как никогда, и бабушка всегда будет жить с ним, а он, Том, будет заглядывать так часто, как позволят его более важные дела.

— Хорошо, Том, — кивнул мальчик, очень бледный. — Ох, Том, мне так жаль по поводу суда и всей *лжи*, которую они наплели, — что ты был с цыганами и был браконьером. Ох, Том, а бабушка в порядке?

— Да, она неплохо себя чувствует.

— Все мои кораблики остались на пустоши, — вздохнул ребенок. — А как там котеночек Лапочка?

— Отлично, уже научился ловить мышей.

— Том, а сам ты как?

— Лучше не бывает, как я недавно сказал сквайру Гарри Фэрфилду. И запомни: я еще поквитаюсь с ним. — Он указал на дом выставленным большим пальцем.

— Я не слышу орган, Том. Прощай.

Том немедленно исчез, и мальчик продолжил полив.

Тем вечером он впервые жил с огромным секретом в сердце. Но печаль была даже в его надежде на освобождение, когда он взглянул на Мэри и подумал, как ей будет одиноко. Ох, если б бедная Мэри могла пойти с ним! Ну ничего. Однажды они с Томом придут и заберут ее, и Мэри будет жить с ним и бабушкой — они станут одной счастливой семьей.

Мэри не знала, какие мысли одолевают мальчика, когда его печальные честные глаза неотрывно смотрели на нее; она улыбнулась и едва заметно кивнула головой.

Но ему не пришлось огорчать свое нежное сердце: кажущегося дезертирства не случилось

— ничего, что она могла ошибочно принять за предательское пренебрежение. Той ночью, в два часа, Мэри умерла.

За десять минут до этого на крики старой служанки, которая спала в ее комнате, прибежал отец девушки, но мальчик опередил его. Верный друг, он на коленях рыдал у кровати Мэри, держа неподвижную руку, когда старшина, наспех одевшись, вошел и встал у полога, смотря в глубокие глаза дочери. Она была в сознании, но не могла говорить. Последним, что она увидела, были печальные слезинки, собравшиеся в гордых глазах отца и скатившиеся по щекам. Возможно, печальный и удивленный взгляд, которым она ответила на этот знак нежности, поразил старшину и преследовал в дальнейшем. Правая рука девушки вздрогнула, будто она хотела, чтобы он взял ее в знак примирения. С этими незаметными признаками любви, которая могла бы проявить себя, но не проявила, наступила смерть. Беспокойное девичье сердце прекратило биться, и образ Уилли Фэйрлэйса исчез в великой темноте.

Мальчик громко и отчаянно закричал:

— Ох, Мэри, прекрасная Мэри. Ох! Мэри, ты умерла? Ох! Какое горе, какое горе! Ох! Она умерла? Старшина поспешно вытер глаза. Он надеялся,

что никто не видел его секундной слабости. Он глубоко вздохнул и с каменным лицом закрыл прекрасные глаза — Уилли Фэйрлэйс, который сейчас далеко, никогда не забудет их. А мальчик подумал, что маленький рот больше никогда не пожалуется, не вздохнет и не поведает свой печальный рассказ.

— Вам лучше пойти в свою комнату. Идите спать, — сказал старшина, негрубо положив руку на его плечо. — Вы простудитесь. Дайте ему свечу.

Глава LXIV
НОЧНОЙ ПОХОД

На следующий день старшина уехал в двуколке в Уиверн — довольно долгое путешествие, — чтобы доложить сквайру о смерти дочери и получить временное отстранение от дел. Ночь он собирался провести в Хатертоне, чтобы сделать все необходимые распоряжения насчет похорон.

Мне не нужно упоминать, что для всех на ферме Ноултон было большим облегчением, когда он наконец уехал.

Для нашего мальчика это был невыразимо печальный день, и в то же время он был охвачен страхом огромного волнения.

С наступлением вечера мальчик снова вышел в сад в надежде увидеть Тома Оранжа — ему бы не помешало ободрение накануне побега. Но Тома в саду не было. В ветвях пела какая-то птичка, еще цвели поздние цветы, высокие тополя за оградой бросали длинные спокойные тени.

Мальчик вернулся в дом, в одиночку выпил чаю в гостиной и немного поговорил с угрюмой служанкой. Он не мог дождаться назначенного

часа — ему не терпелось увидеть дружелюбное лицо Тома и положить конец тревогам.

Сумерки уступили место ночи, которая не была темной — луна безмятежно освещала все вокруг. Мальчик лег в кровать как обычно. (Служанка забрала свечу и закрыла дверь. Лежа с открытыми глазами, он чутко прислушивался к каждому звуку, сердце его трепетало.

Жесткий распорядок, установленный в доме мистером Арчдейлом, был на руку мальчику. Он слышал, как служанка заперла на засов входную дверь — ровно в тот час, что и всегда. Какое-то время он видел отблеск свечи из окна Тони, но затем и она погасла; его несосто-явшийся друг едва ложился в кровать, сразу засыпал. Красноватое свечение из окна служанки, отблесками ложившееся на можжевельник под ним, вскоре тоже исчезло, и мальчик понял, что старуха легла спать.

Половина одиннадцатого. Служанка уснет через четверть часа, не больше, и начнется его опасное приключение.

Мальчик тихо оделся и открыл окно. Его комната находилась на втором этаже, но он заранее подготовился. Достал из-под матраса веревку, привязал ее к столбику кровати и осторожно

стал спускаться по стене. Веревка была короткой, мальчик несколько секунд повисел на ее конце, собираясь с духом, а потом спрыгнул на землю. Прыжок получился довольно шумным, и собака с другой стороны дома начала злобно лаять. Но все обошлось — несколько минут мальчик полежал неподвижно, и лай прекратился. Убедившись, что кругом тихо, беглец прокрался к лазу в живой изгороди — он знал о нем, — протиснулся и быстро побежал вниз по склону к ивам.

Там и впрямь его ждал Том Оранж; в белом свете луны он казался очень серьезным. Так оно и было. Сам Том считал, что похищение мальчика может обернуться самым опасным предприятием в его жизни, и еще неизвестно, чем все это закончится.

Однако никаких эмоций — он просто сказал мальчику следовать за ним и пустился бегом. Думаю, они пробежали целых три мили, прежде чем Том остановился.

Отдышавшись и став более похожим на себя, он поинтересовался, как его маленький спутник, и спросил, сможет ли он одолеть пятнадцать миль за эту ночь.

Да, несомненно. Сегодня ночью мальчик был готов на что угодно.

— Ну, давай пройдемся немного, чтобы отдышаться, а потом мы снова побежим, — улыбнулся Том.

Они прошли еще четыре мили. Мальчик был уже не так бодр, как в начале. К тому же зарядил дождь с холодным ветром, и приключение уже не казалось безоблачным.

— Ты сделал четыре мили из пятнадцати, перед тобой всего одиннадцать из пятнадцати. Всего ты сделал семь миль. Не так плохо. Ты не устал, юнец? — подмигнул мальчику Том.

— О нет, ничуть.

— Это правильно. Из тебя выйдет хороший солдат. Давай-ка встанем под этой изгородью и немного поедим.

Они перекусили хлебом с солониной, и Том неожиданно сказал:

— А теперь, парень, ты должен сам добраться до Хатертона, потому что меня там знают. Утром там ярмарка, и на дороге люди появятся еще до рассвета. Тебе надо пройти через город, и в миле за ним будет таверна «Джордж». Ее держит миссис Гамфорд, там я тебя встречу.

Том детально расписал ориентиры по пути.

— Выпей это, — сказал он, вынимая из кармана бутылку из-под содовой, полную молока. — А

теперь глоток вот этого, мой герой, чтобы не замерзнуть. — Том поднес Цхляжку с бренди к губам мальчика и заставил его немного отпить. — Вот, положи хлеб в карман на случай, если проголодаешься. Ну пока, и помни, что я сказал.

После часа ходьбы мальчик начал нервничать. Во> можно, ориентиры Тома подвели его, и он начал бояться, что пошел не туда. Еще через полчаса он был уверен, что сбился с пути, и, так как его дух упал, стал замерзать под дождем.

Наконец он вошел в город, но городок этот нисколько не отвечал описанию Хатертона. Улицы были пусты, все двери и окна закрыты, и лишь в немногих местах горели старомодные масляные лампы.

Бесцельно побродив по городу, не решаясь постучать и попросить крова, мальчик сел на лестницу у чей-то двери. Сжался в комочек и вскоре крепко уснул.

Его потрясли за плечо, и он проснулся. Над ним склонился полицейский.

— Ну-ка, убирайся отсюда, — произнес властный голос.

Мальчик еще не до конца проснулся, он смотрел на полицейского и не мог понять, во сне это или наяву.

— Тебе еще раз повторить? — снова потряс его страж порядка, но не сильно. — Ты должен немедленно уйти. Ну же, поживее!

Мальчик встал так быстро, как мог и как позволяли его затекшие конечности. Промокший и бледный, он дрожал под сильным ветром.

Полицейский, серьезный мужчина за пятьдесят, беззлобно посмотрел на ребенка, и сердце его дрогнуло. Он положил руку на плечо беспризорного и сказал:

— Понимаешь, парень, это не место для сна.

— Да, сэр. Я больше так не буду, сэр, простите, пожалуйста.

— Ты замерз и простудишься.

— *Я* больше не буду, сэр…

— Вот что, идем со мной, тут недалеко.

Он привел мальчика к себе домой.

— Погрейся у очага. У моей младшей лихорадка, по этому не могу тебя оставить. Сядь и погрейся.

Он дал мальчику горячего молока и кусок хлеба.

— Не вставай, не нужно. — Думаю, он боялся за свои оловянные ложки. Мало ли что…

Полицейский продержал мальчика почти полчаса и одолжил ему старый мешок без дна, в который можно было завернуться, и приказал

вернуть его утром. Как хотите, но он наверняка подумал, что мальчишка может быть вором. Но он был добрым человеком, а жалость уравновешивает подозрение.

Утром, на рассвете, мальчик вернул мешок и, тысячу раз поблагодарив, снова отправился в Хатертон. Полицейский сказал, что до него еще пять миль.

Примерно в миле от Хатертона, замерзший и промокший мальчик вошел в придорожную пивную, чтобы согреться и немного передохнуть.

У огня три парня пили пиво. Один из них, изредка поглядывавший на мальчика, сказал:

— Как пить дать, этот мальчишка сбежал из школы.

Я не могу описать ужас, охвативший мальчика, когда он услышал эти слова.

Два других парня посмотрели на него, и троица вернулась к разговору. Вскоре худой парень, первым обративший на него внимание, сказал:

— Он точно беглец, этот мальчишка. Мы должны сказать полиции, чтобы его отправили обратно в школу.

— Ну это не наше дело. Может, оставишь его в покое? — возразил румяный толстяк в штанах, заправленных в высокие сапоги, рубахе и крас-

ной жилетке; лицо у него было добродушным.

— Подойди, — сказал худой парень, не отводя от мальчика взгляда.

Мальчик встал и медленно подошел, подчиняясь приказу.

Не могу сказать, что в лице этого парня было что-то недоброжелательное. Просто есть такие люди, которые считают, что они должны действовать с суровой непоколебимостью долга. Но для мальчика в этот момент не было лица более страшного, и единственная надежда оставалось на толстяка. Он бросил на него умоляющий взгляд.

— Да ладно, Айронс, оставь мальчишку в покое, если не хочешь поссориться со мной. Черт меня возьми, ты оставишь его в покое?! Дайте мальцу горячего на завтрак, и поживее, — крикнул он обслуге. — И запишите на мой счет.

Так благодаря доброму самаритянину в высоких сапогах и красном жилете наш герой продолжил свой путь сытым.

Проходя по Хатертону, он машинально заглядывал в окна магазинов и вдруг увидел в отражении стекла нечто такое, что из него чуть не вылетел дух.

В витрине отражалось бесчувственное лицо

старшины.

Мальчик будто прирос к земле, его большие глаза были прикованы к этой ужасной тени. Старшина почти коснулся его плеча, когда наклонился. Но, по счастью, погруженный в свои мысли, он не рассмотрел отражения, которое непременно бы узнал. Птичка, загипнотизированная холодным взглядом змеи, но оставшаяся целой, должно быть, чувствует то же самое, что почувствовал беглец, когда, снимая заклятие, этот ужасный человек пошел, чеканя шаг, дальше по улице. На секунду страх мальчика вернулся, когда Бион, сопровождавший хозяина, узнал его, подошел к ноге, ткнулся в нее носом и завыл.

Все завершилось благополучно. Мальчик быстро развернулся и ушел, собака оставила его в покое и побежала за хозяином.

Эпилог

В трактире «Джордж», что за Хатертоном, мальчик, к своему неописуемому восторгу, наконец-то встретил Тома Оранжа. Он тут же рассказал ему о своем приключении у магазина, и лицо его спасителя потемнело. Том бросил долгий взгляд за окно.

— Ладно, вот что. Немедленно впряги лошадь в экипаж и подай сюда, — обратился мистер Оранж к помощнику трактирщика, сунул руку в карман и достал горсть серебра.

Я не могу вам сказать, какие именно занятия приносили Тому доход, ведь у него не было постоянной работы. Заработки у него не падали, а скорее увеличивались, и я осмелюсь предположить, это были опасные заработки.

Мальчик съел завтрак до того, как добрался до Хатертона, вы же помните. Тем лучше, потому что пережитый страх напрочь лишил его аппетита. Ему не терпелось поскорее убраться отсюда — каждый миг он ожидал увидеть, как старшина подходит к трактиру, чтобы арестовать их с Томом.

Уверен, Том Оранж места себе не находил, пока не был готов одноместный экипаж.

— Ты знаешь сквайра Фэрфилда из Уиверна? — спросила хозяйка трактира, пока они ждали.

— Да, — выдавил Том.

— Слышал новости?

— Какие?

— Вчера ночью в него стреляли браконьеры. Зря он ввязался. Такую работу истинные джентльмены должны поручать лесничим, но они всегда были воинственными, эти Фэрфилды. А теперь сэр Фэрфилд все равно что мертв. Он на попечении доктора Уиллетта и еще одного доктора, у него полный заряд дроби под плечом.

— Вот уж новость… — протянул Том. Он все время смотрел в пол, пока миссис Гамфорд рассказывала о сквайре. — Я слышал, браконьеры здесь суровые. Думаю, в следующий раз сэр Фэрфилд сделает все, чтобы поймать их.

— Как опасно стало жить, — вздохнула миссис Гамфорд.

— Да, чертовски опасно, — согласился Том. — А вот и экипаж. — Садясь в него, он старался выглядеть спокойным.

Всю дорогу мистер Оранж был мрачным и молчаливым.

— Том, куда мы едем? — не выдержал мальчик.

— Все хорошо, — выдавил улыбку Том, — все хорошо, мой юный господин. Мы едем к хорошим друзьям. А теперь скажите: разве я не был вам добрым другом всю вашу жизнь, сэр? По вашим делам Том Оранж прошел много миль, о которых вы не знаете. И где бы вы были, если бы не бедный Том?

— Да, ты прав, Том, и я люблю тебя, Том! — горячо воскликнул мальчик.

— А теперь я забрал вас у этого парня, у мистера Арчдейла, и мне сказали, что я могу быть повешен за это. Ну, это неважно.

— Ох, Том, бедный Том! Ох, нет, нет, нет! — Мальчик обвил шею Тома руками в приступе мучительной привязанности и, несмотря на тряску, стал целовать его, попадая то в щеку, то в бровь, то в подбородок, то в край шляпы, которая в итоге скатилась им под ноги.

— Ну, вот и благодарность, — сказал Том, вытирая глаза. — В конце концов, за принципы есть и награда, и если однажды вы станете великим человеком, вы не забудете бедного Тома Оранжа, который потратил бы последнюю монету и пролил кровь из сердца, без всякой платы, чтобы

услужить вам.

Еще один взрыв эмоций заверил Тома в вечной благодарности мальчика.

— Вам знакомо это место, сэр? — спросил Том, возвращаясь к своей старой манере, когда, сделав поворот, экипаж въехал в открытые ворота и подъехал к дому, где мальчик пил чай с Эми.

Не может быть. Как чудесно! И кто это?.. Бабушка! Стоит у дверей!

Через секунду они обнимались. «О, дорогой…», «Бабушка, бабушка, бабушка…» были их единственными словами, да и то их заглушали рыдания.

Но и это еще не все. Улыбаясь и плача одновременно, к ним шла, протягивая руки, красивая леди в черном. Ее плач превратился в стон, когда, подойдя, она прижала мальчика к сердцу.

— Мой дорогой… Мое дитя, мой благословенный мальчик… Ох, дорогой, я полюбила тебя, как только увидела, и теперь я все знаю.

Мальчик устал. Его путь, включая отклонение от намеченного маршрута, длиною был не меньше тридцати миль, да еще и под дождем. Глаза слипались. Его уложили в кровать и, держа руку бабушки, он крепко уснул.

Элис уже достаточно собрала сведений, чтобы

убедиться в личности мальчика, когда пришло срочное сообщение от умиравшего Гарри. Это побудило ее немедленно поехать в Уиверн, чтобы увидеться с ним по его просьбе. Оставив мальчика на попечение Марджори Тревельян, она отправилась в родовое поместье Фэрфилдов.

Если бы Гарри не знал, что умирает, ни одна сила не заставила бы его рассказать историю, которую он собирался поведать.

Он упрямо настаивал на двух моментах.

Первый: веря, что его брат был женат на Берте Вельдекауст, у него было полное право считать, что его племянник не имеет законных прав на наследство.

Второй: он решил (хотя недавно передумал) никогда не жениться и дать мальчику образование лучше, чем было у него, и в конце концов сделать его наследником Уиверна, выдав за своего незаконнорожденного сына.

Знал ли старшина Арчдейл больше, чем ему сказали, или выяснил что-то позже, этот суровый, бесчувственный человек никогда не говорил. Он изложил только то, что было между ним и Гарри Фэрфилдом. По его словам, ему сказали, что ребенок, который был передан заботам Марджори Тревельян, был незаконнорожденным сыном

мастера Гарри.

Накануне того вечера, когда Милдред Таили побывала в доме в Твайфорде, из работного дома в другой части Англии был взят ребенок с признаками чахотки и помещен там как сын Чарльза Фэрфилда и Элис. Напомню, что Гарри хотел завладеть Уиверном. Истинного сына Чарльза и Элис привезли туда, потому что его надо было забрать от матери, но главное, чтобы произвести подмену. Когда же вопреки всем заверениям безродному ребенку на несколько дней стало лучше и замаячила перспектива, что его примут за наследника Уиверна, это встревожило Гарри. Однако ребенок очень быстро начал слабеть, и когда стало понятно, что его смерть неминуема, Гарри перевел дух, убедившись, что ребенок, которого он увез из усадьбы Карвелл, жив и здоров.

То, что доктор Уиллетт довольно часто видел ребенка в Твайфорде, предотвращало подозрения. Я считаю, что это довольно нелогично, потому что доктор видел ребенка (истинного Фэрфилда) едва ли два раза после его рождения и просто воспринял как должное, что выживший ребенок в Твайфорде — незаконнорожденный сын Гарри.

Тем же вечером Элис вернулась невероятно взволнованная. Трудностей больше не возникло,

и мальчик при наличии достаточных доказательств был признан несомненным наследником Уиверна. Теперь его звали Уильям Генри Фэрфилд, и отныне он был счастлив, как только может быть счастлив смертный. Его маленькая подруга по играм, красивая маленькая девочка, которую удочерила Элис (она была дочерью умершей дальней кузины), выросла в девушку еще более красивую, чем когда была ребенком. Через несколько месяцев Генри станет совершеннолетним, и они поженятся.

Сейчас они живут в Уиверне. Поместье, которое долго было в руках доверенных лиц, теперь освободилось и даже приносит прибыль. Все обещает счастливое и процветающее правление молодому Фэрфилду.

Милдред Таили, уже очень старая, уютно устроилась в усадьбе Карвелл.

Добрая Дульчибелла еще жива. Она чувствует себя счастливой, но ее немного раздражает то, что ее чересчур лелеют. Во всех других отношениях, с учетом прожитых лет, она такая же, как прежде.

Том Оранж, получив очень приятный куш, дарованный теми, кому он служил и кому так помог, предпочел Австралию Старому Свету.

Лежа на смертном одре в Уиверне, Гарри Фэр-

филд с жаром утверждал, что тем парнем с платком на лице, который выстрелил в него, был его хороший знакомый Том Оранж. Том клялся, что он бы подал на Гарри в суд за клевету, будь тот жив. Как бы там ни было, этот эксцентричный гений процветает как владелец большой таверны в Мельбурне, где поют комические и сентиментальные песни, ставят драматические буффонады и подают великолепные почки с пряностями к бренди.

Марджори Тревельян живет в Уиверне, и, я думаю, если бы добрая леди Уиндейл была жива, счастье Элис было бы полным.

Впервые на русском языке — программный роман классика готической прозы Джозефа Шеридана Ле Фаню «Тайна поместья Уиверн». Это история упадка и возрождения мелкодворянской семьи, которой необходимо преодолеть взаимное непонимание и вынужденную бедность, а также разобраться с довлеющим прошлым. Борьба героев за собственное счастье и коварные интриги завистников, полная тягот повседневность и вмешательство в нее почти что сверхъестественных сил, искренность и двуличность — вот антитезы, сталкивающиеся на страницах произведений выдающегося писателя.

«РОМАНТИЧЕСКАЯ ГОТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ РАСЦВЕЛА В XIX ВЕКЕ БЛАГОДАРЯ ТАКИМ АВТОРАМ, КАК ДЖОЗЕФ ШЕРИДАН ЛЕ ФАНЮ, УИЛКИ КОЛЛИНЗ, СЭР ГЕНРИ РАЙДЕР ХАГГАРД, СЭР АРТУР КОНАН ДОЙЛ, ГЕРБЕРТ УЭЛЛС И РОБЕРТ ЛУИС СТИВЕНСОН...»

ГОВАРД ЛАВКРАФТ

«ЛЕ ФАНЮ — ОДИН ИЗ КРУПНЕЙШИХ НОВАТОРОВ „СТРАШНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ", ОКАЗАВШИЙ ОГРОМНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЖАНР».

ДЖЕК САЛЛИВАН, АВТОР КНИГИ «ИЗЫСКАННЫЕ КОШМАРЫ: АНГЛИЙСКИЙ РАССКАЗ О ПРИВИДЕНИЯХ ОТ ЛЕ ФАНЮ ДО БЛЭКВУДА»

ISBN 978-5-386-15131-7

